

The background is a blue-toned illustration of a suspension bridge. Two men are standing on the bridge deck, facing each other. The bridge has large arches and a statue on top. The sky is light blue with some clouds.

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
"В КОНЦЕ ОНИ ОБА УМРУТ"**

**ПЕРВЫЙ, КТО УМРЕТ
В КОНЦЕ**

АДАМ СИЛЬВЕРА

Посвящается

*Для тех, кто был со мной с самого начала. Привет Николе и Дэвиду
Юнам, моим любимым соседям с самым большим сердцем. Они снова и
снова показывают мне, какой должна быть любовь.*

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Канун Отдела Смерти

Все хотят знать, как мы можем предсказать смерть. Скажите мне вот что. Вы просите пилота объяснять аэродинамику перед посадкой в самолет или вы просто летите к месту назначения? Я призываю вас не беспокоиться о том, откуда мы знаем о смертях и вместо этого сосредоточиться на том, как вы проживете свою жизнь. Ваша конечная точка может быть ближе, чем вы думаете.

— Хоакин Роза, создатель Отдела Смерти

Орион Паган

30 июля 2010 г.

Орион Паган

22:10

Отдел Смерти может позвонить в полночь, но это будет не первый раз, когда кто-то скажет мне, что я умру. За последние несколько лет я сражался за свою жизнь из-за серьезного сердечного заболевания, и меня постоянно мучила мысль о том, что я могу умереть, если слишком сильно расслаблюсь. А потом появилась организация под названием Отдел Смерти и заявила, что они могут предсказывать, когда — а не только если — мы умрем. Звучало это как сюжет из моей короткой истории, которую я бы написал. В реальной жизни мне такие удачи никогда не встречались. Но все стало очень реальным очень быстро, когда президент Соединенных Штатов провел пресс-конференцию, на которой представил создателя Отдела Смерти и подтвердил их способность предсказывать наше будущее.

В ту ночь я зарегистрировался в Отдел Смерти. Теперь я просто надеюсь, что не окажусь среди первых, кто получит торжественный звонок о наступлении последнего дня. Если я окажусь среди них, то по крайней мере буду знать, что игра окончена, полагаю. До тех пор я собираюсь наслаждаться жизнью. И начинается это с посещения события, которое случается раз в жизни: премьеры Отдела Смерти.

Отдел Смерти организует множество вечеринок по всей стране, чтобы поднять настроение людям и вовлечь их в эту программу, которая изменит жизнь и смерть, какими мы их знаем. Они уже проводятся во многих местах, таких как Санта-Моника на пирсе в Калифорнии, Миллениум-парк в Чикаго, Национальный музей Военно-воздушных сил Соединенных Штатов в Огайо и Шестая улица в Остине, и многие другие. Конечно, я нахожусь на самой лучшей вечеринке — Таймс-сквер, сердце Нью-Йорка и дом первых офисов Отдела Смерти. Я люблю свой город, но вы никогда не увидите меня на Таймс-сквер в канун Нового года — слишком холодно для всего этого. Но я спокойно тусуюсь здесь в эту

жаркую летнюю ночь для такого исторического момента.

Удивительно, сколько денег Отдел Смерти может вкладывать в рекламу и прочее по всей стране. Или даже только на Таймс-сквер в канун Нового года — слишком холодно для всего этого. Но я спокойно тусуюсь здесь в эту жаркую летнюю ночь для такого исторического момента.

Удивительно, сколько денег Отдел Смерти может вкладывать в рекламу и прочее по всей стране. Или даже только на Таймс-сквер. Эти огромные экраны всегда рекламируют миллион вещей одновременно, начиная от газированных напитков до телешоу и новых веб-адресов, но не сегодня. Каждый экран вместо этого показывает цифровые песочные часы черного цвета на белом фоне. Часы почти полные, сигнализируя о звонках, которые начнутся в полночь. Но это кажется чем-то большим, чем просто песочные часы. Как будто продуктом, который Отдел Смерти продвигает, является само время. Эта маркетинговая стратегия срабатывает, потому что люди выстраиваются в очереди к информационным стойкам, будто новый iPhone поступил в продажу, но все здесь для того, чтобы поговорить с представителями службы поддержки Отдела Смерти.

«Представь себе работать в Отделе Смерти», говорю я.

«Моя лучшая подруга, Далма, отрывает глаза от телефона. «Я бы никогда не смогла.»

«Я серьезно. Каждый звонок как будто спасает кому-то жизнь, но на самом деле нет. Как ты можешь спать по ночам, зная, что все, с кем ты говорил в этот день, умерли?»

«Я знаю, у тебя всегда смерть в голове, Орион, но ты меня убиваешь.»

«У меня смерть в сердце, технически.»

«Боже мой, я тебя ненавижу. Я пойду работать в Отдел Смерти только для того, чтобы тебе позвонить.»

«Не-а, ты не можешь жить без меня.»

Я не говорю ей, что в какой-то момент ей все-таки придется это принять.

Никто не рассчитывает на то, что я проживу еще восемнадцать лет.

Включая Далму, даже если она никогда не признается вслух и всегда будет говорить о том, что мы все будем делать вместе всю жизнь.

Например ее мечты о моей первой подписанной книге, когда я серьезно

займусь публикацией своих очень коротких историй или романа, который я хотел бы написать, если бы только верил, что проживу достаточно долго, чтобы его закончить. Или подбадривать Далму, когда она сотрясает мир технологий. Или шутить над тем, кого мы хотим пригласить на свидания, что кажется невероятным, потому что мы никогда не были настолько смелыми, чтобы заговорить с парнями, которые нам нравятся и/или интересны. Если бы у меня не было этого дурацкого сердца, мы могли бы иметь все это и даже больше.

Мне просто нужно быть реалистом. Я, возможно, не доживу до будущего, но я могу жить сейчас.»

Хотя бывает довольно сложно отгонять мысли о смерти, именно мысли в мозгу, а не в сердце на этот раз — когда какой-то сорокалетний парень проходит мимо нас с плакатом, на котором написано «Отдел Смерти уничтожит Мир». Типа, ладно, он не поклонник Отдела Смерти, но утверждать, что у них есть сила уничтожить мир? Это слишком. Однако он такой не один. С того момента как в начале месяца объявили о создании Отдела Смерти, эти пророки грядущего бедствия не перестают твердить о кипящих океанах, разразившихся штормах, разваливающихся землях и горящих городах. Я понимаю, что апокалиптические и антиутопические романы сейчас в моде, но людям нужно немного расслабиться и успокоиться.

Паниковать из-за смерти каждую минуту — это не самая хорошая жизнь, но множество людей все же постоянно паникуют из-за этого. Поэтому и правда кажется, что конец света на самом деле наступает.

За последние несколько дней количество взломов супермаркетов достигло рекордного уровня, поскольку грабители запасаются консервами, галлонами воды и туалетной бумагой. Происходит слишком много случаев массовых убийств, потому что пожизненное заключение не протянет долго, если мир закончится так быстро, как предсказывают пророки конца света. Но ничто не ударяет сильнее, чем истории о тех, кто покончил с собой, потому что мы неумолимо приближаемся к будущему, в котором слишком много неизвестности. Я был озлоблен, услышав об этих смертях. Как мог Отдел Смерти иметь доступ к этой информации и не предотвратить убийства или не вмешаться в самоубийства? Но, кажется, что такое никогда не предусматривалось. Отдел Смерти утверждает, что они не могут точно определить причину смерти кого-либо, только их

последние дни, чтобы подготовить их к ней. И, к сожалению, как только чье-то имя появляется в их загадочной системе, их судьба высечена в камне — и позднее на их надгробии.

Отдел Смерти может и не знает всего, но они сделают чудеса для моей тревоги. Если я не получу звонка о последнем дне, я буду жить более смело, вместо множества сомнений в каждом своем действии из страха вызвать раздражение своего сердца и спровоцировать сердечный приступ. Меня также больше никогда не застанет врасплох смерть близких. Как это произошло, когда мне было девять лет, мои родители отправились в город на встречу и были убиты, когда самолет влетел в южную башню Всемирного торгового центра. Конечно, у моих родителей тогда не было звонка от Отдела Смерти, но меня всегда преследует мысль о том, как должен был наступить ясный момент, когда они были уверены, что умрут.

Я постоянно бросаюсь в эти душераздирающие мысли, но отбрасываю их назад.

Отдел Смерти даст мне уверенность в том, что мне никогда больше не будет отказано в прощании.

Что ж, шанс произнести прощальные слова.

Я знаю, что у меня нет всего времени в мире, я чувствую это своим сердцем.

Мне нужно жить свои первые — возможно, даже последние дни — пока я могу.

Валентино Принс

Валентино Принс

22:22

Отдел Смерти не может позвонить мне, потому что я не зарегистрирован в их службе. Они и не стали бы звонить, поскольку моя жизнь только начинается.

Я чувствую, будто сегодня я переродился.

Перерождение кажется уместным для человека, который родился и вырос в Финиксе, штат Аризона. Теперь пришло время начать мою жизнь с чистого листа в самом Нью-Йорке. От Долины Солнца к Большому Яблоку. Я мечтал об этом городе так долго, что после того, как я распечатал посадочный талон в аэропорту и увидел PHX → LGA, я расплакался. Этот билет в один конец означал, что мне больше никогда не придется видеть своих родителей. Что я смогу построить новый дом вместе с моей сестрой-близнецом.

Возможно, мне не следовало заказывать место у окна в самолете. Я делал все возможное, чтобы сохранить спокойствие, когда самолет устремился по взлетной полосе и взмыл в небо. Оказалось, что мое усердие было отстойным. Когда здания, дороги и горы все больше уменьшались в глазах, я плакал в облаках. Должен признать, мои соседи в самолете выглядели осуждающими. Это заставило меня еще больше желать, чтобы моя сестра была рядом со мной, как и должно было быть, пока у нее не появилась внезапная рабочая возможность. К счастью, Скарлетт отправится на первом ночном рейсе, чтобы присоединиться ко мне в нашей новой квартире.

Через пять часов, когда Нью-Йорк начал появляться на горизонте, все казалось правильным, даже несмотря на то, что я никогда не ступал на эти земли среди небоскребов и парков. Затем мы приземлились, и я покатиł свои чемоданы прямо к очереди на такси, где все остальные казались мрачными и недовольными ожиданием, но я был так взволнован, наконец, сесть в эти классические желтые такси, которые видел по телевизору и на

рекламных щитах в журналах. Водитель, вероятно, понял, что я никогда раньше не был здесь, потому что я не переставал наблюдать за уличной жизнью. Первый шаг на тротуар показался моментом из фильма, будто камеры должны были вспыхнуть из неоткуда, но на это будет время позже.

С сегодняшнего дня, с этого момента, я могу называть себя жителем Нью-Йорка.

Или, возможно, мне придется подождать, пока мой арендодатель, наконец, поприветствует меня с ключом от моей квартиры, чтобы я мог быть уверен, что меня не обманули, найдя эту студию на Craigslist. Пока я жду, наслаждаюсь своим уголком на Верхнем Ист-Сайде. Прямо рядом есть маленькая пиццерия, которая пытается заманить меня внутрь ароматом чесночных узелков. Гудение машин привлекает мое внимание обратно к улице, где кто-то, годящийся мне в дедушки, кричит в телефон, чтобы его могли слышать поверх музыки, громко звучащей из бара на углу.

Этот город шумный, и мне это нравится.

Интересно, буду ли я когда-нибудь скучать по тишине моего прежнего района.

За моей спиной открывается дверь, и там стоит мужчина, одетый только в белую майку, шорты для баскетбола и тапочки. У него густые усы и редящие черные волосы, и он смотрит на меня с недовольством.

«Ты собираешься войти?» - спрашивает он.

«Привет, я Валентино. Я новый жилец.»

Мужчина указывает на мои чемоданы. «Я вижу.»

«Я жду арендодателя.»

Он кивает, но не уходит. Как будто ждет, пока я войду.

«Вы Фрэнки?» - спрашиваю я.

Он снова кивает.

«Приятно познакомиться», - говорю я.

Он неохотно пожимает мне руку. «Ты собираешься въезжать или как?»

Меня предупреждали, что не каждый житель Нью-Йорка будет добр к мне,

но, возможно, Фрэнки просто устал, так как уже довольно поздно. Я беру свои чемоданы и захожу в здание. Ночь теплая, но как только я оказываюсь внутри, я понимаю, почему Фрэнки одет так, будто собирается взять утреннюю газету в Аризоне. Здесь так жарко, словно я вошел напрямиком в печь пиццерии из соседнего дома. Прихожая узкая, окрашена в горчично-желтый цвет, который не особенно приятен для глаз, но я уважаю такой выбор. В стене встроены стальные почтовые ящики, на полу лежат почтовые пакеты, ожидающие своего хозяина, а мусорное ведро переполнено рекламой, включая листовки от Отдела Смерти. Похоже, многие жильцы этого здания не зарегистрированы для звонков о Последнем дне. Лично я тоже не зарегистрирован, потому что мои родители абсолютные скептики, но эта паранойя - еще одно их наследие, которое я должен оставить позади.

Фрэнки останавливается, поднимаясь на первый лестничный пролет. «Где вторая половина?»

«Вторая половина?»

«Твоя сестра-близнец.»

«О, она прилетит завтра утром.»

Фрэнки продолжает подниматься. «Убедитесь, что если придут еще большие коробки, вы своевременно с ними разберетесь. Таскать все ваши доставки по этим лестницам не пошло на пользу моей спине.»

«Мне так жаль». Мне пришлось отправить некоторые вещи заранее, такие как надувной матрас, одеяла, полотенца, кастрюли и сковородки. Хотя я думаю, что наиболее главный источник его боли в спине - это пять коробок с одеждой, обувью и аксессуарами, которые так же необходимы, как и обеспечение места для сна, пока мой матрас не прибудет во вторник.

«Лифт сломан?»

«Он сломан с тех пор, как мой отец владел этим местом», - говорит Фрэнки.

«Я понял».

Я не уверен, насколько законно рекламировать наличие лифта в здании,

если он служит исключительно декоративной функцией, но я собираюсь воспользоваться этим наилучшим образом. Все эти годы, проведенные в маленьком спортзале в доме моей семьи, готовили меня к такой жизни. Я несу чемоданы, зная, что каждый из них весит около пятидесяти фунтов, так как мне пришлось взвесить их в аэропорту. Фрэнки не предлагает помощи, но это нормально. К третьему этажу я уже вспоминаю, что моя новая квартира находится на шестом этаже. Пот выступает на моей спине, и я уверен, что во всех будущих тренировках я могу пропустить тренировку ног. На самом верху я задыхаюсь, но — на самом деле, никаких "но". Все это, часть посвящения в городе. Ничто не заставляет меня чувствовать себя настоящим жителем Нью-Йорка, как возможность сказать, что я живу на шестом этаже на Верхнем Ист-Сайде.

Никакой церемонии не происходит, когда меня проводят в квартиру 6G. Никакого приветствия внутри, никаких поздравлений с моим первым жильем вдали от дома. Фрэнки просто открывает дверь, и я захожу за ним внутрь, оставив чемоданы в узкой прихожей. Ванная комната находится сразу слева от меня, и хотя я знаю, что буду проводить там часы каждую неделю, занимаясь своими многочисленными процедурами по уходу за кожей лица, меня интересует исследование пространства, где я буду проводить большую часть времени. Деревянный пол скрипит под моими ногами, когда я вхожу в студию. Мои доставленные коробки стоят у левой стены, где я планирую расположить кровать. Есть два окна, выходящих на улицу, и третье над раковиной на кухне, которое позволяет заглянуть в квартиру соседа. Это не проблема. Я куплю шторы на этой неделе.

Однако, самая большая проблема заключается в том, насколько маленькая эта квартира. Скарлетт и я используем деньги, которые наши родители отложили на учебу в колледже, чтобы следовать своим мечтам - моделированию и фотографии, и мы надеемся растянуть их как можно дольше, вот почему выбрали студию.

«На фотографиях онлайн она казалась больше», говорю я.

«Я сделал эти фотографии», - говорит Фрэнки.

«Они были очень красивыми. Вы уверены, что загрузили правильные фотографии для этого объявления? Мы ожидали больше пространства.»

Фрэнки смотрит на меня. «У вас была возможность посетить эту студию перед арендой.»

«Я еще не жил здесь. Я только что приехал.»

«Это не моя проблема. Ты и твоя сестра разделяли матку. Разберетесь.»

Надеюсь, что эта студия расширится, чтобы соответствовать нашим потребностям, как matka нашей матери.

К счастью для Фрэнки, я не конфликтная личность. Нельзя сказать то же самое о Скарлетт, но этот урок он усвоит, когда она придет. С другой стороны, это только моя первая ночь в Нью-Йорке, и уже начинается культовая ссора с моим арендодателем. Это годовая аренда, и я уверен, что к концу у меня будет много историй, которыми я смогу поделиться со всеми новыми друзьями об этом периоде в моей жизни.

Звонок в дверь, и входит молодой мальчик. Я плохо определяю возраст. Ему лет пять, но он очень высокий для своего возраста, или ему десять, но он очень низкий? В нем что-то знакомое, но, честно говоря, не могу понять почему.

Он в пижаме и машет рукой. «Вы наш новый сосед?» - спрашивает он с улыбкой.

«Да. Меня зовут Валентино.»

«Я – Паз.»

«Крутое имя, Паз.»

«Это сокращение от Пазито, но только мама меня так зовет. Мне тоже нравится твое имя.»

Это самое радушное, что я чувствовал сегодня. Прежде чем я успеваю его поблагодарить, я замечаю, что Фрэнки злобно смотрит на Пазу.

«Почему ты не спишь?» - спрашивает Фрэнки.

«Мне страшно из-за Отдела Смерти.»

Фрэнки трет глаза. «Отдела Смерти не существует. Ложись спать.»

Паз начинает плакать. «Ладно, папа». Он медленно приближается к двери, оглядываясь через плечо, как будто ждет, что его отец передумает. Но ничего не происходит. Он уходит по коридору без единого слова. Я действительно хочу остановить Пазу и успокоить его по поводу Отдела Смерти, но подозреваю, что не следует подрывать авторитет Фрэнки перед

ним. Уверен, что появится другой шанс.

«Милый малыш», - говорю я.

Фрэнки не обращает внимания на Паза. Он только кладет два комплекта ключей на кухонный стол. «Большой ключ от вашей квартиры, средний - отнизу, маленький - для почты. Я живу прямо по коридору, но не стучите до девяти утра и после пяти вечера.»

«Понятно. Спасибо большое» - говорю я, но никто не слышит моих слов, потому что Фрэнки уже ушел и закрыл за собой дверь. Квартира не кажется ни больше, ни теплее без Фрэнки, но, к счастью, здесь не так холодно. Я смотрю на время - 22:31 - и хочу созвониться с Скарлетт по FaceTime. Нью-Йорк на три часа опережает Аризону, поэтому я звоню сейчас, надеясь поймать ее, прежде чем она уедет фотографировать большую вечеринку Отдела Смерти, которая происходит в Финиксе. Эта работа позволит оплатить один месяц аренды и оставить достаточно на проезд в поезде и скромные обеды. Я сижу на кухонном столе, ожидая, когда Скарлетт ответит, и замечаю Фрэнки через окно на кухне. Разумеется, квартира, которую я вижу, принадлежит ему. Фрэнки берет пиво из холодильника, и, надеюсь, он скоро уснет, потому что он уже довольно непереносим.

Звонок проходит, и лицо Скарлетт поднимает мне настроение.

«Вал!», Скарлетт ставит свой телефон на раковину в ванной, пока делает макияж. «Ты в нашем новом доме?»

«Да, именно так.»

«Покажи, покажи мне!»

Я переключаю камеру, чтобы показать наше новое пространство. Это занимает немного времени.

«Мне кажется, или...»

«Тебе не кажется. Она меньше, чем обещали.»

«Арендная плата тоже уменьшилась?»

«Арендодатель буквально сказал, что мы справимся, потому что мы разделяли одну матку.»

«Если бы у меня было время перестать наносить тушь, чтобы закатить

глаза, я бы это сделала. Мне через минуту надо уходить. Скажи мне, ты идешь на Таймс-сквер?»

Между выступлением Скарлетт и этой огромной рекламной кампанией, в которую меня взяли, наши мечты мешают нам отмечать День Отдела Смерти вместе. Но это не остановило Скарлетт от попыток заставить меня посетить вечеринку Отдела Смерти на Таймс-сквер.

«Я не знаю, Скар. Разница во времени...»

Скарлетт издает звук сигнала ошибки. «Неправильный ответ. Ты потерял три часа, но не устал. Попробуй еще раз.»

«Мне все равно нужно отдохнуть перед завтрашней съемкой.»

«Ты все равно слишком возбужден, чтобы ложиться спать, Вал. Вместо того чтобы крутиться и вертеться на этом дешевом надувном матрасе, иди и испытай то, что может стать историческим событием или самой большой шуткой, которую когда-либо сыграла с тобой эта страна.»

«Мне бы хотелось увидеть реакцию мамы и папы, если окажется, что Отдел Смерти - это реально.»

«Мне тоже, но я не собираюсь задерживаться, чтобы их сфотографировать.»

«Ты уезжаешь прямо с вечеринки?»

«Конечно. Особенно после того, как они обращались с тобой.»

Я все еще немного в шоке. Это как жгучая боль, которая возникла, когда я разодрал локти и колени, упав во время пробежки. «Я ценю твою поддержку.»

«Я была бы ужасным близнецом - и человеком, - если бы не была на твоей стороне. Но давай не думать о них ни сегодня, ни когда-либо снова. В очень ближайшем будущем мама и папа не смогут не замечать тебя, когда твое лицо появится повсюду по стране, включая их журналы.»

«Держу пари, они отменяют подписку.»

«Это будет значит, что ты победил. Теперь иди на Таймс-сквер, пока не захватил и его.»

Я глубоко вздыхаю, зная, что она права. «Хотелось бы, чтобы ты была

здесь со мной.»

«Я тоже, но на деньги, которые я заработаю сегодня, мы сожем купить места в первом ряду на нашем первом бродвейском шоу.»

«Ты имеешь в виду месячную арендную плату?»

«Мы должны немного жить.»

«Звучит, как будто мы собираемся много тратить.»

«Говоришь так, будто это плохо, Вал.»

«Хорошее замечание.»

Я переехал, потому что жизнь с родителями стала удушливой с тех пор, как я совершил каминг-аут. Они заставляли меня чувствовать себя чужим в своем собственном доме. Я думал, что все изменится, когда я катил свои чемоданы через гостиную. Но они ничего не говорили, даже когда Скарлетт сказала, что это их последний шанс до нашего отъезда в аэропорт. Мама и папа молчали, как будто у них был только один ребенок. Я смотрел на крест на нашей входной двери и молился, чтобы он отвалился, когда с силой захлопнул дверь и оставил это прошлое позади.

Свобода должна быть освобождающей, но это не значит, что она не может быть душераздирающей.

Теперь я собираюсь искать свой собственный путь.

«Держи меня в курсе своей вечеринки,» - говорю я Скарлетт.

Скарлетт берет свою куртку и выключает свет. «Кстати, я должна была уйти пять минут назад. Я люблю тебя.»

«Я люблю тебя так же,» - говорю я, наш любимый оборот, родившийся из нашей близости, как близнецов. «Будь осторожна на дороге.»

«Я всегда осторожна!»

Она всегда ездит безопасно. Чего нельзя сказать о других.

В мае Скарлетт чуть не погибла из-за безрассудного водителя. Мне пришлось представить этот кошмарный мир без нее, чего я не испытывал с тех пор, как родился на две минуты раньше нее. Я больше никогда не смогу существовать без нее. Даже сегодняшний вечер кажется странным, так как она не в Нью-Йорке, но мне спокойно знать, что она жива и

здорова в Финиксе. Я лучше буду на другой стороне галактики, лишь бы она дышала на другом конце вселенной. Хирургическое вмешательство спасло жизнь моей сестры, хотя наши родители утверждают, что всё это Божья воля. В те дни я благодарил врачей и Бога, но в последнее время я борюсь с загадочными силами. В том числе с Отделом Смерти, организацией, которая хочет, чтобы мы доверяли им без реальных доказательств. Часть меня хочет верить, а другая половина на собственном опыте узнала, как вера может обернуться против нас. В отличие от моих родителей, я открыт к изменению своего мнения, чтобы никогда не бояться потерять сестру без всяких предзнаменований. Может быть, мы все узнаем больше через несколько дней.

Благослови тех, кто...

Я останавливаюсь, продолжая переосмысливать всё в своей голове и сердце.

Удачи тем, кто, по сути, будет испытательными кроликами для Отдела Смерти.

Что касается меня, я переродился и мне предстоит многое пережить.

Орион

Орион

22:34

Даже если бы мир готовился к своему концу, это не остановило бы людей продавать вещи.

Столы продавцов на Таймс-сквер обычно слишком туристические для меня, так что мне до лампочки. Магниты с Эмпайр-стейт-билдингом или брелки с такси с моим именем - мне это не нужно. (Не то чтобы кто-то когда-либо вкладывал любовь в производство вещей для Орионов со всего мира). Но хотя прошел всего месяц с тех пор, как Отдел Смерти впервые объявили о своей программе, уличные торговцы не дремлют и производят тематические сувениры: зажигалки Smoke 'Em If You Got' Em; рюмки с черепом; солнцезащитные очки с красными крестами; и много одежды - футболки и шапки. Есть такая классная шапка, которую я соблазнен купить, но я уже ношу свою бейсболку Янкис, которая принадлежала моему отцу, и она всегда на моих кудрявых волосах, когда я гуляю. Я бы не обменял эту бейсболку ни на что в мире. Ладно, это немного преувеличено - не раздумывая, я бы обменял её на здоровое сердце, но вы меня поняли.

«Это даже не смешно,» - говорит Далма, поднимая футболку надписью «*Отдел Смерти до смерти хочет позвонить вам!*»

Так банально, что мне хочется поджечь ее.

«Да, эту я точно не куплю.»

Зато одна футболка привлекает мое внимание. Она белая с надписью "*Happy End Day*", написанной печатным шрифтом на груди. Прикольно, даже если я не верю, что День смерти может быть счастливым. Что в этом такого замечательного - умирать? Но, думаю, это хотя бы вдохновляюще, и я не буду этому противиться. В конечном счете, это будет классный сувенир, и что-то, чем я смогу похвастаться, когда, неизбежно, меня спросят «*Где вы были, когда Отдел Смерти начал свою программу?*», подобно тому, как люди спрашивают «*Где вы были 11*

сентября?»

Надеюсь, что сегодня ничего травмирующего не произойдет.

Мне не нужно еще больше горя в моей жизни.

Я покупаю футболку и надеваю ее поверх своей темно-синей футболки, которую надел с узкими джинсами. Образ с новой футболкой тоже работает.

«Ты что-нибудь нашла?» - спрашиваю Далму.

«Головную боль», - отвечает Далма, снова смотря в свой телефон. «Моя мама не перестает спрашивать что здесь происходит и как мы.»

Наша семья, хотя на самом деле, семья Далмы, поехала в гости к отчиму Флойда в Дейтон, штат Огайо, на неделю, и это первый раз, когда они оставили нас одних. Её мама, Даяна, принимает свою роль моего законного опекуна очень серьезно, особенно чтобы почтить память моей матери, т.е. её лучшей подруги из детства.

«Она просто старается сохранить нас в живых,» - говорю я. «По крайней мере, она позволила нам остаться.»

«Минута молчания для Далии,» - говорит Далма, закрывая глаза.

Мы оплакиваем планы её сводной сестры на каникулы, так как у неё не было выбора, кроме как поехать в гости к своим бабушке и дедушке, которые стары настолько, что могут стать первыми людьми, которым позвонит Отдел Смерти. Мои дедушка и бабушка находятся на Пуэрто-Рико, и мы периодически общаемся через Skype, когда мои двоюродные братья помогают им настроить все это. Я встречался с ними только несколько раз, но для них наше общение много значит, так как я копия своего отца, за исключением глаз, которые как у мамы - карие. Я не поправляю их, когда они ошибочно называют меня Эрнесто. Это имя наполняет сердца, которые давно разбиты с момента смерти моих родителей.

Далма тяжело вздыхает, нарушая тишину. «Мне стало гораздо лучше. Спасибо.»

«По-черт возьми-жалуйста,» - говорю я.

«Давай пришлем маме фотографию, чтобы она знала, что мы живы.»

Далма поворачивается со своим новым iPhone 4 и ищет подходящее освещение среди всех этих сверкающих вывесок Бродвея. Она останавливается, когда находит лучший ракурс с высокими циферблатами на фоне.

Мы прижимаемся друг к другу для фотографии, улыбаясь так, будто отмечаем канун Дня Отдела Смерти. Затем начинается самое интересное - изучение фотографии и рассматривание каждой детали, которую я ненавижу в себе. Далма прекрасна, 10 из 10 с её карими глазами, серебристой тушью, соответствующей помаде, темно-коричневой кожей и черными волосами, заплетенными в пучок. Мои плюсы - это то, что я на голову выше неё, я ростом около шести футов, но в остальном я - такое себе. Мне нравится, что у меня карие глаза, но не понимаю, почему левый всегда немного несимметричен, как будто хочет заснуть. Кудрявые волосы, выпирающие из-под моей кепки, слипаются и завиваются в этой жаре, и это совсем не мило. Мой нос и щеки до сих пор красные от солнечного ожога на прошлой неделе, когда я отдыхал на крыше нашего дома. Я начинаю тянуться за гигиенической помадой, когда замечаю, как обветрилась моя нижняя губа. И несмотря на все комплименты, которые я получаю каждый день о моих выразительных скулах, я все еще клянусь, что выгляжу худым и при смерти, что, наверное, соответствует реальности.

«Тебе не нравится фото,» - говорит Далма. Это даже не вопрос.

«Та ладно, это же только для нас,» - говорю я.

«Мы можем сделать заново, если хочешь.»

«Не-а, все нормально.»

Мы продолжаем двигаться, останавливаясь через десять секунд, чтобы посмотреть розыгрыш, где представитель Отдела Смерти предлагает бесплатные подписки. Если бы очередь не была такой длинной, я бы тоже присоединился, потому что их сервис не дешевый. Женщина выигрывает бесплатный месяц, стоимостью \$275. Вы можете заплатить всего \$20 за один день или \$3,000 за весь год. Мои медицинские счета уже достаточно велики, но мои опекуны все равно вкладываются в ежегодную плату, потому что мое больное сердце точно не даст мне ни дня отдыха. Должно быть, приятно не нуждаться в том, чтобы выложить такую сумму, когда вы собираетесь предпринять что-то очень приключенческое, например,

прыжки с парашютом или сплав по быстрым рекам. *(Вы, вероятно, отказались бы от прыжка из самолета или сплава по бурным водам, если узнаете, что скоро умрете.)*

К сожалению, Отдел Смерти - это еще одна вещь, которую страховка не покрывает. Что, я полагаю, не имеет значения, если у вас тысячи долларов в кармане.

«Ты читала ту статью о людях, которые хотят платиновые подписки?» - спрашиваю Далму.

«Нет, я хочу это знать?»

«Скорее, хочешь ли ты ударить кого-то в лицо?»

«Нет, но порази меня.»

«Некоторые богатые придурки настаивали на том, чтобы у Отдела Смерти был платиновый уровень подписки, в которой операторы звонили бы им перед тем, как кто-либо другой умрет.

Далма останавливается как вкопанная. «Именно из-за богатых мы не можем иметь хороших вещей.»

Тем временем Даяна и Флойд инвестируют пятнадцать тысяч своих сбережений на годовые членства для всех в доме, не жадничая на то, как быстро придет предупреждение о смерти, лишь бы оно пришло вовремя, прежде чем кто-то из нас умрет.

Я перестаю смотреть на розыгрыш, увидев, как кто-то разочарованно получает бесплатную подписку всего на один день. Кажется, они надеялись на большее, возможно, они не могут себе позволить одну из более дорогих подписок. В этом мире так много вещей, которые я бы хотел, чтобы были бесплатными, и я добавляю Отдел Смерти в этот список. Здесь ставятся на кон жизни людей.

«Далма и я продолжаем двигаться и останавливаемся у новых красных стеклянных скамеек, которые восходят как ступени, создавая на Таймс-сквер урбанистическую атмосферу амфитеатра для тех, кто хочет отдохнуть в этом суетливом городе. Здесь полный зал, и на небольшой сцене выступает женщина. Сначала я думаю, что она представляет Отдел Смерти, потому что она говорит о том, как ожидает, что их услуги изменят многое. Я замечаю табличку в форме буквы "А", такую же, как та, что

стоит у парикмахерской, где мне делают стрижку, но здесь она не призывает вас зайти внутрь, чтобы получить укладку, которая заставит вас почувствовать себя хорошо. На ней написано: «*Расскажи свою историю смерти*». Эта женщина не представитель компании, она рассказывает о том, почему она зарегистрировалась. Когда она заканчивает делиться своими впечатлениями о болезни серповидноклеточной анемии, настоящий представитель Отдела Смерти, стоящий за столом, выбирает имя из стеклянной чаши и приглашает девушку по имени Мерседес на сцену, чтобы рассказать свою историю.

В течение многих лет я мечтал о том, каково было бы читать свои произведения в книжном магазине, наполненном незнакомцами, которые хотят услышать мою историю. Конечно, я бы хотел, чтобы мои друзья тоже были там, так как они практически обязаны появиться. Есть что-то волшебное в том, что мои слова собирают людей в одном месте. Но я не думаю, что мне удастся прожить достаточно долго, чтобы опубликовать свою книгу - роман, рассказы или самую тонкую автобиографию в мире. Но это не означает, что сегодня вечером у меня нет шанса рассказать свою историю этой аудитории.

Я подхожу к представителю Отдела Смерти, пишу своё имя и кладу в стеклянную чашу.

Это одна из тех первых историй, которые могут превратиться в последние.

Валентино

Валентино

23:09

Google карты, наверное, посмеялась надо мной, когда я попросил построить мне самый быстрый маршрут к Таймс-Сквер.

Нью-Йорк известен своим удобным транспортом, но в канун Отдела Смерти это настоящий хаос, особенно в Манхэттене. Я мог бы сесть на поезд №6 и пересесть на какой-нибудь шаттл, но это заняло бы целый час. Я не смог найти никаких автобусов в центр города, поэтому решил, что лучше всего для меня будет воспользоваться такси. Я пошел в общем направлении, поднимая руку к проезжающим машинам, как видел в фильмах о Нью-Йорке, но, должно быть, делал это неправильно, потому что никто не остановился. Затем, на полпути туда, я понял, что единственный и лучший способ добраться к месту назначения — это идти пешком.

Это я и делаю и, не буду врать, я бы рад попробовать путешествие на метро, но если бы я выбрал это, мне не довелось бы насладиться всеми этими красивыми видами. Я прошел по Пятой авеню, прошел мимо входа в Центральный зоопарк, увидел знаменитый отель "Plaza" и Рокфеллер-центр, который обязательно посетю в декабре, чтобы увидеть огромную рождественскую ёлку. Мне было очень интересно увидеть так много культовых зданий в реальной жизни, но также было одиноко. Я с нетерпением жду, когда смогу делить все это с Скарлетт и всеми новыми друзьями, которых мы заведем со временем. Уверен, что буду смотреть на всё иначе.

Перспектива - это всё. Когда я занимаюсь моделингом, я остаюсь самым собой, но то, как я выгляжу, зависит от того, кто стоит за камерой. Некоторые фотографии находят мои сильные и выгодные углы. Другие - нет. Какие кадры я предпочитаю лично, в конечном счете зависит от моей перспективы. Но и перспективы меняются со временем - годы, месяцы, недели, дни, часы, даже минуты. Ранее днем, хотя, я полагаю, технически уже вечером, пересекая часовые пояса, я был уверен, что нет ничего

прекраснее, чем быть на том самолете и наблюдать, как Нью-Йорк становится ближе. Я ошибался. Нет ничего прекраснее, чем мои первые взгляды на Таймс Сквер.

В небе все, что находится внизу, кажется миром для насекомых.

На улицах я сам становлюсь насекомым.

Здания высокие, и я откидываю голову назад, как делаю это во время работы моделью, потому что мне нравится, как выделяется моя "яблочко Адама" (кадык) и как вытягивается моя длинная шея. Но сейчас это не для того, чтобы выглядеть хорошо. Это для того, чтобы наслаждаться красотой вокруг меня.

Я уже давно перестал делать фотографии, потому что камеры на мобильных телефонах не передают достоинства этого города. Скарлетт прибудет утром, и мы сможем использовать её настоящую камеру для документирования нашей новой жизни.

Первый шаг на Таймс Сквер был ошеломляющим, признаюсь, потому что здесь с каждого угла бьет жизнь. Кто-то пытается мне продать пиратские DVD фильмов, которые только что появились в кинотеатрах. Магазины и рестораны так близко друг к другу, что я даже не знаю, с чего начать. Я записываю быстрое видео часов Отдела Смерти на мега-экране для Скарлетт, хотя мы, вероятно, позже найдем более качественное видео на YouTube. Мое внимание отвлекают двое мужчин, толкающих друг друга, один из них настаивает, чтобы они решили свои долги наличными до того, как мир начнет заканчиваться завтра; он один из этих людей. Невероятно, что я сбежал от всех этих теоретиков заговоров, а здесь, на Таймс Сквер, сразу же нашел одного, но в этом и есть прелесть этого города, верно? Нью-Йорк - это мировой центр, сюда съезжаются люди со всего света, в том числе аризонские модели, желающие взлететь в жизни и видеть свои лица на этих рекламных щитах, которые смогут видеть все.

Я продолжаю двигаться в глубину Сквера - так его называют нью-йоркцы? Мне нужно будет это узнать. Я прохожу мимо человека в костюме Железного Человека, который разговаривает с кем-то, кто почти одет в Элмо, голова которого лежит на земле, как отрубленная, а женщина курит сигарету. Я уже полюбил этот город всем сердцем. Не могу удержаться, чтобы не сделать для Скарлетт снимок этого зрелища, вдруг больше этого не увижу.

Я продолжаю и иду на какую-то сцену, где стоит подросток. Сначала я ожидаю, что он запоеет в микрофон, но вместо этого он говорит о страшной печали, связанной с аневризмами мозга в его семье и страхе умереть таким же образом. Это гораздо серьезнее, чем я ожидал на празднике, который был представлен как праздник жизни, но потом замечаю табличку, на которой написано "Расскажи свою историю смерти", и все становится ясно. Эта сцена предназначена для людей, рассказывающих о том, как этот сервис изменит их жизнь.

Не повредит послушать, почему люди верят в Отдел Смерти.

На этих красных стеклянных трибунах уже нет свободных мест, но я не против и постоять. Есть стоячее место рядом с красивой чернокожей девушкой с невероятным стилем и милым белым парнем, у которого кудрявые волосы выглядывают из-под бейсболки. Парень, похоже, с трудом держит себя в руках, вытирая слёзы с щек.

Он, должно быть, имеет огромное сердце.

Орион

Орион

23:17

Эти истории смерти разбивают мое сердце.

(Еще сильнее.)

Но я не могу перестать слушать, даже когда чувствую, что меня рвут на части изнутри: невеста погибла в аварии на лимузине в пути на свою свадьбу; ребенок утонул в ванной после того, как ее старший брат остался за захлопнувшейся дверью и не мог вернуться в дом после выноса мусора; лучшая подруга девочки была убита ножом в день ее дня рождения, навсегда запятнав этот день; жена и ребенок пожилого мужчины умерли во время осложненной беременности, и хотя Отдел Смерти не могли предсказать судьбу плода, мужчина все равно мог бы подготовиться к этой огромной пустоте в своем сердце; а также была девочка, как и я, которая осталась сиротой, когда ее родители погибли в торнадо.

«У нас есть время для еще одной истории», - говорит представительница Отдела Смерти. На вид ей около двадцати лет, и у нее вайб молодого учителя, будто готовится объявить о последнем выступлении студента в этот день. Она протягивает руку в стеклянную чашу, чтобы вытащить имя.

Оно должно быть мое.

Оно обязано быть моим, это мой единственный шанс рассказать свою историю...

«Линкольн», - зовет представительница Отдела Смерти.

Мальчик спускается со стеклянных красных скамеек, очень осторожно, словно боится споткнуться, упасть и умереть, прежде чем сможет рассказать свою историю.

Прежде, чем его история пройдет мимо, как моя.

Линкольн доходит до микрофона в целостности и сохранности и рассказывает нам о своем диагнозе рака, указывая на свою мать и сестру в аудитории и

о том, что Отдел Смерти дадут им возможность не сопротивляться неизбежному, если таковая судьба ждет его.

У меня не так все плохо, как у него, но я понимаю, каково это — хотеть выбраться из этой борьбы.

Затем его история заканчивается. Представительница Отдела Смерти благодарит аудиторию за время и охранник сопровождает ее. И все продолжают свою жизнь — свою действительно трудную, сложную жизнь.

«Прости», - говорит Далма.

«За что?»

«За то, что тебя не выбрали.»

Я не говорил прямо, насколько сильно этого хотел, но моя лучшая подруга понимает меня.

«Все хорошо», - лгу я.

Я смотрю на цифровые песочные часы на больших экранах, наблюдаю, как песок, то есть маленькие черные блоки, заполняют нижнюю часть. Пока высокий парень - наверняка моего возраста, у меня хороший глаз на это, - проходит мимо и разрушает моё внимание. И я действительно теряю сосредоточенность, потому что он красив, и я не могу не смотреть на него, когда он садится на дальний угол стеклянной скамьи и смотрит на песочные часы, как на звёзды.

Я хочу знать его историю так же сильно, как хотел рассказать свою.

Моё сердце забивается от этой мысли; интересно, как притяжение к кому-то может быть таким захватывающим и опасным, будто он может быть одновременно и всем хорошим, и всем плохим для меня.

Я не могу определить цвет его глаз, но черт возьми, как я хочу это знать.

Он бледный, но может быть и достаточно "белым" внешне, как и я. Я думаю, что мы одного роста, если не обращать внимание на его тёмные, небрежно уложенные волосы или классические "Timbs", придающие ему небольшую дополнительную высоту.

Он безусловно подкаченный: широкие плечи, толстая шея, такие руки, которые обеспечат ему победу в любом поединке по армрестлингу, и

грудные мышцы, которым, должно быть, тесно в его обтягивающей черной футболке с V-образным вырезом.

«Земля вызывает Ориона» - восклицает Далма, щёлкая пальцами. - «Что ты... Ох.»

«Да. Клянусь, он точно модель.»

«Ты постоянно клянёшься, что все симпатичные ребята – модели.»

«И когда я ошибаюсь - каждый раз это преступление перед обществом.»

Я отрываю свой взгляд от него, хотя мне действительно, действительно, действительно, действительно хочется продолжать смотреть. Черт побери, я слабак. Не проходит и секунды, как я снова бросаю на него взгляд, наполовину надеясь, что он не заметит, как я пялюсь, и наполовину надеясь, что заметит. Но для чего - вдруг он даже не интересуется парнями, хотя я всегда рад завести новых друзей, особенно когда Далма начнёт проводить безумно много времени в колледже Хантер этой осенью. Но я не знаю, смогу ли вращаться вокруг такого красивого парня и не влюбиться, не остаться влюблённым и не умереть в этой любви.

Судя по моей удаче, он турист и натурал, которого я больше никогда не увижу.

Но, возможно, и нет. Я не экстрасенс, я ничего не могу исключать.

«Мне следует поздороваться с ним.»

«Мне нравится твой настрой, О-Бро, но ты случайно не думаешь своим членом?»

«Думаю, я слушаю своё сердце?»

«Тоже не совсем надёжный источник.»

«У меня хорошее предчувствие относительно него. Он не кажется таким, будто сейчас последний раз наслаждается видами города, перед тем как провести остаток своих дней в подземном бункере, или собирается начать убийственную резню, просто так.»

«У тебя такие низкие стандарты для парней.»

«А ты ведь должна быть моим мотиватором.»

«Совершенно верно. Если ты действительно чувствуешь к этому парню что-то особенное, то иди лови момент.»

Я начинаю поворачиваться, но тут же возвращаюсь обратно.

Столько раз за эти годы я влюблялся в кого-то в городе - в "Dave & Buster's", в Центральном парке, в книжном магазине "Barnes & Noble", на линии метро №5, но я никогда не знал, как перейти от фантазии к реальности. Даже когда я лично знал кого-то, например, пару парней в старшей школе, я не мог действовать, потому что никому, кроме Далмы, не рассказал о своей сексуальной ориентации, пока не закончил школу месяц назад.

Даже после того, как я совершил каминг-аут, я все еще не знаю, как поступать.

«Что мне черт побери говорить?» - спрашиваю я.

«Говори от сердца», - говорит Далма. «А не от своего члена.»

«Говорить от сердца, а не от своего члена, говорить от сердца, а не от своего члена», - бормочу я словно мантру.

Я не хочу упустить свой шанс сказать ему "*привет*", вероятность увидеть его снова в Нью-Йорке будет такой же мала, как... я не знаю, некое огромное число, которое невозможно посчитать даже за несколько дней.

«Я справлюсь», - говорю я с нулевой уверенностью.

«Да, справишься», - говорит Далма с нулевой убедительностью.

Я двигаюсь вперед, на каждом шагу придумывая вопросы, чтобы задать ему:

Откуда ты родом?

Ты здесь с кем-нибудь?

Ты похож на Кларка Кента.

Ты когда-нибудь одевался как Супермен?

Ты интересуешься парнями?

О, ты натурал? У тебя есть брат-близнец, который интересуется парнями?

И внезапно я уже стою возле него. Его глаза - ледяного голубого цвета, заставляющие меня резко втянуть холодный воздух. На первый взгляд я ожидаю, что он испугается, как я однажды, когда вышел из магазина и обнаружил какого-то белого чувака, угрожающе стоящего передо мной и требующего отдать деньги и конфеты. (Я ушёл домой без денег и конфет.) Но этот парень не кажется испуганным. Его губы, имеющие форму сердца, раздвигаются в улыбку, и я вспыхиваю, словно спичка, зажигающая бумагу.

«Привет», - говорит он.

«Привет», - повторяю я, словно он учит меня новому языку.

«Как дела?»

Он не должен вести разговор, это я подошел к нему.

«Дела идут хорошо, хотя, насколько хорошо вообще могут идти дела перед концом света», - говорю я. Потом осознаю, что разговор может прекратиться еще до того, как начнется, если я не проясню, что не считаю, что в полночь начнется конец света. «Не то чтобы я думаю, что все мы сейчас умрем. Конечно, некоторые люди должны умереть, к сожалению, да, трагически... но я не думаю, что вся планета взорвется, разрушится, начнется всемирный потоп или что-то в этом роде.» Я пытаюсь глубоко вздохнуть, но кажется, что моё тело отказывается принимать воздух, чтобы я мог на секунду успокоиться. По какой-то таинственной причине этот парень не убежал. «В общем, я подошел сюда, потому что видел, что ты смотрел на песочные часы, и я подумал, может, ты тоже задумываешься обо всем этом безумии с Отделом Смерти», - говорю я.

Он снова смотрит на экран, еще одна минута прошла, хотя мне кажется, что мне потребовалось тысячи лет, чтобы добраться до сути.

«Определенно думаю об Отделе Смерти. И о жизни.»

«Теперь-то это одно и то же, верно?»

«Похоже на то.» Он встает, и его глаза снова встречаются с моими. «Меня зовут Валентино, кстати.»

Черт, это имя ему подходит. Не знаю, что я этим имею в виду, но я на сто процентов прав, и я побью любого, кто скажет обратное. Хотя, конечно, я бы наверняка проиграл в этой драке, потому что у меня нулевой опыт в

драках, но я бы дрался и дрался бы в этой драке, несмотря ни на что.

«Меня зовут Орион.»

«Это так смешно, ты буквально пятый Орион, которого я знаю.»

«Правда?»

Валентино улыбается. « На самом деле нет.»

Вау, вот я дурак. «Я слишком наивный, ты не можешь так играть со мной.»

«Ахахах, извини! Ты первый Орион, которого я знаю», - говорит Валентино. «Честно.»

Вот серьезно, моё имя с его уст словно огонь по моем лице, словно солнечный ожог. И от такой близости к нему у меня все внутри сжимается, словно все мои сердечные вены душат моё сердце, потому что оно им должно деньги. Но Валентино кажется совершенно спокойным, сомневаюсь, что я его чем-то сильно встревожил. Я бросаю быстрый взгляд на него, нижняя губы напоминает мне, что мои губы сухие, поэтому я беру мой бальзам для губ, чтобы это исправить. Он следит за тем, как я наношу его на губы, и, наверное, думает, что я готовлюсь к поцелую, что я и имею в виду, ладно нет, но, с другой стороны, я бы совсем не против такого поцелуя.

Ого, может быть, я действительно думаю только своим членом.

А еще я постоянноставляю себя дураком.

Мне сейчас нельзя оставаться наедине с Валентино.

«Далма!» - машу рукой, и она моментально приходит на помощь. «Далма, это Валентино.»

«Привет», - говорит Далма, пожимая ему руку; даже я не успел пожать его руку.

«Приятно познакомиться», - говорит Валентино. «Твой парень здесь...»

«Нет, нет, нет», - прерывает Далма. Глубокий вдох, затем: «Нет, нет, и еще раз нет».

Я смотрю на нее и слегка - ну, больше чем слегка - обижен, насколько долго она жила в этих нет-нет-нетах. «Ладно, успокойся, я тоже не

пытаюсь с тобой встречаться.»

«Он почти как мой младший брат,» - говорит Далма.

«Младше на два месяца», - говорю я.

«Как будто мир не мог погибнуть за те два месяца, что тебе понадобилось родиться.»

«Ты всегда это говоришь, будто пытаешься меня убить.»

Я не понимаю, стоит ли нам соревноваться за Валентино? Нам обоим по восемнадцать лет, а не по восемь, но я увидел его первым, сказал ему "привет" первым, первым сделал из себя идиота. Я первым должен увидеть, к чему все это приведет.

К счастью, он не кажется полностью отвернувшимся от нас.

«У вас действительно забавные типичные ссоры, как у братьев и сестер», - говорит Валентино, не преподнося в этом никакой осуждающей ноты. «У меня такое же с моим близнецом.»

Черт возьми, их двое.

То есть, я начинаю думать, может быть, я уже умер и перешёл в загробную жизнь, где есть два Валентино. Может быть, Далма и я даже не будем соревноваться - мы оба можем забрать по одному Валентино домой и жить счастливо.

Но подожди, я слишком вперед забегаю.

Брат или сестра-близнец?» - спрашиваю я.

«Сестра», - отвечает Валентино, что означает, что борьба за его сердце продолжается.

Где она?» - спрашиваю я.

«Скарлетт находится дома в Аризоне.»

Дома. Значит, он не живет здесь.

Поэтому мне нужно прекратить бежать впереди событий.

Как писатель, я всегда рассказываю истории, даже не зная, о чем они будут, увлекаюсь и превращаю слова в предложения, предложения в абзацы, абзацы в главы, главы в истории о любви. Возможно, такой

подход подходит для романов, но в жизни воображение может подвести и привести к разочарованию в конце.

«Ужасно, что она пропускает эту вечеринку,» - говорю я, стараясь не расстраиваться слишком сильно. Мне действительно надо прекратить так быстро втягиваться во всё.

«На самом деле, она фотографирует вечеринку в Финиксе. А завтра утром прилетит для новых приключений в Нью-Йорке.»

«Насколько долго вы будете здесь?»

«На самом деле я только что переехал сюда,» - говорит Валентино, снова оглядываясь на Таймс-сквер.

Его слова заставляют моё сердце биться быстрее.

То же самое делает и его улыбка.

У Валентино есть этот счастливый сияющий вид, когда он смотрит вокруг себя, как только что ставший новоиспеченным жителем Нью-Йорка. Кто знает, сколько времени он ждал этого момента. Может быть, месяц, год, десятилетие, всю жизнь. Возможно, что в Аризоне были какие-то проблемы? Возможно, Валентино и Скарлетт нуждались в переменах? Как обстоят дела с их родителями - или опекунами? Они тоже переезжают сюда? У меня столько вопросов, и, возможно, потребуется время, чтобы получить на них ответы, но я знаю, что у меня теперь есть время.

«Добро пожаловать в Нью-Йорк», - говорит Далма. «Так что, ты один сегодня вечером?»

«Да. Я прибыл несколько часов назад и сразу же вышел на вечеринку.»

«Мы можем повеселиться вместе, если хочешь,» - предлагаю я.

«Было бы неплохо составить компанию. Вы уверены, что не против?»

«Да ни в коем случае. Ведь ты здесь пока никого не знаешь.»

«На самом деле я очень популярен. Мой домовладелец - практически мой лучший друг.»

«Не могу дождаться, чтобы его увидеть,» - чертовски смело говорю я.

«На самом деле он просто ужасен, но всё равно скоро я приглашу вас к себе,» - говорит Валентино с этой чертовой улыбкой.

Ладно, ладно, ладно, - если это не серьёзно, то я больше никогда не буду делать первый шаг. Мне потребуется, чтобы парень поклялся на могиле моих родителей, что он меня любит, и я даже не расскажу ему, что эти могилы пустые, чтобы он не шутил и не врал.

Но когда Валентино рядом со мной, я бы и не нуждался во всём этом.

Одна лишь его улыбка стоит того, чтобы сделать ставку.

Валентино

Валентино

23:32

Это моя первая ночь, и я уже завожу друзей.

Друзья с красивыми именами. И с красивыми лицами тоже.

Я смотрю на Ориона, чьи скулы достойны каждой обложки журнала, и его карие глаза, которые, по-моему, видели слишком много для такого молодого человека. Понимаю, что слишком долго смотрю, когда он начинает краснеть. Вполне уверен, что Орион гей. Конечно, возможно, он бисексуал, но, как минимум, я уверен, что ему также нравятся другие парни. Очевидно, то, что я это заметил, не так плохо. Мне завидно, что он кажется таким открытым и уже имел возможность это выразить. Мне нужно найти способ показать, что и я интересуюсь парнями.

«Что заставило тебя так сильно увлечься Нью-Йорком?» - спрашивает Орион.

Я мог бы потратить всю ночь, отвечая на этот вопрос. «Я хочу всё попробовать. Жить, как турист, не принимая ни одного дня как должное.»

«Это действительно умно,» - говорит Далма. «Я люблю этот город, но многое уже надоело.»

«Что именно?»

«Показы в метро. Первые несколько раз прекрасны, но потом они надоедают и ты снова сосредотачиваешься на том, что делал до прихода танцоров.»

«И молишься, чтобы не попасть под удар,» - добавляет Орион.

Надеюсь, что не перестану видеть в этом нечто чудесное», - говорю я.

Орион, должно быть, заметил, что восторг исчезает из моих глаз. «Не давай нам убить твой настрой, мы оба родились и выросли здесь. Ты будешь поглощен каждой минутой, все время.»

Так и задумано.»

«Здесь замечательно то, что ты никогда не сможешь всё успеть.»

«И это замечательно?»

«Черт, да. Это значит, что всегда есть чем заняться. Новый район который можно исследовать, зная, что каждая улица расскажет свою историю. Я рад быть твоим гидом, если хочешь.»

Я улыбаюсь, в предвкушении историй Ориона, когда он будет показывать мне город. «Звучит замечательно. Огромное спасибо.»

«Обращайся.»

Мимо проходит большая группа людей в светло-зеленых футболках и повязках на голове. Кажется, будто они вернулись с празднования Дня святого Патрика, но я точно знаю. Это верующие в пришельцев, уверенные, что НЛО появится в полночь и заберет их на борт; у нас в Аризоне их полно. Эти верующие в основном безобидны - но в каждой группе есть свои тухлые яйца, но реальность скоро обрушится на их головы, когда они все еще будут здесь завтра, работая с девяти до пяти, а налоги продолжают высасывать из них последние силы.

Я собираюсь сделать фотографию для Скарлетт, когда Далма задает мне вопрос.

«Ты переходишь в другой колледж осенью?»

«На самом деле, я откладываю колледж на потом. Вместо этого я иду за своей мечтой.»

«Какой именно?» - спрашивает Орион.

Мне немного неловко рассказывать о своей работе, потому что люди могут быть осуждающими, и если Орион и Далма такие же, лучше знать об этом уже сейчас, пока я не слишком вовлечен. Я не могу быть рядом с людьми, которые не позволяют мне быть самим собой. "Я модель", - говорю я.

Глаза Ориона засияли, когда он обратился к Далме. «Я же тебе говорил!»

«Ты думала, что я не модель?» - спрашиваю я у нее.

«Ты, конечно, красивый, но Орион говорит так о каждом симпатичном

парне.»

«Не знаю, должен ли я чувствовать себя особенным или нет.»

Чувствуй себя особенным», - вмешивается Орион. Затем он краснеет. «То есть, да, конечно, твое лицо должно быть повсюду.»

«Спасибо, что веришь в меня и в мою внешность.»

«Пожалуйста. Есть что-нибудь, где мы могли бы тебя увидеть?»

Только очень знаменитые модели могут дать прямой ответ на такой вопрос, и это точно не про меня.

Моя первая работа была в прошлом году для именных ожерельев, и чтобы сделать меня менее узнаваемым, они заставили меня носить ожерелье с именем Лео. Затем я был на брошюре для колледжа Прескотт, и это единственный раз, когда меня можно было там увидеть, потому что стоимость обучения в этом колледже слишком высока для меня. С тех пор я снялся во многих местных рекламах, где позировал как старший брат, бейсболист, ученик по вождению и сотрудник для продвижения Пещеры мыши в Финиксе в Райской долине.

Но вскоре, когда кто-то спросит, видели ли меня где-то, я смогу указать на этот самый уголок Нью-Йорка.

«Пока что нет, но...» Я жестикулирую вокруг на Таймс-Сквер, представляя себя в высоте этих мега-экранов и рекламных щитов, а также на низких уровнях метро. «Завтра утром начинается съемка моей первой национальной рекламной кампании. Это для модной линии одежды, созданной гей-дизайнерами, которая выпускает особые предметы круглый год, а не только в Месяц гордости. Это много значит для меня, как для гей-парня, который в детстве не мог позволить себе носить такие вещи.» Вижу улыбку, расплывающуюся на лице Ориона, как будто он рад подтверждению того, что я гей, так же, как я рад, что рассказал об этом. Как всегда буду делать, и неважно, если у кого-то с этим возникнут проблемы. «Надеюсь, что эта кампания изменит мою жизнь.»

Орион хлопает в ладоши, что довольно мило. "Поздравляю, Валентино! Это так круто."

«Мы будто уже знали тебя», - говорит Далма.

«Абсолютно. А что с вами обоими? Какие у вас мечты?»

Я перестал спрашивать у людей, в каком колледже они учатся или чем они занимаются. По себе знаю, какого это - плохо чувствовать себя, когда люди смотрят на тебя свысока за то, что не пошел в колледж, или за то, что моделинг не воспринимается как достойная профессия, пока тебе не платят миллионы за улыбку в камеру. Когда-нибудь это буду я, но с чего-то нужно начинать.

«Я пишу короткие рассказы», - говорит Орион.

«Это потрясающе! Какого рода?»

«Типа, жанр? В основном странные фэнтези. Немного научной фантастики. Один сказочный рассказ.»

«Позволишь когда-нибудь прочитать что-либо из твоего?»

Далма смеется. «Удачи!»

Орион самый застенчивый человек, которого я когда-либо видел. «Может, когда-нибудь. Я вроде как держу это в секрете».

Подозреваю, что за этой историей стоит что-то еще, но не хочу его подталкивать. «Ничего страшного, Орион. Если ты когда-нибудь изменишь свое решение, мне было бы интересно прочитать то, что ты написал». Я обращаюсь к Далме. «А что с тобой? Какие у тебя мечты?»

«Я программист», - говорит Далма.

Честно говоря, я бы подумал, что она тоже модель. Вот почему нельзя судить о человеке по внешности.

«Мне очень хочется заниматься разработкой приложений, но я пока не выучила этого кода».

«Научиться коду на самом деле так трудно?»

«О, нет, я говорила о переносном значении слова 'код', а не о буквальном коде. Буквальный код - это легко», - говорит Далма.

«Далма не знает, какое приложение она хочет создать», - говорит Орион.

Забавно, что, хотя они и не близнецы и даже не родные брат и сестра, отношения Далмы и Ориона напоминают мне отношения со Скарлетт. Бывают ссоры, конечно, но они также говорят друг за друга, словно у них есть какая-то волшебная телепатическая связь.

«Что насчет новой игры?» - предлагаю я. Когда-то я постоянно играл в "Змейку" на своем Nokia, но с тех пор, как перешел на iPhone, в App Store ничто не привлекает мое внимание.

«Игры - это весело, но я хочу создать что-то, что изменит правила игры,» - говорит Далма. «Честно говоря, я пыталась придумать что-то связанное с Отделом Смерти. Что-то, что было бы своевременным и всегда актуальным.»

Так она не является сторонником "Зеленых рубашек". Понял.

«Упс», - говорит Далма.

Я оглядываюсь вокруг, нервничая. «Упс, что?»

«Ты замолчал после того, как она упомянула Отдел Смерти», - говорит Орион.

«Ты не веришь в Отдел Смерти?» - спрашивает Далма.

«Скажу это так: я не думаю, что меня похитят пришельцы в полночь.»

Орион смеется, и когда он смеется, прикрывает рот рукой и наклоняется вперед. Интересно, почему он скрывает свою улыбку. Полагаю, что из-за его сломанного зуба. Он не очень заметен, но у меня наметан глаз для замечания таких деталей благодаря своей работе. После подписания контракта с Future Star Model Management я восстановил свой сломанный зуб, чтобы выглядеть более привлекательно для клиентов. Орион мог бы сделать то же самое с хорошей страховкой на стоматологические услуги.

«Но у тебя нет причин подписаться?» - спрашивает Далма.

«Нет ничего, во что можно верить», - говорю я. «Творец не предоставил никаких доказательств».

«Много теорий, но нет ответов», - говорит Далма.

«Я думаю, это какая-то магия - должно быть», - говорит Орион.

«На самом деле, пугающе точная наука», - говорит Далма.

«Дьявол, с точки зрения моих родителей», - говорю я.

Магия, наука и дьявол. Но в этой компании нет сторонников пришельцев.

«Ладно, я понимаю, что нет доказательств», - говорит Орион. «Но есть у

тебя какие-то причины, по которым ты бы подписался? Это довольно личный вопрос, извини, ты не обязан отвечать, если не хочешь. Мы же незнакомцы».

«Я бы назвал нас уже-почти-друзьями», - говорю я.

«Мне нравится», - говорит он.

«Ты можешь поделиться с уже-почти-друзьями?» - спрашивает Далма.

Я киваю. «Короткая история в том, что в мае моя сестра Скарлетт попала в страшное автомобильное происшествие. Звонок о том, что ее срочно везут в больницу, не имел никакого смысла. Она моя сестра, мой близнец. Она также водитель мечты. Я, конечно, пару раз писал сообщения за рулем, но Скарлетт - никогда. У нее телефон отключен, и ее глаза всегда на дороге. Но тот водитель, отвлекшийся на что-то, врезался прямо в нее.»

Это несправедливо, как кто-то может делать все правильно и все равно пострадать из-за чьей-то ошибки.

"Черт возьми", - говорит Орион.

"Я не знал, как мне жить без нее. Каждая мысль в этом направлении казалась ужасной, даже самые простые вещи. Я бы ни за что не смог бы съесть торт на день рождения, который предназначен для нас обоих. Или притвориться, что правая сторона дивана не зарезервирована для нее".

"Я так рад, что с ней все в порядке", - говорит Орион.

"Она звучит как невероятный человек," - говорит Далма.

"Хотя, могу поспорить, ты готов поменять машины на поезда", - говорит Орион.

"Вот что забавно в Скарлетт", - говорю я. - "После того, как она восстановилась после операции, она сразу же села за руль. Она не дала этому близкому к смерти опыту остановить свою жизнь".

Я никогда не забуду, как напряжено было, когда Скарлетт впервые села за руль после аварии. Я сел в машину с ней, что, конечно, не помогло снять напряжение, связанное с вождением, но я не мог не быть рядом с ней. Скарлетт была великолепна - она завела двигатель, проверила зеркало, выехала со двора и проехала один круг по нашему жилому комплексу перед тем, как снова выехать на шоссе, беря меня с собой для своих дел,

связанных с заменой всего ее фотооборудования, которое было повреждено из-за аварии.

Она возродилась, прямо как феникс.

"В любом случае, вот почему я искушен зарегистрироваться в Отдел Смерти. Я не хочу снова ошибиться, принимая любой день за обычный", - говорю я, оглядываясь, и думая, кто присоединился к сервису, а кто нет.

"Я понимаю, что тот, кто получает звонок от Отдела Смерти, не единственный, кто умирает. Если вы действительно дорожите кем-то в своем сердце, вы умираете вместе с ним".

Я делаю глубокий вдох, зная, что я полностью жив.

"Понимаю, что у тебя сейчас непростое время после этой аварии. Кажется, что сейчас, больше чем когда-либо, ты должен был бы воспользоваться шансом, который дает Отдел Смерти, чтобы найти немного душевного покоя", - говорит Орион.

"Я определенно нахожусь на перекрестке. Я понимаю, какой ценностью обладает Отдел Смерти, но не уверен, насколько готов верить в другую силу, которая кажется слишком загадочной. Не после того, как мои родители использовали религию, чтобы отвернуться от меня"

"Я очень сожалею," - говорит Далма. "Это ужасно".

"Это полная ерунда," - говорит Орион.

Я почти сказал им, что все в порядке, но не делаю этого, потому что это не так. Все еще есть много того, что я пытаюсь осознать в отношении веры с тех пор, как я совершил каминг-аут, но то, что мои родители используют Бога против меня, неправильно. "Спасибо за поддержку," - говорю я. Это действительно приятно иметь немного больше поддержки. Я не смог найти ее в достаточном количестве дома, а теперь я нахожу ее в новом городе.

Орион поднимает глаза на мега-экран, где идет обратный отсчет.

"Понимаю, почему ты колеблешься".

"Может, ты сможешь стать для меня решающим. Почему ты подписался на Отдел Смерти?"

Орион

Орион

23:44

То, почему кто-то подписывается на Отдел Смерти, многое о нем говорит.

Вот Валентино — бывший незнакомец, но теперь уже-почти-друг — который хочет подписаться на Отдел Смерти из-за опыта его сестры, но не потому что он на смертном одре.

Очевидно, разница огромная.

Я не мертв, но часто чувствую, что живу жизнью, приближающейся к смерти. Я знаю, что смерть с косой приближается все ближе и ближе, словно заселилась у нас в многоквартирном доме: сначала она расположила миленький гостевой уголок напротив дивана, а потом заскучала и разложила надувной матрас в моей комнате. Но её коса спустила весь воздух из матраса, и у нее не оставалось другого выбора, кроме как уютно устроиться со мной на двуспальной кровати. Может, я и ощущаю на себе дыхание смерти, но пока что я все еще здесь.

Когда речь заходит о почти-смерти и смерти, я знаю обе стороны этой монеты.

И в этом я не одинок.

Далма тоже прошла через это, и мы обмениваемся взглядами, словно пытаюсь узнать, кто из нас расскажет первым, почему мы записались в «Отдел Смерти».

"Ты хотел рассказать свою историю", — говорит Далма. "Теперь у тебя есть шанс".

Теперь я нервничаю, чувствуя давление, потому что не знаю, как подать это Валентино.

"Ладно, я первая", — без эмоций говорит Далма, давая мне время подумать. — "Мой папа умер от рака почек. Мне было три года, поэтому я помню мало, только мелочи, например, что он сильно похудел, хотя все,

что он делал, это спал круглосуточно. Мама говорила, что он болен, и я приносила ему имбирное пиво и крекеры, но это никогда не помогало". В ее голосе нет сердечной боли, все это в прошлом. "Потом однажды он просто исчез, и я не понимала, почему, его долго не было, и в конце концов я все поняла".

Я знаю Далму всю свою жизнь, но никогда раньше не слышал, чтобы она описывала свою печаль таким образом. Как будто это было катание на велосипеде с маленьким отверстием в шине, из-за которого постепенно выходит воздух, замедляя тебя, но проходит время, прежде чем ты понимаешь всю проблему. Но нет, эту аналогию нужно забыть, потому что в отличие от колеса, которое можно заменить или починить, никто не может вернуть воздух в ее отца и вернуть его к жизни. И Далма быстро отшивает любого, кто говорит о ее отчине как о замене, независимо от того, как сильно она его любит.

Я готов был выразить соболезнования, словно все это случилось только что, как Валентино опередил меня.

"Мне очень жаль из-за твоей потери. Несправедливо, что ты потеряла его таким молодым".

"Такое случается" - говорит Далма, пожимая плечами. "К сожалению, это случилось со мной".

Я нежно толкаю ее плечом, зная, что она всегда готова к объятиям, но перед незнакомцами и новыми друзьями она держит себя в руках, позволяет себе быть уязвимой лишь отчасти. В нашем родном городе мы всегда обмениваемся историями о том, каково это не иметь отца или моей матери рядом. Например, после нашей вечеринки по окончанию школы, когда остались только мы двое, мы говорили о том, что скучаем по ее отцу и моим родителям в зале, аплодирующим вместе со всеми, хотя мы бы никогда не сказали об этом перед Даяной или Флойдом, потому что не хотим заставить их чувствовать себя плохо. Странно, что таким образом мы заботимся о взрослых. В то же время и нет.

Жизни плевать, насколько ты молод. Она заставляет тебя стать взрослым в любом случае.

"Вот моя забавная маленькая история смерти". - говорит Далма. "Теперь твоя очередь, О-Бро".

Ее история не была веселой, и моя тоже. В стране, наверное, много тех, кто записывается в «Отдел Смерти» просто так, без особых травм и переживаний. Должно быть, неплохо.

"У меня проблемы с сердцем", - говорю я, и Валентино сразу же удивляется, как от первого шлепка зимнего воздуха, когда выходишь из дома.

"Ты серьезно?" - спрашивает он. "Но ты выглядишь здоровым".

"Эй, важно то, что внутри, верно?" - признаюсь, я часто бросаю эту фразу людям. Но она не вызывает улыбки у Валентино. "Несколько лет назад мне поставили диагноз вирусная кардиомиопатия, что в переводе означает, что мое сердце пытается меня убить. Если ты хочешь скучные медицинские детали, то можешь заглянуть в WebMD."

"Как бы то ни было, суть в том, что это может случиться в любое время, где угодно".

"Теперь "Отдел Смерти" поможет тебе дышать спокойнее", - говорит Валентино. "Орион, мне так жаль, что тебе приходится об этом беспокоиться. Ты восхитителен".

Наверное, мне не стоит говорить ему, что эти слова заставляют мое сердце биться быстрее. Я не стремлюсь умереть, но умереть от комплимента звучит неплохо.

"Если бы только это было все", - говорю я.

Мне хочется остановиться, ибо чувствую себя виноватым, что мы взваливаем на Валентино все эти разговоры о смерти в то время как он пришел на Таймс-сквер, чтобы наслаждаться жизнью. Но, видя обеспокоенные поднятые брови и глубокие голубые глаза Валентино, мне кажется, что он ожидает, когда я вывалю на него вторую главу о своей жизни.

"Что ж, я потерял своих родителей 11 сентября", - обычно на этом моменте я делаю паузу, чтобы собеседник мог всё осознать. Но я также понял, что нельзя ждать слишком долго, потому что если ты молчишь, кто-то другой начнет рассказывать тебе свою собственную историю о 11 сентября.

Вот что происходит, когда твой город переживает такую травматическую катастрофу.

Каждый что-то испытывал в городе, по всей стране, по всему миру. Я уже не помню, сколько раз рассказывал людям о потере родителей, а они тут же принимались рассказывать мне о том, как не могли сесть на автобус до дома или им неделю не разрешали играть на улице. Что я должен на это ответить? Я знаю что — меня это не волнует, ваша жизнь продолжалась, а моих родителей уже нет, и вы вернули свою обычную жизнь, а моя изменилась.

Именно здесь аутсайдеры вроде Валентино являются моральным спасением.

Он молчит, либо слишком потрясен, чтобы найти следующие слова, которые хочет сказать, либо знает, что никакие слова не смогут что-то изменить. Как бы ни было, я знаю что он не собирается рассказывать мне, что с ним произошло в тот день.

Сегодня, больше, чем когда-либо, я чувствую себя снова девятилетним, переживая тот день.

Это был вторник. Четвертый класс, второй день первой полной учебной недели. Меня уже выбрали в школьный патруль безопасности, потому что я умел подлизываться, хотя на самом деле все это означало лишь то, что я должен носить свой ярко-зеленый светоотражающий пояс и следить, чтобы все были в своих классах к утренним объявлениям. Я помню, что чувствовал себя очень уверенно, идя по коридорам в своем новом темно-синем комбинезоне FUBU и ярко-белых кроссовках, все это мне купили родители во время закупки перед началом учебного года.

"Казалось, что это был обычный день", - говорю я.

И все же мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это было не так. Моя смена закончилась, и я вернул пояс на стойку охраны, где охранник и заместитель директора смотрели новости на одном из тех огромных телевизоров, которые всегда перемещались из класса в класс, в зависимости от того, какой учитель первым забронировал его.

"Кадры выглядели как из фильма боевика, но были очень-очень реальными. Я видел, как башни стояли и горели, а затем показали их обрушение". Я чувствую гул в голове и пустоту в желудке. "Если вы хотите знать, насколько глуп я был, то на тот момент я даже не знал, что это происходит в Нью-Йорке. Заместитель директора назвал здания

Центром Всемирной Торговли, но я всегда знал их только как Башни-Близнецы. Так что я принял это за видеоигровую компанию в другой стране и был так облегчен, что это не происходит здесь, потому что это выглядело очень страшно, и я вернулся в класс, не задумываясь об этом снова".

Не знаю, почему я рассказываю каждую чертову деталь. Затем делюсь мыслью, которая преследует меня больше всего.

"Тогда я не знал, что мои родители умерли".

Я вытираю слезы и смотрю в землю, я даже не могу посмотреть на Валентино или Далму.

Я хочу закончить, но эти воспоминания бегут быстро, словно монтаж, это заставляет меня думать о том, как все говорят, что перед смертью видишь, как вся жизнь проносится перед глазами. Может быть, мое тело каким-то образом чувствует, что у меня осталось всего несколько часов - или даже минут - до звонка от Отдела Смерти.

Если это последний раз, когда я расскажу эту историю, я расскажу ее правильно.

Уроки начались, как обычно, но к обеду что-то изменилось. Учителя отказывались от своих учебных планов и говорили нам заниматься самостоятельным чтением или вести себя тихо, пока они выходили в коридоры, чтобы поговорить. Никто не говорил нам, что происходит. Затем родители начали приходить и забирать своих детей. Все равно никто ничего не объяснял. Но в классе мы начали делать из этого игру, заключая пари на то, кто пойдет домой следующим.

"Тогда я, наконец, случайно услышал, как кто-то сказал, что Башни-Близнецы подверглись нападению".

Есть так много вещей, о которых я помню о том дне, но есть и маленькие пробелы, например, не могу вспомнить, кто был тем, кто сбросил эти слова на меня, словно бомбу, или сколько времени я сидел на том стуле, пытаюсь осознать, что именно это значит. Но в конце концов я встал, как-будто-зомби, подошел к столу учительницы миссис Уильямс и сказал ей, что мои родители были на Манхэттене в то утро на работе. Она была мягкой, используя тот голос, который у нее всегда был, когда я просил пойти в туалет или просил повторить что-то, чего я не понимал. Затем я

понял, что мне нужно было сказать ей более ясно.

"Мои родители были на совещании в Башнях-Близнецах", - говорю я, и я говорил эти слова сто раз, тысячу раз, миллион раз, потому что все хотят знать, почему они были там. Это не так, будто они шли по темной улице плохого района поздно ночью, они проводили деловую встречу в деловом здании в рабочее время.

Моя учительница, женщина, которая изучала Шекспира, расширяла мой словарный запас и назначала чтение, не нашла слов для меня, когда я сказал ей, где находились мои родители.

Я все еще надеялся. Моя мама всегда опаздывала, например, наносила макияж через пять минут после того, как уже должна была выйти из дома. Я все время думал, что, возможно, из-за нее они опоздали на свою встречу, и что у меня будет столько лет для того, чтобы дразнить ее за этот маленький недостаток характера, что на тот день мы будем благодарный этой её прокрастинирующей черте, что позволила им не попасть вовремя в здание.

"Слышишь много таких историй - о людях, которые должны были быть в зданиях того утра, но проспали, застряли в пробке, поехали на неправильном поезде или неважно себя почувствовали, поэтому остались дома", - глубоко вдыхаю я. Не могу поверить, что говорю так много, и не могу поверить, что никто не остановил меня. "Но мои родители не были такими везучими, так что я был последним ребенком во всей школе".

И вот тогда я сломался и начал рыдать.

Мне не нужно вдаваться в детали о том, как вызывали Даяну, чтобы она спасла меня, потому что она мой контакт в случае чрезвычайной ситуации, или о том, как я начал жить с Далмой и ее семьей, или о всех кошмарах, которые мне снились тогда и снятся до сих пор, и о том, что изменилось, а что осталось таким же. Возможно, я даже не мог бы выразить словами, если бы попытался, потому что углубился так сильно в эти воспоминания, и уверен, что Отдел Смерти, должно быть, уже вышел в эфир несколько часов назад, пока я был слишком занят мыслями о башнях, разрушающимися с моими родителями внутри.

"Могу я обнять тебя?" - слова Валентино удивляют меня, разрезая воздух, как будто нет других звуков - нет гудения автомобилей, нет

представителей "Отдела Смерти" с микрофонами.

Я киваю и всё еще плачу, словно я тот ребенок, которому нужно было успокаивать себя снова и снова, потому что чувствовал себя таким одиноким.

Мое сердце бьется, когда он обнимает меня. Объятия крепкие, его грудные мышцы прижаты к моей плоской груди.

"Мне безумно жаль, что ты пережил все это", - говорит Валентино. "Мне жаль, что я спросил".

Я покачиваю головой, подтягивая подбородок к его плечу. "Нет, это начали мы", - отвечаю я.

«Далма прочищает горло. "Я немного поддразнивала, но ты первый задал вопрос". Она подмигивает, клянусь, что она мила с этой маленькой фразой, и это действительно мило, но смущает меня, когда я обнимаю этого парня, который интересуется другими парнями, но это не означает автоматически, что я ему интересен.

Я прерываю объятия, потому что чувствую себя слишком неловким.

"Еще одно", - говорю я, вытирая слезы.

"Правда?" - спрашивает Далма, затем улыбается. "Я шучу, но серьезно, уже почти полночь".

Я оборачиваюсь к великанскому экрану, и песочные часы почти заполнились внизу.

"Я постараюсь быстро", - говорю я.

"Это не обязательно", - отвечает Валентино.

Я кладу руку ему на плечо, на то самое плечо, где только что был мой подбородок. "Послушай, может быть, после сегодняшней ночи мы больше никогда не будем общаться, но есть одна вещь, которую я бы хотел, чтобы ты запомнил после этой встречи".

Он наклоняется, будучи внимательным.

"Ты сказал, что если кто-то, кого ты держишь в своем сердце, умирает, то и ты умираешь. Я так чертовски люблю своих родителей, каждый раз, когда я говорю о них в прошедшем времени, будто они ничто, кроме

призраков, а не живые, дышащие, настоящие люди, которыми они были, это разрушает меня". До полуночи остается несколько минут. "Вот правда, которую никто никогда не хочет признавать, когда смерть уже близка, или когда ты углубляешься в печаль - пока ты продолжаешь существовать, ты продолжаешь дышать, и если ты дышишь, однажды ты начнешь жить снова".

Знаю, что это глупо, но клянусь, что вижу в его глазах, что он понимает меня, что он впитывает эти слова в память для того трагического дня, когда потеряет кого-то, что он серьезно принимает это к сердцу.

"Но, несмотря на то, как много ты проживешь, Валентино, это все равно будет преследовать тебя, если у тебя не будет возможности попрощаться с тем, кого ты любишь. Особенно, если у тебя есть эта возможность".

Валентино смотрит на песочные часы. "Мне стоит подписаться, пока не стало слишком поздно".

Валентино

Валентино

23:52

Я регистрируюсь в Отделе Смерти.

К счастью, мне не нужно стоять в очереди, так как у меня есть смартфон. Я перехожу на death-cast.com и создаю аккаунт. Бегло просматриваю контракт и перехожу к заполнению своего имени, номера социального страхования, даты рождения, номера телефона и указываю Скарлетт как свой контакт в случае чрезвычайной ситуации. На следующем слайде написано, что звонок от Отдела Смерти нельзя изменить, как другие правительственные предупреждения, такие как Amber Alert. Затем пришло время оплаты. Мне не хочется платить за годовую подписку, и даже месяц стоит слишком дорого с учетом всех новых расходов в городе, поэтому я выбираю вариант на один день, чтобы понять, каково это - быть поглощенным Отделом Смерти. Подтверждаю свой выбор и передо мной последний слайд:

Сообщение от основателя

Добро пожаловать в Отдел Смерти, где вы берете свою жизнь - и свою смерть - в свои руки.

У нас в компании тех, кто умирает, называют Декерами. "Почему Декеры?" - спросите вы. Мы хотим, чтобы вы помнили, что вы все капитаны на палубах своих собственных кораблей, отправляющихся в плавание на своих собственных путешествиях. Оставайтесь в движении или, проще говоря, живите своей жизнью.

Не ждите, пока ваш горизонт приблизится слишком близко.

Но если это так, Отдел Смерти всегда к вашим услугам.

- Хоакин Роза

"Готово", - говорю, спрятав телефон в карман.

"Как ты себя чувствуешь?" - спрашивает Орион.

"Нормально? Я заплатил только за один день, на всякий случай, если это не покажется мне правильным".

"Хороший выбор", - говорит Далма.

"Надеюсь, тебе это никогда не понадобится", - говорит Орион.

Мы не должны говорить "никогда", не думаю, что кто-то захочет видеть меня в моделинге в возрасте двухсот лет, но я понимаю, что он имеет в виду. Мне очень не нравится, что Ориону пришлось так умно рассуждать о смерти. Но не так сильно, как я рад, что он будет занимать важное место в моей жизни. Я начинаю задумываться, а может ли быть, что судьба реальна.

То, как Орион говорил о тех, кто избежал попадания в башни, заставляет меня задуматься, было ли это судьбой или простым везением. А что насчет встречи с Орионом и Далмой сегодня вечером? Может быть, это была судьба? Произошло бы это, если бы я вышел из квартиры раньше или позже? Что, если бы я решил поехать на поезде? Кто может сказать, пересеклись ли бы наши пути.

Я знаю только то, что я встретил их, и они оба невероятно сильные люди. Особенно Орион.

Он не стесняется показывать свои чувства, намного больше, чем Далма, будто это побочный эффект от вирусной кардиомиопатии. Это так трогательно. Тот, кто делает громкие заявления о жителях Нью-Йорка и их жестокости, не встречали уязвимого Ориона.

Далма смотрит на свой телефон. "Еще несколько минут, и наша жизнь изменится. Давайте немного поднимем себе настроение. Что-то, чего вы хотите достичь в будущем? Я хочу разработать свое приложение и начать разрабатывать свои дизайны".

У меня длинный список вещей, которых я хочу достичь. Обложки журналов, появление на Мет-гале, выход на подиум на Неделе моды. Хотя это не будет осуществлено в этом году. Мне нужно вложить время и усилия, чтобы достичь этого статуса. Это то, что я собираюсь делать. Я буду брать больше работы и продолжу усиленно работать, чтобы меня заметило как можно больше рекрутеров. Но после всего, что я чувствовал сегодня вечером, гуляя по этому новому городу и встречая новые души,

меня вдохновляет сказать: "Я хочу запоминающихся моментов. Что-то, на что можно будет взглянуть, когда жизнь кажется трудной".

Орион улыбается и кивает. "Мне нравится это".

Но даже за улыбкой я вижу, что он скрывает некоторую боль. "А ты?"

"Только быстро", - говорит Далма.

Я был бы не против, если бы Орион хотел рассказать еще одну историю.

"Я не хочу умирать", - выдавливают Орион.

"Я же сказала, давайте поднимем себе настроение?"

"Ладно, я хочу продолжать жить".

Я ценю его попытку развеять печаль, но кажется, он сам не так веселится, как я.

Мы все обращаем внимание на мега-экран. Но глаза Ориона закрыты, словно он не хочет смотреть на песочные часы. Он дрожит, хотя тепло, за исключением периодического ветерка. Нет, он трясется. Его нижняя губа дрожит. Кажется, он боится умирать, как будто Отдел Смерти действительно позвонит ему в следующую минуту. Я произношу его имя, и Орион бросает быстрый взгляд, но снова закрывает глаза. Он сдерживает слезы. Нет нужды прятать слезы, я был в такой ситуации - несколько раз сегодня, на самом деле.

Я наклоняюсь к его уху. "У тебя все будет хорошо".

Это обещание, которое я не могу дать, но буду надеяться каждый день, что оно будет правдой.

Орион

Орион

23:59

Я пишу короткие истории, потому что я сам короткая история.

Хотел бы я быть романом.

До полуночи всего несколько вздохов, и я знаю, что моя последняя глава близка.

Я поднимаю глаза на Валентино, задумываясь о том, что могло бы предложить мне жизнь, если бы у меня было больше страниц.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Отдел смерти

Отдел Смерти не просто сообщает людям, когда они умрут. Мы также обеспечим, чтобы их жизни не прошли зря.

— *Хоакин Роза, создатель Отдела Смерти*

.

Хоакин Роза

31 июля 2010 года

Хоакин Роза

00:00

Отдел Смерти может позвонить Хоакину Розе, чтобы сообщить ему, что он умрет, но это было бы позором, если создатель компании не дожил бы до того момента, как его творение изменяет жизнь, какой мы ее знаем.

Правда в том, что многие люди хотели бы смерти Хоакина.

Люди боятся изменений, а это самое большое изменение, которое мир пережил со времен интернета. Не помогает и то, что Хоакин не рассказывает публике, как его компания может предсказать смерть кого-то. Его даже забавляют более безумные теории, такие как экстрасенсы с футуристическими хрустальными шариками, лига наемных убийц, убивающая людей, чтобы создать баланс в перенаселенном мире, и, его личный фаворит - путешественники во времени, возвращающиеся из будущего с некрологами следующего дня. Тем не менее, Хоакин хранит молчание, потому что не считает, что мир готов к правде.

Как только эта дверь откроется, закрыть ее уже не получится.

Вскоре после очень скрытого создания Отдела Смерти много лет назад, Хоакин раскрыл все Центральному разведывательному управлению. И когда говорит "все", он имеет в виду абсолютно все. Отдел Смерти стал работой всей его жизни - задачей даже более важной, чем отцовство, - и эту работу можно легко закрыть без поддержки правительства. Весь процесс был крайне истощающим, настолько, что он соблазнился бросить все еще до начала. Но услуга, которую предоставит Отдел Смерти, слишком важна для каждой живой души, которая была обманута смертью без предупреждения. Конечно, некоторые из его намерений были ограничены правительством, и он с тревогой ждет дня, когда мощью Отдела Смерти будут злоупотреблять, но пока он получил разрешение начать работу.

Момент наконец наступил.

В штаб-квартире Отдела Смерти в Нью-Йорке Хоакин Роза готов изменить мир.

Он собирается внести свой вклад в историю, позвонив первому Декеру, это официальное название, которое, как он решил, его сотрудники будут давать тем, кто вскоре умереть. Он считает, что к каждому Деккеру следует относиться так, будто он на палубе своего собственного корабля, капитан своих путешествий, с конечным пунктом назначения на горизонте.

Есть цитата автора Джона А. Шедда, которая часто приходит на ум Хоакину: "Корабль в гавани в безопасности, но не для этого корабли строятся."

Он любит думать, что предоставляет людям возможность последнего плавания.

Ранее вечером, во время его специального выпуска на CNN, Хоакина спросили, не является ли подписка на уведомления от Отдела Смерти несерьезным отношением к тому, как должна быть прожита жизнь без предупреждения о том, когда все закончится.

"Если люди хотят тайны, возможно, им стоит взять почитать детективный роман", - ответил Хоакин с ухмылкой. - "Если эти жизни действительно наши единственные, нам лучше жить их, не зная, когда все закончится. Знаете, что нельзя будет сделать, когда вы умрете? Вы не сможете убедиться, что ваши финансы в порядке для вашей семьи. Вы не сможете, сделать то, что боялись всю жизнь. Вы не сможете извиниться перед кем-то. Вы не сможете сказать кому-то, что любите его." Хоакин распрямил ноги и наклонился вперед, приблизившись к интервьюеру, как будто собирался поделиться самой большой тайной вселенной. "Отдел Смерти не просто скажет людям, когда они умрут. Мы убедимся, что их жизни не останутся не прожитыми."

Хоакин знает, что такое потерять кого-то неожиданно.

Полночь, но никто не празднует.

Все глаза устремлены на него, сидящего за компьютером в самом сердце штаб-квартиры Отдела Смерти.

Колл-центр имеет яркие стены, счастливые и здоровые растения и каменные фонтаны с каскадом воды на белых камнях. Это красивая обстановка для фотосессий, да, но она была спроектирована его женой как успокаивающая среда для операторов - известных как глашатае, так как они являются главными посланниками - во время их трудных смен. Хоакин знает, что эта работа может нанести кому-то серьезный удар в психическом плане. Вот почему вместо экстрасенсов и наемников и путешественников во времени в этом мире будут терапевты, консультанты по кризисам и социальные работники, работающие за телефонами, чтобы утешать Декеров, сохраняя заботу о своей собственной защите.

Он мимолетно бросает взгляд на свою жену Наю и их девятилетнего сына Алано, которые ждут с таким же задержанным дыханием, как и все остальные. Все соки были выжаты с его семьи с момента объявления об Отделе Смерти 1 июля, но теперь они, наконец, увидят плоды труда Хоакина.

Он однажды отблагодарит их за это.

Хоакин берет трубку телефона.

Звуки щелчков затворов камер заглушают умиротворяющее журчание фонтанов. Это единственный момент, когда Хоакин разрешает фотографам попасть внутрь здания. Все они здесь, чтобы запечатлеть историю. Он уже задумывается о том, какая из снимков будет использована на всех первых страницах газет, и станет ли она достаточно символичной, чтобы стать обложкой его неизбежной мемуарной книги.

Больше фотографий делается, когда Хоакин включает компьютер, монитор угловато повернут в сторону, чтобы только его глаза могли видеть экран. Одно из многочисленных обещаний Хоакина публике заключалось в том, что конфиденциальность всегда будет защищена, и он никогда не нарушит это доверие.

Он видит имя вверху списка и набирает его номер телефона. Пришло время позвонить первому Декеру и сказать ему, что сегодня он умрут.

Орион

Орион

00:01

Отдел Смерти звонит.

Вот оно, проклятый Всадник Апокалипсиса, он наконец-то добрался до меня. Мне не удастся увидеть, как развивается первый год Отдела Смерти или второй, и так далее. Я, возможно, даже не переживу час, прежде чем стать прошедшим временем. Я не могу дышать, и кажется, что я могу умереть прямо сейчас. Мое сердце бьется, стучит, гремит, и оно бьется еще быстрее, чем звук рингтона Отдела Смерти, похожего на колокольчик церкви, который кто-то трясет. Предупреждение становится все громче, и так, как предупреждают все демонстрационные видео, чтобы не пропустить звонки. И, хотя предупреждение предназначено только для меня, это конец всей жизни вокруг меня - все поднимают свои собственные телефоны, прежде чем понять, что это мой последний день, а не их, потому что у них есть весь мир впереди.

Я прижимаюсь к Далме и Валентино, но не могу смотреть на них, я не хочу видеть в их глазах, как все это реально. Одну минуту назад Отдел Смерти вышел в эфир, и теперь я умру, что-то, к чему я готовился в последние несколько лет своей жизни, и я все еще не готов уходить - я все еще не готов; я не хочу уходить; я хочу остаться. Я беру свой телефон, хотя не хочу отвечать на звонок Отдела Смерти. Но потом я вижу, что экран темный, телефон неподвижный и тихий. Нет идентификатора звонка ОТДЕЛ СМЕРТИ, нет вибрации, нет звонка. Они не звонят мне. Мое сердце не замедляется, оно все еще гремит, когда я поднимаю глаза и вижу, что Валентино держит свой телефон, который орет предупреждение от Отдела Смерти.

Валентино

Валентино

00:02

Отдел Смерти звонит, чтобы сообщить, что я собираюсь умереть, но моя жизнь только начинается.

Это должна быть ошибка.

Орион, Далма и группа незнакомцев выглядят шокированными. Они не должны так реагировать. Не может такого быть, что я умираю. Отдел Смерти только что появился, и у них обязательно должны быть ошибки. Как только я это разъясню, мы можем продолжить веселиться.

"Не волнуйтесь," говорю Ориону и Далме. "Я уверен, что много людей только что получили звонки, которые им не предназначались."

"Как случайный набор номера?" - спрашивает Далма. "Я не думаю, что работники Отдел Смерти совершают такие ошибки."

"Прошу прощения за прерывание, но работники Отдела Смерти тоже люди," - киваю в ответ головой в сторону верующих в пришельцев, смотрящих в небо, ожидая похищения. "Так что если работники не являются пришельцами и мы ошиблись, мы должны допустить возможность человеческой ошибки."

"Конечно," - говорит Орион, но я не думаю, что он мне верит.

"Я только что зарегистрировался. Это должна быть ошибка."

Все глаза обращены на меня, и это не то, как я хочу, чтобы меня видел весь мир.

Пришло время доказать всем, что они не правы, чтобы мы могли продолжить.

Я провожу пальцем по экрану телефона, чтобы ответить на этот случайный звонок о моем последнем дне.

"Алло?" - спрашиваю.

"Здравствуйте, я звоню из Отдела Смерти," - низкий знакомый голос говорит, голос, которого мы все хорошо знаем с того дня, когда он стоял рядом с президентом и объявил об этой новой программе. "Я - Хоакин Роза. Это Валентино Принс?"

Когда я слышу, как сам Хоакин Роза - глава Отдела Смерти - произносит мое имя, это шокирует меня. Будто меня колет холодный воздух, когда я выходил из дома в 5 утра, чтобы отправиться на пробежку. Всегда есть искушение вернуться обратно, где тепло и уютно, где я могу отдохнуть. Но я тот, кто двигается вперед, потому что именно так и идет жизнь. Даже сейчас, я чувствую желание повесить трубку и притвориться, что этого не происходит, но потом это будет преследовать меня. Я уверен, что Хоакин звонит, потому что кто-то в службе поддержки заметил ошибку в моей регистрации, и так как сегодняшний день напряженный для всех, Хоакин лично уделяет время, чтобы убедиться, что не будет никаких проблем, когда Отдел Смерти действительно позвонит по поводу моего последнего дня спустя десятилетия. Это очень любезно с его стороны в этот большой день.

"Здравствуйте, мистер Роза. Это Валентино. Все в порядке?"

На его стороне наступает пауза. Я почти проверяю, не сбросил ли он. "К сожалению, нет, Валентино."

"Что происходит?" - спрашиваю я. "Я что-то неправильно заполнил при регистрации?"

"Валентино, с сожалением сообщая вам, что где-то в следующие двадцать четыре часа вы столкнетесь с несчастливой смертью," - говорит Хоакин.

"Хотя я ничего не могу сделать, чтобы это отменить, я хочу, чтобы вы знали, что у вас всё еще есть шанс жить."

Я покачиваю головой, хотя он меня не видит. Но Орион и Далма, а также круг незнакомцев, которые стоят вокруг, видят. Меня не беспокоят Орион и Далма, но все остальные толпятся вокруг меня, как будто ожидают, что я начну делать брейк-данс. Мне бы хотелось, чтобы Times Square сейчас потемнел, как говорят все пророки апокалипсиса. Но я не хочу, чтобы мир закончился для кого-то, и так же для меня.

"Вы уверены, что выбрали правильного человека?" - спрашиваю я. "Это должна быть ошибка. Я..." Я хочу сказать, что я здоров, но вижу, как глаза

Ориона заполняются слезами, и ему не нужно напоминание, что из нас двоих больше вероятность получить звонок от Отдела Смерти именно у него. Затем я вспоминаю, что быть здоровым не имеет значения, когда на тебя наезжает машина. Моя сестра почти потеряла жизнь из-за аварии, и теперь я собираюсь потерять свою?

"Я только что зарегистрировался. Это должна быть ошибка," - заключаю я, не имея доказательств для обратного.

"Боюсь, что нет," - говорит Хоакин.

"Но как я могу быть уверен, что это так? Как вы можете быть уверены?" - спрашиваю я.

"Я не ошибаюсь, хотя мне и хотелось бы," - говорит Хоакин.

"Вы можете ошибаться, мистер Роза. Может быть, вы меня перепутали с другим Валентино Принсом."

Другие существуют, я знаю. Я вводил свое имя в Google Images с каждым новым съемочным днем, и мои фотографии

были среди других Валентино Принсов по всей стране. Это было похоже на выигрыш в конкурсе популярности. Там должно быть, нет, там будет больше моих фотографий к концу года.

"Я понимаю, что это тяжелая новость," - говорит Хоакин. "Мое сердце разрывается, сообщая вам это."

"Я даже не знал, что вы будете звонить," - говорю я.

"К сожалению, я не буду звонить, но так как это первый официальный звонок Отдела Смерти, он предназначен мне."

Первый.

Это первый звонок Отдела Смерти.

Первый раз Отдел Смерти звонит кому-то, чтобы сообщить, что он умрет.

Я не так хочу попасть в историю.

"Я не хочу быть первым," - говорю я. Я, должно быть, звучу, как ребенок снова, который молится родителям послать Скарлетт в ванную или к стоматологу первой.

"К сожалению, я не знаю, в какой момент сегодня вы столкнетесь с несчастливой смертью, но первый звонок не означает обязательно первую смерть."

Я почти теряю сознание.

Я действительно разговариваю с Хоакином Розой, через несколько минут после того, как его программа Отдела Смерти запустилась во всей стране, и он уверен, что я - Валентино Принс, первый известный "Декер", умру сегодня. Но он не знает, как и когда. По крайней мере, это его заявление, и что-то мне подсказывает, что умолять о правде, мало что изменит.

"Валентино, как я могу поддержать вас сейчас? Вы одиноки?»

Никто из стоящих в Таймс-сквере не одинок, но так ощущается. Я - единственный, кто сейчас переживает это. Затем мой взгляд снова обращается к Ориону, словно магнетизм, и он хорошо знаком с этим страхом смерти.

"Я не одинок," - говорю я.

"Это хорошие новости," - говорит Хоакин.

Может я и не одинок, но здесь нет тех людей которые мне нужны. Скарлетт прибудет только утром, хотя, возможно, я должен остановить ее и забронировать свой собственный рейс обратно домой, чтобы увидеть всех. Скарлетт, друзья из школы, добрые соседи. Может быть, даже мои родители теперь обратят на меня внимание. Но времени осталось так мало. Часы, потраченные в аэропорту и в самолете, можно потратить на жизнь. Все эти мысли слишком нереальны. Я приехал в Нью-Йорк, чтобы изменить свою жизнь, а вместо этого собираюсь умереть здесь.

Я переключаю внимание на разговор, готов продолжить. "Если у вас есть что-то более конкретное для меня, если нет тогда, я думаю, что это все."

"Прежде чем вы уйдете, Валентино, я хотел бы, чтобы вы знали, что на death-cast.com есть различные ресурсы о том, как говорить о вашем последнем дне с близкими, написанные некоторыми первоклассными психологами. Также в течение дня будут обновляться различные мероприятия, в которых может быть стоит поучаствовать", - говорит Хоакин.

Действительно ли Отдел Смерти думает, что "Декеры" будут просто

сидеть и ничего не делать?

У меня уже есть планы на сегодня. Я собираюсь спать в своей новой квартире перед фотосессией утром. Затем Скарлетт и я будем исследовать город, организовывать свой дом и, возможно, отметим все это, поужинав, сидя на паркетном полу, используя коробки в качестве столов. И где-то в этот день, или за много часов до этого, видимо, я умру.

"У меня уже есть планы", - говорю я.

"Хорошо. Я оставлю вас в покое", - говорит Хоакин. "От лица Отдела Смерти мы сожалеем что потеряем вас. Проживите этот день на полную катушку."

Никто меня не потеряет. Я не уйду.

Я буду жить.

И когда я только собираюсь положить трубку, в Таймс-сквер раздается звук выстрела.»

Орион

Орион

00:06

Как только я подумал, что мелодия звонка Отдела Смерти была самым страшным, что я услышу сегодня вечером, раздается выстрел.

Выстрелы.

Все, кто окружал Валентино, разбегаются в разные стороны, как тараканы, когда включают свет. Затем из ниоткуда появляется белый мужчина с маской черепа, стреляя из пистолета. Далма тянет меня за руку, чтобы мы выбрались из этого ада, но я замедляюсь, когда вижу, что Валентино стоит неподвижно, словно один из уличных живых скульптур. Мне интересно, удивлен ли Валентино тем, что мужчина в маске нацелил на него пистолет, или он уже принял свою судьбу.

Но я еще не принял свою.

Я бросаюсь на Валентино, сбивая его на бетон, точно в тот момент, когда пистолет выстрелил. Еще один выстрел раздается, на этот раз от полицейских, когда они преследуют мужчину в маске черепа, который бежит прямо мимо Далмы, прячущейся за переполненным мусорным баком. Она в ужасе, мне нужно вытащить ее отсюда, нас всех нужно увести отсюда.

Но я не могу двигаться.

Я чувствую, что воздух под высоким давлением надувает мою грудь, угрожая взорваться так мощно, что превратит мои кости в порошок. Между лопаток жжет острая боль, и я не знаю, попала ли в меня пуля или нет. Может быть, я не заметил этого из-за адреналина или из-за того, насколько быстро жизнь меняется и заканчивается после полуночи. Хочу потрогать себя, чтобы узнать, задела ли меня пуля, но острые боли бегут по моим рукам, словно кто-то проводит ножами вверх и вниз. У меня начинается сердечный приступ, такого рода инфаркт, который я всегда представлял себе как землетрясение. Я пытаюсь потереть грудь и сесть,

чтобы уменьшить боль, но это слишком мучительно, и я падаю на спину, рядом с потрясенным Валентино.

Я только что спас его?

Если это так, изменил ли я его судьбу, изменил ли я тем самым свою?

Умру ли я вместо него?

Или мы оба умрем до конца этого дня?

Хоакин Роза

Хоакин Роза

00:07

"Вот так мир заканчивается / Не с грохотом, а тихо"

Эта знаменитая цитата поэта Т. С. Элиота - первое, о чем думает Хоакин Роза, когда положил трубку после разговора с Валентино Принсом. Он уже знает, как изменить ее для своих мемуаров:

"Вот так заканчивается первый звонок Отдела Смерти, не тихим шепотом, а грохотом."

Хоакин ожидал, что после того, как сообщил первому Декеру, что он умрет сегодня, последует шепот, но вместо этого последовал грохот - звук выстрела. Множество выстрелов, если быть точным, каждый из которых заставил его вздрогнуть, будто все пули поразили его. Ему повезло, он в безопасности, но то же нельзя сказать о других Декерах, которые могли стать жертвами этой атаки.

Валентино Принс - жертва или нападающий?

Решить эту тайну - не работа Хоакина.

Устранение тайны вероятности смерти - вот его работа.

Хоакин вскочил со стула, обращаясь к глашатаям, которые ожидали его команды. "Начинайте звонить," - сказал он, стараясь сохранить самообладание. Звонок был приватным, и никто из присутствующих не слышал звука выстрела, но вскоре станет известно, что в тот момент, когда он разговаривал с первым Декером, произошел акт насилия. Он знает, что за это нападение будут винить Отдел Смерти, что оттолкнет инвесторов, которые нужны ему для расширения программы на мировом рынке.

Глашатаи выглядят словно призраки, когда пересекают комнату в своих белых рубашках, светло-серых брюках и галстуках. Хоакин предварительно подготовил их выглядеть спокойно, уверенно и собранно,

именно такой образ должен видеть мир, чтобы понять силу и профессионализм людей, работающих на другой стороне телефонов и компьютеров. Он тяжело вздохнул, когда глашатаи заняли свои места, включили мониторы и принялись за работу.

Один взгляд на Наю, и Хоакин понимает, что его жена почувствовала что-то неладное. Он расскажет ей об этом после того, как медиа будут отпущены, но он должен будет поспешить, потому что когда все эти репортеры и фотографы вернут свои телефоны, они обнаружат нападение, и все обвинят в этом Отдел Смерти. Он никогда не скажет этого вслух, но знает, что конец одного человека - это просто вклад в начало этой компании, и это не результат существования Отдела Смерти. Независимо от того, что кто-то скажет.

Когда Хоакин переводит взгляд с глашатаев на фотографов, у него есть одна мысль в голове: есть явный кандидат на обложку его мемуаров. Ведь нет ничего такого, что могло бы так сильно вызвать переживания в жизни человека, как звук выстрела из пистолета; он просто надеется, что камера запечатлела его реакцию. Если нет, то это будет упущенный момент трагедии.

Валентино

Валентино

12:12

Все вокруг спасают свои жизни, но не я.

У меня больше нет жизни, которую стоило бы спасать.

Я всегда старался двигаться вперед, когда жизнь ставила меня перед трудностями: утренние пробежки, добавление веса во время тренировок, все те отказы на кастингах, которые заставляли чувствовать себя ужасно. Но что я должен делать, когда жизнь заканчивается? Просто принять это?

Когда услышал тот выстрел, я застыл.

Никогда не ожидал увидеть летящие вокруг пули. Вот как я умру?

Это настолько страшная мысль, что моему телу ничего не удастся сделать, кроме как лежать здесь на земле, дрожа как животное, которое оставили на морозе. Вокруг продолжается паника. Мимо меня пробегают, прыгают, даже пинают меня в спину. В один момент Орион лежит с закрытыми глазами, а в следующий миг Далма появляется как из ниоткуда. Она помогает ему подняться, кричит, обращаясь ко мне за помощью.

"У него сердечный приступ, Валентино, помоги, пожалуйста!" Далма прижимает Ориона к своей груди, подсовывая таблетку ему в рот и заставляя его проглотить. "Держись, О-Бро, я пойду за помощью."

Как странно, что мы говорим умирающему "держись", как будто у него есть выбор.

Есть ли у меня выбор? Могу ли я просто сказать миру: "Нет, я сегодня не умру. Попробуйте позже."

"Нам нужен врач!" - кричит Далма.

Ни один человек не останавливается. Сколько из них думают, что Орион уже мертв? Они все глупцы. И я тоже. Орион мог бы убежать, но он этого не сделал. Он остался рядом со мной. Более того, он спас мою жизнь, даже зная, что я умираю.

Я ошибался, думая, что больше нет жизни, которую стоит спасать. Это не так. Просто это не моя жизнь.

Если я могу сделать что-то, чтобы убедиться, что Отдел Смерти не позвонит и Ориону тоже, то сейчас самое время.

Я не думаю о своей личной ситуации, все мое внимание сосредоточено на моем теле - я активизирую свои мышцы, чтобы встать, руки плотно на земле, чтобы оттолкнуться, крепкая поза на ногах. "Позволь мне взять его," говорю я.

Далма дает мне больше пространства, поднимая кепку Ориона, которая сорвалась с его головы и обнажила коричневую рощу кудрей. Я поднимаю Ориона на руки, несу его, как Супер-мен, спасающий гражданина в небе. Если я сделаю все правильно, я могу стать героем.

"Куда идем?"

"Сюда," говорит Далма, ведя нас в сторону от толпы, вниз по сорок восьмой улице.

"Может быть, вызовем скорую помощь?"

"Я не могу рисковать, они могут лечить тех, в кого стреляли вместо Ориона", говорит Далма.

Сколько времени пройдет, прежде чем медики даже не будут стараться помочь кому-то, если они будут знать, что он Декер? Неделя, месяц, год?

"И что тогда нам делать?"

"Я поищу ближайшие больницы," говорит Далма, просматривая карты Google. "Нью-Йоркский университет имеет больницу на Тридцать-первой улице, но Ориону там попался плохой врач, поэтому мы должны отправиться на Семьдесят-седьмую, в больницу Ленокс Хилл."

"Я живу на Семьдесят-седьмой," говорю я.

Далма оглядывается через плечо, будто ожидает, что я объясню, почему эта совпадение важно. Но это не важно. "Держи его прямо," говорит она.

Я не понимаю, почему важно держать Ориона прямо, но делаю так, как она сказала. Я поднимаю его голову, чтобы его лицо лежало на моем плече. Его глаза закрыты, и он продолжает нажимать рукой на сердце, словно делает себе искусственное дыхание. Наверное, так и есть. Я не

знаю, насколько это помогает, так как он также старается глубже вдохнуть, но каждый раз останавливается на полпути. Вот как выглядит борьба за жизнь.

Далма замечает такси, и начинается гонка между ней и кем-то еще. Она побеждает и защищает дверь пассажирского места, как если бы это было дело ее жизни. Я стараюсь как можно быстрее добраться до машины, не упасть, и когда я достигаю машины, усаживаю Ориона посередине и пристегиваю его ремнем безопасности.

"Он в порядке?" - спрашивает водитель.

"Нет," - говорит Далма. "Пожалуйста, доставьте нас в больницу Ленокс Хилл."

"Вызовите скорую помощь." - говорит он.

"Мой брат умрет в вашей машине если вы не поедите прямо сейчас", говорит Далма.

"Этого-то я и боюсь."

Водитель начинает ехать и продолжает смотреть на Ориона во зеркало заднего вида. И это происходит не только на красных светофорах, а и во время активного движения. Именно из-за таких водителей моя сестра чуть не погибла.

"Можете ли вы, пожалуйста, смотреть на дорогу?" Мое "пожалуйста" не скрывает оттенка раздражения в моем голосе, но это помогает.

Во время поездки я не мог не задуматься, не подвергаю ли я Ориона и Далму опасности, находясь в этой машине. Если я обречен умереть, не делает ли это меня магнитом для смерти? Я не знаю, но чувствую себя так одиноко. Ведь вся суть того, что Декеры получают эти звонки о последний день, дается им возможность уладить свои дела, обнять своих родных и друзей в последний раз? Полагаю, что это не имеет значения, так как моя семья находится на другом конце страны.

Я протягиваю руку к своему телефону, готовый набрать Скарлетт и сообщить ей эти новости. Но его нет в моем кармане. Я трижды проверяю карманы своих штанов, словно с третьего раза он волшебным образом должен появиться. Конечно, ничего. Где я мог...

Черт возьми.

Я так и не положил телефон. Я не успел. Когда я завершал разговор с Хоакином Роза, я услышал первый выстрел и замер. Затем Орион сбил меня, и телефон, должно быть, выпал из моей руки. Это самое худшее начало моего последнего дня на этой планете. Вернуться на Таймс-сквер и искать телефон было бы крайне глупо. Одурачить самого себя один раз - позор Нью-Йорку. Одурачить себя дважды - позор мне, что я рискую своей жизнью, чтобы позвонить своей сестре, и надеюсь, что Отдел Смерти позвонит снова, чтобы сказать, что это на самом деле это не мой последний день.

Телефон пропал. Я должен принять это так же, как и свою судьбу.

Кроме того, он уже выполнил свою главную задачу.

Никакой другой звонок не станет столь жизненно важным, как тот, который начал этот беспорядок.

Хоакин Роза

Хоакин Роза

00:21

Это точно не так, как Хоакин представлял себе запуск Отдела Смерти.

Он верил, что звонки будут проще.

Статистически, в праздничные дни наблюдаются резкие скачки смертности. Больше водителей на дорогах - больше аварий. Курение вместе с членами семьи может привести к проблемам с легкими, и если из-за праздников нет возможности получить медицинскую помощь в переполненных отделениях неотложной помощи, этот день можно считать потерянным. Не говоря уже о всех самоубийствах в этом беспощадном мире. Все это болезненно, но в конечном счете, не редкость. Но сегодня это не обычный праздник.

Может быть, еще слишком рано, но Хоакин ожидал, что начнут поступать благодарности. Сколько людей живут иначе, более осознанно, узнав, что это не обычная суббота, а их последняя суббота, их единственный последний день?

Вместо того чтобы считать Хоакина ангелом, они называют его дьяволом.

"Они говорят обо мне, как о злодее", - говорит Хоакин своей жене. Он находится в командном помещении, просматривая Твиттер на своем ноутбуке, пока Найя оглядывается через плечо. Все это так обидно. Это как дать пощечину. Никто не знает, какие жертвы он принес, чтобы предоставить эту информацию обществу. "Мир знает, что я не изобрел смерть, верно?"

"Ты переосмысливаешь смерть", - говорит Найя.

"Я переосмысливаю то, как мы живем со смертью", - возражает Хоакин.

"Я хорошо знакома с принципами Отдела Смерти, любимый", - она садится рядом с Хоакином и осторожно берет его руки в свои. "Но остальной мир все еще учится. Я предупреждала тебя, что выбрав быть

таким открытым, ты также станешь воплощением смерти, пока люди не поймут иначе."

Хотелось бы, чтобы Хоакин был настоящим мистическим правителем из космоса, чтобы он мог заглянуть в будущее и узнать, когда это издевательство прекратится. Он хочет прочитать больше комментариев, найти громкий голос, который вдохновит других по-другому смотреть на эту ситуацию, напомним всем, что Хоакин - человек с этой планеты и с любовью к жизни.

"Я просто пытаюсь помочь", - говорит он, задаваясь вопросом, была ли это ошибка. Возможно, Отдел Смерти должен был остаться тайной.

"Ты помогаешь," - говорит Найя. "Но пока они не поверят в тебя, не забывай о тех, кто уже верит. "

Хоакин смотрит на свою блестящую, прекрасную жену, молясь, чтобы Отдел Смерти не позвонил ни одному из них до тех пор, пока они не достигнут хотя бы ста лет, чтобы прожить долгую жизнь вместе. Во время своих свадебных клятв он сказал Найе, что хочет любить ее даже тогда, когда на ее лице будет больше морщин, чем на всех рубашках, которые он сворачивает и бросает в шкаф в конце дня. Она посчитала его смешным, даже когда другие не понимали его юмора, и так же, как в первый раз услышал ее смех в кафе, он понял, что это песня, которую он хотел бы слушать повторно в течение всей своей жизни.

Хоакин и Найя оборачиваются, и их взгляд падает на их сына. Алану всего девять лет, и им потребовалось столько же лет, чтобы зачать его. Они оба пытались раз за разом, затем отчаялись, и снова пробовали без успеха. Хоакин винил себя, был в ярости от всех этих сперматозоидов, которые бродили во время этой гонки и даже не беспокоились пересечь финишную линию. Он сопротивлялся всем разговорам об усыновлении, потому что он больше всего хотел, чтобы у ребенка был генетический код, связанный с его собственным, разумеется с Найей.

Чудо произошло, и вот он, Алано Ангел Роза.

Он спит на диване со своим новым щенком немецкой овчарки, будто сегодня ночью не начался золотой век.

С учетом того, как развивается ночь, может быть, лучше, что его сын не стал свидетелем всех этих ужасов.

Хоакин может и не быть дьяволом, но пусть все так думают, если они хотят.

Они вскоре вспомнят, кто на самом деле монстры, и поймут, что он был героем всегда.

Валентино

Валентино

00:29

Когда мы едем в больницу, я не могу не задаваться вопросом, что же убьет меня.

Если бы Орион получил звонок от Отдела Смерти, у него были бы все основания подозревать, что его сердце окажется ответственным за его смерть.

Но что насчет меня?

Это может быть что угодно.

Автомобильная авария кажется подходящей. Жестокая судьба, достаточно схожая с аварией Скарлетт, только на этот раз она будет действительно смертельной. Могу упасть в один из открытых люков и истечь кровью в канализации. Или сбегать от огня, только чтобы упасть с пожарной лестницы. Ненавидел бы эту иронию. Вариантов странных несчастных случаев бесконечно много.

Но до сих пор самой большой угрозой был человек с маской черепа. Он не стал доводить дело до конца, что заставляет меня думать, что он на самом деле не преследовал меня. Но что, если кто-то действительно хочет меня убить? Кого я мог так сильно разозлить? Я был вежлив к сотруднику аэропорта, который помог мне найти мои чемоданы на конвейере. Дал чаевые таксисту. Мой арендодатель, полагаю, не мой фанат, но убив меня, он не получит деньги за аренду. Единственные другие люди, которых я лично знаю в этом городе...

Единственные другие люди, которых я знаю в этом городе, находятся со мной на заднем сиденье этого такси.

Это смешная мысль. Орион и Далма — добрые, приветливые жители Нью-Йорка, которые пережили так много. Они не навлекли бы такую утрату ни на кого другого. Кроме того, трудно представить Ориона в роли убийцы. Он самый уязвимый человек в этой машине. Но с другой стороны, это не

обязательно должно быть убийство. Что, если нахождение рядом с Орионом, человеком, находившимся так близко к краю смерти, привлечет ко мне неприятности? Этот самый маршрут до больницы может стать моей гибелью, машина может врезаться в мою дверь прямо сейчас...

Я должен остановиться.

Это не помогает.

Орион и Далма не представляют для меня опасности. Если кто-то хочет убить меня, то, вероятно, это кто-то другой, кто хочет занять мое место в рекламной кампании.

Нет.

Я больше не буду размышлять о том, кто желает мне смерти.

Ведь я не являюсь предсказателем, который может раскладывать карты и узнавать свою судьбу. Мне уже сказали все, что нужно знать: я умру сегодня ночью или, если повезет, позже. Хотя ничто из этого не кажется утешительным или счастливым.

Мы прибываем в больницу Ленокс Хилл, и я несу Ориона по коридорам, пока Далма ведет меня в приемный покой. Все движется настолько быстро, медсестры подходят к приемному столу и осматривают Ориона, пока Далма рассказывает им о его состоянии. Я кладу Ориона на каталку и говорю ему, что все будет хорошо.

Медсестра уводит Ориона за ширму. "Только родственники," говорит она, когда Далма следует за ней.

"Я его семья," отвечает Далма.

Медсестра кажется сомневающейся. "По крови?"

"По закону," - отвечает Далма.

Медсестра кивает и закрывает ширму вокруг них.

"Ориону позвонил Отдел Смерти?" слышу я вопрос от медсестры.

"Нет. Давайте не будем давать им повода," - говорит Далма.

Вопрос медсестры нереален. С тех пор, как была объявлена система Отдела Смерти, много обсуждалось о том, какую роль должны выполнять медицинские специалисты в отношении Декеров. Стоит ли тратить

ресурсы на пациента, который все равно умрет? Должны ли врачи лечить всех, не зависимо от того звонил ли Отдел Смерти человеку или нет?

Мысль о том, что если бы Ориону позвонил Отдел Смерти, его могли бы не принять на лечение, ужасает.

Это станет моей реальностью.

Я наверняка попаду в ужасную аварию до следующей полуночи.

Если меня привезут в больницу, попытаются ли врачи спасти мою жизнь?

Или просто будут стоять рядом и наблюдать, как я умираю?

Орион

Орион

00:36

На моё лицо падает тёплый свет, как будто я собираюсь отправиться в загробный мир или что-то в этом роде.

Но я знаю, что это не то.

Медсестра открывает мне глаза, изучая мои зрачки и спрашивая моё имя. Прежде чем я могу ответить, Далма опережает меня.

"Орион. Орион Паган."

"Мы проверяем, знает ли он", - говорит медсестра.

"Хорошо, поняла. Прошу прощения", - отвечаю я.

Я не вижу Далму, но знаю, что она в панике. "Всё в порядке, Далма", - удаётся мне выдать.

"Он знает моё имя", - говорит Далма. "Это значит, что с ним всё хорошо, верно?"

То, что я больше не лежу на Таймс-сквер, ещё не значит, что я в полной безопасности. Многие не знают об этом, но сердечные приступы могут продолжаться часами. Забудьте все телешоу, где персонажи в одну минуту хватаются за грудь, а в следующую умирают. Это не так, хотя иногда такая смерть кажется милосердной.

Да, благодаря Далме и Валентино мне удалось попасть сюда максимально быстро, но я всё ещё нахожусь опасности. Все всегда говорят, что моя жизнь бесценна, и это значит, что приходится платить, чтобы продолжать её жить. Тем не менее, Даяна и Флойд не спешат проверять почту, когда мы ждем новый счет. Иногда я думаю о том, что семья Далмы могла бы сделать со всеми этими деньгами, если бы я просто уже умер. Как же дорого стоит быть живым, когда ты всегда при смерти.

Хоакин Роза

Хоакин Роза

00:40

Хоакин находится в колл-центре, наблюдая за глашатаями, которые обрабатывают первые звонки.

На текущей смене работает двадцать глашатаев. Все происходило быстро в июле. Это было необходимо, так как компания была анонсирована практически за одну ночь. За меньше чем сорок восемь часов Хоакин собрал основную команду, всех людей, которых он знал много лет и на которых он мог положиться как на собственную жизнь. Затем пришло время найти первую волну глашатаев. После тщательных проверок кандидаты должны были пройти три этапа, прежде чем быть принятыми на работу. Первый этап - это телефонный разговор с менеджером по персоналу Отдела Смерти, который игнорировал всех кандидатов, задающих вопросы о секретах компании, видя это как красный флаг, что они больше интересуются разгадкой тайны, чем улучшением своей работы. Второй этап - это десятиминутная встреча с Найей, где она задавала им вопросы о их жизни и позднее оценивала, насколько они являются сострадательными в короткий промежуток времени. Имея свои собственные трудные опыты с врачами за годы, она знает, что принадлежность к отрасли, придающей приоритет заботе о благополучии, не обязательно делает человека хорошим. Последний этап - это серия практических звонков, которые Хоакин наблюдал лично, чтобы увидеть, является ли кандидат эмпатичным и терпеливым, но не слишком терпеливым на риск другим Декерам которые не получают свое предупреждение, потому что глашатаев нет на линии.

И сейчас Хоакин наблюдает за своими сотрудниками в действии, двигаясь по колл-центру как учитель в своем классе, пока студенты сдают экзамен. То, как глашатаи справятся сегодня, определит их будущее в этой компании.

Ставки слишком высоки, чтобы быть неудачником в этой работе.

Его звездным глашатаем без сомнения является Роа Уэтерхолт, который переключился с горячей линии по предотвращению самоубийств на звонки людям, чтобы сообщить им, что они умрут, с той же заботой, с которой он раньше спасал жизни. Казалось, что кризисное консультирование слишком сильно влияет на их сердце, не всегда зная, продолжил ли человек жить. По крайней мере, в Отделе Смерти Роа знает судьбу человека на другом конце звонка. Если Роа продолжит хорошо работать, Хоакин планирует повесить его до того, чтобы он путешествовал по стране, обучая будущих глашатаев, по мере расширения компании. Его самым неожиданным наймом была Андреа Доханью, чье довольно обширное резюме вызвало определенные опасения, но ее страстная любовь к дочери действительно впечатлила Найю, и то, как Андреа общалась с клиентами с тактичностью, впечатлило Хоакина; она эффективно справляется со своими звонками сегодня вечером. То же нельзя сказать о Роландо Рубио, бывшем консультанте начальной школы, который проявлял замечательное сочувствие во время тестовых сессий, особенно во время симуляции, где он должен был разговаривать с родителем о его умирающем ребенке, но сегодня он работает слишком медленно, застревая на своем первом звонке, как будто его задача помочь Декеру составить план каждого часа своего последнего дня. Возможно, ему лучше работать в качестве директора по похоронам, где его сочувствие будет лучше оценено, и, что самое важное, где время не имеет значения.

Хоакин приближается к Роландо, постукивая по своим часам, побуждая его закончить этот звонок.

"Не могу," прошептал Роландо с глазами, наполненными слезами, продолжая разговаривать с Декером. Хоакин восхищается преданностью Роландо. Каждый Декер- это человек, и все люди заслуживают уважения. Слишком много людей на протяжении времени не получали достойного уважения на своей смертельной одре. Но то, что Хоакин хочет передать своим сотрудникам, это необходимость найти золотую середину.

Через несколько минут, когда Роландо, наконец, произнес завершающее прощальное сообщение, он пролистывает свой компьютер, чтобы найти информацию о следующем Декере, как будто Хоакин не следует за ним.

"Подожди минуту," говорит Хоакин.

Роландо смотрит на своего босса. "Это потому что я работаю недостаточно быстро?"

"Я хочу, чтобы вы знали, что я ценю всю вашу работу сегодня вечером", - говорит Хоакин, надеясь успокоить Роландо, который явно расстроен.

"Забота, которую вы проявляете, будет иметь значение для всех Декеров и останется с ними во время их последних часов, я уверен в этом. Просто мне нужно, чтобы вы провели больше звонков до конца ночи."

"Это намного сложнее, чем кажется," - говорит Роландо.

Роландо не обращал внимания, когда Хоакин совершал первый звонок сегодня вечером? Он не понимает, что Хоакин является создателем Отдела Смерти и, возможно, знает немало о трудностях этой работы? Он не подозревает, что, хотя сегодня официальное открытие программы для всей страны, Хоакин не впервые сообщает людям, что они умрут? Потому что это не первый случай для Хоакина.

"Я понимаю, что эти разговоры сложные, даже невозможные," говорит Хоакин. "Но у нас есть ответственность перед каждым, кто оплачивает наши важные услуги."

"Этот старик не спрашивал, почему его кабельное телевидение не работает. У него не было никого в его жизни. Я не мог просто положить трубку."

Хоакин подумывал о том что бы установить автоматические таймеры для звонков, чтобы обрывать линию через пять минут, чтобы глашатаем не приходилось оказываться в такой ситуации. Возможно, это стоит пересмотреть в конце первого месяца, используя среднее время звонков для определения этого магического числа минут.

"Когда вы тратите время, рассказывая одному Декеру о его последнем дне, подумайте о тех, кто умирает, не зная, что их время вышло," напоминает он, зная, что повторял это снова и снова на занятиях перед обучением к сегодняшнему дню. Но теперь, когда глашатаи связываются с реальными людьми, которые действительно умирают, срочность этого заявления должна нести больший вес, чем когда-либо раньше.

Роландо кажется разбитым, протирая глаза. "Я сделаю все возможное. "

"Не беспокойся о том что бы сделать все идеально сегодня вечером", -

мягко говорит Хоакин. "Это придет с опытом. Просто постарайтесь улучшить свои усилия, чтобы вы могли помочь большему числу людей, нуждающихся в вашей заботе."

Хоакин разрешает Роландо вернуться к работе, надеясь, что он наверстает упущенное время. В противном случае, работа в морге не является плохой идеей. Те, кому нельзя доверять звонить людям перед их смертью, лучше заниматься ими, когда они умерли.

Роландо Рубио

Роландо Рубио

01:04

Отдел Смерти не позвонил Роландо Рубио, потому что его сегодня не ждет смерть, хотя, согласно его боссу, кажется, что Роландо будет виноват в смерти каждого, кто умрет, не зная, что это его последний день. Всё из-за того, что он провел слишком много времени на телефоне с одним Декером. Простите его за заботу и скорбь о незнакомце.

Становится все более ясно, что Роландо не подходит для работы глашатая Отдела Смерти. Конечно, он посмотрит, как будет себя чувствовать к концу ночи, но если это не сработает, он, вероятно, вернется к работе консультанта по направлению в общественных школах, чтобы помогать выявлять проблемы у детей, которые приводят к снижению их оценок или неправильному поведению в классе. Иногда это была из-за скорби, и Роландо всегда был озадачен тем, почему родители не сообщали ему или учителям о потерях, чтобы они могли быть внимательны к любым изменениям в поведении. Роландо отлично входил в контакт с учениками. Он создавал для них пространство, где они могли плакать. Он контролировал их в спортзале, чтобы они могли выпустить пар. Он давал им время для принятия потери. Но этот роскошь не предоставляется Декерам. Они должны просто принять свою смерть, которая наступит в любой момент, чтобы глашатаи могли идти дальше.

Он считал, что иметь доброе сердце будет преимуществом для этой должности, но, возможно, вырвав его из своей груди, будет лучше для всех, включая его самого. Если у него нет сердца, значит, его нельзя сломать.

Один час прошел, и он начинает себя сломанным.

Как бы он мог иначе?

Первый и самый долгий звонок Роландо совершил пожилому мужчине, который проснулся от оповещения в замешательстве и страхе, думая, что это все сон. По мере того, как Декер, Клинт Суарез, начал осознавать свою

реальность, это сломало Роландо. Клинт был так одинок, что хотел рассказать свою жизненную историю кому-то, даже тому, кто предсказал его смерть. И Роландо прислушался и слушал историю Клинта о танцевальной карьере, и посоветовал ему включить его любимую песню и танцевать в последний раз перед окончанием разговора. Почему разговор с восьмидесяти семилетним человеком так труден? Роландо ожидает, что Клинт умрет от старости, но что, если у него случится сердечный приступ во время танца? Это вина Роландо? Вина Отдела Смерти? Так ему всегда было суждено умереть?

У Роландо нет ответов, и нет времени их искать.

После выговора с начальником двадцать минут назад Роландо пытается двигаться быстрее по своим звонкам. Но как не оставаться на линии с девятнадцатилетней девушкой, у которой впереди целая жизнь? Или не попытаться позвонить мужчине снова и снова, когда он не отвечает на телефон, надеясь, что Декер не умер до того, как Роландо смог дозвониться до него?

Честно говоря, единственный звонок, который Роландо был бы рад сделать сейчас это звонок девушке которая уже ушла домой, Глория Дарио , хотя он предпочитает думать о ней под ее девичьей фамилии, Медина. Забавная история о ее сыне, Пазе, напомнила ему, что жизнь не заключается только в смерти. К сожалению, его телефон находится в его шкафчике, чтобы он мог сконцентрироваться на текущей задаче, и сейчас уже слишком поздно беспокоить ее. Ее муж, Фрэнки, расстроится, если Роландо разбудит всех; у него человека агрессивный характер, и Глории пришлось бы все это терпеть.

Еще большей правдой является то, что Роландо не против бы увидеть имя Фрэнки на этом компьютере, предвещающее его смерть, но, к сожалению, Фрэнки не зарегистрирован на эту услугу. Если бы он был, это дало бы Роландо более чем достаточную причину продолжать работать в Отделе Смерти. Это был бы единственный звонок о последнем дне, который Роландо мог бы сделать с улыбкой на лице.

Андреа Доханью

Андреа Доханью

01:07

Отдел Смерти не позвонил Андрее Доханью, потому что она не умирает сегодня, но то же самое нельзя сказать о девятнадцати Декерах, которым она позвонила за последний час.

Ну, может быть, то же самое можно сказать и о них.

Кто может сказать, действительно ли существует Отдел Смерти.

Не Андреа. Ей не нужно знать большой секрет компании (хотя если бы кто-то предложил ей сделку, которая стоит того, чтобы рискнуть ее хорошей зарплатой и удивительной страховкой на жизнь, она могла бы уговориться кое-что выяснить. Частные школы, в которые она надеется отправить свою дочь, обойдутся недешево). Она следит за своими делами - в основном. Она не может не заметить, что ее коллега-глашатай Роландо плохо справляется с этой работой. Как он мог потратить сорок минут на один звонок? Андреа верит в доброту, но, черт возьми, неужели дружить с тем, кто собирается умереть, не имеет никакого значения? Это как выбрасывать деньги в унитаз. Этот человек не станет пожизненным другом, который придет на вашу свадьбу или на похороны. Он не будет праздновать ваши успехи или поддерживать вас в поражениях. Его не будет на следующий день вместе с вами.

Каков смысл?

После того, как Роландо положил трубку своего звонка, который, безусловно, был короче первого, но все равно не слишком быстр, Андреа понимает, что ей нужно вмешаться.

"Роландо," шепчет она. "Могу я дать тебе совет?"

Он кивает с слезящимися глазами и без решимости.

"Сделай себе одолжение и перестань думать об этих Декерах как о людях," говорит она, поворачиваясь к своему компьютеру и набирая следующий

номер, потому что время имеет значение - еще один важный урок, который ему нужно выучить. "Просто предупреди и двигайся дальше. Приобретение чьей-то жизненной истории - это не то, что ты должен принести домой в конце дня."

Он смотрит на нее, и она понимает, что ее слова пролетели мимо него, точно так же, как когда она дает дочери бесценные советы. Она сказала свою точку зрения и больше не будет беспокоить его.

Андреа возвращается к работе, когда двадцатый Декер за эту ночь поднимает трубку.

"Здравствуйте, я звоню из Отдела Смер..."

Хотя у Декеров теперь может не быть будущего, Андреа уверена, что у неё здесь в Отделе Смерти будет долгое будущее.

Валентино

Валентино

01:11

Ненавижу приемные покои.

Восемь часов, проведенных Скарлетт на операции, я не мог сидеть на месте - я не мог ждать. Казалось, что у меня вообще нет этой способности. Поэтому я пытался занять себя чем-то . Когда мама была голодной, я шел в кафетерий и приносил ей еду. Когда папа был уставшим, но не мог позволить себе уснуть, я нашел для него крепкий черный кофе в этом маленьком кафе через дорогу от больницы. Когда парковочный автомат требовал пополнения, я приходил с карманными деньгами каждый час. Во всех остальных моментах я ходил по коридорам или умывался в ванной, мыл мои руки и волосы, знакомился с медсестрами или перелистывал журналы, искал забавные сплетни, чтобы потом рассказать Скарлетт, когда операция окончится. Когда она будет в порядке.

Ждать, чтобы узнать, будет ли твой любимый человек жить, - мучительно.

Ждать своей смерти - тоже ужасно.

Хотел бы я быть парковочным автоматом, чтобы с помощью четвертака купить еще время. Особенно сейчас, когда Скарлетт не отвечает на мои звонки, возможно, она слишком занята или не узнает номер. Медсестра дважды позволила мне пользоваться телефоном на стойке, и я не думаю, что третий раз принесет удачу. Но сейчас мои руки связаны. Скарлетт должна знать, что происходит, особенно перед тем, как она сядет на свой рейс через пару часов. Если медсестра снова недружелюбна, я могу воспользоваться статусом Декера. Она либо проявит крайнее сочувствие и приготовит мне стул, чтобы я заспамил свою сестру звонками, пока она не ответит, или выгонит меня из здания из-за опасений, что я ставлю пациентов под угрозу. Я не знаю, что я сделаю, если меня выбросят на улицу, как какую-то тикающую временную бомбу; возможно, именно неизвестность делает кого-то обеспокоенным принимать в своем пространстве человека, который знает что это его последний день.

Пока что я сижу здесь в приемном покое. Не о ком заботиться, так что я делаю то, для чего этот покой и предназначен.

Жду.

Жду, пока Далма выйдет из травмпункта.

Жду, пока сердце Ориона успокоится.

Жду преждевременной смерти, которая может наступить в любой момент, даже в эту секунду...

Все стоит в страшной тишине.

Кажется, будто я уже умер и нахожусь в чистилище, вечной комнате ожидания жизни.

Хотя, предполагаю, что я все еще жив, потому что в чистилище, наверное, нет автоматов с закусками, как тот, что находится напротив меня. Он гудит, как будто хочет сказать мне, что он здесь. Пригласить меня потратить деньги, которые я не могу использовать, чтобы купить еще немного времени, вместо пакетика чипсов или Пепси. Я отказался от всего сладкого пару лет назад, так как моя улыбка и фигура - труд моих стараний. Я встаю с этого неудобного стула и уставился в автомат на газировку, чипсы, шоколад и конфеты. Я забываюсь в размышлениях, вспоминая все те разы, когда я отказывался от десертного меню, или куска пирога, или сладкого леденца в кинотеатре, или чего-либо, что могло бы доставить мне радость, если бы я не думал, что это угрожает моему телу.

Так сильно заботиться о своей карьере означало не заботиться о том, как я живу.

Я чувствую себя таким глупым сейчас.

Я беру свой кошелек. Я готов потратить каждый доллар на то, чтобы компенсировать упущенные удовольствия еды, когда я слышу свое имя.

"Валентино," - говорит Далма, появившись из ниоткуда. - "Ты все еще здесь".

"Я должен был уйти?" - спрашиваю я.

"Нет, совсем нет. Удивительно, что ты остался здесь, учитывая... ну ты знаешь. "

Я застрял здесь. Вернуться в свое новое место не имеет особого смысла. То же самое с покупкой билета обратно в Аризону. Я потеряю слишком много ценных часов только на поездке. К тому же, я не могу этого сделать, пока не свяжусь со Скарлетт, чтобы остановить ее от посадки на самолет и убедиться, что мы не разминемся самолетами ночью. Если честно, я не знаю, что для меня лучше. Я слишком перегружен, чтобы думать разумно.

"Я здесь на данный момент. Как Орион?"

Далма устраивается на место, опираясь головой о стену. "Они стабилизировали его. Ему будет хорошо."

"Он останется на ночь?"

Далма пожимает плечами. "Возможно. Моя семья ждет, чтобы узнать, что случилось, прежде чем вернуться из Огайо".

"Твоя семья?" Тогда я вспоминаю, что случилось с его родителями. "Оу. Так он живет с тобой?"

"Мы живем вместе. Это его дом тоже", - говорит Далма, поднимаясь. - "Прости, я не огрызаюсь на тебя. Я просто очень хочу, чтобы Орион никогда не чувствовал себя посторонним".

"Нет, я понимаю. Иногда я сам хожу по тонкой грани, будучи близнецом".

"Она уже знает?"

"Я не смог ее дозвониться. Я потерял свой телефон на Таймс-сквер и..."

"О боже, правда?" - перебивает Далма.

"Я это понял в машине, но не хотел беспокоить тебя".

Далма внезапно подскакивает со своего места и готова дать свой телефон. "Используй мой. Ты знаешь ее номер наизусть?"

Я киваю. Номер Скарлетт - единственный, который я знаю наизусть. У нас одинаковые коды и первые три числа, но последние четыре цифры разные. Мы всегда считали свои телефонные номера также разнополыми близнецами.

"Спасибо большое".

Я набираю номер Скарлетт, отчаянно надеясь, что она ответит, хотя у меня нет никакого представления о том, как начать рассказывать ей, что

сегодня у меня последний день жизни. Что в течение следующих двадцати трех часов она станет единственным ребенком. Если, конечно, не суждено случится что-то ужасное и с ней тоже. Тогда мы войдем и выйдем из этого мира вместе. Но я не хочу этого для нее, не больше, чем для себя. Если бы мне дали выбор, я бы хотел, чтобы Скарлетт осталась жива, а я умер. Я знаю это потому, что когда она была в больнице, я надоедал каждому врачу и медсестре, говоря им, что они могут отдать ей мои органы, чтобы Скарлетт была спасена. И хотя я не так религиозен, как мои гордые и строгие католические родители, я нашел веру, когда пошел в часовню и молился Богу взять меня вместо моей сестры. Похоже, он слушал и ответил на мою просьбу.

В отличие от Скарлетт.

Это нормально. Это дает мне больше времени, чтобы разобраться, как рассказать новости. Время, которое я надеюсь у меня есть.

01:28

Звонки на Последнего Дня управляются часовым поясом зарегистрированного города Декера. Это означает, что если бы я был здесь как посетитель, Отдел Смерти еще бы не связался со мной. Я был бы не первым Декером. Возможно, если бы я никогда не переехал сюда, я бы не стал Декером вовсе.

Но игры с мыслями об этом никуда меня не приведут.

Вместо этого я беспокоюсь о Скарлетт. Она все еще живет в прошлом, все еще живет без Отдел Смерти. То же самое касается всех остальных в Аризоне. У них не будет причин водить более осторожно, и что, если Скарлетт попала в еще одну аварию, и вот почему она не отвечает на звонки?

Чувствую, что не смогу дышать, пока не узнаю, что она в порядке.

После аварии Скарлетт, друг спросил меня, не ощущал ли я, что с ней что-то произошло. Близнецы не обладают конкретным шестым чувством, чтобы знать все, что происходит с другим. Хотя и мы с Скарлетт очень близки. В то время, когда случился звонок от родителей, я был в магазине за новым консилером, потому что темные круги под глазами становились все глубже из-за слишком многих ночей, когда я не мог спать из-за сомнений в своих мечтах стать полноценной моделью. Я не стоял посреди аптеки, где я внезапно бросил корзину для покупок, как будто предчувствие ужаса ударило меня в живот. Все это я почувствовал только после того, как получил звонок от родителей. Хотя я бы хотел закрыть глаза и сконцентрироваться, чтобы услышать сердцебиение своей сестры и знать, что с ней все в порядке.

Но я слышу только гул торгового автомата и приближающиеся шаги. Та же медсестра, что и раньше, которая спросила, звонил ли Ориону Отдел Смерти, останавливается перед нами.

"Орион сонный, но вы можете к нему зайти", - говорит медсестра.

"Спасибо, Мэри Джо", - говорит Далма, поднимаясь. "Пойдем, Валентино".

"Правда?" - спрашиваю я. Я облегчен, что с ним все в порядке, просто я знаю, что я не семья.

"Ты можешь остаться, если хочешь, но ты также можешь зайти к нему".

Я следую за ней. Мне больше чем хорошо покинуть эту приемную, где кажется, что время стоит на месте, хотя драгоценные минуты проходят мимо. В руках у меня телефон Далмы, и я снова проверяю сигнал. Он по-прежнему три из четырех. Далма объясняет это связью в больнице.

Мы входим в приемное отделение и останавливаемся у шторы, за которой находится Орион.

"Тук-тук", - говорит Далма.

"Входи", - говорит Орион.

Я отодвигаю штору, и Орион выглядит намного хуже, чем я ожидал. Кудри приклеены к потной лбу, и его глаза красные, как будто он заразился вирусом. Он дрожит, хотя и завернут в одеяло. Один из этих черных липучек-я не знаю точного медицинского термина-соединяет его с монитором, который выглядит старше компьютера в офисе моей мамы.

Он слабо кивает. "Привет".

"Глупый вопрос, но как ты себя чувствуешь?" - спрашиваю я.

"Просто еще один день жизни," - говорит Орион. Затем его глаза расширяются, как будто он получил очередной удар по сердцу. "Черт, извини. Я ненавижу все это, но я так привык к этому уже и - "

"Все в порядке," - перебиваю его. Ему не нужно волноваться из-за этого комментария. "Я рад, что ты жив. И не могу поверить, что ты живешь таким образом."

"К сожалению," - говорит Орион.

"Мама и Флойд говорят, что хотят вернуться," - говорит Далма.

"Скажи им остаться. Со мной все будет хорошо."

"Ты же знаешь, что они не останутся," - говорит она.

"Тебя госпитализируют?" - спрашиваю я.

"Вероятно," - говорит Орион. - "Думаю, что я еще не избежал опасности."

Я проверяю время. "Звонки от Отдела Смерти скоро закончатся на Восточном побережье?"

"К двум часам," - говорит Далма.

Многое может измениться за полчаса.

Все может измениться за одну минуту.

"Ты будешь в порядке," - говорю я.

Орион дрожит. "Я надеюсь, что и ты будешь в порядке. В смысле, мы буквально увернулись от пули после звонка Отдела Смерти. Может быть, мы изменили твою судьбу."

Эта мысль дает мне надежду, словно я не обречен бродить в свой последний день как зомби.

"Может быть."

"Мне следует проверить, есть ли жертвы среди Декеров," - говорит Далма, забирая свой телефон. "Весь этот процесс может быть нарушен. "

Это первый день работы Отдела Смерти. Предполагая, что их предсказания даже реальны, все равно должно быть место для ошибки. Они не смогут все предугадать верно. Я могу быть ошибкой.

Теперь я зомби, возвращающийся к жизни.

Мой глаз засосало обратно в глазницу.

Моя сломанная челюсть возвращается на место.

Мои кости заживают, а кожа регенерирует.

Я должен позвонить в службу поддержки Отдела Смерти, чтобы подтвердить, что моего имени больше нет в их списке умирать или сервере, или как бы они там не отслеживали Декеров.

Далма поднимает глаза с телефона, в ее глазах ужас. "Мне так жаль. Хоакин Роза только что поделился отчетом несколько минут назад. К сожалению, Отдел Смерти, очевидно, не может отслеживать, кто жив или мертв, потому что, как мы знаем, мы не носим микрочипы, но есть три подтвержденных смерти Декеров."

Таким образом, мой глаз снова выпрыгивает, челюсть становится беспорядочной, а кости пробивают кожу.

Я ходячий мертвец.

"Спасибо за расследование," - говорю я.

"Все еще есть надежда," - говорит Орион.

Я покачиваю головой. "Скорее всего, для меня лучше относиться к этому дню, как к последнему."

Орион и Далма не тратят время на протесты.

Вся надежда исчезла.

"Спасибо за то, что спас мне жизнь," говорю Ориону.

"Независимо от того, сколько времени у меня еще осталось. "

Орион

Орион

01:40

После тяжелого опыта почти-смерти, я осознал что-то важное: у меня большое количество удачи.

Не поймите меня неправильно, обычно я предпочитаю обычные деньги, чтобы купить что-то в книжном магазине или новый ноутбук, который не выключается, как только отключается от зарядки на более чем минуту. Но в такие ночи, когда мое сердце могло бы просто сдаться на Таймс-сквер, я осознаю, что у меня в кошельке накоплено много счастья. Я бы хотел поделиться этим богатством и подкинуть немного удачи Валентино, когда он потеряет всю свою удачу. Может быть, удача спасет и его жизнь тоже.

Я все еще не исключаю, что у него все будет хорошо.

Шторы раздвигаются, и входит врач. У нее кудрявые черные волосы, заплетенные в хвост, и она излучает радость своим коричневым цветом кожи и яркой улыбкой, когда она смотрит на нас всех. "Привет. Я доктор Эметерио". Она снова осматривает наши лица, как бы пытаясь разобраться, кто есть кто для кого. "Все здесь - семья?"

"Я его сестра", - говорит Далма, не утруждая себя правовыми подробностями.

Мне нравится, что доктор Эметерио не вопрошает нас о наших родственных связях, учитывая различные оттенки нашей кожи.

"Я не семья", - говорит Валентино. "Я могу уйти".

"Пожалуйста, не уходи", - прошу я. Я не доверяю внешнему миру, и это включает все, что находится за этой шторой. "У нас всех была очень трудная ночь".

"Так я слышу", - говорит доктор Эметерио, изучая меня и мой ЭКГ, или электрокардиограмму, записывающую мои сердечные ритмы. "Похоже, ваше сердце не получило сообщение о том, что вы хотели хорошо

провести время сегодня вечером. Вам ведь не нравится когда это происходит?" - добавляет она с миганием.

По сравнению с некоторыми другими врачами, с которыми мне приходилось работать, доктор Эметерио приветлива и не обвиняет меня в сердечном приступе. Это огромный плюс для меня. Мой основной врач, доктор Люк, всегда ругается на меня за все плохое, что происходит, когда я веду свою жизнь, будто у меня есть желание умереть.

Наверное, у меня есть желание умереть: но не с сожалениями.

"Тебе восемнадцать лет, так что я рада поболтать с тобой, но ждем ли мы ваших родителей?" - интересуется доктор Эметерио.

"Опекуны уехали из города," - говорю я, не желая разглагольствовать о своем прошлом. "Но я готов начать."

Доктор Эметерио кивает. "Хорошо. Расскажите мне, что произошло сегодня вечером."

Я не знаю, с чего начать, и мой ли это долг.

Мой взгляд упирается в Валентино.

"Отдел Смерти позвонил мне," - говорит Валентино.

Мне так же не нравится слышать эти слова, как и верить в то, что они значат для него. "Потом на меня напали в Таймс-сквер и Орион спас меня."

"И, эм... я пережил ужас вторично - выстрел, борьба за дыхание, смотрю на ночное небо, будто это будет мой последний вздох," - я продолжаю.

"Мое сердце вышло из-под контроля."

"Я дала ему аспирин, чтобы выиграть время," - говорит Далма.

Доктор Эметерио замолкает, и кажется, что свет покинул ее глаза. Я уверен, что она видела все это в больнице, и когда она оборачивается к Валентино, она видит живого Декера, дышащего и ходящего, явное доказательство предсказаний компании Отдела Смерти.

"Мне очень жаль что Отдел Смерти позвонил вам," - говорит она.

Валентино неподвижен, яркие огни сквозь отблеск отделение неотложной помощи освещают его, как будто он в студии. Но сейчас никто не должен

снимать его фотографию, потому что я ненавижу те тысячи слов, которые она бы могла передать. Руки перекрещены, и он уставился на пол, потерянный в своем собственном, действительно испорченном мире, где Отдел Смерти позвонил ему, неизвестный человек попытался его убить и его ожидает испорченная судьба.

"Может быть, проведете ему осмотр или что-то?" - спрашиваю я доктора Эметерио. Просто потому, что кто-то выглядит хорошо снаружи, не значит, что у него нет невидимых угроз. "Возможно, рентген покажет, что там происходит."

Валентино обдумывает это, не поднимая глаз. "Мы знаем, что происходит. У меня случай смерти".

Мне ненавистно видеть Валентино таким поверженным. Поскольку я не могу поделиться удачей, я хочу подбросить ему немного надежды. Просто она не может исходить от меня.

"Доктор Эметерио, наверняка не все предсказания Отдела Смерти сбудутся, верно?"

На одну секунду время останавливается.

Задерживают дыхание.

Глаза не моргают.

Никто не умирает.

Затем одно слово размораживает всех.

"Нет, не все."

Сердца бьются.

Надежда возрождается.

"Кажется, что у Отдела Смерти не будет безупречной репутации, особенно в первую ночь программы", - говорит доктор Эметерио.

Это музыка для моих ушей, и я думаю, что Валентино тоже слушает очень внимательно, словно это станет его новой любимой песней.

"По поводу Последнего Дня нет никакой известной науки или даже научных данных, но так как у меня нет воображения, как у моих детей, я предпочитаю верить, что источники Отдела Смерти работают в той же

области, что и мои." Я не собираюсь нервничать из-за внеземных существ или колдовства, пока кто-то не предоставит мне конкретные доказательства", - с улыбкой говорит доктор Эметерио. "Важно помнить, что с изменением жизни и прогрессом науки происходят ошибки."

"Это вызывает облегчение", - говорит Далма. "Доктор Ориона не верит в Отдел Смерти вообще."

Доктор Эметерио закатила глаза, заслужив себе звание моего любимого врача. "Это неприятно. Это неправильно по отношению к нашим пациентам не принимать Отдел Смерти в расчет, особенно для кого-то, как вы, Орион, кому может понадобиться пересадка в ближайшем будущем, если ваше сердце так и останется стабильным."

"Я в списке ожидания, но мой доктор всегда пытается поставить мне устройство вентрикулярного сердца."

"Это серьезное соображение, если вы согласны с необходимым временем восстановления, что оттягивает ваше ожидание в списке", - говорит доктор Эметерио.

"И это было бы отстойно, если бы мой подходящий донор появился", - говорю я.

Каждый врач, с которым мы консультировались, соглашается, что мне нужно новое сердце, но они также быстро дают мне понять, что моя ситуация не настолько критична по сравнению с другими пациентами, другими словами, я не умираю настолько, чтобы кто-то спас меня сейчас.

Я постоянно играю в тяжелой борьбе с самим собой, и это никогда не заканчивается. Я хочу быть достаточно сильным, чтобы, наконец, победить, чтобы эта игра закончилась.

"Нет простых выборов", - говорит доктор Эметерио.

"Но что-то должно измениться. Это не может продолжаться так всю мою жизнь."

Никто не понимает, как это меня изматывает.

Просыпаться в госпитальных палатах, облегчение, что я побил шансы, но боюсь того момента, когда мне это не удастся. Или запах отбеливателя и почти нормальной еды. Мы даже перестали приносить домой цветы, чтобы пожелать выздоровления, потому что они привлекают мух. Мне

стыдно каждый раз, когда Даяна не справляется с гневом и спорит с врачами, словно они лично скрывают здоровые сердца в холодильнике комнаты отдыха. Я чувствую вину каждый раз, когда моё здоровье встает на пути жизни моей семьи, особенно потому что я на самом деле не являюсь их проблемой.

Но ничего не меняется.

Это будет моя жизнь до тех пор, пока её не станет.

Моя тревога нарастает, словно извержение вулкана, сжимая моё сердце, словно динамит.

Между манжетой для измерения давления и всеми электродами мой кардиомонитор издает звуковой сигнал.

"Дыши, О-Бро, дыши", - говорит Далма, делая гладкие круги на моей ладони.

Легче сказать, чем сделать, но я не проявляю недовольства, она лишь пытается помочь. Просто очень раздражает, когда меня лечат, как будто я дышу после забега на марафоне, когда на самом деле я лежу в госпитальной кровати, и мое сердце бьется быстрее, чем у человека, бегущего на полную скорость. Я пробовал разные народные методы, чтобы поправиться. Сначала мы добавляли рыбу в каждое блюдо - рыбные тако, пицца с анчоусами, лососевый чаудер, - чтобы получить все необходимые омега-3 кислоты и снизить риск внезапной сердечной смерти. Но, честно говоря, я облегчился, когда это не сработало, потому что эти блюда были такими отвратительными, что совершенно не для меня; после этого я перешел на полностью вегетарианское питание. Затем мы экспериментировали с бета-блокаторами, чтобы замедлить сердечный ритм, но у меня продолжались спазмы легких, и задыхаться нельзя, когда ты пытаешься жить. В последнее время я хожу на йогу с Далмой, чтобы укрепить все свои мышцы, но во время этого спокойного времени на ум приходят беспокойные мысли и панические атаки, что, конечно же, разбалансирует мое сердце.

Как сейчас.

Когда всё остальное не срабатывает, я пробую маленькие упражнения, которые можно делать везде, типа того, как вставлять свой палец в рот, чтобы вызвать рвотные рефлекс и отвлечь свой разум от негативных

мыслей или прижимаю колени к груди. Но когда атаки сильные, как сегодня на Таймс-сквер, даже такие простые вещи становятся неосуществимыми.

На данный момент я применяю свою любимую технику, просто зажимая нос и рот и стараюсь выдохнуть воздух. Основная идея заключается в помощи мне расслабиться, замедлить сердцебиение и оставаться в живых. Раньше мне было немного смешно делать это перед Командой Янг (так я называю свою новую семью), особенно когда Флойд сказал, что я выгляжу как бурундук с надутыми щеками, но лучше быть высмеянным, чем оплаканным в гробу.

"Молодец," - говорит доктор Эметерио.

"Продолжай," - поддерживает меня Далма, а потом добавляет: "Ну, я имею в виду, продолжай быть молодцом, но снизь свой пульс."

Я чувствую, что собираюсь заплакать, но не могу остановить слезы, потому что я так ненавижу все это. Мои уши заложены, и, наконец, я выдыхаю - сначала воздух, затем громкий рыдания, которое не могло остаться внутри.

Валентино смотрит на меня, будто призрак, наблюдая, как я борюсь за жизнь еще раз.

Я закрываю глаза, сосредотачиваюсь на своем дыхании и говорю себе, что все будет хорошо. Отдел Смерти уже не сможет сделать звонок в течение следующих нескольких минут, так как их время для оповещений о смерти на сегодня подходит к концу. Все замедляется, и я представляю себе хорошие вещи в жизни, на которые я могу надеяться: написание еще больше рассказов, загорание на крыше нашего дома и раскрытие себя, а также влюбиться в человека с доброй душой.

Затем я открываю глаза, и Валентино больше не здесь.

"Как ты себя чувствуешь?" - спрашивает доктор Эметерио

На этот вопрос всегда можно дать тысячи ответов. Я держу его простым.
"Мне хорошо."

"Отлично. Может быть, тебе стоит немного отдохнуть."

Я не могу отдохнуть, когда у меня такое беспокойство.

"Куда ушел Валентино?" - спрашиваю я.

"Я не знаю," - говорит Далма.

"Небольшой совет," - добродушно говорит доктор Эметерио. - "Я не владею внутренней информацией Отдела Смерти, но если они позвонили Валентино, ему лучше действовать так, как если бы их прогноз был верным. Это ужасная потеря, когда кто-то предполагает, что у него есть больше времени, чем есть на самом деле."

Вот тебе и ожидание ошибок.

Но доктор прав, и я не всегда настаиваю на этом.

Я продолжаю пытаться заставить Валентино верить, что у него есть вся жизнь впереди, но это не поможет ему, если он умрет, не успев прожить свой последний день правильно. Если Отдел Смерти ошибается, то это будет счастливым сюрпризом для всех.

"Мне нужна секунда."

Я снимаю манжету для измерения артериального давления и электроды. Несмотря на все возражения, я встаю с кровати и ухожу из отделения неотложной помощи, надеясь успеть найти Валентино, пока не стало слишком поздно. Я облегченно вздыхаю и удивлен тем, что Далма не следует за мной, но, вероятно, некоторые медсестры попытаются вернуть меня на кровать, прежде чем я смогу найти Валентино. Затем я перестаю беспокоиться, потому что мои поиски окончены.

Валентино находится в приемной.

Черт, я так облегчен. Это убило все напряжение по поводу того, где он, что хорошо для моего сердца.

"Вот ты где."

"Почему ты не в постели?" - спрашивает он.

"Искал тебя. Ты совершил какой-то незаметный магический трюк и исчез."

"Прости," - говорит он, встает и помогает мне сесть на стулья, что заставляет меня чувствовать себя чертовски старым, но, думаю, это его забота о ком-то, кто только что вышел из отделения неотложной помощи.

"Мне просто нужно было все обдумать."

"Ничего, я понимаю. Просто я не знал, ушел ли ты, чтобы... чтобы сделать то, что-либо ты будешь делать дальше."

"Я определенно об этом думал, но думаю, что место мне здесь."

"Правда?" - спрашиваю я, задумываясь, связано ли это со мной, что так глупо, потому что что я пытаюсь добиться с кем-то, чье будущее собирается оборваться? Пожалуй, это не глупо, он все еще жив, и его жизнь стоит жить до конца, я доказал это, когда не позволил ему быть застреленным на улице. Но я должен признать, что в моем теле есть косточки рассказчика, и я могу создавать повествование из ничего. Я уверен, что Валентино здесь только потому, что больница - довольно надежное место, если ты собираешься умереть по какой-то загадочной причине.

"У тебя есть телефон?" - спрашивает Валентино.

Я борюсь, чтобы достать телефон из кармана моих узких джинсов.

"Ничего от Отдела Смерти?".

Я нажимаю боковую кнопку, экран загорается сообщениями от Команды Янг, но не пропущенных вызовов. "Нет, но еще не поздно," - говорю я, видя, что до конца звонков Последнего Дня осталась одна минута до 2:00 ночи. Вдруг ощущается, что последняя минута перед полуночью снова наступает, но на этот раз мы не окружены бесчисленными незнакомцами. Это только мы двое, смотрим на часы телефона и ждем, будем ли мы умирать в одиночестве или умрем вместе, или же выйдем из огня вместе.

Часы показывают два, и звонков нет.

Валентино

Валентино

02:00

Отдел Смерти не звонит Ориону, потому что он не умрет сегодня, и я думаю, что знаю почему.

Этот вечер разворачивается, как фотосессия, где я не являюсь субъектом, а становлюсь фотографом, и все становится четким, как будто я переключаю объективы, пока не нахожу самый подходящий. Фон все еще несколько размыт, но если я подстрою диафрагму, свет войдет и выявит истинную модель этой фотосессии. Мальчик с именем созвездия. Я видел только некоторые его звезды на работе, но понимаю их красоту. Орион - главный объект, поэтому я смотрю на него и резкость его карих глаз и изогнутую форму его тела, и когда все соотнесено, как звезды в созвездии, все становится ясным.

"Ты будешь жить," - говорю я.

"Пока, наверное, только до завтра," - отвечает он.

"У тебя будет намного больше времени, чем ты думаешь."

"Так ты обладаешь какими-то психическими способностями Отдела Смерти?"

"Нет, но я думаю, что судьба свела нас вместе, чтобы я мог изменить твоё будущее."

"Я не понимаю."

"Тебе больше не нужен список ожидания, Орион. *Я дам тебе свое сердце.*»

Орион

Орион

02:02

Однажды я написал сказку.

Поскольку сказки обычно короткие, это было проще, чем написание романа. Эти истории смешные, что там только не происходит! Там свиньи строят дома, волки притворяются бабушками, и потерянная стеклянная туфелька помогает найти свою истинную любовь моментально.

А теперь моя. Скажи, если уже слышал эту историю.

Это история о молодом человеке, чье сердце умирает.

Всегда говорят, пиши о том, что знаешь, верно?

Я назвал главного героя Орионисом, как моё имя на латыни, потому что я оригинален, как сам черт. Когда всегда гонишься за секундами, ты не тратишь вечность на выбор имён.

В общем, Орионис всегда был в движении, занимаясь своими делами в этом королевстве, напоминающем Нью-Йорк, когда Смерть появилась из теней и коснулась скелетным пальцем его сердца, превращая его из красного и здорового в серое и рассыпающееся.

"Я умру?" - спросил Орионис, вовсе не задавая «

вопросов о физическом существовании Смерти и так далее, потому что когда ты в сказке, ты просто принимаешь всё таким, какое оно есть.

"Ты можешь остаться жить, если станцует со мной," - сказала Смерть.

"К черту!" - ответил Орионис, не желая такой судьбы.

Но тут у него рассыпался кусочек сердца.

Орионис не хотел умирать, поэтому он обнял Смерть и начал танцевать неотступно с заката до рассвета. Орионис был изнурен, останавливаясь на мгновение, чтобы дышать, и при этом его сердце продолжало расшатываться. Когда он возобновлял танец, Орионис допрашивал

Смерть, пытаясь выяснить, почему он был выбран, ведь он был абсолютно здоров и не рисковал ничем, но Смерть не отвечала. Они танцевали день и ночь, всю неделю, всемесячно, весь год. Каждый раз, когда Орионис делал что-то, что могло бы сделать его счастливым, он терял еще кусочек сердца. В конце концов, у него остался последний кусочек размером с горошину.

Если Орионис остановит танец с Смертью еще раз, он станет её вечным партнёром.

Однажды, когда Орионис был готов положить свой плащ, то есть сдаться, он пересекся с пожилым человеком, у которого сердце было золотого цвета и светило сквозь грудь, словно лучи солнца. Он был такой беззаботный, живя своей жизнью - рыбачил, выступал, готовил, даже танцевал в одиночестве так быстро, что упал на землю, смеялся над собой, пока его лицо не покраснело. Но он потерял весь цвет, когда увидел, как мучается Орионис рядом с Смертью. И вот теперь начинается настоящее именно поэтому всё это у меня в голове.

"Могу я разбить вашу пару?" - спросил пожилой человек у Смерти.

Ослепленное золотым сердцем, Смерть отвернулась. "Нет. Он - мой танцевальный партнёр."

"Я бы хотел танцевать с вами", - сказал пожилой человек.

"Нет", - повторила Смерть. "У тебя слишком яркая жизнь."

Живя с исполненными мечтами, пожилой человек потянулся в грудь и вырвал свой свет, то есть своё сердце, потому что самые тёмные сказки становятся настоящими кровавыми. Он подарил его Орионису, его свечение было таким ярким, что оттолкнуло Смерть, отводя её в объятия пожилого человека. Вместе новые танцевальные партнёры качались, словно дерево сбрасывающее свои листья, и как только они коснулись земли, исчезли в тени Смерти.

Остался один Орионис, заменив своё серое, рассыпающееся сердце на сияющее золотое сердце и жил счастливо до конца своих дней.

Там столько всего, что всегда казалось мне фантазией, особенно обещание о долгой жизни, но теперь мне предлагается реальность.

Валентино хочет подарить мне своё сердце.

Это не какие-то романтические валентинки, это буквально.

Я смотрю на Валентино минуту или час, я не знаю. Я безмолвен перед его невероятно красивым и щедрым жестом, хотя нет никакого шанса, что это всерьёз. Я везуч, но нет никакого шанса, что я настолько везуч. И Валентино недостаточно обдумал это, и именно это я ему говорю: "Ты даже не подумал об этом".

"Не о чем особо думать", - говорит Валентино. "В конце концов, тебе потребуется крепче сердце, и у меня его много".

"Да, но..."

"Без но, Орион. Ты спас мне жизнь, хотя знал, что я умираю. Нет лучшего способа поблагодарить тебя за то, что помог мне прожить дольше, чем отплатить тем же".

"Ты понимаешь, что я не спасал тебя с такими намерениями, верно?"

"Конечно, я это знаю. Ты не какой-то козёл".

Серьёзно, обменять своё сердце на его сердце ни разу не приходило мне в голову. С тех пор, как Валентино получил предупреждение о своём Последнем Дне, я был слишком занят уклонением от пуль, переживанием массивного сердечного приступа и оплакиванием моего друга-кандидата, который все ещё жив, чтобы даже эгоистично задуматься о том, что это может значить для меня.

"Просто скажи \"да\"", - говорит Валентино.

"Слушай, это самая добрая вещь, которую кто-либо хотел бы сделать для меня, но это не так просто. Во-первых, нам нужно быть совместимыми по группе крови и..."

"Мы совместимы", - говорит Валентино, как будто он имеет доступ к моим медицинским записям. "У меня группа крови O".

Это делает его универсальным донором, то есть технически он подходит каждому.

"Никто никогда не знает свою группу крови", - говорю я. Я даже не знал, что моя группа крови A+[2] до тех пор, пока я не стал часто посещать больницу. На самом деле, я был настолько неосведомлённым, что первый раз, когда увидел A+ на бумаге, я прочитал это не как A-позитив, а как A+

в смысле моя кровь получила отличные оценки, несмотря на то, что у меня сердце отказывает. "Почему ты знаешь свою группу крови?"

"Я готовился к худшему после аварии Скарлетт. Я сказал врачам, что я готов пожертвовать органы и кровь, если это спасёт ей жизнь".

Мне обидно, что мир потеряет этого необыкновенного человека.

"Хорошо, предположим, что всё остальное подходит для пересадки", - говорю я, действительно пытаюсь внедрить в его голову, что это сложные вещи. "Это не как обмен подарками на Рождество. Это сердечная хирургия. Я могу у...." Я замолкаю, потому что мне не нужно говорить кому-то, кто собирается умереть, что я боюсь потерять свою жизнь.

"Отдел Смерти тебя не предупредила", - говорит Валентино, отмахиваясь от моей глупости. "Если мы, или, хорошо, ты и врачи, сделаете это сегодня, то ты должен быть в безопасности, верно?"

Если кардиолог подтвердит, что мы совпадаем для операции, это будет решающим моментом и спасением жизни. Наконец-то я могу стать романом, а не короткой историей.

"Это не справедливо", - говорю я.

"Так же, как и то, как ты живёшь, не справедливо", - говорит Валентино.

"Но это не твоя проблема. Ты заслуживаешь жить..."

"Я не собираюсь!" - кричит он, его щеки пылают.

Я знаю Валентино не так долго, но я не думал, что он может так высказаться. Но я не могу на него обидеться - ведь он первый из Декеров.

Он прикладывает руку к своей груди, пытаюсь успокоиться.

"Прости. Я просто..."

"Ты хотел помочь", - говорит Валентино, покачивая головой, как будто стыдится своего вспышки. "Ты не можешь спасти меня, Орион, но я могу спасти тебя. Ты настоящий выживший, дошедший до сюда. Позволь мне помочь тебе прожить долгую жизнь, которую я... я не смогу получить".

Мне бы хотелось, чтобы наша история была как моя сказка.

Валентино должен был прожить множество десятилетий, прежде чем смириться с тем, что передаст своё сердце, как эстафетную палочку,

молодому человеку, которому это необходимо.

Но, если не произойдёт чуда, наша история не закончится "счастливо навсегда".

Она закончится трагедией.

Валентино

Валентино

02:11

Мы не теряем времени и сразу приступаем к делу.

Мгновение, и мы уже все вместе в палате скорой помощи, а затем доктор Эметерио разделяет нас, чтобы провести тесты и выяснить, подходим ли Орион и я друг другу как донор и реципиент. Доктор Эметерио лично проводит анализ моей крови, рентген и другие обследования, которые я и не притворяюсь, что понимаю, ведь я никуда не спешу сдавать завтра экзамен по различию между электрокардиограммами и эхокардиограммами.

В углу стоит небольшой беговой тренажер, и я действительно хочу побегать. Но что, если я оторвусь, как какой-нибудь персонаж из комедии, и моя шея сломается? Умереть от бега на месте. Вот это я понимаю.

Если бы у меня был телефон, я, наверное, сдался бы и загуллил, как умерли другие Декеры сегодня. Некоторые из выстрелов в Таймс-сквер, должно быть, нашли свои цели. Но что насчет остальных Декеров? Кто-то врезался в другую машину или прямо в Декера, переходившего дорогу? А что насчет тех, кто выбрал самоубийство, потому что неопределенность того, как все сложится, слишком для них тяжела? Эти мысли такие угнетающие и депрессивные, и заикливание на них не поможет мне предсказать свою собственную судьбу.

Мне нужно сосредоточиться на жизни, пока у меня она еще есть.

Вся эта подготовка для Ориона уже в полном разгаре, но мне все равно нужно обсудить все с Скарлетт. Ей понадобится мой банковский счет, чтобы сохранить мои сбережения и купить несколько дополнительных месяцев в Нью-Йорке. Надеюсь, она не вернется жить к нашим родителям. Они были не самыми лучшими со мной, но к Скарлетт они тоже не были ангелами. Предполагаю, что Скар все еще не перезвонила мне на телефон Далмы, и это все так нервирует. Она должна заканчивать вечеринку Отдела Смерти и отправляться в аэропорт.

"Если все пойдет хорошо," - говорит доктор Эметерио, рассматривая мой рентген. - "Ваш вклад сегодня может изменить будущее всех пересадок сердца."

"Я даже не успею это увидеть."

Молчание короткое, как и моя жизнь. Звучит пищущий аппарат, никакого страха быть выключенным или отключенным навсегда.

"Обещаю, что я не рассматриваю вас как какой-то объект для испытаний," - говорит доктор Эметерио, встречая мой взгляд. "Я просто хотела предложить некоторое утешение, но прошу прощения, если вы сочли это неуместным."

"Нет, все в порядке. Просто странно, что я уйду и не узнаю, как всё обернется."

"Если бы только Отдел Смерти мог подсказать нам и это," - говорит доктор Эметерио.

Если бы.

Я бы хотел ещё раз поговорить с Хоакином Розой и получить ответы на все свои жгучие вопросы. Изменяю ли я будущее трансплантации сердец? Реально ли Орион выживет после процедуры? Будет ли Скарлетт жить счастливо? И есть самый страшный вопрос из всех. Нет, это не связано с загробной жизнью. Меня это не беспокоит. После смерти я просто умру. Я не ожидаю оттуда что-то большего, особенно потому что я сомневаюсь в своей вере. Меня волнует больше Великое Как - как я умру сегодня? Отдел Смерти не такой же, как католичество, где меня просят верить в Бога и его причины и его рай без каких-либо доказательств. Здесь явно есть конкретные доказательства способностей Отдела Смерти, которые завоевали поддержку президента и правительства и не только.

Мне нужно верить, что Отдел Смерти знает Когда, но не знает Как?

Я не верю в это. Кто-то должен знать.

"У меня есть результаты," - говорит доктор Эметерио.

В глубине души я уже знаю ответ.

Орион

Орион

02:17

Я смотрю на свою рентгеновскую снимку, как на безобразное произведение искусства на стене.

Сердце восемнадцатилетнего не должно выглядеть, как криво выросший картофель, но я так думаю каждый раз, когда мне показывают мои внутренности. Врачи всегда были быстрыми показать мне, как выглядит здоровое сердце, как будто я сам этого не знаю.

"Думаю, рентгены Валентино не хуже его фотографий," говорю я.

Далма поднимает модель сердца из пластика. "Ты никогда не видел его фотографии."

"Он заключил крупную сделку. Они, должно быть, замечательные. Его рентгены тоже, наверное, будут модельными."

Затем я опускаю голову, потому что этот мир собирается потерять тысячи фотографий Валентино Принса.

Далма садится рядом со мной на кровать, скрип бумажной простыни звучит под ней, и она берет мою руку. "Эй, О-Бро. Разговор по душам. Я начинаю волноваться за тебя."

"Послушай, если это будет не его сердце, меня это не беспокоит. Мы найдем подходящего донора. "

"Это не касается пересадки. Я говорю о твоих глазах, полных любви. О том, насколько быстро ты открыл свое сердце, когда речь зашла о твоих родителях. И самое главное, о сердечном приступе, который у тебя был, когда ты спас этого парня. Много сердечных событий."

"Ты думаешь, что я влюблен в Валентино? Нет, я... я просто... я даже не знаю, нравлюсь ли я ему."

"Независимо от того, что думает Валентино, это не главное," медленно говорит Далма, словно объясняет компьютерный код, но также с любовью,

словно передает плохие новости. "Валентино сегодня умрет, Орион."

Я оглядываюсь по комнате больницы, прекрасно понимая, почему мы здесь. "И что ты хочешь этим сказать?"

"Ты не должен слишком привязываться. Это не закончится хорошо для тебя."

"Не закончится хорошо то, что Валентино умрет в девятнадцать," отвечаю я, спрыгивая с кровати. Я действительно не должен ходить, мне следует оставаться на месте. Но я не могу остановить свои ноги, они сами несут меня туда и обратно между стеной с моим светящимся рентгеном и той, где висят анатомические постеры и сертификаты. "Отдел Смерти открыл дверь к уникальной возможности. Большинство доноров не только незнакомцы, но остаются анонимными навсегда."

Зачем мне отталкивать человека, который хочет мне подарить свое сердце?" - говорю я.

Далма спрыгивает с кровати и преграждает мне путь. "Я пытаюсь защитить тебя. Не бороться с тобой."

Я знаю, что ее сердце находится на правильном месте - физически и эмоционально. Но даже с моим огромным воображением я не могу представить, что не познакомлюсь с Валентино, пока могу.

Ибо завтра я не смогу.

Треск в двери, и входят Валентино и доктор Эметерио.

Вот и все.

Неопределенность не очень хороша для человека с моим состоянием, и каждая секунда молчания беспощадна.

"Что случилось?" - спрашиваю я, хочу покончить с этим, как-нибудь.

"Хорошо, что из этого выйдет что-то хорошее," - говорит Валентино, прижимая руку к груди.

Мое сердце пропускает удар, два, десять, сто, тысячу, миллион, и, каким-то образом, я не умираю на месте.

На самом деле, я буду жить.

Но сначала ему придется умереть.

Валентино

Валентино

02:22

Я мог бы прожить всю жизнь, говоря людям, что они будут жить.

Но одного человека будет достаточно.

Орион стоит, словно статуя, хотя, судя по его текущим слезам, он больше похож на фонтан.

"Вау," - говорит Далма. Это все, что у нее есть перед словами потерями. Она сжимает руку Ориона, и словно у нее есть какое-то волшебное касание, которое размораживает его.

Орион летит ко мне в объятия. "Я... я просто... я так... знаешь..."

"Я знаю," - говорю я.

Первый раз я обнял Ориона после того, как он рассказал свою историю о потере родителей. Теперь он получит мое сердце. Это действительно замечательно. Так приятно, как его кудри касаются моей челюсти. Вес его головы на моем плече делает меня по-настоящему приземленным, словно я не был полностью оторван от этой планеты, хотя я единственный в этой комнате, кто умирает сегодня. Что действительно невероятно - это то, как наши сердца бьются друг о друга, словно общаются на своем языке о том, что произойдет дальше.

Я понимаю, что и сам не полностью понимаю все это.

Я поглаживаю Ориона по спине и отхожу. Я даю ему коробку с платками, и он вытирает глаза.

"Я должен позвонить маме," - говорит Далма, собираясь выйти.

"Подожди, Далма? Звонила ли моя сестра?"

Она покачивает головой. "Мы продолжим пытаться, однако."

"Хорошо," - говорю я, даже несмотря на то, что Далма уже вышла. Чем больше я говорю себе, что со Скарлетт все в порядке, тем больше это

начинает казаться ложью. Просто потому, что Скарлетт и я пришли в этот мир вместе, не значит, что мы обязаны уйти вместе. Через полчаса наступит полночь в Аризоне. У Скарлетт еще есть время зарегистрироваться в Отделе Смерти. Надеюсь, она не тоже Декер.

"Как мы будем проводить эту операцию?" - спрашиваю у доктора Эметерио.

Доктор Эметерио жестом приглашает нас сесть, как будто предвидит долгую беседу. Орион и я садимся рядом, наши плечи касаются, когда мы неуютно двигаемся на этих стульях. Доктор Эметерио смотрит, словно не может поверить своим глазам. "Я работаю кардиохирургом много лет, но для меня это впервые, джентльмены. Живые доноры сердца, не участвующие из-за клинической смерти мозга, редки, и даже в этом случае, обычно это член семьи, который принимает участие."

"А не незнакомцы, которые встретились на Таймс-сквер," - говорит Орион.

"Или где-то еще," - добавляю я.

"Действительно. Это очень щедро," - говорит доктор Эметерио.

"Я уже поблагодарил тебя?" - спрашивает меня Орион.

"Тебе не надо..."

"Я не думаю, что сделал. Я просто обнял тебя."

"Все нормально..."

"Боже мой, спасибо тебе. И еще, если ты передумаешь, все хорошо. Ты не обязан это делать ради меня. Правда, я не буду злиться или держать обиду, я буду уважать твой выбор."

"Обида бы не продлилась долго," - говорю я, хотя хотел сделать шутку, но звучу пусто.

Орион краснеет, и ему тоже это не кажется смешным. "Правильно."

Опять тишина. Трансплантация сердца должна была казаться более драматичной, с большим шумом. Двери больницы захлопываются, быстрые шаги, медсестры кричат показатели пациентов, приготовление реанимационных карманов для операции. Но этой ночью было много тишины, потому что у нас есть время. Или, по крайней мере, мы так

думаем. Вот потолочный светильник может упасть мне на голову прямо сейчас, до того, как я даже попаду на операционный стол. Тогда все начнет раздаваться громче, чтобы забрать мое сердце, пока есть возможность.

"Скажите, а кто умрет первым?" - спрашиваю я.

Доктор Эметерио покачивает головой. "Фактически, критично, чтобы ты был в живом состоянии. Нам понадобится ты в состоянии вегетативного сна."

"Так что я буду в коме?"

"По сути да. Но одной из наших самых больших проблем будет получить согласие правильных людей на эту процедуру при таких ограниченных сроках. Мне страшно, что мы ничего не знаем больше об Отделе Смерти, чем общественность, и как врачи, наша этика требует в первую очередь поддержать вас."

"То есть, делать вид, что я не умираю," - говорю я.

"Верно. Это как я сказала раньше: Отдел Смерти может ошибаться. Но мы не узнаем пока..."

"Пока я не умру."

"Или выживет," - говорит Орион.

"Как пойдет," - отвечает доктор Эметерио.

"Так если я выживу, значит, Отделу Смерти нельзя доверять. Но если я умру, это значит, что они правы, но уже слишком поздно что-либо делать? Это тупиковая ситуация? Что мы пытаемся здесь выяснить?"

Я могу обсудить это с комиссией и исследовать период времени, в течение которого мы, возможно, сможем безопасно провести пересадку с вашего согласия, учитывая, что мы не сможем вас спасти, если вы умрете и что вы принимаете это решение из-за Отдела Смерти. Возможно, что если сейчас и до полудня предсказаний будет достаточно верных, мы сможем продолжить. Но я боюсь, что я не могу дать никаких гарантий, потому что все это слишком ново."

Я прищуриваю глаза от перегрузки информацией. Я устал, но адреналин последнего дня держит меня в форме. Больше всего я хочу быть дома

сейчас, даже на своем надувном матрасе, который, наверняка, будет неудобным. Но не так неудобно, как заснуть навсегда и знать, что я уже не проснусь.

На столе осмотра стоит модель анатомического сердца. Оно притягивает меня, как камера притягивает модель. Весит тяжелее, чем я ожидал, и размером со стальной кулак. Я удивлюсь, если это действительно соответствует масштабу. Но что я знаю? Мне едва хватает времени, чтобы следить за доктором Эметерио и становиться экспертом в этой теме.

Я собираюсь перейти к сути.

"Что вы предлагаете мне тогда делать?" - спрашиваю я.

"Если вы серьезно настроены стать донором," - говорит доктор Эметерио. "Я бы остался здесь, в больнице. Если что-то случится с вами, мы будем в лучшем положении для попыток спасти вас. Но если мы не сможем это сделать и вы перейдете в состояние клинической смерти, то мы будем в еще лучшем положении для проведения операции."

"И как только я окажусь в состоянии клинической смерти, мое сердце будет удалено. Затем, когда мое сердце будет удалено, я умру". Эти слова покидают мои губы, отнимая у меня дыхание. Я еще не плакал, и не хочу сломаться сейчас, но вижу, как доктор Эметерио кивает в периферийном зрении моих слезящихся глаз. "Хорошо, и после того как Орион будет усыплен, вы замените его сердце на мое, и с ним все будет хорошо."

"Теоретически, да. При условии, что Орион не отторгнет ваше сердце."

"Я не сделаю этого," - говорит Орион. "О, вы имеете в виду, если мое тело отторгнет его сердце."

Доктор Эметерио кивает, и Орион краснеет.

"Но Орион и я совпадаем, верно? Так что, должно сработать, не так ли?"

"Каждый получатель разный, но в среднем, после пересадки бывают два-три случая отторжения. Какие-то мелкие, какие-то более серьезные. Кто-то сталкивается с ними раньше, кто-то позже. "

В этом новом мире, где мы знаем, когда кто-то умрет, мы все равно не знаем, сколько времени проживет человек после пересадки.

Мне не стоит так сильно этим переживать. В конце концов, это будет

выбор Ориона. Я не могу заставить его принять мое сердце. Но я не могу не беспокоиться. Я не хочу, чтобы мой последний акт доброты убил кого-то.

Дверь открывается, и Далма врывается так быстро, что меня напугало. Как будто за ней гонится кто-то с топором, как в каком-то фильме ужасов, и вот как я собираюсь умереть. Я даже приготовился к смерти, разочаровано, что она пришла раньше, чем я думал - даже раньше, должен сказать. Но на самом деле все происходит иначе. У Далмы звонит телефон, и она передает его мне. На экране видно "Скарлетт (сестра Валентино)", и я чувствую, как во мне накапливается самый сильный крик в жизни.

Я выбегаю наружу в коридор, отвечая на вызов. "Скарлетт!"

"Привет, Вал! Извини, я пропустила твои миллион звонков и сообщений, я забыла выключить телефон с бесшумного режима после поездки на машине. Где твой телефон? Что случилось?"

Я пытаюсь вернуться в комнату ожидания, но внезапно замираю и опускаюсь по стене возле лифтов. Ничего не говорю.

"Вал?"

Скарлетт - единственный человек во вселенной, который может использовать такое прозвище. Многие пытались, но всегда это звучало не так. Кто-то пытается показать, насколько мы близки, хотя на самом деле они не приложили усилий. У меня, очевидно, нет больше истории ни с кем, кроме Скарлетт, и когда мы были детьми, ей было трудно произносить "Валентино", поэтому она стала звать меня Валли, и со временем урезала это до Вал.

"Я здесь," - говорю я слабо, словно меня действительно поймал кто-то с топором. "Ты не за рулем, правда?"

"Конечно, нет. Что происходит? Ты звучишь странно."

"Я собираюсь позвонить тебе по FaceTime."

"Что происходит? Расскажи мне."

"Просто ответь, хорошо?"

Я нажимаю на значок видеокамеры, и она зазвонила один раз, прежде чем появилось лицо Скарлетт. В ее глазах чистая тревога, как когда она

открыла свое первое приглашение от колледжа и обнаружила, что была отклонена. Она действительно страдала и не верила, что у нее будет будущее, пока я не предложил переехать в Нью-Йорк. Но я не знаю, как научить ее жить после моей смерти. Я даже не могу рассказать ей, что происходит, я запинаясь на каждом слове. Но мне не нужны слова с Скарлетт. Так же, как во многих других трудных испытаниях в моей жизни, из последнего, когда мама и папа не отреагировали хорошо на мою сексуальную ориентацию, мне просто нужно посмотреть своей сестре в глаза и заплакать, и позволить слезам говорить за меня. Но не должно быть никакого способа, чтобы моя смерть отразилась на ее лице, потому что я даже не должен был знать об этом.

"Я зарегистрировался в Отделе Смерти, и они позвонили мне."

Она молчит и настолько неподвижна, что я думаю, что связь пропала.

"Нет," - наконец говорит Скарлетт.

Я не знаю полной последовательности стадий принятия, но я знаю, что первая - это отрицание.

"Перестань плакать, Вал, это ведь неправда," - говорит Скарлетт. К сожалению, ее лицо хуже покера. "Эти операторы Отдела Смерти-новички. Они не знают, что делают."

"Я... я разговаривал с Хоакином Росой."

Мне удастся выговорить эти слова, потому что нам не удастся притворяться. Если Хоакин Роза намудрил с звонками последнего дня, то эту операцию нужно закрыть немедленно. Но, возможно, у Скарлетт будет другой аргумент, который я не смогу опровергнуть. Что-то, что даст мне надежду.

"Так он сказал, как он думает, что ты умрешь? Потому что, если нет, то мы не должны придавать большое значение его немногим образованным догадкам. Это может быть необоснованное предположение! Мы не имеем представления о том, как работает Отдел Смерти. Вот почему мы не записывались."

Скарлетт старается быть сильной, но она ломается. Еще одно, что у нас общего - мы оба неухоженно плачем. Мне было бы ужасно, если бы кто-то сфотографировал меня с таким красным лицом и вытирающим сопли, в то

время как Скарлетт могла бы выколоть кому-то глаза. Даже сейчас, когда нас двое, она прячется за рукой, и я вижу луну на заднем плане.

"Вал, это нелогично. Ты в порядке! Почему это происходит?"

Я покачиваю головой.

"Ты рассказал маме и папе?"

"Нет. Я не готов к еще одному разговору о том, как я иду в ад."

"Пусть они не ведут себя высокомерно по этому поводу, иначе мы больше никогда не поговорим с ними". Это обещание промелькнуло в глазах Скарлетт на целую секунду, прежде чем она поняла, что я не могу выполнить его с ней. Или могу, но не так, как она планирует. Следующая волна слез наводнила ее лицо. "Вал, мне нужно успеть на свой рейс. К утру я буду там. "

"Может быть, тебе лучше не приезжать", - говорю я, хотя это противоположность тому, чего я хочу. Мне нужно попрощаться со своей сестрой лично. Я заботлив по отношению к ней. "Это может быть безопаснее для тебя, если ты не приедешь."

"Ни за что на свете я не оставлю тебя одного", - говорит Скарлетт, разблокируя дверь своей машины и усаживаясь за рулем.

Я вспоминаю день, когда она чуть не умерла. "Скар, остановись. Ты не можешь в таком состоянии водить. Просто сядь и дыши."

Как только она успокаивается, мы вместе делаем глубокие вдохи, пока ее тяжелые слезы не превращаются в тихий всхлипывания.

"Не волнуйся обо мне. Я не буду один. Я подружился кое с кем в Тайм-сквер. Это телефон Далмы и..."

Глаза Скарлетт расширяются, и она приближается, как когда мы смотрим триллер и она понимает сюжетный поворот. "Но вдруг они причина того, что ты..."

"Они не убьют меня. На самом деле, они уговорили меня записаться в Отдел Смерти. Они очень хорошие люди."

"Ты не можешь знать этого. Они незнакомцы."

"И, тем не менее, Орион спас мою жизнь."

Она молчит, как будто обрабатывает свои неправильные предположения о сюжете. "Что ты имеешь в виду, что он спас твою жизнь?"

«Все это уже достаточно страшно. Рассказать ей, что на меня пытались напасть, не поможет ей сохранить спокойствие, чтобы она могла безопасно доехать до аэропорта и сесть на рейс.

"Я был на волосок от гибели, но я в порядке."

"Нет, ты не в порядке", - закрывает глаза Скарлетт.

Я не спрашиваю, молится ли она. Это ее личное дело.

"Скар, ты пропустишь свой рейс, если не выйдешь скоро".

Скарлетт собирается. "Хорошо. Прибуду примерно в девять по твоему времени. Хочешь встретить меня в аэропорту? Нет, даже лучше, оставайся там. Ты дома сейчас?" Она прищурилась. "Нет, ты не дома. У нас ужасные бежевые стены, которым нужно перекраситься, а не белые. Где ты?"

Я не могу рассказать ей, что я в госпитале. Если я скажу ей, что я подписываю согласие на пересадку сердца и нуждаюсь в ней рядом, когда я окажусь в коме, то она никогда не доберется до аэропорта. Мы можем поговорить об этом лично. "Я с Далмой и Орионом. Но скоро я вернусь домой".

Она хочет узнать больше информации, но сдаётся. "Оставайся на месте. Скоро увидимся".

"Скарлетт, прежде чем ты уедешь... тебе следует зарегистрироваться в Отделе Смерти. Хорошо?"

"Хорошо."

"Я люблю тебя, Скар."

"Я тоже тебя люблю, Вал."

Мы не заканчиваем разговор. Это, как будто, мы не уверены, увидим ли мы друг друга снова. Мы точно не увидим друг друга, если она пропустит свой рейс.

"Езжай аккуратно. Особенно обращай внимание на дорогу в такое время ночи."

Давить на нее, чтобы она сосредотачивалась на своем путешествии, а не на

моем предстоящем назначении - единственный способ убедиться, что она не уйдет из этого мира вместе со мной.

Орион

Орион

02:38

Я прижимаю руки к груди, чувствуя ровные пульсации моего сердца. Кажется, мое сердце, наконец, ведет себя прилично, потому что оно знает, что мы собираемся его выселить.

Я снова смотрю на свой рентгеновский снимок, думая о том, что если когда-нибудь напишу о этом опыте, я могу использовать его как обложку книги. Или, может быть, я подожгу рентгеновский снимок, чтобы не думать обо всех этих годах, когда мои внутренности были уродливыми и убийственными, как какое-то адское чудовище. Нет, я не могу этого сделать. Отвергнуть свое прошлое - это значит не вспоминать о спасительном вкладе Валентино. Черт, это предполагает, что вообще что-то из этого сработает. Я не знаю, что мы будем делать, если мое тело отклонит его сердце, или сколько у нас даже будет времени, чтобы что-то попробовать, пока я не зашел в тупик.

Я переживаю так много сюжетов, которые я не планировал, когда начинал свой день.

Черт, как же я устал. И Далма тоже. Мы прижались друг к другу на этой обследовательной кушетке, пока Валентино разговаривает с Скарлетт, а медсестры звонят в страховые компании от имени доктора Эметерио, которая занята попытками дозвониться до совета. Вместо того чтобы упасть в обморок, я мечтаю наяву. Не только о том, как изменится моя жизнь, но и для Команды Янг тоже. Далме больше не придется проводить ночи в госпитале из-за меня. Ее семья больше не будет прерывать отпуска из-за меня. Ничья жизнь больше не будет прервана из-за меня. Я не могу сказать вам, насколько легче мне стало от этого.

"Не могу поверить в эту ночь", - говорю, глядя вверх на яркие потолочные огоньки, как будто они звезды.

"И я тоже", - говорит Далма.

"Все меняется из-за Валентино".

"Что дарить парню, который умирает ради тебя?"

"Технически он не умирает ради меня."

"Очевидно."

"Почему это очевидно? Может быть, он умрет ради меня".

"Ты на своей стороне или на моей?"

"Ни то, ни другое."

Далма ударяет меня локтем, и мы смеемся.

Дверь открывается, и Валентино заходит. Его щеки покраснели, а глаза красные

"Привет", - хрипит он, потом прочищает горло. "Привет".

Я встаю с кровати, стыдно осознавая, что мы здесь смеемся, а он через это проходит. "Ты в порядке?"

Валентино качает головой, затем кивает, и это как будто у него глюк. Мне знакомы противоречивые эмоции. Я чувствую их довольно сильно с тех пор, как узнал, что собираюсь жить, потому что кто-то другой собирается умереть.

"Скарлетт в порядке?" - спрашиваю я, чертовски нервничая, что с ней что-то не так.

"Она жива", - говорит Валентино.

Это лучший ответ, думаю я. Его сестра явно не воспримет эту новость хорошо.

"Она регистрируется в Отделе Смерти, потом отправляется в аэропорт и должна прилететь к девяти часам".

Не плохо. Просто нужно сохранить Валентино в живых следующие семь-восемь часов. Это также означает поднять ему настроение. "Есть ли что-нибудь, что ты хочешь сделать, пока ждешь Скарлетт? Поесть что-то? Возможно, твою любимую еду?"

"Это заставляет меня чувствовать себя на смертной камере", - говорит Валентино.

Я хочу провалиться под землю. "Я не это имел в виду".

"Нет, я понимаю. К тому же, я не знаю, где мы найдем лингвини[1] в два часа ночи".

"Ох, приятель. В Нью-Йорке миллион двадцать часовых закусовых".

"Мы можем заказать что-нибудь или принести тебе", - добавляет Далма.

Валентино беспомощно опускается на стул без всякой грации для человека, который буквально является моделью. "Я наконец-то переехал куда-то, где я могу найти еду после полуночи, и ...", - он пожимает плечами. "Я, вероятно, все равно не смогу есть перед операцией".

У меня мгновенно начинает крутиться голова.

Его смерть не должна быть связана со мной, но с каждой проходящей секундой так и ощущается. И что, Валентино не должен есть, что бы ему захотелось, в свой последний день? Все из-за операции, о которой он даже бы не задумывался, если бы случай не свел нас вместе?

"Это очень хороший аргумент", - говорит Далма.

"Нет, это не так", - говорю я. "Валентино, если тебе захочется чертовски лингвини, я найду тебе чертовски лингвини".

"Нет, правда. Я выживу", - говорит Валентино. Затем он останавливается, услышав сам себя, теперь преследуемого собственными словами.

Невероятно, как простое настроение принимает новую жизнь, когда ты умираешь. Он отмахивается, что ему придется делать часто, если он хочет пережить свой последний день - так я себе представляю. "Я просто хочу вернуться домой и отдохнуть. Подготовить место для Скарлетт. Затем пойти на фотосессию утром. Моя первая кампания - это классный способ быть увековеченным".

"Тем не менее, всё равно стоит добавить в этот план немного лингвини", - говорю я. "Возможно, немного настоящей нью-йоркской пиццы, если ты такое любишь".

Глаза Далмы закрыты, она дышит в свои ладони. Она не греется в этой холодной комнате, она закрывает себя. Но ее слова вырываются наружу.

"Я не хочу казаться безразличной..."

"Началось плохо", - перебиваю я.

"О боже, извини". Далма много жестикулирует руками, и сейчас, когда она молчит и обдумывает следующие слова, её руки застыли в воздухе, только до тех пор, пока она снова не начнёт. "Поверь мне, Валентино, я ненавижу себя за то, что собираюсь сказать, потому что это такой дар, который ты даришь Ориону. Он - моя семья, и я так защищаю его, поэтому мне нужно сказать... Мне нужно сказать, что я действительно боюсь, что ты поставишь под угрозу эту операцию, если покинешь больницу. Если с тобой что-то случится, то..."

Валентино опускает голову, как будто его выговорили. "Я понимаю".

"Естественно, мы подождём столько, сколько сможем, чтобы ты мог провести время с сестрой, но наиболее логичным вариантом будет оставить тебя здесь на следующие несколько часов".

«Никогда раньше желание спасти мою жизнь не казалось таким ужасным.

"Далма, я тебя люблю, но категорически против всего этого. Мы не будем ставить Валентино под давлением дедлайнов в его последний день".

Валентино подавляет зевок. "Далма права. Я устал и думаю недостаточно ясно. Ужинать ночью или участвовать в фотосессии не должно перевешивать все, что ты сможешь делать с моим сердцем".

Я присаживаюсь рядом с Валентино, глядя в его красные голубые глаза. "То, что ты хочешь сделать для меня, настолько прекрасно, что я уже в долгу перед тобой, даже если ничего не случится. Но я не буду жить той жизнью, которую ты хочешь для меня, если это означает, что ты не будешь жить свою, пока можешь".

Далма смотрит на меня с яростью. "Орион, можем ли мы поговорить снаружи?"

"С удовольствием", - резко говорю я.

Я крепко сжимаю плечо Валентино, выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь. Далма сжимает руки вместе, словно молится. "Пожалуйста, пусть этот парень спасет твою жизнь".

"Пожалуйста, прекрати подстрекать его скорее умереть".

"Ты и Валентино подвергаете себя и его судьбу провалу. Подумай логично. Если Валентино может в принципе умереть во сне, разве это не намного милосерднее, чем какая-то ужасная трагедия, которая его ждет?"

Чем дольше живет Валентино, тем ближе он подходит к своей смерти. Я понимаю это. Но я не могу смириться с тем, что он решит, когда он умрет. "Это должно быть его решение, Далма."

"Я уверена, что он будет открыт для твоего мнения. Теперь это твоё сердце."

"Нет, это все еще его сердце."

"Это будет ничье сердца, если он умрет."

"Тогда так и должно быть."

Эта сказка могла бы иметь несчастливый конец.

Как бы мне хотелось, чтобы Отдел Смерти могли сказать нам, как кто-то умрет, чтобы мы могли попробовать избежать этого, или даже в какое время это произойдет, чтобы мы знали, сколько часов - или минут - у нас есть. Ставки слишком высоки.

"Отдел Смерти уже открыл передо мной одну дверь. Может быть, он откроет другую, если дверь Валентино захлопнется передо мной".

Далма начинает плакать. "Мне начинает казаться, что ты не хочешь этой операции." "Ты знаешь, что я хочу".

"Тогда в чем дело? Почему ты не защищаешь себя так же сильно, как и я?"

Я молчу, затем: "Когда мы познакомились с Валентино, я уже не мог не думать о том, как сильно я хочу познакомиться с ним. Проводить время у него, приглашать его к нам. Быть его гидом по городу. Я просто хочу познакомиться с ним, пока могу, особенно перед тем, как носить его сердце всю оставшуюся жизнь."

Нет ничего подобного, как говорить свои истинные чувства вслух. Я клянусь в этом.

Далме становится понятно, и она вздыхает. "Итак, что нам делать? Мне нравится проводить время с ним, но нам нужно как-то обернуть его в вату или что-то в этом роде. И убедиться, что он не будет делать что-то слишком безумное".

Я задумываюсь, не хочу начинать ссору прямо сейчас, когда мы успокоились. Но в моем глупом, сломанном, убийственном сердце я знаю,

что в этом я прав.

"Думаю, мне нужно побыть наедине с Валентино".

Её глаза сужаются. "Что?"

"Я хочу, чтобы у него был комфортный последний день, и я не знаю, дашь ли ты ему то пространство, которое ему нужно для дыхания, или он будет слишком напряжен вокруг тебя теперь".

"Я не собираюсь выбивать лингвини из его рук, если ты об этом."

"Он знает об этом?"

"Почему ты наказываешь меня за то, что я пытаюсь тебя защитить?"

"Я не наказываю. Мне нравится, как ты меня поддерживаешь. Я просто хочу поддержать его и убедиться, что он не умрет, не живя сначала."

Далма и я так привыкли делать всё вместе, и каждый раз, когда мы идем своим путем, обычно это её решение. Это выбивает её из колеи.

"Если это то, что ты хочешь, я готова. Я сказала, что думаю."

Я так быстро обнимаю её, что мы почти не падаем. "Спасибо, Д."

"Что я могу для тебя сделать?"

"Можешь найти доктора Эметерио и объяснить ей ситуацию? Я хочу забрать Валентино отсюда, прежде чем она загонит его в чувство виноватости и заставит остаться."

Далма кивает. "Ты лучше держи телефон при себе."

"Обязательно. Возьми такси и напиши мне, когда будешь дома, хорошо??"
Я целую Далму в лоб и поворачиваюсь к двери кабинета.

"Очень аккуратно, Орион", говорит Далма.

"Сегодня я точно не умру. Яркая сторона Отдела Смерти."

"Это не значит, что ты не можешь пострадать... или тебе не разобьют сердце."

Внезапно всё становится так напряженным, будто я могу разлететься на тысячу кусков. Я отправляюсь в очень опасное путешествие, чтобы сохранить жизнь того, кто обречен умереть. За каждую минуту, которую я ему покупаю, это больше времени, чтобы познакомиться с ним. Чем

дольше я знаю его, тем сильнее будет болеть всё.

Я не могу предсказать будущее, как Отдел Смерти, но я уже знаю, что моё время с Валентино закончится сердечным разрывом.

Валентино

Валентино

02:51

Орион возвращается, один. Одна звезда в этой яркой комнате обследования.

"Ты готов?" спрашивает он.

Я не уверен, о чем он говорит. Изменил ли Орион свою точку зрения на то, сколько времени мне следует иметь перед тем, как мы начнем операцию? Или это решение доктора Эметерио? Если это так, то я не готов. Скарлетт наконец в пути, и я не могу уйти сейчас.

Орион улыбается, и я знаю, что я могу ошибаться.

"Готов к чему?" спрашиваю я.

"К жизни."

"Я запутался."

"Ты хочешь пойти домой и подготовить место для Скарлетт, верно? Тогда давай сделаем это."

"Ты идешь со мной?"

"Просто чтобы поддержать тебя, но если ты действительно хочешь сделать это один, я оставлю тебя в покое."

Я точно не хочу оставаться один. Все это достаточно страшно. Но я не знаю, как это будет полезно для Ориона. "Ты уверен, что это не будет странно? Как будто ты встречаешься с свиньей перед тем, как приготовить её на ужин?"

"Я больше не ем мясо, и я не убийца."

"Надеюсь, не будешь", говорю я, наконец, поднимаясь из-за стула.

"Я думаю, никто бы не стал бы ставить деньги на то, что я смогу переиграть тебя в драке."

"Это не значит, что у тебя нет друзей в плохих местах. Ты все-таки пытаешься забрать мое сердце."

Орион выглядит ошарашенным. "О, ты должно быть так шутишь."

И я удивлен. Я действительно отдаю должное Ориону за то, что он извлекает из меня немного юмора. То, как он поддерживает энергию, напоминает мне о тех моментах, когда я чувствовал себя наиболее расслабленно на фотосессии. Я работал с фотографами, которые стремились быстро сделать свою работу, что создавало давление на площадке и напрягало моё тело. Мои лучшие съемки были с фотографами, которые улыбались и смеялись, словно они стояли перед камерой. Когда им весело, мне тоже весело.

Орион - хороший человек, чтобы быть рядом до прибытия Скарлетт.

Я нервничаю по поводу возвращения во внешний мир, но я благодарен за то, что у меня есть шанс сделать это. Это большой шаг от момента, когда я только что принимал поражение.

"Спасибо за то, что дал мне немного времени", говорю я.

"Всё в порядке. Ты именно тот, кто должен воспользоваться этим", - говорит Орион, надевая шляпу.

Когда я зарегистрировался в Отдел Смерти, на сайте был абзац о том, как Декеры получили своё имя. Оказывается, Хоакин Роса, по-видимому, хочет, чтобы они - ,и чтобы я - помнили, что мы все капитаны на палубах своих собственных кораблей, отправляясь в последнее путешествие.

Приятно иметь второго капитана.

Хоакин Роза

Хоакин Роза

02:57

Хоакин смотрит на кадры стрельбы в Таймс-сквер, когда кто-то стучит в его дверь. Его сердце бьется. Он переживает момент, когда услышал звуки выстрелов в телефонной трубке, когда передавал первый звонок о Последнем Дне. Этот шум испугал Наю, разбудил Алано и щенка. Бакки сбежал с дивана и начал лаять на закрытую дверь, испугав никого своим милым тьяканьем. Когда Хоакин поднимается из-за стола, стук продолжается.

Лучше бы это было срочно.

Он открывает дверь и видит своего инженера по работе с клиентами.

"Мне так жаль вас беспокоить", - говорит Астер Гомес, её рука застывает в её длинных тёмных волосах, как будто она размышляет, стоит ли выдрать их все. Она отлично общается с людьми, но совсем не хотела говорить им, что они собираются умереть, поэтому она поступила на работу в отдел обслуживания клиентов. Она была такой умной, что Хоакин нанял её в руководители этого отдела, несмотря на её всего двадцать пять лет. "У нас возникли серьезные проблемы с сервером."

"Что происходит?"

"Э-э..." Астер смотрит вниз по коридору. "Лучше, если вы последуете за мной."

Хоакин идёт вместе со всей своей семьёй.

"Всё началось, когда я получила жалобу несколько минут назад", - говорит Астер, быстро идя. "У этой женщины парень погиб в Таймс-сквер сегодня вечером."

"Это несчастный случай", - говорит Хоакин с самой искренней в мире убежденностью. Он не может представить свою жизнь без Наи. Особенно потерять её так насильственно. "Меня интересует. Это был Валентино

Принц, который умер? Он был первым вызовом сегодня."

"Нет. Его имя было Уильям Уайлд."

Ах, жаль. Хоакину хотелось бы включить этот анекдот в свои воспоминания. Но вернёмся к делу. "Понимает ли клиент, что мы сделали всё, что могли?"

"Кроме того, что мы не сделали."

"Прошу прощения?"

"Мы потерпели неудачу в нашей единственной работе. Декер не получил звонка о его Последнем Дне."

"Ну, стрельба на Таймс-сквер началась после полуночи — после запуска. Мы никогда не обещали, что Деккеры будут немедленно уведомлены."

"Что я и объяснил, но женщина сказала, что ее парню даже не звонили. Ни разу, даже после того, как на Восточном побережье завершились наши звонки. Я проверил наши записи, и у нас нет исходящих звонков на номер Деккера или на номер контактного лица для экстренной связи."

Когда они возвращаются в зал вызовов, Хоакин наблюдает, как его геральды усердно работают. Он выискивает Роландо, подозревая его в том, что он виноват в том, что этот Деккер не был уведомлен о своей смерти; наверняка поглощал историю жизни какого-то другого старика. Это весьма серьезное нарушение, которое приведет к его немедленному увольнению.

"Вина лежит на Роландо? Он не связался с Деккером вовремя?"

"Я связалась со всеми геральдами, и хотя Андреа полностью помогла Роландо с его списком контактов после завершения своего собственного, каждый зарегистрированный пользователь на Восточном побережье получил свой звонок о Последнем дне."

"Кроме того бедного человека", — говорит Найя, горевшая по этому незнакомому с ней человеку с ее большим сердцем.

"Прошу прощения, мистер Роза", — говорит Астер. — "Но раз Деккер не появился в нашей системе на сегодня, может это означать —"

Он поднимает руку, чтобы ее успокоить. Он не хочет тревожить кого-либо еще.

Но уже слишком поздно.

"Что случилось, папа?" — спрашивает Алано, глядя на своего отца усталыми глазами.

Хоакин не признает, что всё идет не так.

Как его империя рушится в тот день, когда она должна была подняться.

Как всё будет утрачено, если он не найдет источник этой ошибки.

Как в данный момент по стране гуляют Деккеры, не подозревая, что это их Последний день.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Первые

Отдел Смерти здесь для вас.

—Хоакин Роза, создатель Отдела Смерти

Уильям Уайлд

Уильям Уайлд

(Умер)

Отдел Смерти должен был позвонить Уильяму Уайлду, чтобы сказать ему, что он сегодня умрет.

В этот вечер Уильям и его подруга пятилетней давности, Кристи, вышли из своей однокомнатной квартиры в центре Бруклина и поехали на поезде в Манхэттен, чтобы оказаться среди веселых людей на Таймс-сквер во время запуска Отдела Смерти. Уильям, известный фотограф, хотел запечатлеть это историческое событие на камеру, отказавшись от многих предложений сделать это для журналов. Но, учитывая, что он уже собирался работать на следующее утро, Уильям хотел сделать что-то для себя, для своей личной коллекции. Особенно в ту ночь, которая собиралась стать особенно запоминающейся благодаря тому, что Кристи решила присоединиться.

Под этим он подразумевал установку таймера на своей камере и запечатление момента своего предложения.

А не получение пуль.

Стрелок был в маске черепа и бормотал о конце света, прежде чем бессмысленно выстрелил в толпу, первая пуля попала Уильяму в горло.

Его мечты о том, чтобы получить звонок о Последнем Дне в компании Кристи, как древней пары, окруженной детьми и внуками, рассеялись.

Ему пришлось ограничиться умиранием в ее объятиях, с ее слезами на его лице, пока он задыхался от своей крови.

Таймс-сквер был таким ярким, пока не потух...

"Оставайся со мной, милый," сказала Кристи. "Все будет хорошо. Все будет хорошо!"

Никто не нуждался в Отделе Смерти, чтобы знать, что это не будет хорошо.

Но Отдел Смерти все равно должен был позвонить.

Хоакин Роза

Хоакин Роза

03:03

Хоакин боится, что вскоре ему придется позвонить всем в Отделе Смерти, чтобы сообщить им, что компания мертва.

Неясно, является ли смерть этого неуведомленного Декера изолированным случаем, но в любом случае Хоакин должен разобраться в этом, чтобы защитить свою наследственность и убедиться, что ни один другой зарегистрированный пользователь не умрет без предупреждения.

Вернувшись в свой офис, Хоакин заворачивает рукава и берет ноутбук.

"Убедитесь, что никто не разговаривает с прессой", говорит Хоакин. "Мы не хотим вызывать панику".

"Хорошо, мы не хотим, чтобы общественность паниковала", говорит Найя.

Как будто она отлично знает, что в груди Хоакина бушует буря нервов.

Алано поднимает голову со своей тетрадью, где он рисует платье, не способный заснуть снова. "Как долго тебя не будет, папа?"

"Не знаю, сын мой. Пока не уладим все дела".

В Хоакине есть часть, которая знает, в глубине души, что если он не сможет разрешить этот вопрос, он может не захотеть возвращаться, чтобы столкнуться с последствиями. Но он всегда возвращается, и он всегда будет это делать. Даже когда жизнь кажется невозможной.

"Что ты собираешься делать?" спрашивает Алано.

"Ты знаешь, что я не могу об этом говорить", говорит Хоакин.

Алано скулит. "Я сохраню это в секрете".

"Когда ты будешь постарше", говорит Хоакин.

"Это займет слишком много времени, чтобы стать старше".

Забавно, как сильно Алано верит, что он готов узнать, как работает Отдел Смерти, когда он все еще верит в Деда Мороза. Есть много разговоров, которые надо сначала провести, такие как, кто на самом деле кладет подарки под рождественскую ёлку. Не говоря уже о разговоре, от куда берутся дети, и, честно говоря, Хоакин подозревает, что это будет скорее разговор о детях, который он охотно примет, если выяснится, что он прав. В любом случае Хоакин защищает и детство Алано, и его безопасность, не давая ему все информации о Отделе Смерти. Возможно, когда ему будет тридцать, они смогут обсудить это за пивом.

Хоакин поцеловал сына в висок и почесал щенка за большими коричневыми ушами перед тем как уйти в объятия своей жены.

"Я буду недоступен некоторое время", - сказал он.

"Я понимаю, все хорошо", - сказала Найя.

Они прощаются поцелуем.

Затем Хоакин выходит из двери, направляясь в хранилище, за которым никто не может последовать.

Валентино

Валентино

03:04

Я буду жить этот Последний День, сколько бы он не продлился.

Я готовлю себя к этому, когда мы с Орионом выходим из больницы. В городе миллионы способов умереть. Всю ночь я думал об этом, но теперь, когда я нахожусь на свободе, все кажется еще более реальным. Пуля, удушье, ножевое ранение. Или меня могут задавить машина, автобус, такси или мотоцикл, или даже поезд, если я упаду на пути. Может быть, что-то упадет с неба и раздавит меня, например, строительные леса, так как каждый второй блок на моем пути сегодня ночью кажется зоной строительства. Может быть, у меня случится сердечный приступ, что было бы жестокой иронией судьбы, хотя для Ориона лучше знать об этом раньше, чем позже, что на самом деле не я буду тем, кто спасет его жизнь.

Несмотря на то, что моя квартира всего в восьми минутах ходьбы, я нервничаю, когда мы идем по тротуару. Кто знает, что может произойти в этом городе. Мне даже хочется идти по улице, но тогда это может стать самоосуществляющимся пророчеством, и меня может сбить машина, и тогда...

"Живее, бро," говорит Орион.

"Живее?" - спрашиваю я.

"Да, живее. Ты идешь, как зомби."

"Ну всё равно, это довольно бессердечно"

"Это удар по моему сердцу?"

"Только потому, что ты сказал умирающему выглядеть живым."

"Блин, ты прав."

Орион молчит, хотя он нравится мне больше, когда говорит.

"Когда у тебя начались проблемы с сердцем?" - спрашиваю я.

Орион издал свист. "О боже. Это забавно, потому что я вырос, наблюдая за тем, как моя мама то лежит в больнице, то выходит оттуда. Это, конечно, само по себе не смешно, но я был таким тупым, что даже и не подумал, что я тоже могу унаследовать проблемы с сердцем. Ни разу мне такое не приходило в голову."

"Возможно, это и к лучшему. Ты не тратил время на бесконечные страхи по этому поводу."

Как будто я боюсь своей смерти.

"Конечно, наверное, я просто жалею, что не воспринимал это более серьезно. Не получил советов."

"Ты был ребенком."

"Ребенком, который был уверен, что моя мама умрет из-за сердца. Затем меня ждал неожиданный сюжет . . . Ну, ты теперь знаешь эту историю." Орион засунул руки в карманы, сутулясь при ходьбе. Как будто вес мира буквально лежит на его плечах. "У меня был первый сердечный приступ пару дней после моего шестнадцатого дня рождения."

"Что его вызвало?"

"Все? Во втором классе у меня все было не очень. Я заваливал классы налево и направо, и постоянно был в стрессе, и я был уверен, что мне не дадут перейти в следующий класс. Потом, во время экзамена по землеведению, артериальное давление стало слишком высоким, и я упал."

"Звучит ужасно."

"Было так, но по крайней мере, моя учительница достаточно меня любила, чтобы дать мне зачет."

"Вероятно, ты был ее первым студентом, который пережил буквально сердечный приступ во время экзамена."

"О да, сердечные приступы так редки для подростков, я как единорог - и не только потому, что я гей!"

"Ты опередил меня."

Орион смеется, когда впереди кричат несколько человек. Один из них

размахивает битой в машину, разбивая окно и вызывая сигнализацию. Смех Ориона стихает, когда нападающий применяет ее. Потом мне кажется, что у меня может случиться собственный сердечный приступ, когда я вижу, что оба носят маски в виде черепа. Я схватил Ориона за руку, таща его за собой за этим джипом, припаркованным вдоль тротуара. Мы припали к земле, чтобы спрятаться.

"Что за хрень -"

Я прикрыл рот Ориону.

На всякий случай, один из тех парней в маске может быть тем самым, кто попытался застрелить меня.

Так работает судьба в мире Отдела Смерти? Моя смерть действительно записана камнем в большой табличке, и только время смерти меняется? Был ли я обречен умереть от руки этого человека, который промахнулся мимо меня ранее?

Я подскакиваю, когда слышу еще одно разбитое окно, сигнализацию еще одной машины. Наверное, полиция скоро прибудет на место, чтобы помочь, верно?

Орион обвивает свою руку вокруг моих плеч и прижимает меня к себе, словно он - пуленепробиваемый жилет. Я даже не отталкиваю его. Может быть, он спасет мне жизнь. Хотя бы на немного дольше.

Еще одно разбитое окно, еще одна сигнализация, еще один смех, отголоски которого разносятся по улице.

Люди в масках с черепами приближаются.

В чем их дело? Пожалуй, они из числа тех, кто не заботится о том, чтобы совершать преступления, потому что они считают, что Отдел Смерти - это начало конца мира. Если бы полицейские могли прибыть и арестовать их, прежде чем они избьют нас этой битой, было бы замечательно.

Еще одно разбитое окно, еще одна сигнализация, еще один смех.

Они так близко. На расстоянии всего одной машины.

Орион выглядит очень испуганным для кого-то, чьей головы нет в списке на рубку, согласно Отделу Смерти. Из него вырывается стон, и я прижимаю ладонь к его губам, чтобы заглушить звук. Не думаю, что кто-

то из нападавших услышал Ориона, но мне все равно страшно. Глаза Ориона излучают такое извинение. Затем окно джипа разбивается, стекло падает на другую сторону машины. Ногти Ориона впиваются в мою руку, и я задерживаю дыхание, как будто оно может быть слышно выше этого хора сигнализаций.

Когда следующая машина атакована, я веду Ориона к передней части джипа, где нас не видно.

Я наконец вдыхаю воздух, когда слышу звуки полицейских сирен вдали, они приближаются к нам.

"Нам надо уходить", шепчет Орион.

Я покачиваю головой.

"Да, что если они подумают, что это мы сделали? "

Он прав. В лучшем случае нас задержат, и я потеряю ценные часы своего Последнего Дня. В худшем случае...

Я выглядываю из-за джипа и вижу нападающих, бегущих по улице в сторону больницы. "Пойдем."

Я и Орион встаем и бежим, и все, о чем я могу думать, это как быстро бьется мое сердце, словно после одной из моих самых интенсивных тренировок, и я думаю, как справляется с этим Орион. Мы поворачиваем за угол, и мой ботинок ударяется об бордюр, и я падаю вперед, и Орион видит меня, и нам обоим нечего делать с гравитацией.

Прямо перед тем, как моя голова стукнется об тротуар, я понимаю, что так я и умру.

Орион

Орион

03:10

Это не может быть концом; не может закончиться так.

Я действительно хочу верить, что это розыгрыш, но я знаю, что это не так, я видел этот страх в его глазах, когда он падал. Я бросаюсь к его стороне, спотыкаясь на секунду, и переворачиваю Валентино, чтобы обнаружить большую порезанную рану над его бровью. Его кровь на земле выглядит как тест Роршаха[1], на который мне наплевать, потому что мне нужно знать только, живой он или нет.

"Валентино, приятель."

Он стонет, что здорово, потому что только живые люди стонут, что означает, что я могу дышать спокойно, зная, что он тоже может. Его глаза мелькнули, и его обнаженная рука трясется, когда он поднимает ее к своей ране.

"Не трогай это", говорю я. Ему не нужна инфекция. "Давай вернемся и проверим тебя."

"Нет, все в порядке. Я могу все это почистить дома."

"Ты уверен?" спрашиваю я, помогая ему встать.

"Уверен. Давай просто уйдем с этих улиц."

Я убеждаюсь, что у него нет головокружения, когда мы продолжаем двигаться, и он кажется столь же стабильным, насколько это возможно для кого-то, кто только что разбил лицо об тротуар, бегом убегая от людей в масках. Этот вечер просто сумасшедший. Он прав, что нам нужно увести его домой, где он будет в безопасности. Я не привык к Верхнему Востоку, но сетка города позволяет легко добраться до Семьдесят седьмой улицы и Второй авеню.

"Я думал, что я умру", говорит Валентино.

Я не собираюсь ему говорить, что я думал то же самое.

"Именно в тот момент", добавляет он.

"Ты в порядке, однако".

"Возможно, это бы все равно сработало для тебя. Повреждение мозга и близость к больнице - рецепт успеха."

Я не могу дышать этой мыслью, не чувствуя себя дерьмом за то, что я тот, кто побудил его покинуть больницу и чуть не убил его, и, возможно, получил бы от этого пользу.

Валентино молчит, и я не знаю, что сказать. Может быть, стоит извиниться?

"Зомби", наконец, говорит он.

"Ээ, что? О, черт, у тебя сотрясение мозга!"

Валентино качает головой. "Нет, ты сказал, что я выглядел как зомби. Ранее. Думаю, что так было бы лучше назвать нас Декеров."

Как человек, который тысячу раз перечитал сайт Отдела Смерти, я знаю, почему Декеры - это официальное название. "Итак, Хоакин Роза считает, что Декеры - это капитаны своих собственных кораблей и -"

"Понимаю. Извини, что прервал."

"Прерывай на здоровье!"

"Название Декер звучит слишком интеллектуально. Мы зомби. Живые мертвецы."

"Но это не слишком очевидно, не так ли?"

"Золотая середина: Трупы."

"Это слишком мрачно."

Валентино смотрит прямо вперед. "Умирать - мрачно, Орион. "

Фрэнки Дарио

Фрэнки Дарио

03:15

Отдел Смерти не может позвонить Фрэнки Дарио, но это не мешает Фрэнки позвонить им.

Как минимум, кому-то из тех, кто там работает.

Фрэнки сидит в своей темной кухне, пьет старый кофе из невымытой термосной чашки, и ждет, пока лучший друг его жены поднимет эту чертову трубку. Он узнал на тяжелом опыте, что не стоит полагаться на Роландо, особенно после той катастрофы, когда тот забыл обручальные кольца для свадьбы Фрэнки и осознал это уже во время церемонии. Но Глория не винила своего лучшего друга, который, возможно, хотел испортить свадьбу из-за своих чувств к ней? Конечно, нет. Фрэнки получил выговор за то, что не связался с Роландо раньше, будто бы у него не было миллиона других обязанностей, порученных ею. Но у Роландо, наконец, есть смысл жизни, и это работать глашатаем в Отделе Смерти, чтобы сообщить людям, что они собираются умереть.

Пока не выяснится, что это все мошенничество.

У Фрэнки слишком много сомнений по поводу Отдела Смерти, чтобы зарегистрировать себя или свою семью на их услуги; правительство и так уже знает слишком много информации о них. Вещи, о которых они даже не должны знать. Но Фрэнки не идиот. Он знает, что здесь можно заработать деньги, фотографируя этих так называемых "Декеров" в случае их смерти. А лучшая часть? Получение личной информации от Роландо.

Если он вообще ответит на звонок.

Серия фотографий может стать тем, что действительно определит жизнь Фрэнки. Во многом он не слишком удачлив. Вот, например, этот кофе. Абсолютное говно. Но это нормально, он не какой-то бездушный бариста, который живет, чтобы служить прихотям тех, кто хочет капучино с тремя (не двумя, не двумя и половиной, не двумя и тремя четвертями) порциями

карамельного сиропа. Фрэнки не умеет варить кофе, но умеет делать красивые фотографии. Его новый арендатор, Валентино, внести депозит на квартиру из-за вводящих в заблуждение фотографий Фрэнки на Craigslist.

Это талант!

Пора для Фрэнки осуществить свою мечту о том, чтобы выиграть Пулитцеровскую премию за фотографию актуальных новостей, и он уверен, что сделает это за свою работу в этот исторический День Конца. Он либо запечатлит первые смерти, объявленные Отделом Смерти, либо облегчение на лице Декеров после того, как они переживут этот день.

Нога Фрэнки дергается, его колено бьется о нижнюю часть стола.

Как будто его душа чешется от того, насколько ему хочется быть уже в мире и делать фотографии.

Часть Фрэнки почти жалеет о том, что нужно разоблачать Хоакина Розу как обманщика, так как он видит в нем себя. Они оба испаноязычные мужчины, родившиеся в одном и том же муниципалитете в Пуэрто-Рико, их время в Салинасе пересекается в течение одного года. Жаль, что они не встретились тогда, потому что Фрэнки уверен, что они могли бы стать друзьями на всю жизнь. Возможно, даже быть свидетелями на свадьбах друг друга и тем, кому Фрэнки мог бы признаться, что он хотел бы, чтобы Глория так же заботилась о своем внешнем виде, как это делает Ная. И в еще одном поразительном совпадении, оба Фрэнки и Хоакин отцы девятилетних сыновей. Дружба между этими мужчинами могла бы стать такой, которая передается через поколения, как его глаза, коричневые, как молочный кофе, который его бодрит. Даже не начинай говорить Фрэнки о той ерунде, которую он видел на маленьком мальчике Алано; он старается не судить воспитания Хоакина, но это было трудно в прошлом, когда он выпивал несколько кружек пива. Фрэнки будет продолжать следить за тем, чтобы Паз вырос мужчиной.

То, что действительно отделяет мужчин, в глазах Фрэнки, это успех. Он немного старше, разница едва заметна, и все же его самолюбие все еще оскорблено тем, что он далеко не на уровне Хоакина. Они оба обеспечивают свои семьи, как и любой пуэрториканец, но у семьи Роза есть три пентхауса по всей стране, тогда как Дарио живут в паршивой двухкомнатной квартире в Манхэттене и должны иметь дело со всеми

проблемами своих арендаторов.

Ему надоело лишь сводить концы с концами - он готов, чтобы великое богатство началось приходить к нему.

И это начинается с Отдела Смерти.

И с тем, чтобы Роландо поднял чертов телефон.

Ему помогут, если он не мертв.

Валентино

Валентино

03:17

Пять часов назад я стоял у своего нового дома впервые и думал, что у меня впереди целая жизнь. Теперь у меня на лице кровоточащая рана от моего почти-смертельного опыта. Следующий раз может быть не почти-смертельным.

"Вот и все," говорю я, протягивая руку за ключами.

"Прямо рядом с пиццерией," говорит Орион, указывая на закрытую пиццерию, а затем сунув руку обратно в карман своих узких джинсов. "Ты взял кусок?"

"Нет. Я торопился попасть на Таймс Сквер."

Мне не нужно говорить больше ничего. Мы знаем, как это закончилось. Получил бы я звонок о последнем дне, если бы остался дома сегодня вечером? Если бы я мог путешествовать во времени, это было бы то, что я сделал бы по-другому. Я бы провел время дома, распаковал бы вещи, выспался бы перед съемкой утром. Затем я бы прожил долго, чтобы увидеть плоды своего труда и сбывшиеся мечты.

"Мне следовало бы остаться дома," говорю я.

Орион кивает. "С целой пиццей."

Я снова проверяю все карманы, но ключей в них нет. "Этого не может быть."

"Что случилось?"

"Я потерял свои ключи."

"Ты уверен?"

"Я точно потерял свои ключи."

"И телефон. Честно говоря, твои джинсы миленькие, но твои карманы ужасные."

Это, конечно, не будет худшей частью моего дня, но это не чувствуется хорошо. Я устал и хочу просто полежать немного. "Может быть, нам вернуться в больницу?"

"Нет, просто позвони своему арендодателю... ой." Орион смотрит на домофон. "Ты знаешь номер его квартиры? Просто позвони ему."

"Он сказал мне беспокоить его только в рабочие часы. Я не хочу его беспокоить."

"Он вскоре перестанет быть твоей проблемой. Действуй, будто ты собираешься съехать. Тебя нечего терять."

У меня и вправду нет ничего, что я могу потерять. Фрэнки уже, кажется, раздражен мной, и нет смысла пытаться улучшить нашу отношения. Даже ради Скарлетт, которая не будет стесняется поставить его на место, когда он выйдет из себя. Я только чувствую вину из-за того, что беспокою его семью, но это чрезвычайная ситуация. Весь мой день - это чрезвычайная ситуация, и мне нужно так поступить.

Я иду к домофону, задерживаясь, потому что я никогда не буду видеть свое имя здесь. Я нажимаю кнопку для квартиры Фрэнки. Затем через минуту ничего не происходит, Орион нажимает кнопку и держит ее в три раза дольше.

"Он тебя убьет", говорю я. "Хотя скорее всего меня".

"Он ничего не сделает".

В динамике домофона слышен шум, прежде чем донесется голос Фрэнки: "Кто там?"

"Привет, Фрэнки. Это Валентино Принс. Прошу прощения. Я не могу войти."

"Где черт возьми твои ключи?!" - кричит Фрэнки.

Я уже жалею об этом. "Я их потерял".

Мы слышим, как телефон домофона что-то стукнул.

"Ладно, может быть, он и убьет тебя", пробормотал Орион.

Судя по лицу Фрэнки, когда он спускается по лестнице, я бы сказал, что мы правы. Еще не поздно развернуться и убежать. Фрэнки открывает

дверь в подъезд и смотрит на мою кровоточащую лоб. Я глупо думал, что это даст мне хоть немного сожаления. Он просто насмехается надо мной и Орионом.

"Прошу прощения, что разбудил вас", говорю я.

Фрэнки загораживает дверь. "Ты потерял ключи в первую ночь. Кто так делает?"

Я не собираюсь рассказывать ему обо всем, через что я прошел, узнав, что я Декер. Это не его дело, и я сомневаюсь, что его это волнует.

"Прошу прощения", говорю я снова.

Фрэнки затягивает халат. "Ты потерял оба комплекта ключей?"

"Нет, другой комплект дома. Я не носил оба..."

"О, хорошо, у тебя есть хотя бы немного здравого смысла".

"Вау," говорит Орион. "Так вы обращаетесь со своими арендаторами?"

Фрэнки осматривает Ориона и меня. "Три часа ночи. Тебе повезло, что я вообще спустился".

"Ты можешь нас впустить, пожалуйста?" - прошу я.

"Только потому, что я уже обналичил ваш чек за аренду". Фрэнки уступает дорогу. "Никакой крови на моих полах".

Могу только представить, насколько еще более лишающим человечности он стал бы, если бы знал, что я Декер.

Здание все еще теплое, но воздух чувствуется иначе. Это не будет коридором, где я буду ходить к почтовому ящику за письмами, открытками и счетами. Эти ступени, по которым я поднимаюсь, не будут моей ежедневной тренировкой ног. И когда Фрэнки открывает дверь в мою квартиру, я понимаю, что это и первый раз, когда я возвращаюсь сюда, и возможно, последний.

Прежде чем я успею поблагодарить Фрэнки и извиниться еще раз, он сразу заходит в свою квартиру.

"Отличный парень", - говорит Орион, закрывая дверь за собой.

Я включаю свет, но сразу же сожалею об этом. Здесь так мало всего.

"Смело садись на любую коробку, которая тебе нравится".

"После того, как мы тебя вытрем", - говорит Орион, ставя свою кепку на столешницу. Он включает воду в кухонной раковине, проверяя температуру. "Есть бумажные полотенца?"

Я иду к чемодану и бросаю Ориону рулон туалетной бумаги, который я взял, потому что не был уверен, какие магазины будут открыты при моем позднем прибытии. Не говоря уже о всех сообщениях о том, как люди запасают туалетную бумагу по всей стране в предвидении конца света. Утром я сделаю небольшие покупки с Скарлетт и буду уверен, что она обеспечена необходимым.

Я встречаю Ориона у кухонной раковины.

"Вода теплая", - говорит Орион.

Он удерживает одной рукой мою плечо и осторожно протирает мою рану другой. Я поскрипываю, но расслабляюсь. Поддерживая глаза закрытыми, пока вода продолжает течь, я чувствую себя, как будто меня ухаживают в спа. Я очень близок к тому, чтобы уснуть, стоя, поэтому удерживаюсь на кухонной столешнице.

"Ты в порядке", - говорит Орион.

"Спасибо, доктор..."

"Паган".

"Спасибо, доктор Паган".

"Сейчас вернусь, я пойду постучу в дверь Фрэнки и попрошу пластыри. Уверен, он будет так рад помочь своему любимому арендатору".

Орион сдерживает смех, поворачиваясь уходить, но я притягиваю его в объятия, смеясь гораздо сильнее, чем я думал, в день, когда я собираюсь умереть.

Фрэнки Дарио

Фрэнки Дарио

03:31

Фрэнки может убить нового жильца.

Откуда Валентино взялся, чтобы беспокоить его посреди ночи? Особенно в его первый день здесь! Дерзость...

Не имеет значения, что Фрэнки уже был на ногах. Это не чье-то дело. Что действительно имеет значение, так это то, что Фрэнки выполнил свою работу, выдав своему арендатору два набора ключей, согласно договору, и Валентино всё равно застрял за пределами своей квартиры; вероятно, он потерял ключи где-то в аллее, где познакомился с тем парнем, которого привел домой. Валентино Принц? Скорее Валентино Принцесса.

Фрэнки будет держать Паза подальше от Валентино. Уже было достаточно красных флагов, что что-то не так с Пазом, и пусть его пронесет, если он попытается привести домой еще одного парня. Фрэнки так быстро побежит в свой шкаф и достанет свой...

Глубоко дышать.

Если Фрэнки говорит честно - а он говорит, верьте мне, - что действительно его раздражает, так это то, что он все еще не получил ответа от Роландо. Разве он еще не испортил достаточно жизней? Когда Роландо в следующий раз попросит о помощи, Фрэнки намерен с удовольствием тянуть время и выполнять ее неспешно. Не сомневайтесь в этом.

Он выливает остатки кофе в раковину. Он смотрит в окно своей кухни, скучая по тому времени, когда он мог смотреть в сторону и увидеть ту великолепную, настойчивую молодую женщину в своей квартире; она всегда поздно бодрствовала с разными удачливыми мужчинами и женщинами. Но она ушла, и теперь там Валентино, обнимающий этого мальчика у окна. Фрэнки закрывает штору, больше не интересуясь ничем, что происходит внутри этих стен.

Он берет пиво из холодильника и начинает пить, надеясь заглушить свои многочисленные раздражения.

Все, чего ему хочется, - это наводка на Декера, за которым можно было бы следить.

Неужели это так сложно?

Орион

Орион

03:33

Это не так, как я себе представлял, что меня приведет парень домой.

Прежде всего, я думал, что смогу подружиться с его родителями или опекунами, может быть, с братьями и сестрами, а также с друзьями. Я был бы верен себе, но также поднимал бы настроение моими лучшими качествами, такими как моя любовь к письму и то, как я двигаюсь вперед, даже если у меня есть это сердце, которое пытается остановить меня. Затем мы бы пошутили за каким-то блюдом, прежде чем мне доверят провести время со своим парнем в его спальне, где он проводит большую часть своей жизни.

Вместо этого я выступил в роли врача для Декера в пустой студии.

Но обнимашки с Валентино - это классно. Я наслаждаюсь этим, пока она продолжается, и хотя я и хочу продолжить глядеть на его голубые глаза и губы в форме сердца, я отступаю, чтобы он не понял это неправильно. Я действительно пришел помочь ему, а не переспать с ним.

Это довольно мрачная мысль, но я держу пари, что в будущем люди будут подходить к Декерам, чтобы разрядиться и двигаться дальше, без обязательств; я делаю психологическую пометку, чтобы сказать Далме, чтобы она не создавала такое приложение.

"Итак, с чего начнем?" я спрашиваю.

"Думаю, я распакую коробки. Там просто одежда."

"Ты можешь выбрать что-то для фотосессии."

"RainBrand будет наряжать меня в свои вещи."

"Да, но ты должен выглядеть хорошо, в любом случае."

"Совершенно верно. Я хочу произвести хорошее впечатление, чтобы они наняли меня на будущую работу."

Я останавливаюсь от уборки столешницы, чтобы убедиться, что я не пригнул палку. "Серьезно, если тебе нужно, чтобы я убил оптимизм и просто позволил тебе чувствовать свои чувства, дай знать. Я уберу свой оптимизм на задний двор и закопаю его в яму."

"Мне нравится твой оптимизм. Это гораздо лучше, чем притворяться, что ничего не происходит. Пожалуйста, не прекращай," говорит он с быстрой улыбкой, прежде чем сорвать скотч с коробки легким движением.

"Оптимизм продолжает жить!"

Я захожу в его крошечную ванную комнату, ставлю рулон туалетной бумаги на держатель и смываю кровавые салфетки. Я рассматриваю себя в зеркале и, если я думал, что выглядел ужасно на том селфи, которое мы с Далмой сделали перед знакомством с Валентино, я бы хотел вернуться во времени и дать Прошлому Ориону знать, какой он прекрасный парень. У меня сильно обветрились губы, и мои кудряшки вышли из-под контроля. Просто всё на моем лице кричит о смерти.

И тем не менее.

Я не могу поддаться депрессии, особенно когда моя задача - поддерживать Валентино в оптимистичном состоянии.

Я вымываю лицо, увлажняю губы и выхожу.

Валентино стоит на коленях в своей одежде, снимая рубашку и обнажая грудные мускулы и кубики пресса, которые я никогда не видел у кого-либо в реальной жизни. Seriously, это сумасшедшее. Кажется, что я бы сломал себе кулак, если бы ударил его в грудь.

"Всё это выглядит здорово", - говорю я, жестикулируя в сторону его физической формы.

"Хах. Спасибо", - говорит Валентино, надевая белую майку, которая меньше прилегает к нему. - ""Мне бы очень хотелось, чтобы такой вид не был настолько обязательным для проникновения в эту индустрию. Кто знает, сколько часов я потратил на тренировки, чтобы стать крепким трупом."

"Много бриться тоже."

Валентино хохочет. "Да. Крепкий, гладко выбритый труп". Он складывает рубашки и ставит их у стены. "Оглядываясь назад, меня не вдохновляет,

что столько людей манипулировали моей жизнью. Им было всё равно на меня. Они просто хотели клонировать меня, как будто я был каким-то шаблоном или объектом для повторения ."

"Ну, больше никто не будет командовать тобой."

"Кстати... надеюсь, я не навредил отношениям между тобой и Далмой."

"Нет, всё хорошо. Далма просто очень логична, но я не хотел, чтобы она толкала тебя на то, когда ты должен умереть в свой Последний День. Это не о нас. Это только о тебе."

Валентино вздыхает, распаковывая пару курток и свитеров. "Я это ценю, но чтобы ты не чувствовал себя странно, я не считаю её врагом. Фактически, я понимаю, почему она это делает. Я бы поступил так же, если бы у тебя был волшебный орган, который мог бы спасти жизнь Скарлетт."

Если бы ситуация была обратной, я думаю, что я бы поступил точно так же, как Валентино для меня. Может быть, если однажды Скарлетт действительно понадобится спасение, я смогу стать её героем. Если ей когда-либо понадобится сердце, и у меня будет сердце Валентино, оно всё будет её, без вопросов.

Когда я распаковываю коробку с надувным матрасом, мне действительно доходит, насколько свежим началом стал этот переезд для Валентино. У него даже не было нормальной кровати, на которой можно было бы спать. Это не то же самое, что когда я переехал из дома где я провел все детство в дом семьи Янг. У меня были варианты: раскладывающийся диван в гостиной особняка, спальные мешки из походов Даяны и Флойда, и, конечно же, гостевая кровать, которая стала моей. Тем временем у Валентино самый громкий надувной матрас в мире. Я чуть не выдерну его из розетки, потому что не хочу мешать соседям на таком часу, но мне все равно, потому что Валентино заслуживает кровати в свой День Смерти - даже если это всего лишь надувная кровать.

В мире, который в настоящее время не имеет проблем с тем, чтобы оставлять людей спать на улицах, мне уже нервно за то, как будут обращаться с Деккерами по мере течения времени.

Хорошо, что Валентино не придется страдать из-за этой ерунды.

Валентино

Валентино

03:41

Последняя коробка полна обуви, которую я никогда не надену в Нью-Йорке.

Мои ботинки Timberland сегодня вечером отлично себя проявили, но я действительно с нетерпением ждал, чтобы выйти на улицу в своих любимых брогах (обувь с декоративной перфорацией) и синих кедах и бежевых туфлях. А также делать утренние пробежки в моих Nike, исследуя Центральный парк. Я вытаскиваю две пары белых кроссовок, одну из которых поцарапали на неформальных мероприятиях, а другую оставляю на случаи вечеринок, где я одеваюсь более свободно, но хочу выглядеть стильно. Мои родители всегда считали меня нелепым за то, что я владею одинаковыми кроссовками с разными назначениями, но они не так заботятся о своем внешнем виде, как я. Когда я думаю, что выгляжу хорошо, я чувствую себя хорошо. Я защищаю свой выбор моды, даже сейчас, когда может показаться глупым быть таким заботливым о туфлях, которые не увидят свет дня.

По крайней мере, не на мне. Они найдут новый дом на чьих-то других ногах.

До этого они выстроены у двери.

"Все готово", говорю. Это может быть и не много, но я создал иллюзию, что кто-то живет здесь.

"Что дальше?" спрашивает Орион, и в то же время зевая.

Я смотрю на время на своих часах. "Скорее всего, Скарлетт уже на борту. Ты не против, если я позвоню ей?"

"Не нужно спрашивать", говорит Орион, пододвигая свой телефон по полу. "Просто звони".

Я уже пользовался его телефоном прямо перед тем, как мы уехали из

больницы, чтобы отправить Скарлетт сообщение о том, как лучше связаться со мной, так как Далма больше не с нами. Она ответила быстро, что меня нервировало, потому что я не хотел, чтобы она писала сообщения и водила машину, но она ответственно припарковалась, прежде чем проверить новое уведомление от другого неопознанного номера. Даже в расстроенном состоянии, Скарлетт все равно действует осторожно, что здорово, потому что у нас всего около двадцати минут, пока мы точно не узнаем, что и она не умрет сегодня.

Я захожу в его историю вызовов и нажимаю на новое сохраненное имя Скарлетт. Она отвечает на мой FaceTime через несколько секунд.

Лицо Скарлетт и ее глаза красные, и она тут же выдыхает, увидев меня. "Мне так страшно было, что это будешь не ты".

"Я дома", говорю я, наклоня камеру так, чтобы она могла увидеть квартиру с тем немногим, что я успел распаковать, и Орион в углу.

"Хорошо. Убедись, что там нет ничего, что может тебя убить. Например, плиты или острых поверхностей. Окно заперто? Запри окно, чтобы никто не мог проникнуть".

Если бы это был обычный звонок, я мог бы просто сказать ей, что все в порядке. Но я хочу успокоить ее нервы так же, как она будет мне нужна, чтобы успокоить мои, поэтому я иду по квартире и убеждаюсь, что она безопасна.

"Все готово", говорю я.

"Спасибо. Пока не клади трубку".

"Не ложу".

Я сажусь на надувной матрас, который достаточно жесткий, чтобы помочь мне поспать пару часов. Я наблюдаю за Скарлетт, когда она регистрируется на посадку и глубоко вдыхает. Она летала всего дважды раньше, и ей это не нравится. Теперь больше чем когда-либо мне жаль, что я улетел раньше. Связь становится слабее, когда она идет по трапу, потому что, несмотря на все сообщения о наличии бортового Wi-Fi, я не знаю ни одного человека, кто был бы в самолете с таким.

"Скар", зову я, так как она продолжает отставать, ее лицо застывает так, как бы ей не понравилось.

Я кладу трубку и отправляю ей сообщение, надеясь, что оно дойдет: Связь плохая. Дай знать, когда вы взлетите. Я люблю тебя, Скар.

"Она садится на борт", говорю Ориону. "Мне, наверное, стоит лечь спать. Хочу быть отдохнувшим, когда она прилетит".

"Ты тоже должен выспаться перед фотосессией", говорит он. "У меня достаточно консилера, чтобы скрыть свои тени и порезы".

"Так у тебя есть постельное белье?" спрашивает Орион.

Я покачиваю головой. "Я больше беспокоился о том, чтобы упаковать миллион обуви, видимо".

"О, я помогу с этим". Орион поднимается, готов решать проблемы, берет некоторую одежду и куртки, которые я аккуратно сложил, и приносит их к надувному матрасу. Он создает подушки, засовывая свитера в хлопковые футболки, чтобы шерсть не царапала наши лица. Он раскладывает одно полотенце на надувном матрасе в качестве постельных принадлежностей и завершает это черным пальто в пол. "Если бы у меня был телефон, я бы сделал снимок этого", говорю я. Это действительно впечатляет.

"Мне тоже это нравится", говорит Орион. Он кладет одну из подушек-свитеров на пол и создает спальный мешок из свитера и моей бежевой замшевой куртки.

"Что ты делаешь?"

"Просто застилаю свою постель. Это нормально? Я буду спать под твоей курткой, чтобы она не касалась пола."

"Нет, мне все равно на это. Тебе не обязательно спать на полу."

"Мне действительно не принципиально. Я ценю, что ты пустил незнакомца ночевать у себя."

"Ты не незнакомец. Если мы собираемся разделить сердце, то можем и кровать разделить."

Лицо Ориона скривилось. "Э, технически ты даришь мне свое сердце. Мы не разделяем. Но я не буду игнорировать..."

"Пожелание умирающего человека?" спрашиваю я.

"Эй, ты заполнил бланк, а не я."

"Орион бросает свою свитер-подушку и накидывает одеяло на кровать. Мы снимаем ботинки. Обычно я сплю в трусах, но я не хочу создавать неловкость, поэтому переодеваюсь в спортивные брюки. Орион устанавливает будильник на своем телефоне, прежде чем использовать мою зарядку; вместе мы составляем отличную команду.

Я выключаю свет и ложусь в кровать, где Орион уже устроился. Комната темная, даже несмотря на отсутствие жалюзи, но не совсем темная благодаря городским огонькам, которые не дадут блоку уснуть. Я думаю о том, чтобы купить шторы завтра, потому что мне важно выспаться, особенно в дни работы, прежде чем вспомню, что это не будет моя проблема.

Сколько раз я буду думать об этом, прежде чем полностью приму смерть?

Надеюсь, много. Это значит, что я все еще жив.

Это первый раз, когда я сплю в одной кровати с другим парнем. Мы лежим голова к голове, глядя на потолок. Это действительно приятно, и такой стиль жизни я планировал создать для себя здесь, в Нью-Йорке. У меня было немного опыта дома, когда я общался с некоторыми парнями, но это никогда не достигло такого уровня. Все всегда казалось таким сложным из-за скрывания своих чувств от родителей и недостатка чувства безопасности при любых романтических действиях в моем красном штате. Я также никогда не ощущал той правильной привязанности к другому мальчику; к кому-то, ради чего стоило бы все это.

Так тихо, что кажется, что мои сердцебиения настолько громки, будто я чего-то ожидаю.

Орион прерывает тишину, шепча: "У меня есть вопрос."

"Не обязательно шептать."

"Я не знал, спишь ли ты. "

"Ты узнаешь. Я громче всех храплю."

"Ты не можешь храпеть громче всех и одновременно иметь соседа по комнате в студии."

"Мой храп - это для Скарлетт уже как белый шум." Я поворачиваюсь, чтобы видеть его, но он продолжает смотреть в потолок. "Пожалуйста, не задуши меня во сне."

"Только потому, что у тебя есть то, что мне нужно", - говорит Орион, мельком глядя на меня, а затем снова отводит глаза. "На самом деле, об этом я хотел спросить. Скарлетт знает обо всей этой истории с сердцем?"

"Пока нет. День Смерти уже был достаточно сложным началом. Как другой зарегистрированный донор органов, она будет поддерживать меня. Отсутствие моего сердца в моем трупe - это не то, что заставит ее чувствовать, что ее жизнь неполна.

"Я стону, когда в уме возникает ужасное изображение.

"Что случилось?" - спрашивает Орион.

"Думая обо всем этом с органами... я только что представил себе, как Скарлетт погибает в авиакатастрофе и знает, что ее органы не могут быть пересажены, как она хотела."

Я не могу выкинуть это из головы. Крики, хаос, огонь, дым.

Орион садится, положив руку на мое плечо. "Не думай об этом. Самолет еще не взлетел, так что, если Отдел Смерти не собирается звонить этим пассажирам, Скарлетт будет в порядке."

Скарлетт Принц

Скарлетт Принц

00:59 (по местному времени)

Отдел Смерти не звонил Скарлетт Принц, чтобы сказать ей, умрет ли она сегодня, но по мере того как она входит в этот последний возможный час для этого, Скарлетт сжимает свой телефон в кулаке, не уверенная, хочет ли она разделить свой Последний День с братом или столкнуться с жизнью без него.

Скарлетт не чужда этой тревоге, у нее уже был опыт близкой смерти в мае.

Хотя она чудом избежала психологической травмы от автомобилей, даже когда она ехала по тому самому шоссе, где тот неосторожный человек врезался в нее, в ней осталась неопровержимая боль с тех пор. Это не была кровь, хлынувшая к ее голове, когда она оказалась перевернутой в своем перевернутом мини Купере, не напряжение ремня безопасности на груди, или даже осколки стекла, пронзившие ее кожу из разбитого пассажирского окна, оставив небольшие шрамы на ее щеке, шее и руке. Самая большая боль была в том, что она собиралась умереть одна, даже если она не так начала свою жизнь.

Эта боль все еще сжимает ее, когда она вспоминает эту боль, боль, которую ее брат никогда не узнает, потому что она будет рядом с ним, даже если это будет означать свидетельствовать о страшной смерти, которую он не заслуживает.

"У меня была мысль перед тем, как я потеряла сознание," Скарлетт рассказала Валентино, восстанавливаясь на следующее утро после аварии. "Что, так как я была последней, кто пришел в этот мир, я буду первой, кто уйдет. Это как будто жизнь стала слишком переполненной, и людей пришлось уволить."

"Ты делаешь смерть звучать более поэтично, чем это есть," сказал Валентино.

"В этом есть доля артистизма во мне. Рада буду ошибиться."

Скарлетт уже не была счастлива, что была неправа.

Валентино был первым, кто вошел в этот мир, и будет первым, кто выйдет.

За исключением того случая, если они уйдут вместе, как самолет, отправляющийся в свой пункт назначения, в одну сторону.

Скарлетт взглянула вверх, чтобы увидеть, что все остальные в ее ряду увлечены своими телефонами, как будто они все ожидают, что сегодня будет их последний день. Затем у нее появляется ужасное видение коллективного звонка по всему самолету, проклиная всех, хотя они еще не взлетели. Ей не хочется придавать этой мысли силу, но это не помогает, когда она слышит звонок.

Отдел Смерти звонит.

Они звонят кому-то на борту этого рейса.

Телефон Скарлетт молчит и темный экран, и она тут же поглощается разгадыванием тайны несчастного Декера. Своим местом в седьмом ряду Скарлетт слышит звон колоколов впереди, возможно, это кто-то в первом классе. Но все в этом разделе смотрят вперед, уставившись в передний салон.

Пилот этого самолета сегодня умрет.

Что это означает для всех остальных?

Капитан Гарри Э. Пирсон

Капитан Гарри Э. Пирсон

01:00 (по местному времени)

Отдел Смерти звонит капитану Гарри Э. Пирсону, чтобы сообщить ему, что он сегодня умрет, за несколько минут до того, как он собирался подготовить свой самолет к своему столетнему полету.

Начиная с первого помощника до бортпроводников и пассажиров, все глаза обращены на капитана. Это тот вид внимания, о котором мечтают во время инструктажа по безопасности в полете, но люди часто слишком погружены в свои журналы и телефоны, чтобы обращать на это внимание. Но сейчас они напряженно следят, когда капитан Пирсон ответит на свой звонок о Конце Дня. Он собирается это сделать, когда почувствует глубокий ужас, подобно тому, как он раньше смотрел фильмы ужасов, но пришлось перестать из-за того, что его стареющее сердце больше не могло справляться со страхом и внезапными пугающими моментами, и капитан Пирсон начинает подозревать всех на борту.

Если Отдел Смерти звонит, когда он даже еще не в воздухе, то это значит, что на этом самолете есть кто-то, кто убьет его? Террорист с намерениями похищать самолет? Это не может быть бомбой, потому что все были бы Декерами, верно? Кто сказал, что остальные не получают звонок? Это все только начало.

В состоянии тревоги капитан Пирсон принимает быстрое решение, решение, которое нарушает все регламенты, потому что эти правила были написаны для мира без Death-Cast, где нужно было готовиться к опасности, но не к неизбежности. Если он хочет спасти всех своих пассажиров от похищения, он должен доверять никому, включая своего первого помощника, которого он толкает в бизнес-класс. Капитан Пирсон не ждет, куда он приземлится. Он запирается в кабине управления, разбитый тем, что ему не удастся совершить его столетний полет, но гордый своим обязательством к безопасности в первую очередь.

Он садится на свое место пилота и отвечает на звонок Отдела Смерти,

глядя в небо.

Скарлетт Принц

Скарлетт Принц

01:02 (по местному времени)

Пилот собирается убить нас всех?

Все, что Скарлетт знает, это то, что как только пилот запер себя в кабине пилотов, начинается полный хаос. Множество пассажиров ведут себя как освобожденные из клеток дикие животные, бросаясь вперед самолета и требуя выйти наружу. Скарлетт тоже хочет сделать то же самое, но ей страшно, что ее могут задавить в этой панике, поэтому она прячется спиной к окну. Напал ли пилот на своего помощника, потому что он хочет отправить всех на смерть? Или среди них в салоне есть кто-то, кто представляет большую угрозу?

Сложно сохранять веру в Отдел Смерти, когда они вызвали столько истерии.

А если они сегодня ошиблись?

Скарлетт пытается позвонить по телефону мальчику Ориону, чтобы связаться с Валентино, но у нее не получается установить связь.

Может быть, смс пройдет: **Отдел Смерти позвонили пилоту...** Она печатает так быстро, что ей наплевать на правильную пунктуацию. **Я не получила звонка, но все сходят с ума.**

Сообщения не проходят.

Мне страшно, Вал, она все равно пишет.

Лучше привыкнуть к таким разговорам с братом уже сейчас.

Орион

Орион

04:04

Валентино снова звонит Скарлетт, но телефон сразу переходит на голосовую почту.

"Вдруг она разговаривает с Отделом Смерти?" - спрашивает он, кладя телефон.

Дело в том, что если Скарлетт получает сейчас свой звонок Последнего Дня, мы ничего не можем с этим поделать. Мне просто нужно предложить какую-то поддержку, чтобы Валентино не сорвался окончательно.

"Если Отдел Смерти позвонил ей, я готов поспорить, что ты первый, кому она попробует позвонить, как только закончит разговор." Я нахожу его глаза в темноте и вижу, что он понимает. "Скорее всего, у Скарлетт все еще проблемы с сетью."

"Ты прав. Мне ужасно много понадобилось время, чтобы мой текст отправился раньше чем она взлетела. Сообщение отправилось сразу перед тем, как мне пришлось перейти в режим полета, и это было без помех от всех звонков Последнего день."

"Именно так", - говорю я, хотя не верю, что он верит своим словам. Он пытается убедить себя в этой правде, и я уважаю это.

Он опускает голову на свою самодельную подушку. Только чтобы поднять ее секунду спустя.

"А если эти помехи сигнала не позволяют Отделу Смерти дозвониться до Скарлетт? Или к кому-либо еще на борту? Или ко всем остальным, даже? Они могут собираться взлететь, не зная, что им суждено. Это не то, чтобы Отдел Смерти могли бы позвонить авиакомпаниям и предотвратить их отправление, так как они не отслеживают нас, как все эти теоретики заговора верят, хотя в этом случае на самом деле было бы очень полезно знать, если борт полон Деккеро." "

Я позволяю Валентино высказать все свои слова, и он заставляет меня задуматься о своих родителях и о всех остальных жертвах 11 сентября.

Если бы Отдел Смерти был бы уже тогда и позвонил тысячам людей, погибших в башнях, на самолетах и на земле, они бы выжили? Все, о чем говорил Хоакин Роса, подразумевает, что они были бы убиты другими способами, но увидел бы я их еще раз в тот день? Увидел бы я, как они умирают, вместо того чтобы оставаться безучастными на протяжении нескольких часов, пока они не узнают, что они мертвы? Могу задать миллион вопросов, как после просмотра любого фильма с серьезными парадоксами времени, но, если я действительно не могу перематывать время, я никогда не получу ответа.

"В такие моменты я жалею, что больше не молюсь," говорит Валентино. "Молился бы о безопасности Скарлетт."

Я никогда особо не был религиозным, но я уважаю чужие убеждения, если они уважают мои. Когда мы дома и готовимся к еде, Команда Янг делает небольшую паузу, чтобы поблагодарить за еду, и я спокойно сижу в стороне, пока они молятся за благословение. Это нормально.

"Ты перестал молиться из-за своих родителей?" - спрашиваю я.

"Я знаю, что моя история так же стара, как Библия, но мои родители явно дали понять, что я грешу, когда признался, что гей. Это казалось, будто меня лишили возможности молиться."

Каждый раз, когда Валентино говорит, что он гей, это звучит настолько захватывающе. Я чувствую, будто комната должна была засверкать радугой, чтобы я увидел, как это слово вылетает из его губ в форме сердца. Но, честно говоря, темнота имеет свой смысл, будто за Валентино следует буря, которая всегда его окружает, потому что у него есть родители, которые не дают ему той любви, которую он заслуживает. Я, возможно, не выиграю эту схватку, но я всё равно захочу отстоять его честь.

"Ты знаешь, что всё это чушь, верно?"

"В основном да."

"Послушай, я не связан с религией, но кто угодно, кто ненавидит геев из-за того, что, кажется, даже не говорит Библия, может идти к черту."

"Мне нравится, как ты можешь так свободно ругаться и не выглядеть при этом яростным."

"Это дар."

"Спасибо за твоё не слишком пылкое мнение. Мне было очень сложно полагаться на веру все эти годы, молиться Богу о том, чтобы мои родители всё равно меня любили, и ошибиться".

Он кладет руки себе на грудь и глубоко вздыхает. "Уйти от них было одной из главных причин, почему я ушел. Это часть моей работы - чувствовать себя комфортно в своей коже. Принимать себя таким, какой я есть. Как я мог это сделать, если я не мог быть собой дома?"

И вот теперь он здесь, в постели с другим парнем в свой последний день жизни.

"Я не сказал своим родителям, что сегодня я умру," - говорит он.

Всё в этом удивительно, но для меня самым шокирующим является то, что я забыл, что он умрет сегодня. Я так погрузился в его прошлое и поддержку его будущего, что почувствовал, будто я перешел в другую вселенную, где у Валентино будет возможность открыть для себя самого же себя таким, каким он всегда мечтал. Но это не так, потому что сегодня он умрет, и его родители, которые выгнали его, не подозревают об этом.

"Ты собираешься им сказать?" - спрашиваю я, хотя ситуация выглядит не очень оптимистичной, если он до сих пор не попытался сообщить им об этой большой новости.

"Какой в этом смысл? Их священник убедил их в том, что только Бог всезнающий, и что Отдел Смерти - дело дьявола."

Я почти включаю свет, чтобы Валентино мог видеть, как я закатываю глаза.

"Может быть, они смотрят новости и уже думают иначе," говорю я.

"Я до сих пор не решил. Ты, наверное, подумаешь, что я монстр, если я этого не сделаю."

"Чёрт, нет. Почему бы ты так подумал?"

Он начинает волноваться. "Я не знаю. У тебя были неожиданные утраты в семье, и я уверен, что у тебя было бы много, что ты бы сказал своим

родителям, если бы знал, что это последний раз, когда ты их видишь... Ты когда-нибудь имел шанс поговорить с ними о своем сердце?"

"Сердце начало давать о себе знать только, когда мне исполнилось шестнадцать, помнишь?"

"Я был не совсем ясен. Прости. Я не говорил о твоей болезни сердца. Я говорил о том, куда ведет твое сердце, или скорее к кому оно тянет тебя."

Мне нравится, что, даже если я никогда ничего не говорил вслух, Валентино всё равно знает, что я не гетеросексуален. Да, я флиртовал с ним на Таймс-сквер и сейчас разделяю с ним кровать, но я действительно горжусь тем, как я открыто себя проявляю. Это может быть очень страшно, не поймите меня неправильно. Особенно в южном Бронксе, где я никогда не видел двух мужчин, держащихся за руки, и слово "гей" используется как оскорбление. Но я знал на протяжении многих лет, что у меня не будет вечности, чтобы выйти из шкафа, поэтому я выбрался из него, как только появилась возможность.

Я всегда буду жалеть, что это не произошло раньше.

"У меня не было возможности поговорить об этом с мамой и папой," - говорю я.

"Ты думаешь, что они бы одобрили?"

"Одобрили бы меня геєм?"

"Одобрили бы геєм," - повторяет он. "Не думай, что ты не можешь быть честным, только потому, что мои родители не вели себя идеально."

"Ты в этом уверен?"

"Я в этом уверен."

"Мои родители всегда хотели, чтобы я был счастлив. Я думаю, что они всегда чувствовали вину за то, что не зарабатывали больше денег, чтобы купить мне всё, что я хотел. Так что они делали всё возможное во всех остальных областях. Например, они дали мне библиотечную карточку, когда мне нужно было новое чтение, или крали бумагу из офиса, чтобы я мог писать свои рассказы. Так что я думаю, что им было бы абсолютно все равно, с кем я бы пришел домой, лишь бы я был счастлив."

Валентино поднимает кулак. "Молодцы, родители Ориона."

Неудивительно, что ты такой замечательный."

Я покраснел в темноте. "Мне также надо поблагодарить Даяну и Флойда. Они были настоящими крутыми опекунами. Не могу придумать лучшего места, куда можно было бы переехать, чем дом детства лучшей подруги моей мамы. Мы могли вместе скорбеть о ней, и Даяна всегда позволяла мне идти своим путем и делать свои ошибки, даже когда ей хотелось вмешаться. Как в Таймс-сквер."

"Она не хотела, чтобы ты пошел?"

"Нет. Родители Далмы хотели, чтобы мы остались дома, но меня манило приключение."

"Вау. Если бы ты не был там..."

"Да, да. Я спас тебе жизнь, я настоящий герой. Мы поняли."

"Я хотел сказать, что если бы ты не был там и не ударил меня, то, возможно, у меня всё еще был бы мой мобильный телефон," - говорит Валентино, его голос звучит улыбкой. Он игриво меня подталкивает, и мне кажется, что мы на грани начнем борьбу на этом надувном матрасе и скажем "No Homo!" даже несмотря на то, что мы оба геи. "Я действительно рад, что ты был рядом. Это явно не был мой лучший час, но могло быть намного хуже."

"Ты мог бы потерять и свой кошелек."

"И свою жизнь," - говорит он, совершенно серьезно.

Этот первый день Отдела Смерти такой головокружительный.

В один момент, Декер, которому я спас жизнь, поднимает дух, а в следующий мигновение он одержим.

Возможно, это главное преимущество прошлой жизни - вы не тратите время на скорбь о себе, когда даже не ожидаете умереть в первую очередь.

"Серьезно, я рад, что ты жив. Я буду спасать тебя так часто, как смогу."

"Рад," - он повторяет.

Есть что-то грустное в том, как он произносит "рад".

Он мог быть уставшим. Уже очень поздно. Но я думаю, что это истощение от жизни тяготит его.

"Валентино?"

"Да?"

"Я не являюсь фанатом твоих родителей. Прямо говоря. Если они не могут поддержать тебя там, где ты находишься, это их проблемы. Это их упущение, потому что ты просто потрясающий. Если ты думаешь, что можешь выиграть что-то, поговорив с ними в последний раз, я бы сказал, попробуй. Но пожалуйста, только делай это для себя. Ты ничего не должен людям, которые не хотят видеть тебя счастливым."

Валентино протягивает руку и сжимает мою руку. "Мне действительно повезло встретить тебя. Хорошо знать, что мое сердце отправится к хорошему человеку."

"Только хорошему? Ты уже называл меня замечательным. Как я могу вернуть себе несколько баллов?"

"Дай мне подумать," - говорит он.

Если бы Валентино попросил поцелуй, он бы нашел мои губы на своих очень быстро.

Трудно быть так близко к нему и не быть с ним.

Мне кажется, что мы находим общий язык, это не просто история, которую я рассказываю себе. Я искренне верю, что если бы Отдел Смерти не позвонил Валентино, то я бы ввел свой номер в его телефон и мы бы запланировали встретиться - возможно, даже назвали бы это прямо свиданием - и быстро познакомились бы друг с другом. Но у нас нет завтрашнего дня; у нас едва хватает на сегодня. Скоро его сестра прилетит в Нью-Йорк, и они проведут вместе как можно больше времени, и если все пойдет хорошо, мы встретимся в больнице для операции, где уже будет слишком поздно жить так, как мы сейчас - два парня, делящих кровать посреди ночи, открывающих друг перед другом свои сердца, как в тот момент, когда мы впервые встретились.

Я не хочу сожалеть о том, что ничего не сказал, не предпринял.

"Валентино?" - шепчу я.

Я жду, когда он ответит мне, но он отвечает только тихим храпом, который, как слухи гласят, скоро раздастся в этой пустой студии. Я питаюсь не спать так долго, как могу, слушая, как Валентино спит, прежде

чем наконец уснул и я тоже.

Скарлетт Принц

Скарлетт Принц

01:09 (по местному времени)

Самолет должен был взлететь сейчас, но вместо этого он остается на земле, с пилотом до сих пор запертым в кабине и вооруженными силами снаружи. Скарлетт предполагает, что пилот, вероятно, предупредил кого-то. Прежде чем кто-либо мог было покинуть самолет через аварийный выход, вокруг самолета окружили службы безопасности и полицейские, инструктируя всех оставаться внутри, пока они расследуют угрозу.

"Сохраняйте спокойствие", - сказал пилот, успокоив все беспокойства о том, что он поведет всех на смерть.

Но как люди могут оставаться спокойными, если они изначально были встревожены?

Пассажиры стучат в окна и угрожают второму пилоту и бортпроводникам.

Скарлетт боится за свою жизнь, но знает, что не должна.

Если бы ей предстояла умереть, Отдел Смерти бы предупредил.

Найя Роза

Найя Роза

04:30

Найя Роза не получила звонок от Отдела Смерти, потому что она не умирает сегодня, но как можно быть уверенным, после того как Декеру удалось выскользнуть из-под их контроля?

И потом еще один, и еще один, и еще...

Четыре жизни ушли без предупреждения. Это только зарегистрированные случаи до этих пор. Сколько еще историй выйдет на свет к утру? Сколько душ уже перешли в иное состояние без кого-либо, чтобы даже объявить о их неожиданной утрате?

Рождение Отдела Смерти должно было означать конец беспокойства. Но в душе Наи сейчас только беспокойство.

Ее сын в безопасности? Ее муж? Она сама в безопасности?

А что насчет всех преданных сотрудников, которые всё еще работают на телефонных линиях, закрывая этот последний час, связываясь с Декерами на Западном побережье? Найя также беспокоится о их психическом здоровье. Сколько из них готовы лопнуть под тяжестью горя?

Изначально правительство предложило, чтобы Отдел Смерти работал через роботизированные звонки для повышения эффективности. Хоакин был очень близок к тому, чтобы поддержать эту идею, когда Найя высказалась против. Точно так же, как врачи лично сообщают неблагоприятные диагнозы, Найя считала, что звонить и говорить кому-то, что он собирается умереть, требует этот человеческий контакт. Узнавать о конце своей жизни через какое-то предзаписанное сообщение было слишком холодным.

Защищая Декеров, Найя понимала, что ей следует также заботиться о глашатаях.

Исходно она разработала этот план с открытой планировкой, чтобы

обеспечить благополучие глашатаев, не желая их изоляции в личных офисах или разделении кабинок. Здесь есть четыре длинных глянцевых белых стола, каждый из которых может вместить пять человек. Всех призывают добавить своим местам радостные фотографии близких, домашних животных, что укрепит связь с их собственной жизнью, чтобы они не стали отчаянными. И хотя Найя играла с идеей установки вокруг центра звонков маленьких динамиков, играющих успокаивающую музыку, она решила установить фонтаны, чтобы поддерживать у всех связь с природой, работая в свои смены.

После завершения сегодняшних звонков "Последнего Дня", все сотрудники – как глашатаи, так и операторы службы поддержки - обязаны посещать групповые консультации, с возможностью также выбрать частные сессии. Найя также будет доступна для личной обратной связи о том, как компания может наилучшим образом удовлетворить их потребности.

Надеюсь, после сегодняшнего вечера останется еще какая-то компания.

Найя уходит от центра звонков и присоединяется к Алано и Бакки в одной из частных кабинок, зарезервированных для глашатаев, которым требуется немного времени после любого взаимодействия, вызвавшего у них дистресс. Она не знает, у кого сейчас больше энергии, ее сыну или щенку, но наблюдение за их игрой вызывает на ее лице самую большую улыбку.

"Ты должен вернуться спать", - говорит Найя.

"Мне нравится бодрствовать поздно", - отвечает Алано.

"Не привыкай. Завтра соблюдаемое время сна."

Это касается и ее самой, она так хочет уснуть в своей постели.

Этот год был беспощадно утомительным. Публика узнала об Отделе Смерти только первого июля, но за кулисами было проделано так много работы. Все должно было быть сделано недоступно. Например, архитекторы полагали, что они строят центр обслуживания клиентов для нового телефона, который будет выпущен; это часть долгой игры Отдела Смерти, но произойдет это только через несколько лет.

Как только новости вышли, вещи действительно начали сказываться на семье Розас. Близкие друзья были разочарованы, что Хоакин и Найя не

поделились секретом за прогнозами компании и были возмущены тем, что у них был доступ к нему на протяжении многих лет и они не поделились этим богатством ранее. Собственная семья Найи начала оборачиваться против Хоакина, видя его как некое вариантное злодействующее, жаждущее прибыли суперзлодея за то, что он не предлагает эти услуги бесплатно. Соседи и незнакомцы косо смотрели на них при каждой возможности, считая, что семья ведет какую-то аферу, которая вдохновит на создание фильма, достойного "Оскара", в будущие годы. Однако больше всего ломает сердце Найи то, как часто Алано подвергался издевательствам со стороны друзей и даже был преследуем некоторыми родителями в парке. Восприятие Бакки на прошлой неделе не решит все проблемы Алано, но этот щенок был замечательным увлечением, которое помогает ему не плакать каждую ночь.

Провал в поддержке этих Декеров не поможет завоевать доверие общества.

Найя не скажет этого вслух, но если Хоакину придется закрыть компанию, она будет скорбеть о том, что Отдел Смерти мог бы сделать для мира, в то время как будет радоваться возвращению ее семьи к нормальной жизни. Это ее цель в этой жизни.

Даже если, к сожалению, это не цель ее мужа.

Хоакин Роза

Хоакин Роза

05:00

Первые звонки "Последнего Дня" от Отдела Смерти завершились на материковой части США.

Хоакин расстроен тем, что он не находится вместе со своей командой, чтобы отметить это событие, но он всё ещё расследует проблему. Если он не сможет решить её до того момента, как геральды закончат групповую консультацию, предложив переработку тем, кто останется, то по возвращении он просто будет работать в колл-центре в одиночку.

На его страже больше не умрёт ни один Декер без предупреждения.

Найя Роза

Найя Роза

05:11

Когда глашатай заканчивает свой звонок, в воздухе висит тишина.

Это был последний звонок "Последнего Дня" на сегодняшний вечер.

Найя собирается попросить всех глубоко вздохнуть, когда совершенно неожиданно к ним присоединяется очень милая инженер по работе с клиентами Астер Гомес и пытается начать раунд аплодисментов за проделанную работу. Геральды остаются замершими на своих местах. Все, кроме одной. Андреа Донахью - женщина, которая не теряет времени, направляется прямо в комнату благополучия. Ей придется подождать остальной группы, так как это действительно групповая консультация, но Найя доверяет каждому знать свои потребности. Для Андреа это могло означать удаление себя от станции, где она только что провела последние пять часов, говоря людям, что они собираются умереть. Для остальных девятнадцати глашатаев, похоже, нужна минута или две или пять.

"Эта работа не легка, но она важна", - говорит Найя с верхушки стула, где ее можно видеть. "Мы благодарим вас за то, что вы являетесь голосами этой компании. "

Тем не менее, никто из них не говорит ни слова.

Даже когда они наконец входят в комнату благополучия, пожимая руку Найи, она смотрит каждому в глаза и благодарит их по имени. Все кажутся такими озабоченными, словно за ними следуют призраки всех Декеров, которых они звонили сегодня ночью. Возможно, это хорошо, что они не знают о Декерах, которые умерли и умрут без предупреждения сегодня.

Каждый из них станет призраками Отдел Смерти.

Фрэнки Дарио

Фрэнки Дарио

05:16

Фрэнки снова в постели, смотрит новости.

В одной руке он сжимает пульт от телевизора, а в другой - телефон. Он держит предметы в руках, чтобы не бить кулаками в стены и людей, когда он раздражен. А он далеко за гранью раздражения - он в ярости. Роландо проигнорировал все семнадцать его звонков. Если он мертв, Фрэнки не будет оплакивать его. Он никогда не любил этого парня, но если Роландо жив и даже не смог ответить на одно из его сообщений, то, клянусь, Фрэнки выбьет ему зубы. Ночь в тюрьме стоила бы того.

Новости сообщают о стрельбе, произошедшей ранее этой ночью в Таймс Сквер, незадолго после полуночи. Нужно быть особенным идиотом, чтобы оказаться в этой толпе, и хотя мир, по-видимому, потерял множество идиотов, Фрэнки хотел бы быть достаточно умным, чтобы присоединиться к праздникам Отдела Смерти. Конечно же, что-то взрывное должно было произойти! Если бы он был на месте, он мог бы сделать несколько жестоких, разрушительных фотографий, которые бы улучшили его жизнь.

Глория шевелится под одеялом и смотрит между Фрэнки и телевизором.
"Можешь погромче сделать?"

"Мог бы, если бы Роландо ответил на мои звонки."

"Ты сейчас звонишь ему? Он начал работать в Отделе Смерти", - сонно говорит она.

Она думает, что он тупой? "Ни хрена. Но мне нужна была его помощь."

"С чем?"

"Не парься об этом."

Он никогда не в настроении для наставлений, но особенно не в пять утра после бессонной ночи. Его жена всегда была такой не поддерживающей, когда речь заходит о его мечтах. Это потому, что у нее нет настоящего

художественного взгляда, нет способности видеть в душу его фотографий. Вместо этого она ожидает, что Фрэнки будет практичным, как будто он хочет ремонтировать радиаторы и чистить унитазы, и заниматься арендаторами, которые будут беспокоить его в три часа утра на протяжении всей его жизни.

Между тем, Глория играет роль менеджера и возит Пазито на каждое прослушивание при каждой возможности. Вот дело в чем: если бы Пазито действительно был достаточно хорошим актером, он бы легко находил работу после появления в одном из фильмов Скорпиуса Хоторна. Иметь маленькую роль в, пожалуй, самой большой фэнтезийной франшизе своего времени, безусловно, должно было бы привести к другим возможностям уже сейчас, но если этого недостаточно для того, чтобы осветить его звезду, то этот ребенок не сияет.

Может быть, Глория стоит воспитать своего девятилетнего сына, чтобы он развил некоторые практические навыки раньше, а не позже, чтобы Пазито не вырос "отвлеченным большими мечтами", как она однажды обвинила Фрэнки, когда он забыл годовщину их безлюбного брака.

Ему слишком тяжело, чтобы даже сосредотачиваться на новостях. Он поднимается с кровати, оставляя пульт, и несет свой телефон обратно на кухню, чтобы проверить, сможет ли он связаться с Роландо, пока позволяет себе еще одну бутылку пива.

Фрэнки знает, что этот "Последний день" - это его билет из долгов и, если он повезет, из этой семьи.

Глория Дарио

Глория Дарио

05:19

Отдел Смерти не позвонил Глории Дарио, потому что она сегодня не умирает, несмотря на то, что ее даже не проинформировали бы об этом, так как ее муж не хочет, чтобы их семью были зарегистрированы в этой службе, но Глория все равно подписала всех за его спиной.

На протяжении всей жизни Глория всегда была планировщицей.

Каждое утро она просыпается и знает, что готовит на завтрак, обед и ужин. Каждую ночь она проверяет погоду и готовит свою одежду на следующий день. Она ведет списки дел в маленьких спиральных блокнотах, которые покупает за девяносто девять центов в магазине, чтобы всегда быть на треке, и практически живет ради того момента, когда она отмечает выполнение своих задач, несмотря на их размер. Она приходит на каждую встречу минимум за сорок пять минут до начала, потому что метро может быть таким непредсказуемым. Она готовит костюм на Хэллоуин для Пазито в августе, примеряет его в сентябре и проводит заключительные примерки в первой неделе октября. (К счастью, Пазито никогда не меняет свое мнение в последний момент, хотя у нее есть коробка с тканями и ремесленными материалами в шкафу на всякий случай.) И хотя это мрачное занятие и ей нечего оставить позади, Глория составила свою завещание в первый год материнства и побудила Фрэнки сделать то же самое, чтобы обеспечить заботу о Пазито после их ухода.

Планирование своей жизни всегда помогало Глории чувствовать себя под контролем. Но смерть никогда не была чем-то, что она могла бы точно спланировать до сих пор.

Глория плакала все время, когда заполняла форму регистрации в Отдел Смерти. Она сильно сомневалась, нажимая на каждый вопрос, боясь, что Фрэнки узнает и начнет бросать оскорбления - может быть, даже более того - за предоставление личной информации, которая уже была свободно распределена в других местах, таких как больницы и даже их кабельный

провайдер. Она могла видеть, что он воспроизводит теории заговора от третьих лиц, и она давно отказалась от попыток заставить своего мужа образумиться. Все, что он делает, это агрессивно атакует, когда у них возникают разногласия. Вот почему Глория плакала, регистрируясь в Отдел Смерти. Да, ее разоряет мысль о том, как она проведет свой последний день с Пазито, зная, что даже мастер-планировщик, как она, не сможет впихнуть все, что она хочет сделать со своим сыном перед смертью, но более того, она была разбита, потому что она не знает, что ее муж готов стать тем, кто убьет ее.

Она обсудила это с Роландо - своим лучшим другом в этой жизни и своим возлюбленным в другой, который очень ненавидит Фрэнки по понятным причинам и только делает вид, что все хорошо, чтобы защитить ее.

"Почему бы просто не уйти от него?" - Роландо спрашивал миллион раз за все эти годы, особенно недавно, когда она призналась ему, что зарегистрировала себя в Отдел Смерти. "Кажется, будто ты принимаешь то, что он убьет тебя."

Если бы Глория ставила себя на первое место, она думает, что ушла бы от него уже много лет назад. Просто бы собрала свои вещи, когда Фрэнки был бы вне дома, и ушла бы, оставив лишь подписанную записку о том, какой монстр он. Кто скажет, насколько серьезно она бы это сделала. Она знает множество сильных женщин, включая свою мать, которые оставались в таких браках по своим причинам. Для матери Глории это была финансовая безопасность, необходимая при воспитании Глории и ее сестер. Для Глории она остается, потому что ее сын не видит своего отца как монстра. Как она могла забрать Пазито от Фрэнки, особенно в молодом возрасте?

На протяжении многих лет время для ухода никогда не казалось подходящим.

Сначала Глория думала, что все изменится, когда она забеременеет.

Она ошиблась.

Глория думала, что все изменится, когда родится ее сын.

Она ошиблась.

Глория думала, что все изменится, когда ее сын начнет спать ночью.

Она ошиблась.

Глория думала, что все изменится, когда ее сын начнет разговаривать.

Она ошиблась.

Глория думала, что все изменится, когда ее сын пойдет в детский сад.

Она ошиблась.

Глория думала, что все изменится, когда ее сын снимется в фильме.

Она ошиблась.

Глория надеется, что все изменится.

Она надеется, что она не ошибается.

Но она планирует, чтобы так и было, благодаря Отделу Смерти.

Мгновения спустя после того, как Фрэнки покинул их спальню, раздраженный из-за Роландо по какой-то новой загадочной причине, Глория борется с тем, чтобы снова заснуть. Она слушает новости, которые все еще освещают жертвы ночного Таймс-сквер. Она сидела с Пазито, смотря праздничные мероприятия, когда услышала выстрелы. Быстро вставая на ноги, Глория выключила телевизор и сказала ему, что это были фейерверки. И когда он попросил остаться немного дольше, чтобы посмотреть, потому что этот мальчик обожает фейерверки, она извинилась и отправила его спать. Она хочет сохранить своему сыну детство и не заставлять его расти слишком быстро. Кто знает, что бы он мог увидеть, если бы она не выключила телевизор?

Теперь у нее есть ответ. Команды с камерами, присутствующие для съемки, смогли запечатлеть тревожные кадры, включая мужчину, которому стреляют в шею человек в маске черепа. Затем была близкая встряска, когда подросток смело бросился на другого и повалил его на землю, спасая его жизнь. Какой герой. Репортеры вернулись к изображению нападающего в его маске и сообщили, что он пока не идентифицирован и не пойман.

Глория дрожит и переключает канал, где другая новостная станция сообщает о ситуации в Аризоне, где Отдел Смерти позвонил пилоту за несколько минут до взлета. Ей очень жаль семью этого Декера, но она облегчена тем, как Отдел Смерти потенциально спас жизни всех этих

пассажиров. Неясно, сколько бы людей погибло, если бы этот пилот управлял этим самолетом; трудно сказать, не зная, как Отдел Смерти знает, кто умирает и кто нет, но она решает верить, что это чудо.

Прежде чем она перевернется обратно, надеясь уснуть еще немного, прежде чем ей придется отвести Пазито на пробы для съемок в рекламе позже, Глория проверяет свой телефон, чтобы убедиться, что она не так крепко спит, что бы не услышать звонок, о котором все говорят, что через него невозможно уснуть, если вы не мертвы. Предупреждений от Отдел Смерти нет.

Она не умрет сегодня.

К сожалению, это не приносит ей того комфорта, который она ожидала. Не умирать не означает, что ей не могут причинить боль, и эта тревога жива и здорова. Это может не всегда быть так.

Глория думает, что все изменится.

Она надеется, что она не ошибается.

Найя Роза

Найя Роза

05:55

Не могу сказать от имени всех, но для Найи групповая консультация оказалась очень успокаивающей.

Тем не менее, она не проводила никаких звонков в этот вечер.

Групповой терапевт направляла всех через медитацию своим успокаивающим голосом. Она передавала мелки и бумагу и просила нарисовать прекрасное воспоминание, и хотя Найя видела, что некоторые глашатаи, особенно Андреа Донахью, были сопротивляющимися этому упражнению, они пришли в себя, и даже сейчас Андреа кажется гордой произведенным ею искусством о первом дне рождения ее дочери. Хотя, если рисование отталкивало некоторых людей, Найя может только представить, как было бы, если бы они придерживались запланированной на вечеринку с танцами; глашатаи, которые уже подумывают о том, чтобы не возвращаться завтра, были бы абсолютно выбиты из колеи.

Найя поднимается на сцену для завершающего мероприятия, которое Хоакин планировал провести сам.

"Прежде чем мы отправим вас домой, я хотела бы прочесть имена первых Декеров, чтобы их увековечить и поздравить вас всех за то, что вы предоставили им возможность жить перед их уходом."

Неясно, будет ли это делаться в конце каждой смены, но отметить первых кажется важным в признании того, что компания Отдел Смерти не может существовать без них.

"Валентино Принц, Роз Мари Броснан, Макс Фостер, Жаклин Игл, Крис Ван Дрю..."

Когда Найя завершает список, она просит минуту молчания, в которой она думает о Декерах, которые умерли без предупреждения от каких-либо из этих трудолюбивых глашатаев.

"Пусть они все живут, пока могут, а потом покоятся в мире. "

Роландо Рубио

Роландо Рубио

06:06

Как только у него появляется такая возможность, Роландо выбрасывает тот рисунок.

Вся эта групповая терапия была порождена добрыми намерениями, он это понимает. Ему просто не интересно сохранять сувениры от, пожалуй, худшей ночи в его жизни. Логически он верит, что сегодня он изменил чьи-то жизни, но он также как-то чувствует себя ответственным, как будто вытащил их имена из шляпы и решил, что они умрут. Но ничто не развеивает весь этот горе, как рисунок времени, когда он пошел на пляж с Глорией и Пазом; это действительно было счастливое воспоминание, так как Фрэнки не пошел, но тем не менее, это не служит психическому здоровью Роландо.

Как раз когда он собирается пойти в комнату отдыха для сотрудников и собрать свои вещи, он идет по коридору, где находит Найю и Астер, их разговор переходит в шепот.

"Можете ли вы поговорить со мной, миссис Роса? Наедине?"

Астер уходит, возвращаясь в зону обслуживания клиентов.

"Пожалуйста, называйте меня Найя", - говорит она, глядя через плечо, где ее сын лежит на коврике со своим щенком. "Чем я могу вам помочь, Роландо? Вы хотите частную встречу с терапевтом?"

"О боже, нет".

Найя не удается скрыть свой шок, но она мельком улыбается. "Я знаю, что групповая консультация не подошла всем."

"Да, это верно. Похоже, что говорить людям, что они умрут всю ночь, а потом пытаться сбросить это медитацией и художественным проектом, как будто мы в детском саду".

"Я открыта для обратной связи по тому, как вы думаете, что нам следует

исправить."

"У меня нет идей, миссис Роса... Найя. Но только не это. Это было ужасно."

Найя кивает, хотя Роландо ничего продуктивного не предложил. "Я понимаю, что у вас были некоторые трудности сегодня".

Он смотрит прямо. "Да... мне было тяжело говорить людям, что их жизни закончились". Происходит пауза, как будто Найя ожидает, что Роландо извинится или откажется от своих слов из-за усталости или чего-то еще, но он не собирается лгать. "Если бы другие глашатаи не страдали, я не знаю, что сказать. Может быть, они сидели за столом, толкая бумагу для принтера, пока я попал в беду за то, что утешал одинокого старика".

"Ваше сострадание - это то, за что мы вас наняли. Просто у нас есть больше Декеров, которых нужно..."

"Да, больше Декеров, которых нужно оповестить. Например, девочка-подросток, которая планирует пойти на свидание завтра, только она умрет к тому времени. Или муж, жена которого вернется из командировки в следующем месяце, и он будет слишком мертв, чтобы встретить ее дома. Я не просил никого рассказывать свою историю, но они все равно рассказывают."

"Это так пугающе. Поистине", - говорит Найя с слезами в глазах. "Вы уверены, что не хотите поговорить с терапевтом?"

"Я уверен."

В глубине души Роландо знает, что это было бы полезно, но он не в своем уме. Как можно быть в своем уме после такой смены? Столько людей просили его помочь им спасти свои жизни сегодня, как будто он еще не сделал все, что мог для них. Больше всего он хотел сказать Деккерам, что, возможно, Отдел Смерти ошибается, но у него нет доказательств в поддержку этого. Он только подавал бы пустые ложные надежды и давал надежду Деккерам, которые умрут, думая, что доживут до завтра, только потому, что Роландо ввел их в заблуждение.

"Отдел Смерти имеет отличную цель, но это ужасная работа", - говорит он. - Я не хочу становиться равнодушным к смерти людей. Я ухожу."

И так, словно медленно возвращаясь в свое тело, Роландо ощущает себя.

Это был правильный шаг.

Никакой рисунок не спасет его жизнь.

Далма Янг

Далма Янг

06:16

Отдел Смерти не позвонил Далме Янг, потому что она сегодня не умирает, но она была свидетельницей первого звонка Деккеру. Этот момент останется с ней на всю ее жизнь.

Когда раздался сигнал Отдела Смерти, Далму охватила паника - она боялась, что звонят ее детскому другу Ориону Пагану. Боже знает, этот парень находится на грани сердечного приступа, который приближает его к родителям и ее отцу на небесах. Но вместо этого глашатаи звонили Валентино Принцу, красивому незнакомцу, которого они встретили менее чем за час до этого, и хотя ей жаль его, она облегченно вздохнула, поняв, что не потеряет своего лучшего друга. Фактически, Валентино щедро предложил подарить свое сердце, чтобы продлить жизнь Ориону.

К несчастью, все надежды на пересадку сердца были выброшены на помойку, как будто это сердце было непригодным.

Далма продолжит жить в страхе за жизнь Ориона. Прекрасно.

Она не мелочная; у нее есть много дел, на которые она может сосредоточиться, вместо того чтобы придерживаться обид. Но Орион, пожертвовавший своим шансом на более легкую жизнь, чтобы заботиться о том, чье время будет оборвано, как негодяй? Неразумно и безразлично. Далма не уверена, сможет ли она когда-либо простить это. Она задается вопросом, виновата ли она. Последние несколько лет она скрывала от Ориона свои чувства, не желая добавлять стресса к его сердцу. Он не знает, как часто она беспокоится о том, что у него может случиться приступ, и борется ли он с ним сам - победит ли он в этой борьбе. Он не знает, как ее оценки ухудшаются каждый раз, когда он в больнице, потому что она поддерживает иллюзию, что может справиться со всем этим. Он не знает, что она не знает, как она будет жить, если он умрет.

Далма - это семья, а Валентино - незнакомец.

И тем не менее, Орион выбрал незнакомца перед семьей.

Даже перед собой.

Ее поразило, что Орион, который всегда хочет ее компании, сказал ей уйти. Но Далма не может воспользоваться этим аргументом, потому что если она когда-нибудь выберет кого-то еще - даже себя - вместо Ориона, она рискует пожалеть об этом, если Орион умрет, пока она будет вдали.

Вот она снова дома, в своей спальне, уставшая, но слишком расстроенная, чтобы заснуть.

Далма прижимается к Мун Гёрл, своей кукле из детства с белыми пуговицами на глазах и коричневой кожей, как у неё. Она всегда любила космос. Она спит под светом галактик и мечтает на подушках, оформленных как созвездия. Её стены белые, за исключением той, что находится за её кроватью, она обклеена точечными белыми звездами. И самый ценный предмет у неё — это телескоп Купера, который она выиграла на своей последней учебной ярмарке в последнем году школы; похвала за мумифицированную мышь, которая принесла ей победу. Может быть, ей следует проводить больше времени, глядя на звёзды, вместо того чтобы одерживаться мыслями о мистере Созвездии и его плохих решениях.

Или читать новости на своём телефоне о стрельбе, которую она лично пережила.

Она встаёт с кровати и ставит свой телефон на зарядку на столе.

Стол — старый проект своими руками с черными ящиками из эбенового дерева, который её отчим Флойд нашёл на гаражной распродаже. Он пытался помочь ей, чтобы у них был весёлый момент для укрепления отношений, но она настаивала делать всё сама. Женщины в её семье умеют строить. Её бабушка была портнихой на Верхнем Востоке, и Далма не утверждает, что после её ухода начали появляться дырки в одежде у всех вокруг, но это какое-то невероятное совпадение. Её мама, Даяна, ведёт небольшой бизнес, где её хорошо платят за дизайн веб-сайтов для крупных компаний. Далма впервые влюбилась в проектирование пользовательского интерфейса, сидя рядом со своей мамой, пока та писала код и делала интернет более красивым. Сама Далма станет всемирно известной программисткой, как только придумает свою идею. А вот Далии

пока нет чёткой цели, но Далма верит, что её младшая сестра найдёт свой путь со временем. Будь то строительство, как у других женщин, или что-то вроде исцеления, как у её отца, или что-то совсем другое, Далма всегда поддержит её.

Потому что вот так можно поддерживать свою семью.

Но так как Орион отказался от её помощи, и Далма осталась одна дома, она решила выбрать себя.

Далма открывает свой ноутбук, подарок от матери и отчима за поступление в колледж Хантера. Это был настоящий дар, потому что невозможно было скачать всё необходимое программное обеспечение на стационарный компьютер семьи. Здесь у неё есть хороший стартовый пакет для написания кода и создания дизайна её будущего приложения, к чему она сейчас сосредоточена. Она сдерживает зевок, но она не новичок в работе на ночь. Она сделает всё, что нужно.

Поскольку Отдел Смерти так актуален в настоящее время, Далма хочет создать приложение, которое связано с этим отделом, зная, что это самый умный и быстрый способ привлечь внимание к её работе. Что бы это ни было, она хочет, чтобы оно было бесплатным. Ей не хочется эксплуатировать Декеров, даже если у них могут быть накопления, которые им больше не нужно сохранять.

Она грызет ноготь, размышляя.

Её первая идея заключалась в создании потока новостей, подобного Twitter, но для Декеров, чтобы они могли делиться своими мыслями о том, как проходит их последний день. Она думала, что это был бы прекрасный способ придать им человеческое лицо в их последние часы. Но затем ей пришло в голову, насколько токсичными бывают социальные медиа, и если люди уже такие ужасные в жизни, как они будут вести себя, когда они уверены, что у них не будет никаких долгосрочных последствий? Далма уверена, что кто-то другой создаст аналогичное приложение и заработает миллиарды, но она не хочет создавать площадку для этих голосов. Тем более после всего, что она уже пережила как молодая афро-латиноамериканка в мире технологий.

Она могла бы создать что-то с благотворительным компонентом. Например, если Декер устанавливает личную цель, которую он всегда

хотел достичь, и люди поддерживают его пожертвованиями? Похоже на то, что делают для бегуна на марафоне. Все средства могли бы пойти на семью этого Декера или на благотворительность, близкую к их сердцу. Это могло бы сработать.

Что, если бы было приложение, которое по сути было бы похоже на Craigslist для Декеров, которые хотят устроить день открытых дверей, чтобы избавиться от своей мебели? Хотя также, что мешает Craigslist создать такую функцию самостоятельно? Ничто.

Переходим к другой идее.

Что-то, что также могло бы быть полезным для общества в целом, это знать, где собираются Декеры, чтобы люди могли выбирать, остаться ли в стороне, если они не хотят подвергать себя риску внезапного взрыва, который может их не убить, но может причинить вред. Уф, нет. Далма ненавидит всё в этой идее. Она не только отслеживает Декеров и не дает им приватности, но также отгоняет людей от них, как от прокаженных. Вау, Далма так ненавидит эту идею, что удаляет каждую букву этой мысли. Ей бы не хотелось умереть и позволить своей семье найти этот файл и думать о ней хуже из-за того, кем она была в жизни.

Может быть, Далме нужно оставить приложение простым, как небольшой список дел для Декеров. Но что отличает его от всех остальных? Конечно, чувство достижения приятное, и это чувство может быть усилено для Декеров, но это не настолько особенно. Любой мог придумать эту идею.

Когда Далма начинает размышлять о создании викторины, в которой можно узнать, какой персонаж Скорпиуса Готорна вы — на основе вашего Последнего Дня, она понимает, что пора идти спать.

Она смотрит в окно, и солнечный свет начинает будить её район Бронкса.

Это начало нового дня — и начало Последнего дня для кого-то другого.

Валентино

Валентино

06:30

Сигнал будильника будит меня, словно я получаю звонок от Отдела Смерти снова.

Было бы здорово проснуться и ошибочно принять мой День Конца за обычную субботу, хотя бы на несколько мгновений, но это не было суждено мне. Всё же мне удалось поспать пару часов, когда я не беспокоился о смерти. Никаких странных снов или кошмаров. Я выключаю будильник и поворачиваюсь, чтобы обнаружить, что Орион всё ещё спит, его губы слегка раскрыты. Я позволю ему поспать ещё немного.

Я встаю с кровати с телефоном Ориона, ожидая обнаружить какие-то сообщения или пропущенные звонки от Скарлетт, когда вспоминаю, что она будет в воздухе ещё несколько часов. Есть сообщения от Далмы и Даяны, спрашивающие Ориона, всё ли с ним хорошо, и я оставляю это для него, чтобы он ответил.

Обычно я начинаю свое утро с смешивания немного электролитного порошка в свою бутылку с водой и иду на пробежку. Я чувствую, что моё тело готово, но из-за времени для моей фотосессии это сегодня, по сути, не входит в план. Моё тело также хочет еды, даже чего-нибудь маленького, наподобие горсти миндаля, но согласно Далме, я не должен ничего есть, чтобы не рисковать операцией. Хорошо, что мой холодильник пуст, так что я не могу соблазниться, я так полагаю. Я иду в ванную и чищу зубы, затем прыгаю в холодный душ, что отлично для циркуляции, но я всегда любил горячие души, так что мне следует также насладиться этим, пока могу. Я переключаюсь с холодного на горячий, и меня удивляет, что вода идёт хорошо, учитывая, сколько в этом здании было обмана до сих пор.

Я выхожу из душа и протираю пар с зеркала. Я начинаю наносить консилер, как обычно, чтобы скрыть мои тёмные круги и выглядеть более

бодрым. Но вот проблема. Глядя в зеркало, я не вижу Декера, смотрящего на меня. Я уже выгляжу живым и здоровым, потому что я живой и здоровый. Единственное настоящее напоминание о том, что что-то не так, это порез на моем лбу от удара головой об бордюр, и я вряд ли истекал кровью на улицах или во сне. Мне всё равно. Тогда почему я живу день, когда моя сестра направляется сказать прощание, а парень лежит в моей постели, ожидая моё сердце?

Почему вместо того чтобы сосредотачиваться на всей своей тяжелой работе, которая заслужила мне эту фотосессию, я провожу утро, расстроившись от того, что у жизни есть другие планы для меня?

Я не знаю, почему жизни хочется меня мертвой.

Это кажется плохим способом начать день. Хотя, возможно, это относится только к обычным дням, а не к Дням Конца. В Дни Конца нет правил, поэтому можно быть злым и разбить свое отражение, чтобы действительно увидеть себя разбитым и выглядеть так, как будто у тебя не все на месте. Но, возможно, я ошибаюсь. Возможно, есть правила для Дней Конца, и у меня нет способа узнать это, потому что это первый такой день, и я не узнаю, изменится ли это со временем.

Я заворачиваю полотенце вокруг талии и возвращаюсь в студийное пространство, капаю водой, чтобы взять какую-нибудь одежду. Я приседаю у сложенных рубашек и брюк и пытаюсь выяснить, какой последний наряд я выберу для себя, прежде чем меня нарядят в одежду RainBrand для фотосессии и халат для операции. Я носил этот прозрачный черный топ только раз, но он может привлечь немного внимания. Мои спортивные вещи могут быть удобными, но вдруг я умру и стану призраком в спортивной форме? Я думаю не о том. У меня есть футболки от брендов вроде Supreme и OriginalFake, но они не создают настроение. Я останавливаюсь на обычной белой рубашке, которая действительно подчеркивает мои плечи, грудь и руки, и я засуну её в свои черные джинсы. Я надену к ним белые кроссовки, которые пока еще не видели свет дня; пришло время носить их, пока я могу.

Я возвращаюсь в ванную, чтобы переодеться, когда поскользываюсь на луже воды и падаю прямо на спину.

Падение вышибло из меня воздух, но следующее уже следует.

Я не мертв.

Орион кричит мое имя, наверное, думая, что я умер.

"Ты в порядке?" - спрашивает он.

"Я жив."

"Отличное начало. Но ты в порядке?»

У меня болит голова, но мной вдруг овладевает стеснение, потому что я только в полотенце. Во всех моих модельных выступлениях я раздевался один раз, но мне никогда не приходилось быть в одних трусах перед другим парнем. Я сажусь, мои мышцы напрягаются, как будто я начинаю подъем, и, к счастью, мое полотенце прикрывает мою интимную зону.

"Ты собираешься там лежать весь день?" - спрашивает Орион.

"Может быть. Это мой День Конца, я буду делать, что хочу", - говорю я.

"Я уважаю это." Орион присаживается на пол рядом со мной, бок о бок, как будто мы снова в постели. "Как ты себя чувствуешь?"

Деревянные доски холодные, я чувствую это своей спиной, но чем дольше я здесь, тем успокаивающе это становится. "Мне должно быть хорошо. Моя голова больше болела вчера ночью."

"Это хорошо. Как насчет всего остального?"

"Ты имеешь в виду мой День Конца?»

"Да."

"Сегодня утром было тяжело. Было что-то действительно окончательное в том, что я проснулся. Ничто не убило меня вчера ночью, но сегодня точно этот день. Затем я почти умер от того, что не умею вытираться после душа. Можешь себе представить? Первого Декера убили бы лужей?"

"Определенно, это станет частью истории, но это не тот способ, которым ты хочешь уйти."

Мне почти смешно от всей этой ситуации. "Кто-то там начнет составлять рейтинг глупых смертей Декеров, правда?"

Орион переворачивается на бок, немного нависая надо мной. "Если ты умрешь от глупой смерти Декера, я расскажу всем, что ты погиб, спасая

мир."

"Или что-то более реалистичное, типа того, что я спас детей из горящего школьного автобуса."

"Дети в автобусе в субботу - не реалистично."

"Так же как и спасение всего мира!"

Орион смеется и встает. "Хорошо, мы можем придумать еще более блестящие способы, как ты можешь умереть, пока мы живем твоей жизнью."

Я беру его за руку, держась при этом полотенца над своими трусами. Орион помогает мне подняться, наши глаза встречаются, и его улыбка заставляет меня улыбнуться в ответ. Он уже вытащил меня из моего темного состояния. Я отвожу взгляд и смотрю на его белую рубашку: "Пусть у вас будет счастливый День Конца!" жирными черными буквами. Это тот дух, который мне нужен, чтобы нести меня на протяжении этого дня.

"Так как ты получишь мое сердце, могу я взять твою рубашку?"

Орион смотрит на свою рубашку, как будто забыл, что это. "Правда? Ты хочешь ходить в рубашке Декера в День Конца? Это не слишком мрачно?"

"Думаю, что мне следует держать это послание близко к сердцу."

"Буквально?"

"Думаю да, буквально."

"Ну если ты так хочешь." Орион снимает рубашку, и когда я думаю, что сейчас увижу, как он выглядит без рубашки, он имеет еще одну под ней.

Очень жаль.

Я переодеваюсь в ванной и люблюсь своим отражением в рубашке Дня Конца.

Я выхожу в студийное пространство, чтобы дать Ориону попользоваться ванной, пока я пытаюсь влезть в свои белые кроссовки, которые такие новенькие, что им нужно немного разноситься. Я уверен, что жильцы на нижнем этаже справедливо раздражены оттого, что я топаю в шесть сорок пять утра, но они навряд ли могут ненавидеть меня сильнее, чем нашего

арендодателя. Мне нечего беспокоиться ни о ком из них. Это мой День Конца, и я знаю, что для модели центрирование на себе кажется очевидным, но в моем случае это заслужено. Мне нужно позаботиться о себе и своих людях. Даже если это означает раздражать моего соседа снизу, когда я хожу, чтобы убедиться, что эта квартира аккуратна для Скарлетт. Я оставляю кровать нетронутой, так как мы пойдем и купим новое белье вместе; мне также нравится дать этой памяти о моем последнем сне жить немного дольше.

Как только Орион заканчивает, он выходит из ванной, аплодируя моему виду. "Надеюсь, они платят тебе большие деньги, потому что ты делаешь из двадцатидолларовой рубашки что-то дорогое."

Деньги за работу отличные, и мне нужно убедиться, что они могут перечислить их непосредственно на мой счет, чтобы Скарлетт могла их получить. Может быть, я даже могу попросить наличную выплату.

"Это очень мило. Спасибо", - говорю я.

"Мое приложение погоды говорит, что сегодня утром довольно прохладно. Тебе, наверное, стоит надеть еще что-то."

"И тебе тоже."

"О, я определенно обокраду тебя, я не переношу холод."

Мы перебираем мои рубашки, и Орион выбирает темно-синюю толстовку, а я надеваю свою сплошную серую рубашку с расстегнутыми пуговицами, чтобы мое послание Дня Конца не было скрыто.

Затем одна нога вне квартиры.

Спуск по шести лестничным пролетам.

И я останавливаюсь у двери холла.

Последний раз, когда я выходил из этого здания, я думал, что все только начинается. У меня была вся надежда в мире и годы мечтаний, которые я собирался воплощать в жизнь. Теперь, когда я открываю дверь, я наращиваю нервы стальной крепости, чтобы продержаться на протяжении того, что, надеюсь, будет лучшим Днем Конца, каким только может быть у Декер

Роландо Рубио

Роландо Рубио

06:56

Роландо выходит из здания, оставляя Отдел Смерти позади себя.

Он измотан, и не знает, что делать теперь с работой. Может быть, попробовать попросить старую работу в школе. Если его не возьмут обратно, он может вернуться на Стейтен-Айленд и провести некоторое время с матерью. Ей одиноко с тех пор, как умер отец Роландо, и ей было бы приятно получить компанию. Но Отдел Смерти точно не заплатит ему за возвращение в тот колл-центр.

Вдыхая свежий утренний воздух, Роландо не уверен, куда идти дальше. Он не хочет возвращаться в свою унылую квартиру после такой унылой ночи. Ему хотелось бы увидеть Глорию и Паза и отпраздновать жизнь, пока он может. Кто знает, сколько времени пройдет, пока Отдел Смерти не позвонит ему, как он сделал это со многими Декерами. Другая часть его хочет узнать, не мог ли бы он найти старика Клинта Суареса. Никто не должен быть один в свой Последний День.

Роландо проверяет свой телефон и видит, что у него более двадцати пропущенных звонков от Фрэнки. Он нервничает и представляет худшее. Затем он вспоминает, что Глория и Паз не могут быть мертвыми, потому что их имена не прозвучали во время церемонии по чтению имен сегодня утром. Но Отдел Смерти не звонит из-за близких к смерти ситуаций, и что, если Фрэнки так сильно избил Глорию, что ей пришлось госпитализироваться? Это был бы не первый случай, и Роландо не знает, когда это будет в последний раз.

Он звонит Фрэнки, чтобы избавиться от своих мук.

"Наконец-то," - отвечает Фрэнки. - "Почему так долго?"

"Я работал. Что случилось? Все в порядке?"

"Мне нужна твоя помощь по проекту, который станет огромным для меня и для семьи."

Роландо закатил глаза. Он уверен, что это будет как в тот раз, когда Фрэнки хотел занять деньги, чтобы купить машину "для семьи" и "чтобы Глория и Паз были в безопасности от поездов" и "чтобы они могли чаще ездить на пляж", только чтобы Фрэнки потратил этот заем, играя в Атлантик-Сити. Если бы у Роландо были сбережения, он знал бы, что лучше не доверять Фрэнки с деньгами вновь. "О чем идет речь в этом проекте?" - спрашивает Роландо, уже разрабатывая отговорки, чтобы не помогать Фрэнки.

"Я хочу сделать фотографии Декеров," - говорит Фрэнки.

Роландо ждет больше информации, но ничего. "Как услуга?" Ему не было бы удивительно, если Фрэнки пытается быстро заработать на Декерах, которые не знают, что делать с деньгами.

"Нет, я бы не брал деньги. Я просто хочу быть рядом и запечатлеть их последний момент."

Какое абсолютно ужасное намерение. Роландо останавливается на ходу. "Как это поможет семье?"

"Да ладно, это очевидно. Получение фотографий Декера в первый День Конца может стоить много денег. Декеры из новостей, которых я знаю, уже мертвы. Мне нужны имена, чтобы найти их и следовать за ними."

"Итак, ты хочешь следить за Декерами."

Фрэнки молчит, как он обычно делает перед тем, как взорваться. За исключением того, что Роландо не тот, кто пострадает. Если Глория говорит правду, Фрэнки никогда не прикасался к Пазу, но Роландо боится, что этот день не так уж далек. Затем Роландо приходит в голову идея. Вместо того чтобы позволить Фрэнки быть взрывным, он может подтолкнуть Фрэнки к взрыву - к смерти Декера, каким он и хочет. Может быть, Фрэнки пострадает по пути, и он не сможет больше вредить Глории.

"Я помогу тебе," - говорит Роландо, его сердце бьется.

Он нарушает жизни этих Декеров, которые зарегистрировались в программе по своему усмотрению. Но он отвергает этические нормы, если это означает защиту женщины и мальчика, которые находятся в опасности только из-за мужчины в их доме. Он не хочет отправлять Фрэнки к Клинту Суаресу, пожилому Декеру, с которым Роландо говорил почти час. Этот

человек не прожил столько лет, чтобы всё закончилось присутствием Фрэнки. Он вспоминает коммерционную церемонию, которая до сих пор свежа в его памяти. Было много имен, которые выделялись, но ни одно не было похоже на первое, потому что он думал, что оно слишком обаятельное для настоящего человека.

"Хоакин Роза позвонил первому Декеру. Я не знаю, жив ли он, но его имя - Валентино Принц. "

Фрэнки Дарио

Фрэнки Дарио

07:01

Фрэнки чуть не уронил телефон.

Он только что слышал правильно? Его новый арендатор - Декер? Первый Декер? Ему позвонил лично Хоакин Роаа? Это будет лучший день в его жизни. Конечно, Фрэнки, а не Валентино. Хотя Фрэнки не будет сожалеть о Валентино, он готов эксплуатировать его смерть. Новый арендатор станет его золотым билетом из этого здания.

Не может такого быть, что фотографии умирающего первого Декера не продадутся за миллионы.

Фрэнки кладет трубку и бежит к окну, потягивая занавес, чтобы посмотреть в квартиру Валентино. Свет выключен. Он, наверное, всё еще спит. Или его мог убить тот парень, который хотел поумничать перед Фрэнки. Валентино правильно получил за то, что подбирал незнакомцев на улице. Он бежит в коридор и стучит в дверь Валентино.

"Это я, Фрэнки!"

Всё равно ничего.

Тишина это хорошо. Тишина означает, что он не жив, чтобы ответить.

Фрэнки возвращается в свою квартиру, чтобы взять ключ от 6G, который он использовал ночью, когда Валентино не мог войти.

"Что случилось, папа?" - спрашивает Паз, едя кашу за столом.

Он уходит, не отвечая. Он открывает дверь, и если кто-то будет ему мешать, он выдаст Роландо за то, что тот поделился именем этого Декера, и Фрэнки скажет властям, что он очень беспокоится о благополучии своего арендатора. В реальности Фрэнки открывает дверь и заходит внутрь, надеясь найти место преступления.

Ничего, снова.

Просто надувной матрас, одежда и обувь.

Он матерится под нос и возвращается домой.

Глория осматривает его сверху вниз, наконец, проявив интерес. "Что происходит?"

Фрэнки находит номер Валентино и звонит ему. Но звонок продолжается и продолжается. "Зачем люди берут телефоны, если никогда на них не отвечают?!"

"Почему, папа?" - спрашивает Паз, не понимая, что это было риторически.

Фрэнки перетаскивает стул со столовой - эти полы давно уже поцарапаны, и он всё равно скоро не будет здесь жить - и подпирает стул к своей передней двери, чтобы он мог видеть и слышать, как Валентино возвращается домой.

Этот Декер изменит жизнь Фрэнки сегодня.

Валентино

Валентино

07:06

Мне нравится утреннее солнце на моей коже, и я оживаю, когда мы спускаемся в метро, словно я оказался в совершенно новом мире. Орион далеко не так увлечен тем фактом, что мы внезапно под землей. Затем нам нужно купить метрокарты, и я смотрю между кассой и автоматом для продажи билетов, словно это может быть моим единственным шансом сделать это.

"Я разрываюсь."

"Человек или робот?" - спрашивает Орион.

"Большинство людей были довольно грубыми, с тех пор как я здесь."

"Робот победил," - говорит Орион.

"Рад, что я выбираюсь отсюда перед апокалипсисом роботов."

Разорванный на части киборгом - не один из креативных способов, как я хочу умереть. Мы идем к автомату для продажи билетов, и есть различные варианты: от одиночной поездки за 2,25 доллара до неограниченного проезда за 89,00 долларов. "Наверное, на один день будет достаточно дневного билета, но я просто возьму месячный абонемент. Я могу оставить карту для Скарлетт и поощрить ее выйти и использовать ее, вместо того чтобы болтаться в квартире."

Я жму на все кнопки и плачу, и моя первая метрокарта выдвигается. Она желтая с синими буквами в том же шрифте Helvetica, который, кажется, я использовал во многих школьных презентациях на протяжении многих лет. Изначально я планировал вставить эту метрокарту в рамку вместе с другими воспоминаниями о Нью-Йорке. Надеюсь, Скарлетт правильно воспользуется ей.

Я плавно прохожу через турникет.

Мы ждем на платформе вместе с другими пассажирами. Здесь балки с

отслоившейся краской. Постеры на стене, покрытые граффити художника с фиксацией на мужском органе. Переполненная мусорная корзина. Меня удивляет, что я не вижу здесь крыс, как будто они тоже ждут поезда, когда я вспоминаю, что они в основном находятся внизу на рельсах. Мне хочется ближе рассмотреть пути, но я знаю, что не следует быть Декером, который игнорирует покрашенные желтые линии на краю платформы, предупреждающие всех о дистанции с опасностью упасть вниз. Я приставлю спину к стене, чтобы кто-нибудь случайно меня не толкнул - или даже намеренно. Я не исключаю такого после того, как в меня выстрелили.

"Может быть, мне стоило остаться дома?"

Орион даже не выглядит сбитым с толку. "Мы можем вернуться, если хочешь."

"Это не то, что я хочу, но кажется более разумным выбором."

"Тогда пойдем."

Я волочу ноги обратно к турникетам, думая о том, как я могу вернуться домой через пять минут. Я останавливаюсь у аварийного выхода. "Я паникую."

"Понимаю."

Я почти говорю ему, что он этого не понимает, но он понимает. Орион жил с этой паникой много лет. Нет, он никогда не знал наверняка, что его смерть неизбежна. Но это не значит, что он не ставил под сомнение каждый его маленький выбор. "Какой смысл в том, чтобы Отдел Смерти звонил, если ты слишком боишься жить?"

Орион не сразу придумывает шутку. Как будто у него есть какой-то внутренний датчик, который позволяет ему знать, когда мне нужно отвлечение, и когда я хочу взаимодействия. "Это твой День Конца, Валентино. Только ты можешь решить, что делать."

Поезд грохочет, начиная входить на станцию.

"Как я могу знать, что стоит этого?" спрашиваю я.

Он постукивает по надписи Дня Конца на моей футболке. "Спроси себя, сделает ли это тебя счастливым, и разбитым на части, если ты этого не сделаешь."

Когда я буду на смертном одре, взглядывая на свою жизнь - особенно на мой Последний День, - я хочу чувствовать, что извлек максимум из нее. Что я осуществил свою мечту и получил шанс жить ею перед смертью. Я должен почтить свое сердце, пока оно не будет вырвано из моей груди.

Двери поезда открываются, и я оборачиваюсь, бежу прямо к вагону, крича Ориону следовать за мной. Мы впахиваемся, как раз когда двери закрываются. Если бы у меня было место, чтобы подпрыгнуть и поднять кулак, я бы это сделал. Я настолько вдохновлен словами Ориона. Прежде чем я смогу ему поблагодарить, я чувствую ужасный запах. Я оглядываюсь, чтобы определить источник, когда понимаю, почему так многолюдно. Все сжимаются на этой стороне вагона, потому что на другом конце находится огромная куча рвоты, наверное, благодаря тому, что кто-то плохо почувствовался после вечеринки Отдела Смерти. Мне тут же становится тошно, и мой аппетит угас. Я прижимаю свою серую футболку к носу, вдыхая аромат туалетной воды Hugo Boss, которую я пшикал на нее в Аризоне, и которая пахнет сливами и цитрусом.

"Добро пожаловать в Нью-Йорк," - говорит Орион с улыбкой, перед тем как спрятать свой нос в кофте.

Это не то, в чем я особенно был заинтересован.

К несчастью, поезд движется экспрессом и держит нас заложниками на несколько остановок, так что когда двери открываются на Шестидесят восьмой улице, мы выходим и пересаживаемся в другой вагон. Орион хочет дистанции от толпы, направляющейся прямо в следующий вагон, поэтому мы быстро идем вниз по платформе и садимся обратно в поезд, прежде чем двери закроются. В этот раз мы можем сесть, спиной к карте Нью-Йорка с синим, красным, зеленым, оранжевым, желтым, фиолетовым, коричневым и серым линиями, каждая из которых представляет собой разный маршрут.

"Мы на зеленой линии", - говорит Орион, прокладывая путь от места, где мы начали, до Union Square. "А вот где мы выйдем."

Я указываю на карту. "Думаешь, я мог бы объехать все это за один день?"

"Не знаю, но честно говоря, зачем? Поезда жутко грязные. Та адская дыра, из которой мы только что сбежали, не редкость."

"Изначально я мечтал о посещении каждого уголка Нью-Йорка. По

крайней мере, путешествуя на поезде, я мог бы сказать, что прошел через них."

"Но лучшие места Нью-Йорка - на улицах."

"Как когда меня обстреляли?"

"Как когда тебя обстреляли!"

"Ужасно."

"Чертовски ужасно."

Надеюсь, его поймают.

Через несколько минут поезд останавливается на Сорок второй улице, близко к Таймс-сквер, где все изменилось. Двери остаются открытыми слишком долго, и меня охватывает трепет, думая о том, что этот человек в маске черепа мог бы быть любым из этих пассажиров, входящих в вагон. Он мог подумать, что я узнаю его глаза и нужно закончить эту работу. Принимать такие решения, не отступая назад домой, не делает вещи менее устрашающими, но все, что я могу сделать, - это надеяться на лучшее сегодня.

Когда мы приближаемся к Union Square, я оглядываюсь вдоль вагона. Люди держатся за стойки, читая газету или сидя на своем телефоне. Кто-то другой дремлет, его голова поднимается вверх, как только подбородок касается груди. Другие тихо сидят, двигаясь от точки А к Б, или даже от Б обратно к А. Но я действительно думал, что будет какой-то шоу, как молодые люди превращают поезд в джунгли, качаясь вокруг стоек и делая флипы под музыку. Мы подходим к нашей остановке, и перед тем, как ступить на платформу, я жду еще мгновение, чтобы увидеть, начнется ли шоу, но ничего нет.

"Как первые впечатления от первой поездки?" - спрашивает Орион, когда мы поднимаемся по лестнице.

"Более обычно, чем я думал. Где были все танцоры? Рано еще?"

"Не, я видел их на поездках в школу много раз утром. Это действительно раздражало людей. Возможно, обычные исполнители были заняты своим делом прошлой ночью". Он сжимает мою руку, когда мы покидаем станцию. "Держу пари, что на обратном пути ты увидишь представление".

"Надеюсь".

Не могу себе представить, что я буду разбит насчет того, что не видел, как люди танцуют в поезде, на своей смертной постели, но это одно из тех ежедневных событий в Нью-Йорке, которое я так долго воображал, что странно не получить это сразу. Особенно когда времени так мало. Это просто показывает, что независимо от того, что происходит в вашей жизни, мир не вращается только вокруг вас.

Тем не менее, Юнион Сквер - это свежий воздух. Там играют в шахматы, сидя на ящиках и наслаждаясь солнцем. Одна женщина улыбается, выгуливая восемь собак. Две женщины держатся за руки и пьют кофе в этом маленьком парке. Это действительно может быть хорошим местом для уютной осенней фотосессии. Я уже могу представить себя стоящим на скамейке с откинутыми воротниками серого шерстяного пальто, под которыми белая футболка и... Я перестану планировать наряд, который не смогу надеть этой осенью.

В ожидании перехода на светофоре мы стоим у бордюра, и я смотрю в небо, наблюдая, как самолет летит над нами. Жду, когда Скарлетт прилетит сюда.

"Ты когда-нибудь летал?" - спрашиваю я, когда мы переходим улицу.

"Нет".

"Почему?"

Тогда я останавливаюсь на середине улицы с руками на рта. Я спрашиваю Ориона, почему он никогда не летал, после того как похищенный самолет убил его родителей и искоренил его жизнь. Это было так глупо и легкомысленно. Орион оглядывается через плечо, чтобы увидеть, что я не иду за ним, и в тот же момент мне приходит в голову, что я Декер, которого могут задавить в любой момент. Я даже не смотрю в обе стороны, что, возможно, так же глупо, как и остановка на середине улицы в первую очередь. Я был бы плохим игроком в игру Frogger, хотя чудом дошел до следующего квартала в одном куске.

Орион хватается меня за плечи. "Ты должен быть осторожным!"

"Прости."

"Все хорошо. Неважно, остановились ли машины, предполагай, что за

рулем идиот."

"Я всегда так делаю" говорю я, думая об идиоте, который почти убил Скарлетт. "Но мне жаль, что я забыл о ваших родителях. Я даже не могу объяснить это усталостью или тем, что это мой День Конца. Просто не подумал."

Орион пожимает плечами. "Ты не первый, кто ошибается. Все в порядке."

Я покачиваю головой. "Нет, не все в порядке. Но я буду лучше себя вести теперь. Неважно, сколько времени мне осталось."

Руки Ориона снова на моих плечах, на этот раз нежнее. "Если ты действительно хочешь загладить свою вину передо мной, то не дай никому так легко убить тебя."

07:38

Мы прибываем в офис Future Star Model Management.

Это новое агентство, которое обещает стоять за крупнейшими именами в мире моделирования. Я очень благодарен им за то, что они увидели мой потенциал после просмотра моего портфолио онлайн — их любимые фотографии были сделаны Скарлетт — и после одного веселого собеседования по Skype я подписался с их командой. Их компания в настоящее время расположена в каком-то обычном коммерческом здании, и мне нравится думать, что они сдержат свое обещание и сделают из людей суперзвезд.

Несмотря на то что Future Star новое агентство, я всё равно думал, что офис будет блестящим, с журналами, разложенными на стеклянном журнальном столике. Вместо этого здесь как будто никакие ремонты не делались после того, как тут был какой-то другой бизнес. Я предположу, что это была зубная практика, так как здесь все еще остался запах зубной пыли, который мне хорошо известен по процедуре, когда у меня был восстановлен зуб.

Что меня действительно смущает, так это то, что я был так уверен, что здесь будет рецепционистка с гарнитурой, которая сразу узнает меня. Этот человек не знает, кто я. Дюжина фотографий, приклеенных к стене под вывеской компании, и моего среди них нет. Мне было нужно принести с собой одну? Нет, я клиент. У них также есть огромный принтер прямо тут в углу. Даже в таком случае, я получил важную рекламную кампанию для этой компании. Вы бы подумали, что мое лицо будет выделено. Но нет.

Я все еще Никто в этих местах и не стану Кем-то, пока не будет слишком поздно получить звездное обслуживание.

"Доброе утро. Сегодня мы работаем только на частные встречи", говорит рецепционист.

"Я Валентино Принс. Я один из моделей агентства. Лаверн сказала мне прийти сразу сюда для примерки".

Рецепционистка медленно кивает. "Поняла". Она набирает номер на проводном телефоне по-старинному. Нет гарнитуры. Я слышу звонок в двух дверях вниз. "Привет, Лаверн. У меня здесь Валентино Принс, он к тебе пришел." Слышен приглушенный голос. "Ага. Ага. Хорошо." Она

кладет трубку. "Лаверн выйдет через мгновение. Можете сесть, если хотите."

Я уверен, что три стула у стены - остатки, потому что они слишком "прожитые" для нового бизнеса. Однако Орион и я всё равно садимся, и он похлопывает меня по колену.

"Это так волнующе," - говорит он.

"Это так."

"Вау, ты звучишь так не взволновано."

"Нет, я взволнован. Я пытаюсь сдерживаться."

"Почему?"

Я понижаю голос, чтобы рецепционистка не услышала, хотя она находится восьми футах от нас. "Когда я представлял себе этот момент, я говорил себе, чтобы себя сдерживать, потому что быть невозмутимым важнее, когда дело касается чего-то большого. Я хочу, чтобы меня воспринимали как профессионала, готового к работе."

Орион кивает. "Хорошо, я понимаю, но... знаешь. Развлекайтесь, пока ты можешь."

"Что бы я делал без тебя?"

"Вероятнее всего, ничего," - говорит Орион с улыбкой, которая подходит на стену к другими портретам.

Дверь открывается, и выходит моя агентка Лаверн - взрослая белая женщина с серыми прядями на черных волосах. Она носит простой свитер цвета персика с джинсами - очень неформальный наряд для субботы в модельном агентстве.

"Валентино, Валентино. Так здорово встретиться лично," - говорит она, обнимая меня.

"И мне!" - говорю я с энтузиазмом. "Спасибо большое за то, что дали мне шанс."

"О, пожалуйста. Твои родители положили основу твоего внешнего вида, и ты развил это."

Мне кажется странным давать родителям какую-либо заслугу, учитывая,

как они меня отвергли. Но она права. У меня есть глаза моего отца и форма лица, носа и губ моей матери. Они не могут отрицать, что я их сын. Хотя я не буду давать им заслуги за мою физическую форму. Все это моя тяжелая работа, которая привела меня туда, где я сейчас.

"Лаверн, это мой друг Орион."

"Красивое имя," - говорит Лаверн, глядя на его волосы. "И красивые завитки. Почему ты скрываешь их под этой кепкой?"

"Эта кепка принадлежала моему отцу," - говорит Орион.

"Вы тоже модель? Я легко могу найти вам работу в рекламе шампуня."

Орион покачал головой. "Не мое, но спасибо." Он сжимает моё плечо. "Но этот парень готов сделать свою фотосессию."

Лаверн выглядит смущенной. "Вы не получили моего голосового сообщения?"

Собираюсь ли я узнать что меня уволили? В мой День Конца?

"Я потерял свой телефон вчера ночью."

"Ах. Не хочу расстраивать вас, но фотосессию придется отложить."

"На сколько? Несколько часов?"

"Немного дольше. Нам нужно найти нового фотографа."

"Что случилось с Уильямом?"

Лаверн глубоко вздохнула. "Уильям был убит прошлой ночью на Таймс-сквер."

Я падаю на стул, и рука Ориона летит к его рту. Мне кажется, что меня вернуло назад, на Таймс-сквер. Выстрелы... Я бы и не подумал что в городе с населением в миллионы человек, я знаю умершего человека. Даже периферически.

Интересно, он был зарегистрирован в Отделе Смерти?

"Это ужасно," - говорит Орион, оборачиваясь ко мне, как в больнице. "Мы были на Таймс-сквер вчера ночью."

Глаза Лаверн расширяются. "Вот это да. Слава богу, что с вами всё в порядке."

Орион больше ничего не говорит. Так же, как и в больнице, он не рассказывает мою историю за меня.

"Я не совсем в порядке. Мне звонили из Отдела Смерти вчера ночью."

Рецепционистка поднимает взгляд с прилавка, ошарашенная.

Лаверн смеется. "Все будет хорошо," - говорит она, отмахиваясь от этой большой бомбы, которую я только что сбросил, словно это был дым от сигареты. "Вы навряд ли можете верить, что люди из Отдела Смерти действительно могут знать, когда кто-то умрет."

"Мы верим," - говорит Орион. "И они уже были правы."

"Не прошло и суток. Есть много возможностей, чтобы их прогнозы оказались ошибочными."

"Валентино не может рисковать ждать этого," - говорит Орион. "Итак, есть ли что-то, что мы можем сделать, чтобы провести эту фотосессию сегодня?"

Лаверн больше не очарована Орионом. Она обращается ко мне. "Если вы действительно верите, что Отдел Смерти прав, то зачем вы вообще пытаетесь провести эту фотосессию?"

"Я так долго работал ради этого момента."

"Но ты не будешь здесь, чтобы пожинать плоды."

"Мне нравится знать, что моя работа существует. Что меня заметили."

Лаверн медленно кивает. "Понимаю. К счастью, у меня будет новый фотограф к понедельнику. Не позже вторника. Мы можем осуществить твои мечты тогда."

Орион собирается выступить за меня, но я беру его за руку. Мы оба останавливаемся и обмениваемся взглядом.

"Я справлюсь," - говорю я глазами.

"Если нет, то я сделаю это," - кажется отвечает Орион.

Затем я смотрю на Лаверн, и она, кажется, не может прочесть мои мысли, даже несмотря на то, что она однажды говорила, что видит мою душу в моих глазах. "К понедельнику меня уже не будет," - говорю я.

Лаверн садится рядом со мной. "Ты испуган. Я понимаю почему. Наш президент солгал нам о Отделе Смерти и создает истерию. Но я уже пережила это с Y2K в 2000 году. Нам говорили, что этот баг нового тысячелетия затронет все компьютерные системы, приведет к закрытию банков и разглашению государственных записей, люди застрянут в лифтах, и технологии обратятся против нас. Я была в ужасе... пока часы не показали полночь, и с нами всё было в порядке. И с тобой тоже будет, потому что Отдел Смерти не реален."

Я так разочарован. Одно дело видеть, как люди на Таймс-сквер не верят в Отдел Смерти, но совсем другое - слышать это от человека, которому я доверял свою карьеру - свою жизнь. "Мгновение после получения звонка от Отдела Смерти, меня почти убили на Таймс-сквер. Возможно, той же самой персоной, что убила Уильяма."

"Почти трагическое совпадение," - говорит Лаверн. "Я рада, что ты жив - и что будешь. Мы сделаем невероятную работу на фотосессии на следующей неделе."

Мы не изменим друг другу мнение. Единственный способ, которым я могу доказать ей, что она не права - умереть, и я не хочу делать это раньше, чем уже собираюсь сделать, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

"Действительно ли нельзя сделать что-нибудь сегодня? Моя сестра скоро прибудет в Нью-Йорк. Скарлетт - фотограф. Ты любила её работы. Также как и команда RainBrand."

Я не знаю, какой это этап траура - торговля, но я знаю, что именно это происходит сейчас. Я отчаянно хочу сделать это, каким бы способом это ни было.

"У Скарлетт замечательный взгляд, но она сейчас не здесь," - говорит Лаверн.

"Я могу это сделать," - говорит Орион. "На сколько это сложно?"

"Исключено," - говорит Лаверн. "Кампания RainBrand все равно будет нуждаться в опытном руководителе. Я с нетерпением жду, чтобы представить вас тому, кто окажется им в ближайшие дни."

Я веду проигрышную битву, так что я собираюсь выйти из ринга.

"Спасибо за встречу," - говорю я. "Прости, что сегодня не получилось."

"И мне жаль. Есть новый номер, который нам следует записать, пока вы не замените телефон? Может быть, номер Скарлетт?"

"Это не обязательно. Спасибо за ваше время."

Я последний раз смотрю на стену с фотографиями, принимая к сведению, что это агентство никогда не сделает меня звездой.

Даже после того, как все станет темным для меня, как ночное небо без звезд.

Скарлетт Принц

Скарлетт Принц

05:00 (по местному времени)

Скарлетт Принц, наконец, выходит из самолета.

Есть еще расследования, которые предстоит провести, но полиция хочет, чтобы самолет опустошили, чтобы провести обыски на наличие бомбы или оружия, и сопроводили пилота в безопасное место. Это означает, что Скарлетт будет выпущена обратно в аэропорт без своего багажа, но с улучшенным телефонным сервисом. Более десятка текстовых сообщений, написанных для Валентино за последние несколько часов, мгновенно будут отправлены на телефон Ориона. Этот разговор с ее братом не успокоил ее нервы. Она не могла перестать переживать страх, который она последний раз почувствовала, когда она перевернулась в машине сразу после аварии, боясь умереть одна. Ей не хочется, чтобы это сбылось для Валентино.

Как только Скарлетт покидает самолет, она борется со всеми желаниями сломаться.

Время - важный фактор, и это время должно быть проведено с ее братом.

Валентино

Валентино

08:00

Мечты не сбываются в Дни Конца.

Всё могло бы пойти по-другому, если бы у меня был агент, который верил в Отдел Смерти с самого начала. Могли бы быть предприняты шаги, чтобы перевернуть небо и землю, чтобы помочь мне осуществить свою жизненную мечту. Но я получил лишь того, кто даже не будет горевать обо мне, потому что она верит, что мы увидим друг друга через несколько дней. Я бы хотел, чтобы она была права, но я знаю, что она не права.

Я не оглядываюсь, когда мы выходим из здания. Я даже не знаю, куда иду. Я просто иду по тротуару, стремясь как можно дальше от этого места.

"Помедленнее", говорит Орион.

Я не замедляю шаг.

Продолжаю идти.

"Подожди меня!"

Его голос звучит дальше. Не так сильно. Я поворачиваюсь, и Орион прислоняется к стене, глаза закрыты, а рука прижата к сердцу. Я пытаюсь избавиться от своих страданий и возвращаюсь к нему.

"Ты в порядке?"

"Да, я просто..." Орион глубоко вдыхает, потом еще раз и еще раз.

"Давление поднялось и потом быстрая ходьба - плохая комбинация."

"Прости."

"Не твоя вина. В основном. Меня взбесило то, что произошло наверху."

"Это действительно было разочарованием."

"И это чертовски бесит."

Неподалеку находится пустая автобусная остановка, но Орион опускается

на землю и садится в присядку у стены. Я присоединяюсь к нему, хотя мои ноги болят от утреннего бега вчерашнего утра и тренировки, а также от двух веселых подъемов на мой шестой этаж. Я ничего не говорю, пока он ловит дыхание и сражается со своим внутренним ураганом.

Я хочу поблагодарить его за попытку защитить меня в агентстве, когда его телефон звонит в моем кармане. Травма от Отдела Смерти углубилась глубоко мгновенно, но это обычная мелодия звонка, так что я могу успокоиться, прежде чем мое сердце реагирует так же сильно, как и у Ориона.

"Это Скарлетт", говорю я. Я сразу же отвечаю на её FaceTime, и она сильно плачет. Я тоже моментально начинаю рыдать. Я вижу, что она находится в аэропорту. "Ты уже приземлилась?"

Скарлетт не может вымолвить ни слова. Её крики начинают ломаться, когда начинают приходить серии уведомлений о сообщениях, все от неё. Я продолжаю свайпать их, чтобы я мог поговорить с ней.

"Скар? Что происходит?"

"Я всё ещё в Аризоне", говорит она. Глаза Ориона широко открываются услышав это.

"Что ты имеешь в виду, всё ещё в Аризоне?"

"Пилот получил свой звонок Дня Конца, прежде чем мы смогли взлететь." Пока она рассказывает мне всё о том, как пассажиры сходили с ума на самолёте и как полиция расследует этот инцидент, меня трясёт от мысли о том, что могло бы случиться, если бы пилот начал полёт и обречён бы всех остальных на раннюю смерть. Я не могу знать, произошло бы это на самом деле, но я уверен, что Орион тоже много раз задумывался об этом, переосмысливая 11 сентября в мире, где Отдел Смерти предсказывает.

"Отдел Смерти не позвонили тебе, верно?" спрашиваю я.

Скарлетт качает головой. "Нет, но на борту у меня была ужасная связь, и я не могла позвонить тебе раньше, и мне было так страшно, что ты можешь быть уже..."

"Я в порядке. А какие планы теперь? Ты найдешь другой рейс?"

"Как только они убедятся, что пассажиры не представляют угрозу для пилота, да. Я брошу свой багаж, мне все равно."

"Ты сказала им, что сегодня мой День Конца?"

"Им всё равно. Дело только в пилоте."

Это должно стать большим изменением в авиакомпаниях в будущем. Ни один рейс не может взлететь, если они не уверены, что пилоты не Декеры. И то же самое для пассажиров. Это должно решить любые авиакатастрофы, верно? Предполагая, что люди сначала зарегистрируются в программе.

"Мне так жаль", говорит Скарлетт. "Я буду продолжать пытаться."

Если бы она могла вырасти крылья и перелететь страну за один полет, она бы это сделала. Но даже в этом реальном мире, где смерть теперь можно предсказать, люди всё равно не могут летать, поэтому она застряла в аэропорту до тех пор. Я думаю о других невозможностях, например, Скарлетт может поехать на машине из Аризоны в Нью-Йорк, хотя это путешествие занимает более тридцати пяти часов, и это без сна. Просто потому, что Отдел Смерти не позвонили, не означает, что она не может попасть в аварию, стараясь приехать сюда на своей машине. Другой самолёт - её единственный вариант.

Я хочу, чтобы что-то невозможное стало возможным в мой последний день жизни.

Неужели я слишком много прошу?

Видимо, да.

"Как ты?" - спрашивает Скарлетт. "Почему ты на улице?"

Я рассказываю ей о провальной фотосессии как можно короче.

"Что ты собираешься делать теперь?"

"Наверное, пойду домой. Буду ждать тебя."

"Нет!" - кричит Скарлетт. Она обращается извинительным взглядом к женщине, которую я вижу рядом с ней. "Ты не переехал в Нью-Йорк, чтобы просто томиться в ожидании меня. Иди и безопасно исследуй город. Я скоро буду там."

"Ты обещаешь?"

"Обещаю."

Мы оба знаем, что это нельзя обещать, когда мы завершаем разговор, но это то, за что можно держаться. Скарлетт сделает всё, что в её силах, чтобы добраться до меня. Она может подкупить кого-то на следующий вылет, чтобы у нас было больше времени вместе, или пробраться в грузовое отделение и попасть под удары чемоданов в течение пяти часов. Я не знаю, но я знаю, что она разберется.

Так же, как я уверен, что увижу своё отражение, когда посмотрю в зеркало, я уверен, что увижу свою сестру, прежде чем умру.

Это самая важная мечта, которая должна сбыться.

Орион

Орион

08:12

Сегодня впервые я уверен, что я буду жить, несмотря ни на что, и я никогда не думал, что это будет так чертовски плохо.

Не поймите меня неправильно, я всё ещё не пытаюсь умереть, но наблюдать, как Валентино переживает свой День Конца, было тяжело. Трудно не ощущать, что автор его истории - какой-то жестокий ублюдок, который не даст ему никаких побед. Столько способов, как он мог бы умереть к этому моменту - выстрел из пистолета или избиение дубинкой или разбитие головы о бордюр или то падение в апартаментах или переход на середине улицы - и он продолжает выживать ради чего? Чтобы быть отвергнутым своим агентом и узнать, что его сестра всё ещё застряла дома? Я не могу праздновать свою жизнь, зная, что его последние часы не идут ему на пользу.

"Этот День Конца не может стать ещё хуже, правда?" - спрашивает Валентино, глядя в никуда и сдерживая слёзы. "Это глупый вопрос. Конечно, может, и, конечно, станет. Отдел Смерти не имел понятия, о чём говорил, назвав Декеров капитанами своих собственных кораблей. Всё в этот день показывает, что я не управляю своим Последним Днём. Как будто мой руль вышел из-под контроля, и я собираюсь врезаться в айсберг и утонуть." Валентино ломается, рыдая так сильно. "Мне стоило умереть сразу."

Это разрывает мне сердце.

Я пытаюсь обнять его плечо, но он отмахивается от меня.

"Тебе стоит держаться подальше", - говорит Валентино, вставая с земли. "Только потому, что ты не можешь умереть сегодня, не значит, что я не яд (в плане того, что он отравляет все что находится рядом с ним). Всё плохое распространяется вокруг меня. Моё сердце, наверное, тоже опасно. Орион, я не знаю, тебе стоит найти другое решение или другого донора."

"Ладно, чёрт с твоим сердцем! Мне наплевать на это. Ты не яд или корабль, который собирается разбиться или какая-то другая аналогия, которую ты придумаешь, чтобы отпугнуть меня. Я твой друг, Валентино, и я не оставлю тебя одного в твой День Конца."

Он пропускает руки сквозь волосы, вдыхает, выдыхает, вдыхает, выдыхает, вдыхает, выдыхает. Он смотрит на кирпичную стену, как будто хочет ударить по ней, но его дыхание удерживает кулаки у его боков. Он разваливается, по большому счету, но мы справимся с этим.

"Есть миллионы вещей, которые ты не можешь контролировать", - говорю я, пока он дышит.

"Но ты всё ещё можешь вернуть контроль над кораблём и управлять им - извини, я собираюсь бросить эту метафору. Я начинаю чувствовать, что мы на самом деле как в открытом море." Я подхожу к нему, доказывая, что я не боюсь столкновения наших судеб в самых худших вариантах. "Ты не можешь вернуть фотографа к жизни или мгновенно призвать свою сестру. Это та хрень, которую ты не можешь контролировать. Но есть много вещей, которые мы можем."

Голубые глаза Валентино смотрят на меня. "Например?"

"Ты мне скажи. Что ты хотел бы сделать в Нью-Йорке?"

"Фотосессия была на первом месте."

"Тогда давай сделаем её. Я буду твоим фотографом."

"Агентство не согласится с этим. Ты слышал, что она сказала."

"Чёрт с этой фотосессией. Мы создаём свою. Это может быть альбом о твоей жизни в Нью-Йорке."

"Это не звучит как очень большой альбом."

"Бьюсь об заклад, что у нас будет много фотографий, которые можно сделать за один день."

"Хорошо. Сотни фотографий делают за один час фотосессии."

"Сотни? Я думал, около двадцати, но ладно. Вызов принят."

Он вытирает последние слёзы с глаз и улыбается. "Может быть, мы сможем сфотографировать много моих первых впечатлений о городе."

"Да!" Меня аж дернуло от восторга видеть, как он втягивается в это; кажется, что он возвращается к жизни так быстро после той мысли, что он должен умереть. "Я знаю, что твоё красивое лицо должно было украсить Таймс-сквер; я понимаю, что всё изменилось. Но только потому, что весь чертов мир не увидит эти фотографии, не значит, что люди в твоём мире не увидят их."

"Мне это очень нравится. Я смогу показать Скарлетт эти фотографии, когда она придет."

"Мне тоже это нравится - я имею в виду, это моя идея, но мне нравится."

Валентино задумался, и мне стало страшно, что он откажется от этой идеи. "У меня есть одно условие."

"Всё, что угодно", - говорю я, и имею в виду это.

"Если ты будешь моим фотографом, нам нужно получить по-настоящему хорошую камеру. Не телефонные фотографии."

"Договорились. Одна по-настоящему хорошая камера."

Мы собираемся изменить ход этого Дня Конца.

Не как чертов корабль, а как два парня, которые решительно намерены воспользоваться каждой последней минутой.

"Спасибо, что не оставил меня одного, Орион."

Мой взгляд перемещается от его губ в форме сердца, которые я хочу поцеловать, прямо к его глазам.

"Я буду твоим другом до самого конца, Валентино."

Валентино

Валентино

08:38

Ничего не открыто ещё в мой День Конца.

Закрытые универмаги кажутся ещё одним оскорблением в мой адрес, хотя я знаю, что это просто неудачное время - умирать в субботу. У меня нет возможности ждать до десяти или одиннадцати утра, чтобы купить камеру. Надеюсь, некоторые компании планируют ночные операции для Декеров, которые не начнут свои Последние Дни на рассвете со всеми остальными.

"Думаю, я нашёл место", говорит Орион, что-то читая на своём телефоне. "Это ломбард, который открыт круглосуточно. Не знаю, будут ли там камеры, но стоит попробовать."

"Это далеко?" Я уже думаю о том, чтобы вернуться в поезд, чтобы проверить, изменится ли моя удача с метро-исполнителями.

"Три блока от сюда."

Пока Орион ведёт меня, я читаю все текстовые сообщения Скарлетт, описывающие её время на самолёте. Она паниковала - боялась, что пилот уведёт всех насмерть, боялась, что она станет доказательством того, что Отдел Смерти был неправ, боялась, что я умру, прежде чем мы сможем увидаться в последний раз. Все её слова и даже каждая ошибка от беспокойного набора жгут мои мозги, и мне жаль, что ей пришлось пережить этот страх. Я хочу извиниться, как будто то что я умираю - это моя вина; я догадываюсь, что это так, если умирать безопасно для пересадки сердца - это вариант.

Скарлетт не захочет, чтобы я продолжал операцию.

"Ты идёшь прямо в свою могилу", - скажет она.

Тогда я скажу ей: "В любом случае, я умру". "Но что, если Отдел Смерти ошибается?" - спросит она.

Это большая игра. Если я брошу эти кости и всё равно умру, тогда, возможно, Орион тоже.

Я хочу жить, но могу ли я рискнуть этим?

К сожалению, мой Последний День - это первый день для Отдела Смерти. Если бы у меня было больше информации о их точности, я бы знал, если мой звонок был ошибкой. Но у меня нет, и я не получу её. Это просто ещё одна причина, почему я умираю в плохое время.

Найя Роза

Найя Роза

08:40

Теперь появилось уже одиннадцать отчетов о смерти Декеров без предупреждения от Отдела Смерти.

Ная вернулась в офис компании, отдыхая на диване, пока Алано использует её колени в качестве подушки, а Баки спит у её ног. Она не может двигаться, не разбудив их, и она не знает, куда бы она пошла, если бы могла. Будущее компании находится в опасности, но она не может быть той, кто это исправит. Она сидит там в страхе, чувствуя себя похожей на своего дедушку, который рассказывал множество историй о том, каково было ждать, когда бабушка Найи вернется домой с войны. Она хочет, чтобы дверь была открыта, и что бы Хоакин вышел из неё, даже если бы он не смог решить проблему, не смог победить войну. Она просто хочет, чтобы её муж был выжившим.

Но что, если Хоакин среди тех Декеров, кто умер без предупреждения от Отдела Смерти?

Валентино

Валентино

08:51

Надпись на входе ломбарда светится разноцветными лампочками: "ITCHY PALM GEMS (Драгоценности для зудящих ладоней)".

Он больше похож на один из тех сувенирных магазинов на Бродвее, где продают магниты с вашим именем, чем на место, где я могу найти камеру. Но, учитывая, что он расположен между аптекой CVS и пиццерией Domino's, ломбард отлично выделяется; это словно брошь на обычной одежде. Однако, в отличие от своих соседей, он также привлекает внимание тем, что на месте входной двери у него сложена куча осколков стекла.

"Они точно открыты", говорю я.

"Хотят они того или нет", добавляет Орион. "Чертовы мародеры".

Я замечаю мужчину внутри, он подметает пол. Это, должно быть, его работа, потому что я не могу представить, чтобы кто-то убирал за собой после того, как вломился. Орион начинает отгонять меня, но я стою крепко на своих ногах. "Тебе стоит уйти. На всякий случай".

"На всякий случай чего?"

"Кто знает, но ты не должен быть первым, кто это выяснит".

"Тогда просто уйдем. Камера того не стоит".

"Нет, стоит", говорит Орион, глядя мне в глаза. Я знаю, что он серьезно, и что ему действительно не безразлично. "Слушай, мы знаем, что это не мой День Смерти, поэтому я должен использовать это как сверхспособность".

"Только ты не бессмертен".

"Нет, но сегодня я сильнее. Просто подожди у угла минутку". Я сдаюсь, но отказываюсь прятаться за углом. Я буду ждать прямо здесь.

Стекло трескается под ботинком Ориона, когда он постучал в дверной

проем. "Доброе утро".

Мужчина перестает подметать пол и подходит к дверному проему.

"Сегодня мы закрыты".

"Все в порядке?" спрашиваю я с тротуара.

Он смотрит, будто должно быть очевидно, что все не в порядке. Мне трудно поддерживать глазной контакт, потому что он действительно привлекателен для пожилого мужчины. Борода цвета соли на его красиво очерченной челюсти. Черные волосы в стиле квифф с серебряными полосками по бокам. Сильные и обрисованные руки с видными венами под коричневой кожей, которую в спортзале отмечают, как единственный признак реальной работы. Его грудные мышцы выступают сквозь черную футболку с подвернутыми рукавами, пот выступает в его подмышках. И как человек, который не может сделать татуировку, чтобы не отпугнуть агентств, я большой поклонник белых лунных татуировок на его бицепсе, завершающих образ этого мужчины, который должен быть на обложках журналов.

"Магазин вскрыли сегодня утром", говорит мужчина. "Люди хотели украсть вещи других, вместо теста для пиццы, похоже."

Я чувствую себя достаточно в безопасности, чтобы подойти поближе, не ожидая, что этот хозяин ломбарда будет бить меня метлой до смерти.

"Мне правда жаль."

"Это не твоя вина. Разве что ты был одним из мародеров."

"Нет, но черт возьми тех, кто это сделал", говорит Орион.

"Мне нравится твой пыл", говорит он, подавая Ориону кулак.

Орион улыбается. "Можно зайти ненадолго? Мы ищем камеру."

Мужчина вздыхает. "Многое было украдено прошлой ночью. Я даже не знаю, какой товар есть у меня сейчас. Загляните завтра, когда мы откроемся. Я отложу для вас любые найденные камеры." Он начинает отворачиваться.

"Подождите". Орион смотрит на меня.

Он всегда уважает мои деловые интересы, даже с незнакомцами, которых я больше никогда не увижу. Мне придется сказать ему, что я не против

того, чтобы он меня поддерживал.

"Завтра меня не будет", говорю я.

"Гость из другого города?" спрашивает мужчина.

"Декер", говорю я.

И вот момент истины: он попробует оспорить реальность Отдела Смерти, или поверит, что я умираю?

Мужчина покачивает головой. "Это трагично. Мне жаль слышать это. Ты так молод..."

Это облегчает меня, что ему не безразлично, но, конечно же, моя правда все равно жгет.

"Заходите. Посмотрите вокруг", говорит мужчина. Он пожимает нам руки.

"Меня зовут Фернан."

"Валентино. Это Орион."

"Рад познакомиться. Орион, будь осторожен со словами, если мой сын выйдет из задней части. Ему десять лет, и он уже ругается, как я, когда "Метсы" проигрывают."

"Значит, это чертовски много ругательств", шутит Орион, похлопывая по своей бейсболке "Янкиз".

Кажется, что мы входим на место преступления. Стекланный прилавок разбит, и все ювелирные коробки опустошены. Гиря для тренировок все еще стоит в углу, потому что, видимо, мародеры не занимаются поднятием весов. Два велосипеда на стене, один желтый, другой стальной серый. Микроволновая печь перевернута вверх ногами, наверное, выброшена в ходе всей суматохи. Полки с кроссовками с минимальными царапинами, что, я уверен, хорошо для всех, кто хочет выглядеть так, будто их кроссовки только что вышли из коробки, но жизнь происходила, когда они носили их, как мои белые кроссовки уже испытывают. Затем пол уставлен столь многим, таким как игрушки, бейсбольные кепки, инструменты, видеоигры, DVD, несколько электрогитар с разорванными струнами, треснутые виниловые пластинки и куча других вещей, у которых есть свои истории. Причины, по которым они были принесены сюда, чтобы подготовить кого-то к успеху наружу. Как будто кража не была уже достаточно серьезным преступлением, я думаю обо всех украденных

сокровищах, которые люди не могут вернуть обратно. Это наибольшее преступление здесь.

"Сколько лет вы в бизнесе?" спрашивает Орион.

"Пару лет, но я думаю о том, чтобы скоро уйти", говорит Фернан.

"Почему? Из-за всего этого?"

Фернан покачивает головой. "Это не помогло. Просто это бизнес это не мое. Мне ненавистно ставить ценники на бесценные вещи людей. Я потерял счет, сколько раз люди откладывали свои обручальные кольца для получения денег."

По крайней мере, эти люди смогли пожениться. Это значит, что они могли влюбиться.

На День Конца такого не предвидится.

Я продолжаю искать камеру, помня, что это что-то, что я могу контролировать. Десятки книг разложены на полу; я думаю, что мародеры не читатели тоже. Камеры под книгами, однако, не оказалось, хотя я сложил их в аккуратный стопку, чтобы Фернану было потом меньше работы. Я смотрю под круги Фрисби и за сломанным принтером, но ничего. Задняя дверь распахивается, и из нее выходит молодой парень. Он выглядит как молодой Фернан, но без седых волос, бороды и татуировок. Он одет в синий спортивный костюм. Он заканчивает последний кусок хэшбрауна из Макдональдса и вытирает с лица жир.

"Я думал, мы закрыты, Пап," говорит мальчик.

Фернан прячется за разбитым прилавком. "Мы закрыты. Но эти молодые парни были джентльменами, и я решил пустить их внутрь. Понял, как вежливость работает?"

"Дааа."

"Почему бы тебе не помочь им найти камеру?"

"Так я наконец получу этот велосипед, если сделаю это?" он спрашивает, указывая на стально-серый велосипед на стене.

"Он все еще не на продажу."

"Просто скажи, что его украли, Пап."

"Руфус..."

Мальчик сделал ухмыльнулся. "Что?!"

Фернан появляется из-за угла, и мальчик - Руфус - скрещивает руки. "Иди в заднюю часть и жди меня."

"Я ничего не сделал."

"Ты продолжаешь отвечать, как будто я один из твоих друзей."

"Мы не друзья, Пап?!"

"Перестань быть умником."

"Если я не могу быть умным, то прекрати кричать на меня, когда у меня плохие оценки."

"Руфус, иди в заднюю часть и жди меня. Сейчас же."

Следует напряженное противостояние, прежде чем Руфус снова сжимает зубы. Чтобы дела стали еще хуже, он пинает ящик и шлет его в стену. Все стихает. Орион и я не двигаемся, как будто только что поняли, что находимся на минном поле, и один неправильный шаг может все взорвать. Единственным взрывчатым веществом в комнате является гнев Руфуса. Затем, прежде чем какое-либо наказание может случиться, Руфус, кажется, снимает напряжение, его глаза загораются в изумлении.

"Нашел!" Руфус кричит. Он поднимает камеру. Фернан протягивает руку, но Руфус пропускает его мимо и идет прямо ко мне. "Вот, держи."

Это цифровая камера, Canon PowerShot. Я не очень хорошо знаком с этой моделью, но она должна подойти.

"Огромное спасибо, Руфус."

"Пожалуйста."

Затем Руфус мирно уходит назад.

Фернан вздыхает, когда возвращается за прилавок. "Никогда не заводите детей."

"Нет проблем," говорю, передавая ему камеру.

Фернан изучает камеру по своим записям, когда вдруг поднимает глаза, глаза расширяются. "Мне так жаль, Валентино. Я забыл."

"Не беспокойся об этом."

"В любом случае, я не имел в виду это. Я люблю Руфуса, и он замечательный ребенок. Иногда его темперамент берет верх над ним. Я был такой же, когда был в его возрасте. Он вырастет из этого." Фернан вытирает пот с лба. "Не делаю ли я хуже? Простите. Это первый раз для меня, и я не знаю, как... особенно с таким молодым и..."

Орион кладет руку мне на плечо, придавая этому моменту небрежную энергию. "Мы с этим разберёмся, но огромное спасибо Руфусу за то, что он нашел нам эту камеру. Мы создадим незабываемые воспоминания в День Конца Валентино."

Глаза Фернана наполняются слезами, когда он бросает на меня взгляд. Он видит во мне молодого человека. Через несколько лет Руфус будет моего возраста, и, возможно, Фернан боится, что будет наблюдать, как его сын проживает свой День Конца. Я не желаю этого им.

"Как долго вы оба дружите?" спрашивает он.

Орион прошептал себе под нос. "Примерно десять часов."

У Фернана много вопросов, но он не задает ни одного из них. Просто заканчивает кросс-сравнение модели этой камеры с его записями и говорит: "Это была продажа, а не займ. Так что она теперь ваша."

Я тянусь за своим кошельком, который, чудом, не потерял сегодня, как мой телефон или ключи. "Отлично. Сколько стоит?"

Фернан протягивает мне камеру. "Бесплатно."

"Вау - спасибо, мужик -"

"Нет," я перебиваю Ориона. "Я хочу заплатить. Особенно после вашего взлома."

"Это действительно благородно, но ваши сто баксов не спасут магазин в любом случае. Я эгоистично хочу знать, что вы выходите в мир и создаете невероятные воспоминания."

Эта скидка для Декеров заставляет меня чувствовать себя не очень хорошо. Мне кажется, будто я граблю магазин, который уже потерял достаточно. "Ладно. Приму камеру, если вы позволите мне купить этот велосипед для вашего сына. Я могу просто оставить деньги, как только эти

велосипеды станут доступны, и вы сможете..."

"Он доступен сейчас," говорит Фернан. "Просто я говорил Руфусу, что он еще не готов, потому что он продолжает плохо себя вести. Но почему Руфусу важно получить этот велосипед?"

Орион тоже кажется запутавшимся, затем догоняет.

"Мои родители не были хорошими. Было бы хорошо знать, что отец, который любит своего сына, на самом деле демонстрирует ему свою любовь."

Фернан взглядывает на велосипед, словно он воображает себе воспоминания, которые он создаст с Руфусом. "Договорились."

Мы обсуждаем цену. Он пытается продать дешевле, я пытаюсь купить подороже. Это самое странное торговое общение, которое мне доводилось пережить. Мы находим компромисс, который делает нас хоть и не вполне удовлетворенными, но лучшими, чем могли бы быть, и пожимаем руки. У Фернана крепкий хват, и я чувствую, что он говорит мне быть сильным, не используя ни одного слова.

Я смотрю на велосипед, воображая Руфуса на нем, а Фернана, болеющего за ним. Это действительно приятная мысль.

"Хорошего дня," я говорю, выходя из магазина.

"Тебе тоже," Фернан говорит, нахмурившись. Его глаза находят мою футболку. "На самом деле, да. Счастливого Дня Конца, Валентино."

"Спасибо, Фернан."

Мы покидаем магазин.

Я включаю камеру. У нее нет полного заряда, но это должно хватить на День Конца. Я передаю ее Ориону. "Не возражаете? Мне кажется, что первое фото должно быть сделано перед магазином, где я купил камеру."

"С удовольствием," говорит Орион.

Я занимаю позицию и спрячу руки в карманы. Чувствуется странно улыбаться перед грабленным ломбардом, но именно так мы завершаем этот этап моего Дня Конца, и так это должно остаться в памяти.

Орион снимает фотографию.

Первая из многих, надеюсь.

Фернан Эметерио

Фернан Эметерио

09:09

Фернан Эметерио не получил звонка от Отдела Смерти, потому что он сегодня не умирает, хотя его тронула щедрость молодого человека, который скоро умрет.

Среди всех магазинов, в которые Валентино мог бы зайти сегодня утром, он выбрал магазин Фернана всего несколько часов после того, как его ограбили те, кто боялся конца света. Фернан не спросил, почему именно "Зудящие ладони", но он знает, что его мать, пусть она покоится с миром, сказала бы, что удача свело их вместе. Она была очень суеверной женщиной до своей смерти несколько лет назад. Ни одной выпавшей ресницы, на которую она не дунула, ни одной сумки, которую она не оставила на полу, даже если это могло бы означать, что ее деньги убегут, ни одной минуты полуночи на Новый год, которую она не провела бы, съедая двенадцать виноградин, настоящую кубинскую традицию. Фернан верит, что Валентино был направлен к нему, возможно, его матерью с небес.

Нельзя было выбрать лучшее время чем сейчас.

В последнее время Фернан и Руфус стояли на разных сторонах. У него также были трудности с его старшей дочерью, Оливией, но она любит свое пространство и часто слушает классическую музыку в своей комнате и не беспокоит никого. Но Руфус, ему десять лет, пытается стать альфой дома, так же как и в школе или в парке с друзьями. Похоже, что он больше уважает свою мать, но Фернан считает, что это потому, что они не проводят столько времени вместе, так как Виктория – хирург-кардиолог, работает по восемьдесят часов в неделю и в основном вечером; она даже застряла в больнице на несколько дополнительных часов, пытаясь привлечь внимание комитета для особой трансплантации. Это летние каникулы их всё раздражают. Он далеко от своей банды и вынужден проводить время с родителем, которого он не уважает, и с сестрой, которая ничего с ним не хочет делать. Фернан смотрит на велосипед и

думает, что это может помочь освободить много накопившейся энергии у Руфуса.

Разговор отца и сына может помочь им понять друг друга. Что, как кажется, не было случаем для Валентино и его родителей. Фернан скорее будет бороться с сыном каждый день, чем бросить его. Знают ли родители Валентино, что он умирает? Или что он стал проводить время с мальчиком, которого познакомил только десять часов назад? Последние часы жизни следует провести с семьей. Он даже не может представить, как Руфус провел бы свой последний день с незнакомцем. Фернан обязательно позаботится о том, чтобы Руфус никогда не оказался в такой печальной ситуации.

Фернан берет деньги за велосипед и кладет их в пустой лоток своей кассы.

Он смотрит на купюры, думая о своей матери. Фернан был на распутье в работе, раздираемый между тем, чтобы продолжать работать как техник или открыть свой бизнес. Затем умерла его мать, и он часто думал о ее многих суевериях. Зудящая ладонь была одним из них. Это означало, что его удача начинает изменяться, и скоро он получит деньги. Затем пришла мысль стать хозяином ломбарда, зная, что он может почтить дух своей матери, став причиной того, что у кого-то меняется удача в трудные времена. За все, что он сделал для сообщества, сегодня кто-то принес ему деньги.

Это знак начать восстанавливать свой бизнес и свои отношения.

Фернан закрывает кассу и снимает велосипед со стены.

Семья на первом месте.

Орион

Орион

09:39

Записывать на камеру первые моменты Валентино — это весело:

Первый раз посещая бакалейную лавку, чтобы купить горячий черный чай, чтобы не уснуть и насытить желудок. Он даже поиграл с кошкой после того, как я убедился, что у него нет аллергии и что он не умрет рядом с кошачьим наполнителем.

Первый раз увидел платную телефонную будку, он сказал, что она отличается от тех, что в Аризоне. Он притворился, что разговаривает по телефону, наклонив голову вниз, но голубые глаза смотрели на меня. Этот взгляд что-то сделал с моим сердцем и "тем самым местом", если понимаешь о чем я.

Первый раз он купил бекон, яичный и сырный ролл у какого-то парня на улицах. Он до сих пор отказывается есть из-за возможной операции, что меня беспокоит, особенно когда он вдыхает запах. Я вижу, что он хочет разорвать фольгу и съесть этот сэндвич одним куском, даже если горячее начнет жечь его внутренности. Но вместо этого он отдает его какой-то женщине, которая просит денег на еду; это, очевидно, мы не фиксируем.

Первый раз он прошел мимо легендарной книжной лавки Strand, и Валентино хотел бы спрятаться в углу и прочитать еще одну книгу.

И теперь его первая покупка экземпляра газеты New York Times у киоска. Его выражение лица мрачное, и я задаюсь вопросом, стремится ли он к какому-то интеллектуальному образу. Затем я вижу заголовок газеты: *"ПРИБЛИЖАЮТСЯ КОНЕЧНЫЕ ДНИ"*. Фотография на обложке — это Хоакин Роза в колл-центре Отдела Смерти, он разговаривает по телефону.

Я почти уронил камеру, когда понял, что это означает.

"Вот когда он сказал мне, что моя жизнь закончена", говорит Валентино.

Сложно переварить что-то, типа этого.

"Ты в порядке?"

"Странно видеть другую сторону этого звонка в печати."

"Это, наверное, история."

Валентино выбрасывает газету. "Я не история, Орион. Я здесь."

Потом его здесь нет, потому что он уходит от меня.

"Прости, я не так это имел в виду. Просто... мне пришлось пройти через что-то подобное с моими родителями в тот день, когда они умерли.

Утренняя газета уже была в продаже, но потом они выпустили еще одну.

Никогда не забуду, у New York Times был заголовок о том, что Соединенные Штаты подверглись нападению, и как похищенные самолеты разрушили башни-близнецы. Прямо на обложке горели башни. Огонь и дым... помню, что смотрел как-то особенно внимательно, даже очень, думал, что мог бы увидеть своих родителей в каком-то окне."

Валентино останавливается и смотрит на меня.

"Мне было девять, и я был идиотом, ну да ладно."

"Нет, я не осуждаю тебя. Это действительно грустно."

"Да, это так. То же самое с тобой и той фотографией Хоакина. Все думают, что этот момент — это история Отдела Смерти, когда это также и твоя история."

"И история 11 сентября тоже твоя история."

"Доказательство того, что наши жизни меняются, все на первой странице."

"Но наших лиц там нет."

"Я не злюсь из-за этого. Я выглядел как дерьмо тогда. Но ты, черт возьми, сияешь."

Валентино или краснеет, или солнце припекает его лицо. "Даже с моим шрамом?"

"Поверь мне, ты будешь держать это дерьмо в тренде."

"Спасибо, Орион." Он обхватывает меня за плечи, и наши тела, сближаются вместе, что действительно прекрасно. "Что дальше?"

"Тебе решать."

"Я прошу тебя выбрать место для меня. Незаметное, но драгоценное."

Мне требуется немного времени, потому что Валентино все еще держит меня за руку и как приятно исследовать такое пространство здесь, в нижнем Манхэттене, чем в Саут-Бронксе. Но затем я вспоминаю место, где я еще не был, место, которое мы можем открыть вместе.

Первый раз для нас обоих.

Роландо Рубио

Роландо Рубио

09:47

Роландо находится в кафе, надеясь встретить своего первого Декера.

Это не было запланировано. Фактически, в указаниях Отдела Смерти говорится, что глашатаям нельзя организовывать встречи с Декерами. Компания установила этот предел между глашатаями и Декерами, как будто они психотерапевты и клиенты, которые не должны быть друзьями, но Роландо не верит, что это просто из-за профессионализма. Он подозревает, что Хоакин не хочет, чтобы его операторы оказались в плену у Декеров или погибших близких, которым ничего терять и что-то получить, раскрыв секрет Отдела Смерти. Как будто Роландо знает, как идентифицируются Декеры, но компания не торгует секретом, чтобы спасти жизнь своего сотрудника, это, безусловно, плохая реклама.

К счастью для Отдела Смерти, Роландо больше не работает на них.

Это также удачно для Роландо, который больше не обязан следовать правилам Отдела Смерти. Особенно когда речь идет о первом Декере, с которым он разговаривал вчера ночью и долго беседовал - слишком долго, если спросить Хоакина, Наю, Андрею или кого-либо другого. То, что он был хорошим человеком, сделал его плохим сотрудником. К счастью, он много узнал о Клинте Суаресе в том разговоре. Он любит танцевать. Он был инвестором. Он однажды выиграл в лотерею восемьсот тысяч, поставив номера дня рождения своей матери. И каждую субботу утром, в десять точно, он приходит в Carolina's Café на Юнион-Сквер, где ему нравится сидеть у окна и наслаждаться поздним завтраком, наблюдая за прохожими.

Итак, Роландо сидит у окна и наслаждается поздним завтраком, наблюдая за прохожими. Долгое время ничего интересного не происходило. Одна женщина гуляла с группой собак, продавец цветов пытался продать свои букеты водителям на светофоре. Затем появились подростковые мальчики, один фотографировал другого, покупающего экземпляр газеты New York

Times, что мало представлялось интересным для Роландо, с игрой слов намеренно; это стало интересным только тогда, когда один мальчик увидел Хоакина Розу на обложке и вскоре после этого выбросил всю газету в мусорное ведро. Что-то произошло очень быстро. Пока мальчики уходят, Роландо продолжает наблюдать за прохожими, ожидая того, кто мог бы быть Клинтом. И здесь начинается надежда. Очень вероятно, что рутина Клинта может быть нарушена, потому что он мертв.

Потом, за минуту до десяти, дверь открывается, и внутрь входит пожилой мужчина с темно-серыми волосами. Под мышкой у него газета, и Роландо задается вопросом, может ли это быть Клинт, имеет ли смысл кому-то, кто собирается умереть, интересоваться текущими событиями.

"Доброе утро", - говорит мужчина персоналу кухни.

Роландо узнает голос мужчины по этим двум словам. Ему даже не пришлось слышать, как все отвечают: "Доброе утро, Клинт!"

Он действительно постоянный посетитель. Он осматривает столы у окна, не находя пустых. Его морщинистое лицо немного нахмурено, но он не кажется полностью унывшим.

Роландо встает. "Прошу прощения, сэр. Вы хотите место?"

Он задается вопросом, узнает ли Клинт его голос, но Клинт, похоже, не узнает.

"О, ничего страшного."

"Пожалуйста, я настаиваю."

Клинт соглашается и садится, разложив газету на столе. "Очень вам благодарен."

Роландо чувствует себя странно, как будто он перешел грань, но на самом деле он хочет помочь. "Это может показаться странным... Меня зовут Роландо Рубио. Я работал в Отделе Смерти. Вчера вечером."

Клинт поднимает глаза, слезы в глазах. "Роландо. Роландо! Присаживайтесь, прошу."

Роландо облегчен тем, что его появление приветствуется. Он садится.

"Прошу прощения, что я так внезапно появился. Мне не понравилась идея, что вы будете одни в свой последний день, и я хотел проверить, как вы."

Вы упомянули это кафе и..."

"Хорошая память", - говорит Клинт.

Роландо задается вопросом, насколько плоха память Клинта, если помнить что-то менее чем за двенадцать часов назад - это впечатляюще. "Могу ли я что-то для вас сделать? Нужна помощь?"

"Это часть какого-то пакета от Отдела Смерти?"

"Нет, на самом деле..." Роландо решает не говорить Клинту, что он ушел из компании. "Это все от меня."

"Это очень мило с вашей стороны. Есть только одна вещь, которую я хотел бы."

"Что именно?"

"Присоединитесь ко мне на мой последний завтрак."

Роландо делает это, надеясь, что если ему удастся прожить так долго, как Клинту, и, к несчастью, быть таким же одиноким, то кто-то окажет ему ту же самую доброту в его День Смерти.

Валентино

Валентино

10:09

Если бы мне пришлось провести свой последний день где-то, я рад, что это происходит в таком пешеходном городе. Сколько времени я бы потратил на вождение обратно в Финикс, сосредотачиваясь на дороге и упуская все красоты вокруг?

Я купил Fitbit в марте, давно хотел такой себе на Рождество. Это такие часы, которые практически отслеживают количество шагов. Это было потрясающе во время моих утренних пробежек и обычно мотивировало меня увеличивать мои ежедневные цели. Конечно, я не понял, что забыл свой Fitbit в ванной дома, пока Скарлетт не подвезла меня в аэропорт, но она заверила меня, что упакует его для меня. Теперь есть шанс, что она даже не прибудет с багажом. Это мелочь, но было бы круто увидеть, сколько шагов мне потребуется, чтобы попасть из своей квартиры на Таймс-сквер вчера вечером, или даже по Манхэттену сегодня утром, когда мой личный гид показывает мне город.

Это заставляет меня задуматься.

"У меня есть идея для изобретения. Ты можешь его создать."

"А я получу всю честь за это?"

"Только если ты хочешь, чтобы я преследовал тебя."

"Это не такая страшная угроза, как ты думаешь. Мне было бы приятно иметь тебя рядом."

"Хорошо, но ты не сможешь передумать позже, когда я буду постоянно тыкать тебя в плечо, каждый раз, когда ты сутулишься."

"Да, ты прав, я бы вызвал экзорциста чертовски быстро."

Есть что-то утешительное в том, чтобы стать призраком. Особенно потому, что я думаю, что Орион не позволил бы меня изгнать. Я мог бы следить за Скарлетт тоже. Может быть, даже удостовериться, что мои

родители больше никогда не будут спать хорошо.

"Итак, что это за изобретение, Каспер?" спрашивает Орион.

"По сути, это трекер, который показывает путь Деккера в его последний день. Друзья и семья могут пройти по вашим следам и почувствовать себя ближе к вам, если они не могли быть рядом с вами."

Орион направляет камеру и фотографирует меня.

"Зачем это было?"

"Я хотел задокументировать твою первую глупую идею."

Моя челюсть падет. "Ты подлец."

"Подлец? Давай, назови меня придурком, ганд*ном или сук*й. Ты же не в третьем классе."

"Я не особо ругаюсь. Католическое воспитание."

Орион застыл на углу. "Это идеально. Ты уже не связан той жизнью, не так ли? Какое будет твоим первым ругательством или плохим словом, как бы ты это черт возьми назвал? Выкрикни это в небо и разбуди всех этих ублюдков, пытающихся спать."

Я делаю подсчет. "Три ругательства за десять секунд. Молодец."

"Это черт возьми ничто, но спасибо. Что у тебя есть?"

Как человек, который открытый сегодня, я вырос в такой тесноте. Мне не разрешали говорить о стольких вещах. Я не мог ругаться. Я не мог сомневаться в Боге. Я не мог говорить о своих увлечениях. Потом я сделал coming out, и мои родители хотели, чтобы я снова ушел. Но Орион не просит меня фильтровать свои мысли или чувства. Он просит меня освободить все.

Стоя на углу улицы в Нью-Йорке, я чувствую, как это слово закипает внутри меня, и я развожу руки и кричу: "Я БЛЯДСКИ СВОБОДЕН!"

Орион делает мою фотографию. "Отличный блядский выбор!"

Прежде чем я успею поблагодарить его, окно резко открывается над нами, и мужчина высовывает из него голову. "Заткнись, бл*ть!"

Я так смущен, что застываю. Орион делает еще одну фотографию, прежде

чем оттащить меня прочь, смеясь. "Твой первый раз, когда тебе говорят заткнуться на улице. Ты был окрещен настоящим нью-йоркцем."

Мне может показаться, что эта фотография будет забавнее, когда мое сердце успокоится немного.

Орион держит меня за запястье, пока мы идем по улице, и отпускает только тогда, когда мы оказываемся где-то, что выглядит заброшенным. Что-то подозрительное в этой тишине. Просто пустые машины под этими навесными железнодорожными путями. Орион начинает подниматься по ступенькам медленно, затем увеличивает скорость немного. Я пытаюсь заставить его замедлиться, но он игнорирует меня. Ему, похоже, нравится этот момент, когда обычное занятие не кажется угрожающим жизни. То, что он не умрет от сердечного приступа, не означает, что он не поскользнется на этой лестнице и не упадет обратно на меня. Я держусь за перила как за собственную жизнь, а Орион ждет наверху с самой большой улыбкой.

Как только я окажусь там, я не могу поверить своим глазам.

Эта вокзальная станция - это лес. Ярко-зеленые кусты и цветы наслаждаются утренним солнцем. Там, где должны быть железнодорожные пути, проходит мощеная дорожка. Я смотрю на все это с недоумением, когда Орион делает мне снимок.

"Как работает эта вокзальная станция?"

"Это больше не вокзальная станция. Это парк под названием High Line."

Это не звучит знакомо. "Я никогда о нем не слышал."

"Он открылся прошлым летом. Много еще на подходе, но у них большие планы по расширению этого парка. Я подумал, что тебе стоит увидеть, что они уже сделали."

Этот город настолько огромен, что даже тот, кто был в восторге от переезда сюда, не знал о этом месте. Какие еще чудеса ждут за пределами, которые я никогда не увижу? Не только в городе, штате или стране. Во всем мире. Я бы хотел совершить круг вокруг планеты в космосе. Тогда я смог бы сказать, что увидел все. Но я не могу себе представить, что NASA отправит Декера в космос, если это не будет суицидальной миссией, поэтому я наслажусь этим кусочком мира, о котором я даже не знал.

"Это действительно великолепно", говорю я, когда мы идем по дорожке.

"И немного жутковато тоже, верно? Как будто мы на съемочной площадке какого-то постапокалиптического фильма."

"Что заставило тебя подумать о том, чтобы привести меня именно сюда?"

"Не бей меня в лицо, но я подумал, что это может вдохновить тебя в твой День Смерти."

"В каком смысле?"

"Давным-давно этот район называли Death Avenue[1] . Сотни и сотни людей погибали под колесами поездов, это было плохо. Дошло до того, что они - я не помню, кто они были, но кто-то - наняли чертовских ковбоев, чтобы остановить людей, пытающихся пересекать пути. Как настоящие парни на лошадях."

"Ты врешь!"

"Серьезно, не вру! Они - опять же, я не знаю, кто они - решили поднять пути. После этого все как-то запуталось."

"Извини за мой английский, но ты дерьмовый историк."

Орион смеется. "Я не пытаюсь соревноваться в шоу 'Jeopardy!' или что-то в этом роде."

"Алекс Требек бы выгнал тебя за то, что ты отвечаешь на каждый вопрос ругательством."

"Блядь, да."

Я спотыкаюсь на железнодорожных путях, растения растут вокруг них, как на грядке.

Это действительно что-то удивительное.

"Ты до сих пор не сказал мне, как это должно вдохновить меня сегодня."

"Я собирался, пока ты не начал ненавидеть мои рассказы."

"Прошу прощения за то, что ожидал, что ты все знаешь. Думаю, каждому нужен какой-то недостаток."

"Мое сердце - довольно серьезный недостаток."

"Скоро это не будет так."

Затем мы просто два молчаливых парня, пересекающих эту постапокалиптическую, бывшая железнодорожную линию. Ни души вокруг, как будто мир хочет, чтобы мы были здесь и сейчас. Я слушаю ветер и свои мысли, которые и тоскливы, и поднимают настроение. Возможно, меня скоро не будет рядом, чтобы смеяться, но Орион останется, если все пойдет хорошо. А это пойдет хорошо. Я полностью верю в это; что бы это ни означало в эти дни.

Орион останавливается и смотрит на растения, пробивающиеся между железнодорожными путями. "Для меня это тоже первый раз. Я хотел посетить это место прошлым летом, когда все было новое, но мое сердце помешало. Я провел день в больнице вместо этого. Я воспринял это как знак, что мне не следует идти куда-то, что было известно как Death Avenue. Но я просто вспоминал, как High Line должен был быть разрушен. Просто вычеркнут из города, пока люди в этом районе не выступили за него и не превратили его в этот классный парк." Орион смотрит на меня своими карими глазами. "Мне неприятно, что ты умираешь, Валентино, но я хочу, чтобы ты помнил, что все не заканчивается только потому, что ты Декер. Я буду продолжать бороться через все, что твой День Смерти бросит на тебя, чтобы сделать твою жизнь красивой."

Я не сомневаюсь, что Орион говорит каждое слово от сердца.

Я столкнулся с идеальным незнакомцем на Таймс-сквер.

"Это почти как если бы я умер и ты получил бы мое сердце, я буду жить в тебе", говорю я. "Новая, прекрасная жизнь."

Мне становится тесно в груди, когда Орион и я глядим друг другу в глаза.

"Конечно", говорит он, разрывая контакт, и я тоже отворачиваюсь. "Я стану живым парком."

"Чего тебе не хватает в истории, Орион, ты компенсируешь в метафорах."

"Я писатель. Мне лучше сделать всю эту хрень правильно."

Мы останавливаемся и опираемся руками на перила. Мы видим успокаивающий вид на реку. По-моему, это река Гудзон, но даже будучи новоиспеченным жителем Нью-Йорка, я не приобрел вдруг всего знания о нем. Я просто смотрю на воду и на медленно плывущую лодку по ее поверхности.

"Я никогда не был на лодке", говорю я.

"Это отстой, но, пожалуйста, не борись за то, чтобы это стало одним из твоих первых."

"Ты собираешься подъехать на лошади и остановить меня, как один из тех ковбоев, которых ты придумал?"

"Ии-ха", сухо говорит Орион. "Но серьезно, это твоя жизнь. Я эгоистично не хочу рисковать тем, чтобы смотреть, как ты тонешь. Мне плевать на то, что думает Отдел Смерти, но нет никакого способа, как я бы выжил в этом."

Точно так же, как мне хотелось бы отправиться в космическое путешествие, было бы здорово сесть на лодку и переплыть реку, испытать то, чего я раньше не делал. Но Орион прав. Утопиться звучит более ужасно, и я не хочу проверять эту теорию. Мне бы тоже не хотелось, чтобы кто-то это видел. Это было бы слишком страшно.

Сложно жить, когда кажется, что смерть подстерегает на каждом шагу.

"Мне придется провести оставшееся время, наблюдая за жизнью с дистанции, не так ли?"

"Нет, ты будешь жить ближе", говорит Орион.

"Как?"

"Сделав максимум из того, что мы можем делать. Если ты не умрешь счастливо, значит, я тебя подвел."

"Тяжелая задача."

"Игра началась."

Я наполовину ожидаю, что мы потрясем руками по этому поводу. Вместо этого мы смотрим на эту лодку, пока она не скроется за зданием; надеюсь, что у нее будет безопасное путешествие. Орион отходит, чтобы прицелиться камерой на меня.

"Тебя тоже следует сфотографировать", говорю я. "Ведь это тоже для тебя первый раз."

"Нет, твой День Смерти - это про тебя. Я уже сделал его слишком моим делом с сердечным приступом и ситуацией с донорством."

"Этот День Смерти закончился бы давно, не будь ты. Ты часть моего пути."

Орион вздыхает, побежденный. Он подходит под мою открытую руку, и мы прижимаемся друг к другу, головы наклонены друг к другу. Выбрать правильный угол достаточно сложно без зеркала телефона.

"Как черт возьми люди делали селфи до телефонов?" - спрашивает Орион.

"Случайность. Мне также так ненавидится слово 'селфи'. Ты думаешь, что оно скоро умрет?"

"Надеюсь. Это слово, пережившее тебя, огорчает чертовски."

"Согласен."

Чем дольше мы пытаемся разобраться, как сделать селфи на камере, тем дольше мы прижимаемся друг к другу. Это меня вовсе не беспокоит.

"Я попробую", говорит Орион. "Если что-то не получится, так не получится."

Он начинает обратный отсчет с трех, и вместо того чтобы смотреть на камеру, я улыбаюсь Ориону и думаю о том, какие замечательные моменты мы можем разделить, находясь в тепле моей студии. Но когда кто-то будет смотреть этот альбом с фотографиями, все, что он увидит, это Декера, День Смерти которого был бы хуже без этого нового друга, который заставил его взять свою жизнь в свои руки.

Капитан Гарри Э. Пирсон

Капитан Гарри Э. Пирсон

08:05 (по местному времени)

Что-то идет совершенно не так.

Самолет капитана Пирсона был опустошен от всех пассажиров, так почему ему всё равно кажется, что угроза не ушла? Есть ощущение узла в его груди, который стягивался всё сильнее и сильнее с тех пор, как сработал вызов от Отдела Смерти. Это серьезный случай тревожности? Он испытывал сильное потоотделение, но кто бы не испытал? Это напряженно знать, что на борту было почти триста человек, которые могли задумать захват самолета. Может быть, ему станет легче после немного свежего воздуха.

Но когда он открывает дверь кабины и выходит в основное отделение самолета, где полицейские ждут, чтобы безопасно проводить его в отдельную комнату в аэропорту, капитан Пирсон рушится на пол.

Это его первый сердечный приступ.

И последний.

Орион

Орион

11:06

Этот День Конца не обо мне, но я чувствую себя счастливым, что мне выпала возможность быть рядом в этом путешествии.

Когда я впервые встретил Валентино, я знал, что хочу быть частью его жизни. Да, мой член тоже принимал участие в разговоре, потому что он красив, но это было всегда больше, чем это. У него были звезды в глазах, и он хотел вырасти в этом городе. Ему никогда не удастся все это сделать, но я рад, что он переживает много первых раз.

Наши следующие первые разы: поездка на автобусе, так как лодка слишком опасна. Или, по крайней мере, это был бы наш следующий первый, если бы она когда-нибудь пришла. Я проверяю время на своем телефоне, чтобы посмотреть, сколько времени мы уже ждем, когда понимаю что-то историческое в мире меня и Валентино.

"Эй, прошло около двенадцати часов с тех пор, как мы встретились", говорю я.

Как бы мне хотелось знать точную минуту.

"В самом деле?" - спрашивает Валентино. "Чувствуется..."

"Чувствуется как что?"

"Я собирался сказать, что это чувствуется как будто это было вчера."

"Вероятно, потому что это и было вчера."

"Вот почему я перестал говорить."

"Нет, никогда не переставай говорить. У тебя хороший голос, и мне нравится то, что ты говоришь."

Я попытался скрыть этот комплимент о его голосе, который я хочу слушать весь день и которого мне будет не хватать, но у меня не очень хорошо это получилось. Я чувствую все эти чувства, и я знаю, что не

должен, потому что это не имеет смысла, но они все равно борются чтобы выйти. Мне бы стоило написать рассказ о больном от любви зомби, выползающем из могилы, желающем держать в руках сердце, а не есть его. О, подожди, зомби больше стремятся к мозгам, а не к сердцам, хотя, думаю, они могут съесть что-то из тела, что свежее. Черт знает, я такой же зомби-диетолог, как и историк.

"Тебе нравится то, что я говорю?" - спрашивает Валентино. "Что еще бы ты хотел услышать от меня своим хорошим голосом?"

"Не будь придурком."

"Не будь придурком", он повторяет с улыбкой.

"Если автобус когда-нибудь придет, я толкну тебя под него."

Валентино сдается. "Шучу. Что ты хочешь знать?"

"Ну, много. Я помню, думал, что мне нравится твое имя."

"Мое имя? Мое имя ничто по сравнению с Орионом."

"Нет, я люблю твое имя. У тебя много возможностей для прозвищ. У меня есть О, вот и все. О, на самом деле, в школе меня еще называли 'Орео'. Ненавидел это."

"Это плохо, но по крайней мере, тебе не приходилось иметь дело с 'Днем Валентина' каждый День Святого Валентина. Мне приходилось выпрашивать своих друзей чтобы они пригласили своих влюбленных, как будто я был Купидоном."

"Извини, Купидон."

"Ничего страшного, Орео."

Автобус наконец подъехал, и я не толкнул Валентино под него. Вместо этого я сфотографировал его, когда он оплатил проезд - водитель был как чертовски смущен, почему это стоит документировать - и еще одну, когда он выбрал одно из нескольких доступных мест посередине. У нас нет определенного пункта назначения, но мы решили, что было бы забавно для него посмотреть на достопримечательности. Возможно, что-то выкрикнуть, если это его заинтересует. Кроме того, мы можем отдохнуть от солнца и насладиться кондиционером.

"Расскажи мне о Валентино, Валентино. Как возникло это имя?"

Он смотрит в окно. "Я никогда не рассказывал другим детям в школе, но моя мама родилась в День Святого Валентина. Она выросла, любя этот праздник, потому что ей всегда показывали любовь в этот день, будь у нее валентин или нет. Затем мой отец предложил ей руку и сердце в День Святого Валентина, как оригинальный мыслитель, который он есть. Моя мать хотела, чтобы у нас были имена, связанные с этим днем. Мое имя очевидно, и Скарлет, потому что это цвет сердец."

"Ужасно, ужасно, ужасно. Это ужасная история происхождения."

"Могло быть и хуже. Скарлет почти назвали Валентина."

"Валентино и Валентина... это какая-то психическая хрень. Это почти так же плохо, как если бы они были гомофобами. Я уверен, что ваш дом был адом в День Святого Валентина."

"Конечно. Знаешь, насколько интенсивны некоторые люди в отношении Рождества? У каждой двери были гирлянды, и было слишком много мисок с конфетами в виде сердец по всему дому."

"Те, что на вкус как мел?"

"В точности такие же."

Невероятно, что такое красивое имя, как его, имеет такую мрачную историю.

"Подожди... Когда у тебя день рождения?"

Валентино качает головой. "Не хочу говорить."

"Только не говори что в этот чертов День Святого Валентина."

"Нет. Одиннадцатое ноября."

"Что плохого в... Я вздрагиваю как во время математических вычислений. Ноябрь через девять месяцев после февраля. "О, они —"

Валентино хлопает рукой по моему рту. "Не говори."

Не суть, но мне на ноль процентов не жаль, что мои губы прижаты к его ладони. Это просто как тогда, когда мы прятались от тех мужчин в масках с битами, только на этот раз ставки не так высоки. Когда он убирает свою руку, меня так ошеломило открытие того, что его родители зачали его и Скарлетт в День Святого Валентина, что я даже не могу ничего сказать. Я

позволяю своему лицу говорить за меня.

"Ужасно", говорит Валентино. "Спасибо за то, что в мой День Конца ты воскресил эту травму."

Несколько пассажиров в автобусе оборачиваются к нему, глядя на Валентино, как на инопланетянина.

"Мне жаль это слышать", говорит женщина, чуть плотнее держа своего ребенка.

"Спасибо", говорит Валентино, как будто кто-то только что благословил его после чихания.

Я не уверен, каков этикет, когда кто-то говорит "прости", узнав, что ты умираешь. Может пройти минута, прежде чем общество найдет что-то, что будет казаться правильным.

Валентино поворачивается ко мне. "Как ты получил свое имя? Не стесняйся быть плохим в истории снова, если это также связано с твоим зачатием."

Я ударяю его локтем в бок за подкалывание меня снова из-за исторической индустрии.

"Итак, имя моей мамы - Магдалена, и ее мать думала, что было бы мило, если меня называли Иисусом. Будто бы я был первым испанским католиком с таким именем. На самом деле, я буду брать Орео каждый день, если это означает, что меня не просят превращать воду в вино или каждый ужин называть Последней Вечерей только потому, что я там. Благословите моих родителей, они не пытались подставить меня под провал. Затем я почти был Эрнесто младший, но мой отец тоже не считал это справедливым."

"Почему бы и нет? Мог бы твой отец воскресить себя?" Валентино спрашивает.

"О, конечно. Он живет своей лучшей жизнью на родине в Пуэрто-Рико. Мы звоним друг другу по выходным. В любом случае, мои родители хотели что-то, что не имело бы никаких связей ни с Библией, ни с кем-то из нашей семьи. Некоторое время во главе шло имя Ахиллес."

"Твое сердце могло бы быть твоей пяткой!"

"Черт, это здорово! Я даже не подумал об этом."

Гордая улыбка Валентино заставляет меня захотеть дать ему миллион баксов. Я имею в виду, у меня нет миллиона баксов. У меня едва хватает тысячи баксов, и это только потому, что Даяна была очень щедра на мой восемнадцатый день рождения. Дело в том, что я не богат, но так же, как я чувствовал себя двенадцать часов назад, я хочу полностью вложиться в этого парня. Даже если это означает, что деньги останутся неизрасходованными после его смерти; по крайней мере, он будет знать, сколько он стоил для меня.

"Когда они выбрали Орион в качестве имени?" спрашивает Валентино.

"Моя мама начала изучать созвездия, и как только она увидела Ориона, она не изменила своего решения. Даже когда мой отец поднял вопрос о том, что мое имя означает 'житель горы'. Ей было наплевать. Все не обязано иметь смысл. Иногда что-то, что было красивым, просто было красивым."

"Жаль, что твоя мама не могла сказать это моей маме."

"Опять же, я ненавижу происхождение, но обожаю твое имя."

"Ты не считаешь, что Валентино Принц слишком обаятельно?"

«Я рассмеялся. "О боже, я забыл о твоей фамилии! Да, нет, это слишком."

"Я бы перестал быть Принцем, если бы мог."

Женщина, которая выразила свои соболезнования, по-прежнему подслушивает наш разговор, по-видимому, потому что она выглядит смущенной. То же самое касается ее дочери, которая спрашивает у матери, почему у Валентино нет короны, если он принц.

Я говорю тихо, чтобы нам было максимально удобно на общественном транспорте. "Ты больше не задумывался о том, чтобы позвонить им?"

"И да и нет", - говорит он. Это не тот случай, когда он обязательно получит шанс сделать это позже, если он склоняется к этому. "Во мне есть часть, которая хочет, чтобы я мог видеть, как они почувствуют себя плохо из-за того, как они обошлись со мной. Но что, если они этого не сделают? Тот факт, что я не знаю, будет ли моя собственная мать и отец оплакивать меня, показывает, какая запутанная эта связь. Я хотел бы иметь родителей, как твои."

"Я тоже."

Мне не упустили из виду, как мне повезло с моей мамой и папой. У меня не было шанса признаться им, что я гей, но зная, что они поддерживали бы мое счастье, помогает мне спать по ночам. Они никогда бы не выгнали меня из города, как родители Валентино.

"У них есть где-то памятник?" спрашивает он.

Мое сердце сжимается. "Да, у них технически есть надгробия на кладбище, но я знаю, что они не там. У нас, очевидно, нет их...". Я не могу себя заставить сказать, что у нас не было ничего, что можно было бы похоронить. "У нас нет ничего из них."

"Ты когда-нибудь посещаешь это место? Где все произошло?"

"Нет. Я всегда думаю, что это может быть исцеляющим, но мне также страшно, что я этого не переживу."

"Отдел Смерти думает, что ты переживешь", - говорит Валентино, и потом он берет меня за руку. "И я тоже".

Я пытаюсь не придавать значение держанию рук в руках - множество людей держатся за руки! Даяна держит руки Далмы и Далии, и они семья. Моя мама тоже держала бы меня за руку, даже когда я становился бы все старше - мой папа не так много, и это меня устраивает, - хотя сейчас я жалею о каждый раз, когда отмахивался от мамы, потому что мне казалось, что восьмилетка слишком взрослый держать мамину руку. Это было глупо. Как и сравнивать всех этих людей с Валентино, который смотрит на меня своими голубыми глазами так, что выделяет его.

"Если хочешь поехать на место", - говорит Валентино, - "я с удовольствием поеду с тобой."

"Опять же, это твой День конца."

Он поднимает мою руку, сжимая, когда прижимает ее к своей груди, а потом к своей. "Мы в этом вместе, Орион. Я хочу помочь исцелить твое сердце любым возможным способом. Но только если ты готов."

Я думаю, что мог бы быть столетним и не быть готовым встать на Ground Zero, где погибли мои родители и тысячи других. Но ждать, пока наступит твой последний день, чтобы начать жить, означает, что у тебя не будет времени сделать все. Твоя жизнь будет разделена на первые разы и последние разы и никогда.

Я не хочу умереть, и не встать там, где стояли мои родители в последний раз.

Я собираюсь сделать это первым.

Клинт Суарез

Клинт Суарез

11:12

Отдел Смерти позвонил Клинту Суарезу прошлой ночью, чтобы сказать, что он умрет сегодня, или, более точно, что человек, сидящий напротив Клинта в его любимом кафе, сообщил ему, что его жизнь закончена. И точно так же, как и прошлой ночью, его оператор Роландо Рубио слушает историю жизни Клинта.

Это длинная история.

Когда Клинт был маленьким мальчиком, лет одиннадцать, если память его не подводит, он впервые сел на борт самолета вместе с матерью. Он не мог поверить, как быстро самолет разгоняется по взлетной полосе. Это была невероятная скорость, которую он видел только в относительно новых комиксах о Супермене. Клинту очень хотелось отправиться в Соединенные Штаты, он тогда еще не до конца понимал, что они уезжают из Аргентины, чтобы убежать от его отца. По мере того как Клинт становился старше, его добрая мама помогала ему лучше понять, почему им пришлось оставить позади его чудовищного отца; если бы Клинт вернулся домой, он был бы уверен, что придет на могилу своего отца и будет танцевать на ней.

История, похоже, затрагивает струну в сердце Роландо.

"Что наконец заставило ее уйти?" спрашивает он.

"Она не доверяла ему мое воспитанию... на случай, если со мной что-то случится."

"Ты имеешь в виду, если твой отец сделает с тобой то же самое?"

Через все эти десятилетия, и по-прежнему, Клинт негодует по поводу всего, что пришлось пережить его замечательной матери. Он берет салфетку и вытирает слезы.

"Есть женщина, которую я люблю", говорит Роландо.

"Она тебя любит?"

"Она замужем."

"Я не об этом спрашивал."

Роландо делает глоток кофе. "Я надеюсь, что да. Мне кажется, что да. Но она не покинет своего жестокого мужа из-за их сына. Мне бы хотелось, чтобы у Глории было хоть какое-то здоровое мышление, как у твоей матери. Мне страшно за нее, я боюсь, что ее муж когда-нибудь убьет ее."

"Ты говорил ей об этом?"

"Мне казалось, что это не мое дело."

"Когда ты ей это скажешь? На ее похоронах?"

Глаза Роландо наполняются слезами.

Клинт думает снова о том перелете на самолете. "Думаю, пришло время для вас уйти, мой друг."

"Я что-то сказал неправильное?"

"Речь идет о том, чтобы сказать что-то правильное тому, кто больше всего важен. Пока вы можете."

Роландо пытается заплатить, но Клинт жестом отмахивает его.

"Я заплачу", говорит Клинт, махнув рукой что бы Роландо убрал свои деньги. Клинт заработал много денег и инвестировал их во многие места, включая танцевальный клуб."Иди помоги Глории."

"Вы уверены, что я не могу что-то еще сделать для вас?"

"Будь хорошим образцом для необычайного сына Глории. Покажи ему, каким должен быть отец."

Сам Клинт никогда не имел детей. Это история для другого человека.

"Удачи вам в остальной части дня, Клинт. Мне жаль, что мы потеряем вас."

"Надеюсь, у вас будет долгая жизнь, Роландо."

Двое обнимаются, и Роландо бежит на улицу, стоя на улице у окна, когда делает телефонный звонок.

За все годы наблюдения за людьми это самое глубокое соединение, которое он когда-либо чувствовал с кем-то.

Это показывает, что даже на пути к уходу всегда есть время пустить людей в свою жизнь.

Глория Дарио

Глория Дарио

11:22

Глория всегда хочет только лучшего для своего сына — так было всегда, и так будет всегда. Но иногда ей беспокойно из-за карьеры, которую выбрал Пазито. С давних пор слышны ужасные истории о детских актерах с ярким будущим, которые становятся несчастными взрослыми, и о многих способах, которыми они пытаются зарыть свое несчастье.

Когда Пазито получил свою первую роль Ларкина Кано в последнем фильме Скорпиуса Хоторна, она не беспокоилась о том, что ее сын потеряет свое детство, так как Пазито снимался только во флешбеке как юный Гауи Мальдонадо. Несмотря на то, что Гауи играет жестокого соперника Скорпиуса Хоторна, он был очень добр к ней и Пазито на съемочной площадке, и учитывая, что он вырос на глазах у публики, это дало Глории надежду, что и Пазито будет хорошим. Тем не менее, несколько раз появлялись возможности для Пазито сыграть роль постоянного персонажа в ситкомах, и хотя Глория никогда бы не признала это вслух, ей было полегче, когда ее сын не получал эти роли, хотя это разбивало ей сердце сообщить о такой новости.

Так ли плохо желать, чтобы ребенок оставался ребенком как можно дольше?

Глория не хочет знать ответ.

Она не может не думать об этом вопросе, не вспоминая многочисленные разы, когда она подвергла своего сына ужасам в их доме.

Ни одному ребенку не следует расти, наблюдая за тем, как родители ссорятся.

Хорошо, ссора ли это, если один из родителей никогда не отвечает ударами в ответ?

Нет, это не ссора. Это нападение.

Глория держит себя в руках, не желая плакать перед другими взрослыми и детьми в зале ожидания. Когда она не рядом с Фрэнки, она пытается не думать о нем. Расстояние означает, что он не может ей навредить. Это означает, что она может подавить этот страх в себе.

Самое большое спокойствие, которое она ощущала с тех пор, как вошла в эти отношения, это когда она поехала в Бразилию с Пазито на съемки фильма Скорпиуса Хоторна. Все были настолько приветливы. Актеры показали Пазито все комнаты в замке, даже те, в которые он бы не пошел, так как у него была всего одна сцена в библиотеке. Гауи дал Пазито много советов, поддержки и похвалы. Команда уделяла внимание диетическим потребностям Пазито. И Пазито был удивлен, когда автор оригинальной серии, Поппи Иглесиас, квир-транс женщина, появилась в его последний день съемок с подписанной копией первой книги, именно той книги, которую Глория считает ключевой для помощи Пазито лучше понять себя, даже если он еще не высказал это словами. Наблюдая, как ее сына любят, Глория проглатывает это спокойствие, словно свежий глоток воды, питая свою душу. Ее очень манило остаться в Бразилии, но когда Пазито продолжал говорить о том, как он не может дождаться, чтобы показать своему отцу подписанную книгу и все фотографии с новыми друзьями в замке, Глория села на тот самолет вместе со своим сыном, не желая этого, но боясь полета домой.

Дверь открывается, и Пазито выходит вместе с сопровождающим, который кивает Глории, прежде чем проводить еще одного ребенка в комнату для прослушивания.

"Как ты себя чувствуешь?" спрашивает Глория.

Ей не нравится спрашивать Пазито, как он думает, что ему удалось на прослушивании, потому что если он считает, что он сделал все, что мог, и не получит роль, это приводило его в грусть ранее. Сосредоточившись на том, какую радость ему принесла работа, вместо того, чтобы оценивать свой успех, она избегала разочарования.

"Мне было очень весело!"

"Хорошо. Ты поблагодарил их за их время?"

"Да! И они тоже меня поблагодарили!"

"Отличная работа. Ты хочешь пойти перекусить?"

"Хорошо."

Глория берет свою сумку, но прямо перед тем, как встать, ее телефон начинает вибрировать. Ей сразу становится не по себе, почти как будто ее сердце стискивают, но это не Фрэнки звонит ей домой. Это Роландо, и Глория снова начинает дышать.

"Привет?"

"Глория, привет. Как у вас дела?"

"У меня все хорошо, спасибо. Мы с Пазито только что закончили прослушивание."

"Он звезда."

Глория играет с волосами Пазито. "Он точно такой. Как у тебя дела?"

"День какой-то сложный," Роландо признается. Ей больно слышать тяжесть в его голосе. "Вы с Пазито собираетесь домой прямо сейчас?"

"На самом деле мы собираемся найти где-нибудь перекусить. Воспользуемся возможностью быть в городе."

"Не возражаешь, если я присоединюсь? Мне было бы очень хорошо увидеть вас."

Глория застывает. "Конечно не возражаю. Пазито было бы очень интересно увидеть тебя."

Роландо молчит настолько долго, что Глория задается вопросом, не сказала ли она что-то не так. Прежде чем она может спросить, Роландо говорит: "Ты знаешь, где бы вы хотели поесть?"

"Думаю, мы собираемся в Макдональдс или Бургер Кинг."

"А как насчет того, чтобы перекусить в Дезидерате?"

Это ресторан, где Роландо впервые сказал Глории, что любит ее, когда они были студентами в колледже. Глория знает, что ей следовало бы считать это неуместным или даже безвредным, потому что Роландо знает, что она замужем - он был свидетелем на ее свадьбе, ведь у Фрэнки было мало друзей, и Роландо также знает, что она мать, которая никогда бы не разбила свою семью.

Даже если она хочет идти за своим сердцем куда-то еще.

Но что, если она сделает это?

Что, если вместо того чтобы ждать и следовать за своим сердцем, она его и унесет туда, куда хочет?

Глория говорит Роландо: "Дезидерата звучит замечательно." И прежде чем она повесит трубку, она добавляет: "Мне было бы очень хотелось тебя увидеть тоже."

Орион

Орион

11:33

Я направляюсь к Ground Zero.

Я отправляю сообщение Далме, и она сразу же звонит. Это меня не удивляет. Я всегда представлял, что мой первый визит на это место будет с Командой Янг, особенно с Далмой, которая тоже знает боль потери родителя. Думаю, она тоже так представляла.

"Привет", - говорю в телефон, сигнализируя Валентино, что я беру звонок пока мы идем вверх по улице. Я слежу за ним, когда он прислоняется к стене, на всякий случай, если возникнут какие-либо проблемы.

"Бау", - говорит Далма. "Это действительно происходит?"

"Думаю, да... Мы в квартале отсюда. Я мог бы развернуться, но думаю, мне не хочется."

Затем тишина, но мы все еще на связи. Мне даже нравится, что это обычный звонок, а не видеозвонок, потому что мне было бы неприятно видеть лицо Далмы, если она чувствует себя преданной. У меня даже есть ощущение вины, будто я ей изменяю. Я просто должен принять это. "Я бы хотел, чтобы ты была здесь. Все происходит так быстро, и я пытаюсь плыть по течению, как и пытаюсь подталкивать Валентино."

"Все нормально, О-Бро. Ты же знаешь, что я всегда готова бросить все ради тебя, верно?"

"Без сомнений."

"Тогда мне все равно. Позже расскажи, почему ты передумал?"

"Я включу каждое 'э-э' и 'эмм' и 'ой', и мои другие 'Орионизмы'."

Легкий смех, а затем вздох. "Как вы оба себя чувствуете?"

Валентино прижат к стене, как будто на краю крыши.

"Не идеальный день, но мы пытаемся", - говорю. Мне не нужно вдаваться

в подробности о близких смертельных опасностях или отмененной фотосессии. Я оставлю это для повествования позднее, когда... когда день закончится. "Далма, у него очень доброе сердце."

"Ему лучше быть. Он совместим для тебя."

"Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать."

"Ты там осторожен?"

"В некотором роде. Мы гуляем, и я не позволяю ему садиться на лодки и так далее, но это его жизнь."

"Это хорошо, но я не об этом. Я спрашивала, осторожен ли ты с тем, как глубоко ты привязываешься к нему."

"Да, я надел презерватив на свое сердце, не беспокойся."

"Я серьезно, Орион."

Я не отрываю глаз от Валентино, хочу поцеловать его сильнее всего. Сдерживание своих чувств, как погружение в зыбучие пески; чем глубже и глубже я погружаюсь, тем отчаяннее я пытаюсь дышать. "И я серьезно. Мне становится все сложнее и сложнее делать вид, что он мне не нравится. Каждая минута, проходящая, я забочусь о нем больше."

"Думаешь, это дополнительная функция из-за его Дня Конца?"

"Я чувствовал эти чувства до того, как я узнал, что он Декер. Мое сердце знает, что происходит."

"Тогда тебе лучше вернуться к нему", - говорит Далма, и она имеет в виду это. "Передавай ему мои приветы?"

"Обязательно. Я люблю тебя, Д."

"Я тоже тебя люблю, О."

Мы бросаем трубку, и я чувствую себя более спокойно, как будто у меня одна рука меньше, сжимающая мое сердце, когда я готовлюсь отправиться к Ground Zero.

Я возвращаюсь к Валентино. "Далма передает привет."

"Скажи ей, что я передаю привет тоже, когда в следующий раз будешь разговаривать с ней. Она в порядке?"

"Все хорошо." Я смотрю вниз по улице, зная, что когда мы свернем за угол, все то, что я избегал много лет, будет в поле зрения. "Ты все еще хочешь это сделать? Я абсолютно не обижусь, если ты хочешь пойти куда-то еще."

"Я все еще готов. Ты?"

"Я готов", - говорю я.

Половина лжи, половина правды. Я делаю первый шаг, самый важный. Остальные следуют за ним. Я не оборачиваюсь в последнюю секунду. Я продолжаю двигаться вперед в этот странный холодный призрачный город. Это должен быть город, который никогда не спит, но почти полдень, и тихо и темно, солнце закрыто высокими небоскребами. Мне сразу приходит в голову написать историю о мальчике, который идет следом за звуками шагов, оставленными невидимыми духами, и когда они выходят на солнечный свет, они становятся видимыми, и это его родители, давая ему возможность, наконец, попрощаться. У меня есть маленькая, глупая зависть к этому вымышленному ребенку, который получает завершение.

Чем глубже я иду во тьму, тем страннее оно становится.

"Мне начинает казаться, что тебе не стоило бы быть здесь", - говорю я.

"Я никуда не уйду", - говорит Валентино.

Если он умрет здесь, то я не только больше никогда не вернусь на это место, но и сразу уеду из этого города.

Еще через минуту начинает казаться, что это место менее похоже на кладбище, но все равно тревожно. Это стройплощадка, где в последние несколько лет строят мемориал, и она тщательно охраняется. Здесь стоят стальные барьеры, голубые деревянные ограждения, цепные ограды, бетонные блоки и полицейские офицеры, стоящие рядом со своими служебными машинами. Никто не пройдет. Безопасность на высоте, как будто кто-то может снова атаковать во время строительства мемориала; это напоминает мне о строительстве песчаных замков на пляже, когда приходится рыть рвы, если вы не хотите, чтобы волны уничтожили все, что вы построили. Я даже не вижу ничего из того, что уже создано для мемориала, мне бы пришлось забраться на одну из этих строительных вышек, чтобы увидеть все сверху. Но я уже знаю, что там есть, и чего там

нет. Это дыра в мире, где когда-то стояли башни-близнецы, и я чувствую, что она засасывает меня, как водоворот.

Как родственник погибших, мне время от времени приходили обновления о том, как они планируют увековечить память жертв. Здесь будут два бассейна с водопадами, где стояли башни. Это Древо Выжившего, которое росло в этом районе, и, ну, имя вам подскажет, остальное. Несколько каменных монолитов, усыпанных сталью, извлеченной из развалин Всемирного Торгового Центра. И, конечно, надписи с именами всех, кто погиб, начиная от пассажиров самолетов и работников башен до спасателей и работников по уборке. Но я не смогу увидеть этого до следующей осени, к десятой годовщине; если я вообще доживу до тех пор.

Я играю с мыслью спросить у полицейского, есть ли где-нибудь, где мы могли бы увидеть, как идет стройка, но в этом районе все было слишком напряженно. Прошло почти девять лет, и то, что полиция все еще находится здесь, показывает, что город не шутит. Я слышал истории о жителях, которые даже не могли вернуться в свои собственные здания, потому что у них не было удостоверений личности с актуальными адресами. Я не хочу, чтобы меня выгнали отсюда или рисковать чем-то худшим, особенно с Декером рядом.

Что-то кажется не так.

Нет, не что-то.

Кто-то.

Этот кто-то - это я.

Я чувствую себя не на месте, как будто в моем сердце переключили переключатель.

"Я думал, что заплачу."

"Это из-за того, что я здесь? Я могу дать тебе немного личного пространства."

"Нет, я хочу, чтобы ты был здесь."

"Ладно. Тогда в чем дело?"

"Пустота Ground Zero напоминает мне похороны." Я продолжаю смотреть

на скрытый мемориал, ожидая почувствовать что-то. "Мне даже не хотелось устраивать похороны, потому что это означало признание того, что мои родители умерли, вместо того чтобы держаться за надежду на их обнаружение. Нет тела, нет доказательств. Вроде как если вы не видите, как персонаж умирает на странице или по телевизору, вы ждете, что этот поворот сюжета потрясет ваш разум. Я думал невероятные вещи, что моя мама и папа никогда не были в башнях того утра, а вместо этого приняли новые имена и жили счастливо где-то еще. И конечно, им пришлось оставить меня, чтобы меня защитить, как классические мертвые, но на самом деле нет родители."

Валентино пытается прочитать мои мысли. "Думать, что твои родители тебя бросили, на самом деле не успокоило тебя, верно?"

"Рассказывание себе эту историю помогло мне спать целую ночь впервые на тот момент." Я до сих пор помню, как проснулся утром, чувствуя себя таким отдохнувшим, что даже не смутился, проснувшись в гостевой комнате у Команды Янг. Я просто подумал, что это одна из наших многочисленных ночевок. Это была победа для всех в доме, так как я провел остальные ночи крича; бедная Далия должна была уехать остаться у своей бабушки, потому что она не могла спать. "Я дошел до того момента, когда перестал рассказывать эти истории, даже несмотря на то, что останки так и не были найдены."

Валентино уставился на стройплощадку. "Мне жаль это говорить, но, по-моему, твои родители умерли в этих башнях. Возможно, потому что я не рассказчик, как ты, но я не могу представить, что они живы и до сих пор не вернулись к тебе. Я знаю тебя всего лишь двенадцать часов, и я не смог бы бросить тебя даже в этом темном, холодном уголке города, который тщательно охраняется. Ты слишком особенный, Орион."

Парень пытается разорвать мое сердце. "Ты говоришь это только потому, что не хочешь, чтобы меня преследовали мои родители."

"Могут ли призраки преследовать другие призраки?"

Для того чтобы забыть, что он умирает, достаточно всего одной секунды - одной невероятно длинной секунды.

"Я не знаю, но если вы все встретитесь, скажи им, что я их люблю."

"Конечно. Я подчеркну, что ты стал великим человеком... который не

слишком хорошо разбирается в истории."

"Они уже это знают."

"Придется найти что-то другое, чтобы поделиться."

Ладно, это звучит как флирт, но какая бы идея у него ни бродила в голове, я не хочу, чтобы он обсуждал это с моей мамой и папой.

Я вытаскиваю камеру из кармана своего пальто и фотографирую Валентино.

"Зачем это было?" спрашивает он.

"Ты первый парень, которого я привел, чтобы познакомить с родителями."

У Валентино краснеют щеки, это точно не солнце. "Надеюсь, я не последний, Орион."

Почему переход к новому этапу вызывает такую грусть?

Он не мой парень, и мы не влюблены.

Он умрет сегодня, и я буду жить.

Все это дает ответ на мой вопрос.

У нас не будет шанса стать парнями, которые влюбятся.

Его путешествие заканчивается здесь, и я продолжу двигаться, пока смогу.

Жить в этот момент не кажется таким радостным.

Валентино берет камеру из моих рук. "Давай сделаем фотографию, на которой ты навещаешь своих родителей."

Я не против. Это воспоминание, которое я смогу поделиться с Далмой и Янгами.

Я поворачиваюсь к стройплощадке и смотрю, думая о том, как двенадцать часов назад я был с Валентино на Таймс-сквер, рассказывая ему о своей связи с 11 сентября, и теперь я здесь впервые с тех пор, как изменилась моя жизнь.

В голове я восстанавливаю башни, уровень за уровнем, окно за окном, и когда заканчиваю, я наблюдаю, как самолеты, врезавшиеся в здания, летят

над головой, и мои родители выходят из передней двери, вместе со всеми остальными душами, которые погибли, и уходят домой.

Так этот день и должен был закончиться.

К сожалению, мои воспоминания сильнее, чем моя фантазия.

Многие не вернулись домой.

Самолеты не остались в небе.

Башни рухнули.

Затем началась моя жизнь распадающаяся на части. Бессонные ночи. Крики. Подскакивание при каждом звонке в дверь, думая, что это мои родители, покрытые пеплом. Истории, которые я рассказывал себе. Пропуск школы. Похороны с пустыми гробами и прощальная речь, которую я никогда не произнес. Чистая злость. Документы о опеке. Прощание с моим первым домом. Начало сначала в браунстоуне. Чистая грусть. Сдача образцов ДНК для проверки на совпадение с обнаруженными останками. Мечты о том, куда бы хотели, чтобы развеяли их прах. Думая, что могу хранить их прах рядом со мной навсегда, даже если бы нашлась хоть одна частица. Слишком много слов поддержки, когда я вернулся в школу. Вина, когда я впервые засмеялся. Совершенно потерял и пытаюсь найти себя в историях. Стыд за тоску. Сожаление за то, что не сделал каминг аут. Не пошел на Международный день поминовения через год или год за годом.

Сейчас я здесь, живой — не всегда в порядке, но живой.

Я продолжу стоять крепко ради своих родителей и жить такой жизнью, которую они бы полюбили наблюдать за мной.

Скарлетт Принц

Скарлетт Принц

08:59 (по местному времени)

Пилот скончался от сердечного приступа, и если бы не Отдел Смерти, возможно, он бы забрал с собой вниз весь самолет. Это второй по счету близкий опыт смерти Скарлетт этим летом, и хотя она сочувствует семье пилота, прежде всего, она беспокоится о своей собственной семье. Кажется, что её сердце разрывается, потому что, если Отдел Смерти был прав о пилоте, то, возможно, это означает, что они будут правы и относительно её брата. Независимо от исхода, ей было крайне важно связаться с Валентино. Об этом она рассказала следователям и офицерам, которые передали новости о пилоте всем пассажирам и, к счастью, отпустили её первой, чтобы она могла выйти вперёд.

Скарлетт подходит к прилавку обслуживания клиентов, задыхаясь от дыхания.

"Мне нужен следующий рейс в Нью-Йорк. Отдел Смерти позвонил моему брату".

Валентино

Валентино

12:00

В один драгоценный момент твоя жизнь может измениться.

Ты можешь стать не единственным ребенком, а братом-близнецом. Ты можешь начать бегать и больше никогда не останавливаться. Ты можешь найти свое увлечение. Ты можешь снова стать единственным ребенком. Ты можешь выйти из шкафа. Ты можешь получить работу своей мечты. Ты можешь переехать в новый город. Ты можешь встретить парня. Ты можешь сказать прощай своему будущему, когда звонит Отдел Смерти.

Прошло двенадцать часов с тех пор, как я стал первым Декером.

Нет сомнения, что я дожил до этого времени только благодаря Ориону. Все началось с того, что он спас мне жизнь, и это превратилось в то, как он изменил способ, которым я её живу.

"Что дальше?" спрашивает Орион, позади нас блоки мемориала Всемирного торгового центра.

"Почему бы нам не спросить у Отдела Смерти?"

Кажется, они знают всё. Сам Хоакин Роса предложил мне заглянуть на их сайт, чтобы узнать о событиях, которые происходят сегодня. Я захожу на *death-cast.com* и выбираю Нью-Йорк во вкладке городов, и передо мной появляется множество вариантов на день. Есть парк развлечений в Кони Айленде, но это бы означало много времени в метро. Список ресторанов, которые мне хотелось бы посетить, но я всё ещё не могу рисковать, что пересадка сердца пойдет не так из-за того, что я захотел поест хорошей итальянской еды.

"Вот, черт, бродвейское шоу?" спрашивает Орион, глядя через моё плечо.

"Я не могу определить, что именно, но почему-то не интересно возвращаться на Таймс Сквер."

"Хмм. Да, я задаюсь вопросом, может ли это иметь что-то общее с парнем,

который достал пистолет у тебя."

"Скорее всего, причина в том, что там было действительно многолюдно."

"Это точно. Есть что-нибудь ещё, что бросается тебе в глаза?"

"Не особо." Я закрываю сайт, и когда я передаю телефон Ориону, он начинает звонить. "Скарлетт."

"Возьми, возьми, возьми!"

Я прикладываю телефон к уху и отвечаю. "Привет."

"У меня есть билет!" кричит Скарлетт, тяжело дыша, звучит точно так же, как когда она присоединялась ко мне на пробежку и кричала мне замедлиться, когда мои мысли уносили меня дальше от неё.

"Правда?!" Моя улыбка говорит Ориону всё, что он должен знать. "На когда?"

"Они сейчас начинают посадку... У меня даже нет чемоданов!" Она пыхтит и извиняется перед людьми, пробегая мимо. "Звучит как... Декер был снят с самолета... авиакомпания видит это как риск..."

Надеюсь, что Декер не пытался вернуться домой, чтобы увидеть семью. Если они одни, надеюсь, что они найдут кого-то, кто поможет им сделать свой день особенным. Как я это сделал.

"Мне так и хочется их поддержать, но я благодарен, что всё равно увижу тебя."

"Тоже самое. Я здесь, сейчас буду проходить посадку. Я тебя люблю, Вал. Будь в безопасности, чтобы я могла скоро увидеть тебя."

"Я сохраню свою жизнь."

Мы разъединяемся. Я так рад, что начинаю дрожать. Я даже мог бы заплакать.

"Скарлетт в пути!" говорит Орион.

"Она на само деле в пути! Она только что начала посадку на самолет."

"Теперь нам просто нужно сохранить твою жизнь", говорит Орион, ухмыляясь.

Пятичасовой полет, и еще час на дорогу. Мне предстоит выжить еще пять

часов. Я не слишком хорошо разбираюсь в математике, поэтому не знаю вероятности увидеть Скарлетт с немного менее чем двенадцатью часами до завершения моего Дня Конца, но шансы кажутся хорошими. Я больше не чувствую усталости и голода, я отдохнул и удовлетворен. Я мог бы сейчас бежать, поднимая руки вверх, как будто прохожу через финишную ленту марафона, но сейчас не время раззадоривать сердце Ориона или рисковать упасть в люк.

"Что мы будем делать? Что насчет чего-то символичного? Может быть, Эмпайр Стейт Билдинг?"

Орион нахмуривается. "Я не хочу тебя тормозить, но я не особо хочу снова идти на супер высокие символические здания."

"Не говори ни слова."

"Я с радостью пойду с тобой, просто буду ждать внизу."

Я пытаюсь понять, как это будет работать в этом новом мире Отдела Смерти. Если Орион тот кто сегодня не умирает, меня не сопровождает на Эмпайр Стейт Билдинг, повышает ли это риск чего-то катастрофического, как нападение на Всемирный торговый центр? Или если бы он пошёл со мной, это бы сдерживало смерть? Я уверен, что мир получит ответ на этот вопрос однажды, но я умру, не получив его. Это не кажется большой потерей в общей картине, и то же самое относится и к Эмпайр Стейт Билдингу.

"Без проблем. Было бы классно почувствовать себя королем мира и кричать в небо снова, но я оставляю это на другую жизнь."

Он молчит, и мне жаль. Я не хочу, чтобы он о себе плохо думал, потому что он меня не тормозит. Он подталкивает меня вперед.

"Прости. Я просто пошутил."

"Ты чо, думал, что я такой чувствительный?" - говорит Орион с ухмылкой.
"Ало, я не такой нежинка."

Забавно, как хорошо я его знаю и как много еще нужно узнать. Одна из плюсов того, что Скарлетт еще не здесь, это то, что я могу провести больше времени с Орионом. Надеюсь, я смогу их познакомить друг с другом. Не только потому, что Орион будет нести мое сердце, но в надежде, что он сможет позаботиться о Скарлетт в Нью-Йорке, когда меня

не будет.

"О чем ты тогда думаешь?" - спрашиваю я.

"О следующих двух остановках в твоём Дне Конца. Первое место, где большинство жителей Нью-Йорка не были, и второе - символичное. Хочешь знать или хочешь удивиться?"

Выбираю удивление. Это будет приятный сюрприз.

Куда бы меня Орион ни вёз, это центр города и всего в нескольких минутах от уголка улицы, где Скарлетт позвонила с лучшей новостью. Лучшей новостью при моей ситуации, конечно. Мне начинает доходить, что даже если я сейчас свяжусь со своими родителями, им было бы практически невозможно увидеть меня лично в последний раз. Должен ли я чувствовать вину? Заслуживают ли они этот шанс? Что я им должен как сын, которого они воспитали? Затем, прежде чем я могу выразить все эти чувства, я вспоминаю мудрость Ориона с прошлой ночи. Я буду разговаривать с родителями, если мне есть что получить. Но я больше должен себе спокойствия, чем им должен что-либо.

Сегодня начинает казаться, что я прохожу через годы взросления в течение часов.

"Валентино, вернись на Землю!" - кричит Орион. "Мне нравятся твои глубокие размышления, но мне нужно быстро завязать тебе глаза."

"Почему?"

"Чтобы ты не смог избавиться от моих органов."

"Круто. Просто хотел знать."

Орион снимает свою толстовку — по сути, мою толстовку — и обворачивает ею мне голову. Его улыбка — последнее, что я вижу, прежде чем рукава завяжутся вокруг моих глаз. Толстовка плотно прилегает к моему лицу, и тьма оказывается спокойнее, чем я мог себе представить. Меня пронзает дрожь, когда Орион берет обе мои руки. Это вполне мог быть сюрпризом, и мне бы это понравилось. Он начинает вести меня к нашему месту назначения, и я хожу неуклюже, как в детстве, когда я надевал туфли на высоком каблуке мамы и боялся упасть и переломать лодыжку.

"Верь мне", — говорит Орион.

"Я верю".

"Мы сейчас войдем на станцию метро, но вывеска всё разоблачает".

"Вот почему и надеваем повязку".

"Мы должны быть очень осторожными, идя вниз по лестнице. Мы будем идти медленно, хорошо?"

"Хорошо".

На верхней площадке лестницы Орион кладет одну из моих рук на перила и продолжает держать другую. Он ведет меня, шаг за шагом, хотя первые несколько шагов самые нервные. Мои икры покалывают, и некоторое время проходит, прежде чем мои ноги находят ритм, как в танце. Общее впечатление похоже на американские горки, когда начинаешь с сожаления и сомнений, а затем отпускаешь это и наслаждаешься. Я выдыхаю глубоко, когда мы доходим до площадки, но оказывается, что это не единственный набор ступеней. Орион не отпускает мою руку, когда он достает из моего кармана мою метрокарту и пропускает меня, а затем делает то же самое со своей.

"Могу снять толстовку теперь?"

"Нет. Везде всё еще вывески".

Он ведет меня вниз по следующему набору ступеней, и я крепко держусь за его руку, всё более нервничая, что всё идет слишком хорошо, и мое желание быть удивленным может навредить ему и убить меня.

"Скоро будем?" — спрашиваю я.

"Скоро", — говорит Орион.

Начинается объявление, и Орион наклоняется к моему уху и бормочет чепуху, чтобы заглушить сообщение. Ощущение его дыхания на моем лице вызывает мурашки.

"Извини за это. Мы пришли так далеко, чтобы Оператор Поезда Номер Один не испортил финал".

"Ценю твою целеустремленность".

"У тебя есть iPod? Или я могу использовать песни, скачанные на моем

телефоне. Может быть, более раздражающие звуки?"

"Можешь просто поговорить со мной?"

"И что мне говорить?"

"Расскажи мне секрет".

Орион молчит, но на этот раз я не могу прочитать его лицо. Я только знаю, что он не ушел, потому что он все еще держит мою руку, хотя мы не двигаемся.

"Какого вида секрет?" — спрашивает он.

"Что-то личное. То, о чем ты бы даже вслух не признался."

"К сожалению, ты идеальный человек, чтобы рассказать секрет."

Любой секрет умрет вместе со мной. "Именно."

"Хорошо, но ты должен подождать, пока мы будем в поезде."

Мое вся тело словно вибрирует. Это из-за приближающегося поезда, ревущего в метро? Может я тайно оказался на путях? Или это чистое ожидание того, что Орион поделится со мной, надеясь, что это то, что я бы сказал, если бы он спросил меня?

Двери поезда открываются, и я успеваю услышать "последняя станция", прежде чем Орион громко напевает мне в ухо и ведет меня внутрь, прямо на свободное место. Мне уже даже не интересно, куда мы идем. Я хочу узнать, что он собирается рассказать о себе. Он перестает напевать, чтобы попросить меня наклонить голову вниз, и я складываюсь на колени, кружась в темноте. Я бы упал вперед, если бы не Орион, который держит руку на моей груди. И тут, как только проводник начинает анонсировать, какая будет следующая остановка, губы Ориона касаются моего уха.

"Мне страшно умереть и никогда не быть влюбленным".

Так тихо, что я слышу, как закрываются двери.

Поезд покидает станцию.

Орион развязывает толстовку, и свет беспокоит мои глаза, но не так сильно, как его признание, которое он не может поверить, что оно истинно.

"Я чувствую, что ты хочешь что-то сказать, но у нас мало времени".

"Мало времени на что?"

Орион жестами указывает на остальную часть вагона. На синих и оранжевых сиденьях никто не сидит, и никто не держится за поручни, играя на своих телефонах. Здесь пусто, кроме нас.

"Это редкость для Нью-Йорка?"

"Совсем нет, но мы идем куда-то, куда нам не следовало бы..."

Детские воспоминания о мысли о том, пойти ли в ад, всплывают. Не помогает то, что я один с другим геем. "Мне следует нервничать?"

"Тебе следует быть осторожным и не отпускать меня." Орион завязывает толстовку на пояс и отталкивает распашные двери, соединяющие один вагон с другим. "Мы собираемся пройти мимо секретной станции метро." Он выходит на металлический мост и держится за черную резиновую ручку одной рукой. Другую он протягивает ко мне.

Там есть знак, который гласит: "Проезд или передвижение между вагонами запрещено" с черной силуэтом между двумя вагонами поезда, стыдящимся за свои действия, находясь внутри красного стоп-знака. Но снизу написано: "если есть чрезвычайная ситуация или по указанию полиции или поездного экипажа", и я собираюсь объявить свой "День Смерти" чрезвычайной ситуацией.

Я беру руку Ориона, полушагаю на мост и крепко держусь за резиновую ручку. Звук скрипа колес здесь на десять раз громче, а ветер гонит назад мои волосы, как будто мы на крыше здания. Это захватывающе, но не так опасно, как прыжки с парашютом. Это впервые, но ни один из нас не настолько глуп, чтобы попытаться запечатлеть это на фотографии. Факт того, что мы это делаем вообще, уже довольно глуп. Но я не собираюсь умереть здесь, как какое-то самоисполняющееся предсказание из моего страха ранее о всех различных способах умереть.

Поезд немного замедляется, когда он поворачивает, выходя из темного тоннеля. Секретная станция освещается солнцем, проникающим через люк. Меня поразило, насколько эта станция отличается от той, в которой я был сегодня утром. Здесь чувствуется больше как "Гранд Централ", который я испытал только через фильмы, где персонажи прибывают в

Нью-Йорк в первый раз и делают тот классический поворот, который говорит: "Я добился этого!" Если бы мне не было так страшно упасть на рельсы, я, возможно, тоже бы сейчас повернулся. Это волшебство — познавать этот скрытый уголок Нью-Йорка, и я удивлен, что больше люди не рискуют своей жизнью и не нарушают закон, чтобы выйти на этот переход и увидеть это своими глазами. Знак на кирпичной стене гласит "СИТИ ХОЛЛ", и по высокому потолку пролегают зеленые и белые плитки. Самый удивительный элемент это буквальные люстры, которые выключены или не работают, но думать о том, что они когда-то освещали вокзал, как будто это была балльная комната? Потрясающе.

Когда мы возвращаемся во мрак, Орион в восторге выть, и я делаю то же самое, наши голоса разносятся по туннелю.

Мне хочется остаться здесь, но он мудро толкает меня обратно внутрь.

"Иии?" спрашивает Орион, щелкая пальцами вверх и вниз.

Я даже не знаю, что сказать. Это один из тех проходов, на который ты можешь наткнуться только если не выходишь из поезда, когда должен, и мне повезло испытать то, что большинству нью-йоркцев не удастся испытать за всю свою жизнь.

Я отвечаю на вопрос Ориона объятием. "Спасибо за то, что ты самый заботливый человек."

Орион сжимает меня. "Ты шутишь? Ты заслужил эту награду, когда предложил мне своё сердце."

Поезд подъезжает к станции, и я не хочу отпускать его. Мне все равно, если в вагон вольется тысячи людей. Это только приблизит нас друг к другу. Я хочу держаться за Ориона, потому что он под этим смешным впечатлением, что кто-то не полюбит его в том, во что я верю, что будет долгая, долгая жизнь после пересадки. Но я должен отпустить его, потому что Орион говорит: "Это наша остановка". Я выхожу и следую за ним вверх по лестнице и выхожу из станции с новой миссией перед тем, как умру.

Убедиться, что Орион знает, что он заслуживает мира.

Глория Дарио

Глория Дарио

12:15

Глория пытается дышать.

Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Почему такое чувство, что она на волосок от приступа астмы?

В ресторане немного душно. Она снимает свой легкий пиджак и укладывает его в уголке кабинки, где она сидит напротив Пазито. Её сын рассказывает ей об одной из книг, которую ему задали на летние каникулы, но Глория борется, чтобы сконцентрироваться, чтобы удержать взгляд от двери, где ожидается, что Роландо в любой момент войдет. Она задаётся вопросом, будет ли он нести букет подсолнухов, как он сделал в первый - и последний раз здесь, в Дезидерата, тот день, когда Роландо сказал Глории, что он глубоко влюблен в неё.

Тот день, когда Глория сожалеет, что не ответила тем же.

Правда в том, что Глория знала, что любит Роландо, но она была не так уверена, что влюблена в него. Эти грани могут быть размытыми, особенно когда ты молод и ещё не знаешь, что такое настоящая любовь - или не знаешь, каково это быть в отношениях, когда всё не так, как должно быть.

Даже брак.

Первые дни с Фрэнки были страстными, как если бы они парили над всеми остальными в их орбите, до того, как Глорию снова приводили на землю, ей не хватало этого гипнотического состояния. До такой степени, что она игнорировала предупреждающие сигналы в ветрах.

Кто бы мог подумать, что влюбленность может поднять вас в небеса?

Но у людей нет крыльев, и идя по жизни, вы остаетесь в ней.

Это близко, это личное, это настоящее.

Глория сожалеет о том, что она не удержала свои ноги на земле, особенно

после того, как часто она оказывалась брошенной на пол человеком, который когда-то поднимал её на невероятные высоты.

Вот она сейчас, сидит в ресторане, названном в честь её любимого стихотворения, написанного Максом Эрманном, будто он смотрел в её душу, когда он взял перо в руки. Дезидерата говорит о том, что ты нуждаешься в жизни, чего ты желаешь, и когда дверь открывается, и входит Роландо, Глория дышит, как если бы он был тем кислородом, который она так жаждала.

Это даже не имеет значения, что он не несет подсолнухи.

"Дядя Роландо!" Пазито выскользнул из кабинки и бросился к Роландо, чуть не столкнувшись с официантом.

"Привет, Паз-Мэн!" Роландо обнимает Пазито с любовью и нежностью, которой Фрэнки не обладает.

Глория думает - нет, она верит всем своим сердцем, что Роландо будет потрясающим отцом однажды. Её больше всего огорчает, что она не осознала этого, двадцать лет назад, когда он признался в своей любви к ней, но это нормально. Самое большое творение Глории - это Пазито, и она не изменила бы ни одного волоса на его голове или косточки в его теле, и это означает принятие некоторых из тех волос и костей, которые также принадлежат Фрэнки.

Она выходит из будки с улыбкой и объятием.

"Рад видеть тебя", - говорит Роландо, словно прошло несколько лет с четвертого июля, когда они в последний раз видели друг друга на барбекю в парке Альфея, в тот же день, когда он подал заявку на работу в Отдел Смерти.

"И я тебя", - говорит Глория. Несмотря на то, что ей хочется удержаться за Роландо как за последнюю надежду, она отпускает его и садится напротив него и Пазито. "Итак... тяжелый день?"

Уставные коричневые глаза Роландо, кажется, подтверждают это. "Я должен был знать, во что ввязываюсь с этой работой."

"Ты много плакал?" спрашивает Пазито. "Я думаю, я бы много плакал."

"Потому что у тебя большое сердце", - говорит ему Роландо. "Я буду честен, я не плакал."

"Значит, у тебя не большое сердце", - говорит Пазито.

Роландо хихикает. "Я хотел бы думать, что у меня оно есть, Паз-Мэн."

Глория на дыхание соглашается, прежде чем её сын задает следующий вопрос.

"Ты уже выяснил, как твои начальники узнают, кто умрет?"

"Нет, я не выяснил. На самом деле, я не смогу..."

"Я думаю, что у всех есть свое пророчество", - перебивает его Пазито. "И каким-то образом Отдел Смерти знает судьбы всех. Пророчества - большая часть книг Скорпиуса Готорна."

"Ты можешь быть прав, но я не смогу узнать большой секрет. Сегодня утром я уволился."

Глория наклоняется вперед. "Правда? Почему?"

Прежде чем он может ответить, подходит официант и спрашивает, готовы ли они уже что-то заказать. Глория все еще помнит, как долго ей и Роландо потребовалось время, чтобы сделать заказ в последний раз, обещая официантке, что вот сейчас закажут, но двое шутили и так смеялись, что боролись за следующее дыхание. Она скучает на жизнь с любовью, смехом и светом, когда она заказывает горячий чай и вафли с кленовым сиропом.

"Я просто возьму черный кофе", - говорит Роландо.

"Ничего не поешь?" - спрашивает Глория, прежде чем официант спросит это.

"Я только что пришел с . . . собрания, можно сказать. Я покушал немного там."

Собрание? Он обычно не бывает таким загадочным.

Глория хочет спросить с кем, но впервые за долгое время ответ пугает её.

Вдруг Роландо был на завтрак с кем-то? Кто та счастливица? Сможет ли Глория быть достаточно сильной, чтобы присутствовать на этой свадьбе? Сможет ли она удержаться от слёз, когда увидит его ребёнка?

Она сможет.

Глория - планировщик, и она планирует быть счастливой для своего лучшего друга.

Как только официант удаляется, Глория идет на встречу Роландо. "Ты правда уволился?"

"Это мне не подходит. Возможно, сейчас слишком тяжело об этом говорить", - говорит Роландо, глядя на Пазито. "Вы собираетесь идти домой после обеда? Может, пойдём в парк? Мы можем поговорить еще тогда."

"В парк!" - кричит Пазито, испугав посетителей в кабинке за ним.

"Кажется, мы идем в парк", - говорит Глория.

Она не сможет провести жизнь с Роландо, но они могут иметь этот день.

Орион

Орион

12:38

"Следующая остановка: Бруклинский мост", - объявляю я на манер поездного проводника.

Мост находится в нескольких минутах езды от вокзала, идеальное дополнение для тура Валентино. Однако он не кажется особенно взволнованным, даже слегка. Бруклинский мост - это символическая часть Нью-Йорка, где он может насладиться видами города; я могу даже указать ему место, где когда-то стояли Башни Близнецы. Но Валентино кажется... огорченным?

"Ты в порядке?" - спрашиваю я. "Обещаю, мост не рухнет под нами."

"Меня не беспокоит мост. Звучит хорошо."

"Хорошо, понял. Тогда что случилось?"

"Я думаю о твоём секрете."

"Секрете, который остается в секретной станции?"

"Я намекал, что не раскрою его. Я никогда не говорил, что мы не поговорим об этом."

Мы начинаем пересекать мост, первая минута из того, что может стать часовой прогулкой до Бруклина с Восточной рекой под нами. Это долгое время, чтобы раскопать эту глубокую боль от ощущения, что любовь находится в недостижимой дали, словно она зарыта в центре мира, и у меня нет лопаты. Но если Валентино хочет рыться в земле со мной, то я не могу возразить.

"Что ты хочешь узнать?" - спрашиваю я, снимая худи с пояса и надевая его снова, уютно облокотившись на него, как я был, завернутый в объятия Валентино в поезде.

"Почему ты думаешь, что никто не полюбит тебя до твоей смерти? Потому что ты ожидаешь, что умрешь молодым?"

"Это дико, но я могу дожить до ста лет, и все равно никогда не узнаю настоящей любви. Я имею ввиду, нормальной любви. Этот мир не создан для таких как мы, понимаешь?"

"Это не значит, что там нет кого-то для тебя."

Мне хочется закричать, что я думаю, что он - это Великая Любовь. "Месяц назад я вышел из шкафа, но это не значит, что у меня теперь вокруг дома толпятся парни".

"Возможно, это даже к лучшему".

"У меня было столько тайных влечений в старших классах, и я не был уверен, но некоторые из них, кажется, были в шкафу. Я уверен, что некоторые из них тоже были заинтересованы во мне, хотя никто из них после того, как я признался, не вышел со шкафа".

"Я уверен, кто-то хотел бы, Орион. Возможно, они еще не были готовы или продолжали разбираться в себе".

Есть миллион причин, почему кто-то не выходит из шкафа. То, что может показаться кому-то ничтожным, может быть вселенной для другого.

"Верно. Также есть ужасные родители", - говорю я, думая о Валентино.

"Возможно, их бы выгнали из дома. Мне повезло."

Не выгонять ребенка из дома из-за того, что он гей, не должно быть везением. Это должно быть ожиданием, когда вы приносите ребенка в этот мир. Если вы не можете сделать это, то идите к черту. Мне надоело играть в эту игру, где мы должны быть добрыми людьми к тем, кто ненавидит нас за то, кого мы любим. Именно они - причина того, что нам так тяжело, почему мы закрываем свои чувства, даже если это означает, что мы умрем, не узнав радость, которая приходит к другим так легко.

"У тебя когда-нибудь были парни?" - спрашиваю я, чувствуя себя больным завистью в своем пустом желудке.

"Нет, но в марте у меня была большая симпатия".

"Какой он был?"

Хотя я уже подозреваю, что знаю ответ: мускулистый, красивый, излучающий белоснежную улыбку.

“Он тоже модель”.

«Не говори больше ни слова.

“Мы впервые встретились во время съемки несколько лет назад. Я был студентом-водителем, который делал вид, что не умеет водить, а Джордж играл роль моего инструктора, хотя на самом деле он не умеет вести машину. Кастинговые агенты не волновались. Джордж был убедительным и добрым инструктором”.

“А он был на самом деле сволочью?”

Глупо и незрело соревноваться с кем-то из его прошлого, с тем, кто не проводит свой День Смерти с Валентино. Но я глуп и незрел, когда дело касается таких вещей, так что отстань.

“Джордж был хорошим парнем. Мы случайно встретились в зале для прослушиваний и провели весь день вместе. Потом начало стемнеть, и прежде чем я смог доехать домой, он наклонился, чтобы поцеловать меня”.

Я хочу просто сорваться с этого моста, так мне стало завидно.

“Я отступил”, - говорит Валентино.

Ладно, не важно, может, вместо этого я начну летать.

“Почему ты отступил?”

Валентино бросает на меня взгляд. “Я хотел, чтобы мой первый поцелуй был незабываемым”.

“Мне это очень нравится” - говорю я. Некоторые вещи стоят того, чтобы подождать. “Ты веришь в судьбу?”

Его голубые глаза смотрят на реку, затем на горизонты. “Думаю, да. Я верю, что судьба сводит тебя с теми, кто суждено встретить, но все зависит от тебя. Эта работа всегда казалась очень сложной и даже невозможной”.

“Я понимаю. Мне нравится быть геем, но черт возьми, это иногда так тяжело”.

“Не говори. Нам даже не разрешено заключать брак”.

Мое сердце замирает - не по настоящему, но по настоящему[1],

понимаешь, и оно начинает биться снова, когда я осознаю, что он говорит о нас в целом, а не об Орион-и-Валентино.

“Брак - это что-то, что ты бы хотел?” - спрашиваю я.

“Конечно. Я с нетерпением ждал встречи со своим мужчиной и предложения руки и планирования свадьбы и нервных поисках слов для клятв. Скарлетт, конечно, была бы моей свидетельницей. Вначале я представлял себе, что мои родители будут там, но когда я понял, что этого не произойдет, я решил пригласить так много друзей и друзей друзей, чтобы заполнить место проведения, чтобы я даже не заметил бы, что их там нет. Это, возможно, одна из самых печальных вещей о том, что я умираю сегодня: я никогда не узнаю, изменится ли это”.

“Жаль, что мы не можем узнать, были бы готовы ваши родители измениться, это просто...”

Его рука находит моё плечо. “Прошу прощения, что перебиваю. Это не было о том, что мои родители изменили свое мнение. Речь шла о правительстве, церкви и обществе, принимающих гей-браки. Было бы хорошо знать, что это даже возможно в моей жизни”.

Если бы Валентино был влюблен и хотел закрепить это, поженившись с партнером, до тех пор, пока смерть их не разлучит сегодня, он бы не смог.

Это не проблема, с которой сталкиваются большинство пар, включая моих родителей. Моя мама и папа пережили много проблем как порто-риканцы, но никто не мешал им сделать их отношения официальными, никто не испытывал отвращения к их любви, никто не уничтожал их мечту о создании семьи. У нас должны были быть десятилетия, одно за другим, но кто знает, как это бы выглядело. Они могли бы жить всю свою жизнь, наблюдая, как я веду борьбу в войне, в которой они никогда не участвовали, наблюдая, как я никогда не имею того, что у них есть. Во всех этих годах, когда я представлял себе последние ужасные моменты своих родителей, я хотел думать, что они держались друг друга. Мой папа не выходил из их встречи, чтобы сходить в туалет, и моя мама не искала горячий чай. Они были так близки, что могли слышать каждое "*я тебя люблю*" через крики, через взрывы.

Они были вместе, так, как мир всегда позволял им быть.

"Как насчет тебя?" - спрашивает Валентино.

"Что насчет меня?" - спрашиваю я.

"Ты много думал о браке?"

"Честно говоря, нет. Я никогда не думал, что я мог бы даже об этом подумать. Я был слишком занят волнением о том, как выжить в этот день, чтобы даже мечтать о будущем. Я не знаю, как может выглядеть старый Орион или представить маленьких Орионов, бегающих повсюду."

"Ты был бы удивительным отцом. Ты так невероятно заботлив."

"Ты хочешь..." Я останавливаюсь, ненавидя то, что Валентино умрет, прежде чем я смогу это сделать правильно. "Ты хотел бы детей?"

Валентино кивает. "У меня уже были подобраны имена."

"Скажи мне, пожалуйста, что ты не собирался придерживаться темы Дня Святого Валентина."

"Конечно! Я хотел бы Розу для девочки и Купида для мальчика."

"Ты бы обманывал своего сына. Как насчет, эм, какое имя у Купида в древнегреческой мифологии? Эрос!"

"Я знаю, что мы шутим, но я не ненавижу имен Роза и Эрос."

"Мне на самом деле тоже не нравятся эти имена. А что ты на самом деле выбрал? Надеюсь они будут лучше."

"Без давления." Валентино кажется нервным. "Мне очень нравится имя Вэйл, потому что оно кажется как брат-близнец к моему имени. Похожи, но не идентичны, так как они произносятся по-разному. И оно также унисекс, что мне нравится."

Я действительно люблю это имя, но я слишком сдавлен, чтобы что-то сказать. Он действительно уделил этому много внимания, и это никогда не случится. Есть некоторые пункты в списках желаний, которые можно отметить в свой последний день, и другие, которые невозможны. Как Валентино вышел бы замуж за своего любимого и имел бы ребенка с именем Вэйл.

"Мне не нравится, что тебе лишают всех этих моментов."

"Каких моментов?"

"Всего, чего ты хочешь. Влюбиться, идти к алтарю на своей свадьбе,

держат своего ребенка в руках впервые, все это."

"Мне это тоже неприятно. Мне нравится знать, что это не исчезнет вместе со мной. Ты - первый человек, с которым я говорю о Вэйле."

"Даже не Скарлетт?"

"Нет. Я, как и ты, не уверен, насколько всё это было реалистично.

Конечно, я верил, что у меня будет больше времени, чтобы осуществить эти мечты, но всё равно было столько преград. Я не хотел, чтобы Скарлетт так сильно радовалась, чтобы потом всё это не сбылось. Особенно потому, что она сама мечтает о большой семье; она надеется на тройню. Она бы предложила назвать ребенка Вейлом в мою честь, но это бы означало отказаться от своего Вейла. Мне, возможно, придется воспользоваться её предложением."

Идея для рассказа: кладбище мертвых мечтаний, надгробия, помечающие каждую из них.

Надеюсь, я смогу найти для этого счастливый конец.

"Если что-то случится, ты расскажешь Скарлетт за меня?" - спрашивает Валентино.

"Конечно. Этот мир получит Принца Вейла, даже если мне придется назвать своего ребенка так."

Он фыркает. "Ты просто так говоришь."

Я останавливаюсь и беру его за запястье. "Черт, нет, я серьезно. Я никогда не буду лгать тебе. Первое имя, Вейл. Второе имя, Принц. Фамилия, Паган."

"Вейл Принц Паган", - говорит Валентино, испытывая на вкус. Он смотрит в горизонт города, как будто представляя, как это дитя вырастет в том городе, в который он не попал. "У них будут твои кудри и громкий смех."

"Жаль, что у них не будет твоих голубых глаз."

"Карий, очень красивый цвет глаз тоже", - говорит Валентино.

Он обращается ко мне с этим интенсивным взглядом.

Я прижимаю ладонь к его груди и провожу пальцами вверх к ключице.

"Я рад, что у ребенка будет твоё сердце."

"Технически, у тебя будет моё сердце."

Внутри меня растёт огонь, но это не сердечный приступ.

Это огонь жизни, который освещает меня.

"Ты занимаешь моё сердце с самого начала, Валентино."

Я горю, горю, горю.

"И ты подарил мне самый лучший День Конца, Орион."

"Это ещё не закончено. Впереди у тебя множество первых раз."

"Есть одно, которое я бы полюбил больше остальных."

"Тогда лови, черт возьми, момент —"

Губы Валентино в форме сердца заткнули мой рот.

Валентино

Валентино

13:01

Одну секунду после моего первого поцелуя, и я уже надеюсь, что это не будет моим последним.

Это нежно, даже несмотря на то, что я годами страдал от нехватки таких моментов — и в самые лучшие моменты моего Дня Конца. Это словно Орион и я наслаждаемся друг другом, пока не становимся жадными. Поцелуй начинается медленно и переходит в более быстрый, с мягкого в стойкий, как мои сердцебиения. Он такой страстный, что моя голова сталкивает его бейсбольную шапку. У меня возникает мысль оставить её на земле, но это шапка его отца и заслуживает большего уважения. Как-то я как-то разрываю поцелуй и наклоняюсь за шапкой. Когда поднимаюсь, я поднимаю Ориона за бедра, и он обвивает свои ноги вокруг моей талии. Я всегда хотел поднять другого парня таким образом.

Орион целует меня сверху, и я вижу звёзды.

Добавляю этот поцелуй в список вещей, которые я не хочу, чтобы закончились. Но будь то утренняя пробежка или идеальный поцелуй, все хорошие вещи должны заканчиваться, когда тебе нужно дышать.

Орион разматывает ноги с моей талии и скользит вниз по моему телу, пока мы не стоим лицом к лицу. Я надеваю его шапку обратно на его кудри, и он подстраивает её так, как ему нравится; в следующий раз я сделаю это правильно.

"Привет", говорит он.

"Привет. Это было незабываемо."

"Слушай, я могу быть не слишком велик в истории, но я могу создать историю."

Бруклинский мост предлагает множество видов. В самом верху махает американский флаг на ветру. Есть машины,двигающиеся под нами, и

река, текущая дальше. Здания, которые я не успею посетить, но могу оценить здесь. И серые небеса над всем этим. Все это красиво, но это не превосходит мальчика, который привёл меня сюда.

Я глубоко вздыхаю. "Ты сделал мой День Конца таким тяжелым, Орион."

Сначала в его глазах мелькает игривый блеск, а затем беспокойство, когда он видит, что я не улыбаюсь. "Черт, извини, я что-то..."

Я перемещаю свои ладони поверх его ладоней, прижимая их друг к другу.

"Спасибо за то, что ты дал мне представление о жизни, ради которой я переехал сюда. Это не будет долгая жизнь, но я живу её благодаря тебе."

"Я тоже не знаю, сколько мне осталось, но если ты мой первый и единственный, то я бы мог..."

"Не говори, что ты умрешь счастливо."

"Тогда я мог бы умереть... мучительно..."

"Это тоже не очень."

"Как мне победить, тогда?"

"Не признавая поражения. Мне честь быть твоим первым, но я не хочу быть твоим единственным."

"У меня в жизни всё не так ладится. Ты лучший парень, который мне когда либо нравился, и..."

Я беру его руку и кладу на свою грудь под рубашкой, моё сердце бьётся против его ладони. "После операции у тебя будет больше времени. Пожалуйста, используй его разумно, чтобы не пытаться втиснуть всё в один день. Напиши самый длинный роман. Ищи любовь. Создавай свою семью."

У Ориона слёзы на глазах. "Почему ты говоришь мне прощальную речь прямо сейчас?"

"Я больше не могу ни на чём задерживаться." Я целую его снова.

"Особенно после моего любимого первого опыта с тобой."

"У нас всё ещё есть время, чтобы его улучшить."

"Каким образом?"

"Я собираюсь позвать тебя на свидание, Валентино."

Хоакин Роза

Хоакин Роза

13:11

Хоакин вернулся в штаб-квартиру Отдела Смерти и смотрит на пустой колл-центр. Глашатаи вернулись домой на день, но будет ли у них ещё работа на сегодняшний вечер?

Он направляется прямо в апартаменты в самой компании, ожидая найти свою семью за столом или перед телевизором, но здесь никого нет. Он слышит, что телевизор включен в спальне, и осторожно постукивает в дверь, прежде чем войти, где он находит Наю и Алано спящими на большой кровати огромного размера, роскошь, в которую Хоакин инвестировал, зная, что его семья иногда останется переночевать. Щенок подпрыгивает с кровати и бросается к Хоакину. Хоакин поднимает Баки на руки и прижимает к себе, чувствуя, как его артериальное давление начинает снижаться. Это ему действительно было нужно.

Всё, через что он прошёл с тех пор, как ушёл, было трудным, разочаровывающим и душераздирающим.

Хоакин выключает фильм о Скорпиусе Хотторне на телевизоре и идёт в ванную, чтобы освежиться, вымыть лицо и выпить воду прямо из крана. Время, проведенное в хранилище время, всегда заставляет Хоакина чувствовать себя оторванным от себя, но теперь он начинает чувствовать себя как обычно.

"Привет", говорит Ная с усталыми глазами, появившись сзади. "Есть успехи?"

Они никогда не говорят открыто о том, что находится в хранилище или что происходит в нём. На протяжении всей своей жизни Хоакин, Ная и, возможно, однажды Алано должны будут жить так, будто повсюду есть маленькие камеры, поставленные кем-то, кто хочет узнать секрет Отдела Смерти.

"Небольшие успехи, но недостаточно. Были ли еще извещения о смерти?"

- спрашивает Ная.

Ная кивает. "Было сообщено о одиннадцати смертях. Все зарегистрированные. Ни одной не было уведомлено."

Хоакин снова чувствует себя потерянным. "Мне нужно опубликовать заявление."

"Всё кончено?"

Он слышит слабую надежду в её голосе на сон, который он не может осуществить.

"Нет. Но если я правильно понимаю ситуацию, эта ошибка ещё не устранена."

"Что ты имеешь в виду?" - спрашивает Ная. Она поднимает руку, понимая, что он не может раскрывать слишком много деталей.

Он рассказывает то, что может.

"У меня сложилось впечатление, что эта проблема ограничена двенадцатью смертями."

Это означает, что всё ещё один Деккер живёт своей жизнью, не подозревая, что это его последний день.

Орион

Орион

13:24

Валентино и я держимся за руки, как настоящая пара, продолжая идти по мосту.

Мы бросаем разные идеи для нашего первого свидания, пытаюсь найти что-то, что не поставит под угрозу операцию по сердцу позже, что сейчас для него важнее, чем когда-либо. Сидеть в хорошем ресторане — классический ход, но чувствовать аромат горячей еды, которую мы не можем есть, было бы пыткой. И хотя мне бы хотелось видеть, как Валентино просит бармена подать ему его первый напиток перед тем, как он умрет, мы, вероятно, не должны быть пьяными перед операцией. Есть и безопасные варианты, к счастью. Например, прогулка по Центральному парку и катание на карусели, возможно, даже вместе на одной лошади или единороге, если мы хотим быть особенно необычными. Также есть Брайант-парк, где проходит какое-то мероприятие Недели Нью-Йоркской моды, но для Валентино сегодня оттуда нет ничего интересного.

"Много вариантов", говорю я.

"Мы разберемся", говорит Валентино.

Мост на этом конце более оживленный. Я более бдителен, словно кто-то из присутствующих здесь может быть угрозой для Валентино, в то время как он расслаблен настолько, что даже спрашивает у незнакомца, чтобы он сделал для нас снимок. Я чувствую, что на меня обращены все глаза, настолько я осознаю, что не могу представить себе, чтобы другой парень держал меня так близко в Бронксе. Затем мне перестаёт быть важным, что о нас думает весь мир, когда Валентино целует меня, как я видел, что делают многие парни и девушки в прошлом. Мне нравится, что этот момент, запечатленный на фотографии, одновременно является клише и ответом на тех, кто не хочет видеть, как два парня целуются. Валентино и я ещё не смотрели ни одной из сделанных сегодня фотографий, и это тот момент, который я с большим волнением захочу пережить, когда мы это

сделаем.

Мы замедляем шаг около этого забора, на котором висит множество ярких замков.

"Так много замков."

"Серьёзно, им нужно коллективное имя".

Я задумываюсь на секунду. "Объятие замков".

"Отлично. Смею ли я спросить, что это такое, мой любимый историк?"

"Это едва ли история, думаю, что это началось в прошлом году. Это замки любви. Все хвастают своими несокрушимыми узами и тому подобное".

"Ты звучишь, как большой фанат этого."

"Думаю, я все еще несу горькую энергию."

На большинстве замков что-то написано: ЛУИС И ДЖОРДИН; ХАУИ + ЛЕНА; НИКИ И ДЭЙВ; и КАРЛОС ЛЮБИТ ПЕРСИДУ, Другие содержат даты годовщин, о которых я никогда не узнаю.

Но нет замков с именами двух парней.

Мне хотелось бы иметь хотя бы один, окрашенный как радуга.

"Это действительно круто," говорит Валентино, проводя пальцами позабору, прежде чем продолжить путь по мосту, уводя меня с собой, как течение.

"Я должен был принести для тебя замок. Почему черт побери никто не продает их здесь? Они бы заработали кучу денег."

Валентино смеется. "Ты всегда можешь вернуться и оставить замок в мою честь."

"Нет, я хочу создавать моменты, пока у меня есть ты."

Это не конец света, так как у Валентино и меня есть фотографии, но мне хочется отметить путь, который мы прошли, находясь на этом мосту. От наших начал до наших остановок, от новых начал до готовности к концу. Если бы у меня был маркер, я бы написал наши имена на стальной балке. Тогда я замечаю деревянную скамейку, предназначенную для уставших путешественников. Я достаю свой ключ и становлюсь на колени, начинаю

вырезать буквы - В-А-Л-Е-Н-Т-И-Н-О. Он фотографирует меня, когда я "хулиганю" в городе. Когда я заканчиваю вырезать его имя, он достает ключ от дома Скарлетт и начинает вырезать моё имя на скамейке. Ему не требуется так много времени, чтобы закончить. Всё это считается как одно слово:

ВАЛЕНТИНОРИН

Мне нравится, как его буква "О" переходит в мою, словно он передает её вместе с сердцем. Я возьму каждую букву, каждый поцелуй и каждый вдох от него, пока не придёт время жить без него.

"Я знаю, куда я хочу пойти на наше первое свидание," говорит Валентино.

"Куда?"

"Таймс Сквер."

"Но там..."

"Там, где я узнал, что умру."

"И почти умер."

"Там же мы встретились. Мне хотелось бы вернуться."

"Ты уверен, что это связано с нами, а не потому, что ты хочешь найти свой телефон?"

"Видишь? Ты слишком хорошо меня знаешь."

Я вздыхаю. Не могу отказать умирающему парню в его желании. "Давай вернемся туда, где всё началось."

Хоакин Роза

Хоакин Роза

14:00

Хоакин стоит перед камерой, микрофон прикреплен к воротнику его рубашки.

Он сидит в одной из конфиденциальных кабинетов Отдела Смерти, предназначенных для глашатаев, которым требуется момент наедине, когда вес работы начинает их давить. Сам Хоакин сейчас очень хочет закричать, после того как он прочитал множество уродливых вещей, написанных онлайн о нем и его компании. Нет, у них не был безупречный запуск, но все их прогнозы оказались верными. К сожалению, некоторые ускользнули из-под контроля из-за... он не может рассказать об этом. Ему нужно взять себя в руки, так как его трансляция на веб-сайте Отдела Смерти идет в прямом эфире.

"Здравствуйте. Это Хоакин Роза, передаю вам привет из офисов Отдела Смерти с новостями. К нам поступила информация о том, что в нашей системе обнаружена ошибка, и хотя я не могу раскрыть, что вызвало эту ошибку, я должен признать, что это произошло, и в результате мы не только нарушили данное обещание нашим пользователям, но и провалили нашу миссию начать эту новую эпоху, когда больше не нужно беспокоиться о неожиданных уходах. Эти потери будут меня преследовать до того дня, пока я не умру. Я приношу глубочайшие извинения и в ближайшее время буду связываться с пострадавшими лично. Если они примут мой звонок, конечно."

Некоторые могут сказать, что Хоакину не следует извиняться за то, что не является его виной. Он абсолютно уверен, что не несет полную ответственность за каждого сотрудника своей компании, как будто следит за каждым через плечо и исправляет их ошибки. Но он не может раскрывать подробности о том, что произошло, так же, как и успехи Отдела Смерти, он также должен быть лицом его неудач.

"Но Отдел Смерти не умрет сегодня. Несмотря на то, что нам не удалось

связаться с некоторыми Деккерами, чтобы предупредить их, что сегодня их последний день, мы следим за стопроцентным успехом в прогнозах, которые мы дали. К сожалению, те, кого мы предупредили, умерли, или мы считаем, что они умрут до конца дня. Мы можем надеяться, что мы ошиблись, но просим вас продолжать действовать так, как будто мы этого не делали."

Хоакин глубоко вдыхает, предоставляя зрителям время усвоить это.

"Что касается ошибки сегодняшнего дня, я уверен, что проблема будет устранена для всех наших пользователей, начиная с завтрашнего дня. В течение следующих десяти часов я прошу вас всех сохранять бдительность. Живите жизнь на полную, но не живите, как будто вы непобедимы."

Валентино

Валентино

14:02

Жизнь быстро проходит, когда ты перестаешь ждать и начинаешь действовать.

По сравнению с этим, все наши разговоры с Орионом на Бруклинском мосту о том, почему так тяжело найти любовь для парней, как мы, и наши поцелуи, кажутся потрясающими.

Теперь единственное время, которое мне удастся провести в Бруклине, прежде чем я умру, - это прогулка до станции Корт-стрит, где Орион и я сможем вернуться на Манхэттен, чтобы провести наше первое свидание на Таймс-сквер, где мы впервые встретились.

Беспокоюсь ли я, что моя судьба связана с местом, где я умру - Таймс-сквер? Может быть, немного. Но я не хочу больше передавать власть тому, что лежит за пределами моего контроля. Это мой выбор. Это не часть какого-то великого плана высшей силы.

Я возвращаюсь в Таймс-сквер, где моя жизнь должна была закончиться, и собираюсь насладиться своим первым свиданием с парнем, который спас мою жизнь.

Может быть, после этого мы вернемся ко мне домой, чтобы провести некоторое время наедине и безопасно подождать Скарлетт, пока часы на моем жизненном пути продолжают бежать вперед.

Мы садимся на поезд линии Р, и в вагоне многолюдно. Я прижат к двери, Орион спиной к моей груди, мои руки обвивают его талию. Он опирается головой на мое плечо. Мне повезло, что его глаза закрыты, потому что он не видит, как пассажиры бросают на нас взгляды, словно мы что-то делаем не так. Этот город может быть пугающим, но я не собираюсь показывать страх. У меня не так много времени на небольшие моменты, как этот с Орионом, и я хочу наслаждаться ощущением чужого тела рядом с собой, пока могу.

"Думаешь, что я наконец увижу один из тех танцев Showtime?" - спрашиваю я.

Он смотрит на карту метро. "Кто-то лучше начнет танцевать до того, как мы дойдем до твоего дома."

"Не слишком ли тесно здесь?"

"Тоже так думаю. Люди быстро отходят назад, когда слышат музыку."

Поездка доставляет удовольствие, хотя очевидно, что каждый раз, когда открываются двери для перехода в другой вагон, я поднимаю надежды в поисках танцующих. Пока что это были просто другие пассажиры, пересеживающиеся в поезд, и мальчик, который продает конфеты из коробки для обуви, чтобы оплатить майку для своей баскетбольной команды; я дарю ему остаток моей налички.

Через несколько остановок пассажиров становится меньше, и Орион и я можем занять угловую скамейку. Он обвивает руку вокруг моих плеч, и его нога расслабленно лежит на моей. Я целую его, когда он улыбается мне, думая о том, как всё начинается у нас, как и должно у двух человек, которые встретились менее двадцати четырёх часов назад. Я не думаю, что мы двигались бы так быстро, если бы у меня было всё время в мире, но это не значит, что мне было бы не в радость исследовать тайное метро и долгие прогулки по мосту. Я бы просто хотел большего, как и сейчас.

"Думаю, что мне придется выглядеть дураком ради тебя," - говорит Орион на следующей остановке.

"Что ты имеешь в виду?"

Орион сжимает мою ногу. "Я жду знак, секунду."

Я оглядываю поезд, пытаюсь понять, на что он обращает внимание. Затем мы выходим из тоннеля и въезжаем на следующую станцию, и я вижу буквальный знак: ПРИНЦ СТРИТ. Я вскрикиваю и быстро снимаю его. Я хочу, чтобы Скарлетт пришла сюда в гости. Мне всё равно не понятно, как Орион собирается выглядеть дураком. Он встает, и я делаю то же самое, думая, что мы выходим на другой станции, но Орион осторожно возвращает меня на мое место. Он снимает свою толстовку и бросает ее мне на колени.

"Тебе бы лучше ценить это дерьмо", - говорит он.

"Ценить что?"

Двери поезда закрываются.

Орион делает глубокий вдох и кричит волшебное слово: "ШОУТАЙМ!"

У меня отвисает челюсть, пока все остальные пассажиры взглянули вверх, кажется, больше раздраженные, чем взволнованные. Большинство людей достаточно любопытны, чтобы держать глаза на Орионе. Я поражен тем, что Орион даже готов сделать это. Это требует много сердца; сердце души, а не органа.

"Шоу в Р-поезде! Это очень особенное шоу посвящено нашему новому жителю Нью-Йорка!" - Орион указывает на меня, и я покраснел. Он аплодирует, стараясь собрать аплодисменты от других пассажиров. "Спасибо, спасибо!"

Орион достает свой телефон и начинает играть какую-то техно музыку. Мне приходит в голову, что я не знаю, какая музыка ему нравится, что это те маленькие детали, в которых мы все еще незнакомы. И все же вот он, готовый выступить с этим большим жестом ради меня. Он кладет телефон на пол, начиная медленно вертеться вокруг стойки в центре вагона, и с первого прыжка на стойку я уже вижу, что это не какой-то скрытый талант, который он ждал идеального момента, чтобы показать. Это будет самой очаровательной катастрофой, и я буду наслаждаться каждой секундой. Орион скользит вниз и переворачивается на дверь, а затем неуклюже вращается вперед. Я смеюсь так сильно, глядя, как замечательно он выглядит, другие пассажиры смотрят на Ориона, как будто он пьян. Я не могу сказать, как бы Орион выглядел, будучи пьяным, но это не должно быть далеко от истины. Я начинаю фотографировать, когда Орион подпрыгивает и карабкается по рейке на потолке, которая предназначена для самых высоких. Все остаются абсолютно невпечатленными, и я удивлен и облегчен, что никто не освистывает его.

"Главное событие!" - кричит Орион. Он снимает свою бейсбольную кепку и бросает ее вверх, пытаясь поймать ее ногой. В первый раз он не удается, во второй раз, в третий раз, в четвертый раз, и хотя в пятый раз он очень близко к успеху, ему не удается.

"Ты справишься!" - я кричу. Я начинаю медленно хлопать в ладоши, и, удивительно, к этому присоединяются другие пассажиры. "Давай, Орион!"

Следующий момент не идеален, даже несмотря на то, что Орион собрал вокруг себя незнакомцев, но он все равно улыбается мне. Затем он сосредотачивается, подбрасывает кепку и ударяет ногой прямо в нее, а затем удерживается на шесте, чтобы не упасть.

Мои ладони болят от того, как сильно я хлопаю в ладоши.

Орион берет свой телефон с пола и проходит вверх и вниз по вагону со своей кепкой, чтобы собрать пожертвования. Он возвращается ко мне с однодолларовой купюрой, несколькими мелкими монетами и поцелуем.

"Ты определенно стыдишься меня?" - спрашивает Орион.

"Совсем нет. Это было лучшее шоу в моей жизни."

"Что-то выглядит, как будто это чертовски депрессивно", - шутит он. По крайней мере, я думаю, что он шутит.

"Большое спасибо, Орион. Это было потрясающе."

"Думаю, это ничто по сравнению с тем, что произойдет дальше."

"Что ты имеешь в виду?"

"Ты устроишь свое шоу."

"Думаю, это может быть слишком опасно для меня качаться по поезду."

"Нет, я не прошу тебя делать все это. Я хочу, чтобы ты прошел свою первую подиумную дорожку."

Улыбка Ориона такая озорная. Он король создания запоминающихся моментов.

Я поворачиваюсь к пустому проходу, легко представляя его как сцену. Вместо стульев - поездные скамейки с аудиторией, которая смотрит на меня. Нет способа, что я упущу этот невероятный шанс. "Давай сделаем это", - говорю я.

Орион трясет моими плечами от волнения. "Это будет эпично! Ладно, это сложная аудитория, но я могу сделать из этого события настоящее событие. Ты готов выступать как Декер, возможно, даже как первый Декер? Я хочу, чтобы ты получил всю любовь, которую заслуживаешь."

Даже если никто другой не обратит внимания, я думаю, что буду счастлив, что Орион смотрит на меня, когда я иду по поезду. "Делай что считаешь

нужным ?"

Он передает мне свой телефон. "Выбери свою песню."

Я хотел узнать, какая музыка Ориону нравится, и теперь у меня есть шанс. Здесь такой широкий выбор, от Linkin Park и Alicia Keys до Evanescence и Death Cab for Cutie, от Carlos Santana и Celine Dion до Eve и Pussycat Dolls. Много песен исполнены женщинами, и я начинаю думать о своем личном плейлисте песен, которые я слушал бы, когда оставался дома сам. Я никогда не чувствовал себя комфортно, слушая поп-музыку в присутствии своих родителей, особенно если исполнителем была женщина. Так было до и после моего каминг аута. Если они были дома, и мне хотелось послушать мои любимые песни, которые им не понравились бы, мне приходилось слушать их скрыто на своем iPod; это было похоже на скрывание своих порнографических привычек. Но теперь моих родителей нет рядом, и я не застрял в своей комнате. Я свободен слушать что угодно от кого угодно в любое время.

В плейлисте Ориона есть песня, которая также была в моем: "Release Me" Агнес. Она кажется подходящей.

"Внимание, внимание!" - кричит Орион. Он подпрыгивает на пустой скамейке в поезде, его рука вытянута, как будто он парит на палубе своего корабля - моего корабля. Он был невероятным соруководителем, каким я его и представлял.

"Не волнуйтесь, я больше не буду танцевать", - говорит он, после того как пара пассажиров застонали, как будто еще одно прерывание разрушит всю их послеполуденную программу. "Но у нас есть настоящее специальное представление для вас. Вот Валентино Принц, и он не только Декер, но и самый первый Декер - ему позвонил сам Хоакин Роза!"

Впервые все обращают внимание.

Никто не разговаривает по телефону, не читает книгу и не болтает между собой.

Смерть заставляет людей обращать внимание таким образом.

Все глаза обращены на меня.

И на Ориона тоже. "Валентино переехал в Нью-Йорк, чтобы стать моделью, но так как сегодня у него День Смерти, я хотел бы, чтобы мы

могли вдохновить Валентино, превратив этот поезд в его первую и единственную подиумную дорожку. Можем ли мы поаплодировать ему?"

Тут же раздаются аплодисменты, словно я - всем известное имя, которое все ждали увидеть.

Орион нажимает "Play" на песне.

Все мои нервы уходят на второй план после моего первого шага, и я иду по своей воображаемой линии, одна нога над другой, как акробат на трапеции; одна ошибка - и можно умереть. Мои руки естественно качаются, бедра изгибаются, грудь выпячивается, голова держится высоко. Я смотрю прямо вперед, музыка следует за мной, благодаря Ориону. Пассажиры поддерживают меня, а также фотографируют меня на своих телефонах, возможно, даже снимают видео. Я не могу дать этому разрушить мой фокус. У каждой модели должна быть цель, что-то, что они продают тем, кто смотрит. Для меня это сбытие ваших мечт в любом случае. В конце вагона я раскрываю свою верхнюю рубашку и сую руку в карман, затем возвращаюсь по проходу, останавливаясь, чтобы блеснуть свободной рукой на той же стойке, на которой кружился Орион. Он свистит, и другие присоединяются, это песня, которую я слышал только в своей фантазии, и это мечта, сбывающаяся в жизни в этот момент.

Неважно, что я не хожу на одной из крупных Недель моды в Нью-Йорке, Лондоне, Токио, Париже или Милане. Я могу быть замеченным настоящими людьми, людьми, которые увидят меня, шагающего так, как я не мог это сделать в своем собственном доме.

Когда я делаю еще один круг по поезду, я понимаю, что осталась всего одна остановка до Таймс-сквер. Некоторые пассажиры выражают мне соболезнования, прежде чем выйти, и другие садятся.

"Это ваша последняя остановка, чтобы увидеть единственного и неповторимого Валентино Принца!" - кричит Орион, фотографируя.

В моем последнем номере снимается все.

Я начинаю снимать одежду, как будто это старая жизнь.

Сначала рубашку бросают через плечо, пока я прохожу мимо Ориона и отдаю ему.

Затем я показываю рубашку "Счастливого Дня Смерти!" прежде чем снять

ее.

Наконец, я остаюсь только в джинсах и ботинках.

Все аплодируют, и Орион собирает деньги в своей кепке, пока песня подходит к концу, и мы приезжаем на Таймс-сквер. Большинство пассажиров встают и аплодируют, и затем мы дарим жителям Нью-Йорка третье представление с страстным поцелуем, который доказывает, что Орион и я не являемся чужими друг для друга.

Ни один из них не знает, как я чуть не умер на Таймс-сквер, и как чудесно чувствовать себя здесь прямо сейчас.

Не просто живым, а живущим.

"Ты был удивителен", - говорит Орион. "Тебе бы, типа, быть моделью".

"Я ищу нового агента. Но мне нужно спросить: ты веришь в Отдел Смерти?"

"Абсолютно нет".

"Замечательно. Работа теперь твоя". Я вытираю пот с груди своей рубашкой перед тем, как одеться. "Ты сделал мою мечту явью, Орион. Спасибо за всё".

"Извини, что тебе пришлось увидеть такой ужасный показ".

"Это было изюминкой."

"Тогда у тебя плохой вкус. Не могу поверить, что я это сделал."

"Это было очень милым, но если тебе так стыдно, то это останется между нами".

"И между каждым другим жителем Нью-Йорка, который видел это!"

"Что бы ты ни думал, следующий раз подумай дважды. Лучше всего, вообще не думай. Разве жизнь не становится более свободной, когда ты просто отпускаешь?"

Орион не размышляет о том, чтобы поцеловать меня дважды. "Вот так?"

"Именно вот так".

Я беру его за руку, когда мы поднимаемся по лестнице и выходим на Таймс-сквер, как будто это мой первый раз. Это отличается от прошлой

ночи. Солнце высоко, мегаэкраны показывают обычные рекламы, а не песочные часы Отдела Смерти. Туристы входят и выходят из магазинов. Толпа окружает двух уличных танцоров, выглядящих как уличные балерины, кружа на сплюсненном картоне в белых майках и спортивных штанах. Машины двигаются через Таймс-сквер так медленно, что кажется, будто они едут по песку. Продавец горячих собачек торгуется с кем-то, и я уверен, что он мог бы обмануть меня и продать одну за пятьдесят баксов, но я так голоден. Сзади меня гремит испанская музыка из портативного магнитофона.

Здесь так много жизни.

Даже несмотря на то, что здесь был убит человек прошлой ночью.

Даже несмотря на то, что мне сказали, что я умру.

Но то, что на самом деле хотел Отдел Смерти, - это чтобы я жил. Я уже сделал это достаточно.

Надеюсь, что еще многое предстоит.

Скарлетт Принц

Скарлетт Принц

11:14 (по местному времени)

Скарлетт так нуждается в том, чтобы это самолет взлетел.

Уже плохо то, что она переживает травму своего первого полета, но она может забыть об этом, пока она движется, пока она двигается вперед. Её время с Валентино уже настолько ограничено, и она не говорит только о том, что его последний день идет уже на полпути. Скарлетт и Валентино должны были сопровождать друг друга через долгие, полные жизни, и это украдено у них. Скарлетт даже не знает, что она будет делать с Валентино, когда она придет, что еще должно быть сделано, помимо того, чтобы провести вместе время, но ей просто хочется уже быть в Нью-Йорке и разбираться в этом с ним.

Скарлетт не может поверить этому дню.

Почему самолет все еще стоит на земле?

Что происходит на этот раз?

Пилоты не прошли проверку? Или они не зарегистрированы в Отделе Смерти?

Она собирается присоединиться к хору пассажиров, чтобы потребовать ответов у бортпроводников, когда один из пилотов обращается ко всем.

"Внимание, пассажиры. У меня есть новости."

Глубоко в её сердце, словно Отдел Смерти зовет, Скарлетт знает - она просто знает.

Орион

Орион

14:37

Валентино и я становимся неразлучными, как будто мы живые, дышащие версии нашего имени, вписанного на Бруклинском мосту -

ВалентинОрион, всё одним словом, буква "О" больше, потому что она принадлежит нам обоим. Если я не держу его за руку, потому что он фотографирует Таймс-сквер, то я касаюсь его плеча или зацепляю пальцем за петлю его пояса. Кажется, будто я улечу, если мы потеряем контакт. Но, наверное, это больше касается его.

Мы идем, держась за руки, сквозь Таймс-сквер, возвращаясь к тому месту, где люди рассказывали свои истории Отдела Смерти. Где я впервые встретил Валентино. Сцена, на которой я так и не стал стоять, исчезла, но красные стеклянные скамьи остались как новый элемент, много людей сидело там.

"Что ж, я был довольно расстроен тем, что не смог рассказать свою историю, но потом ты прошел мимо меня, и я... я был...ты понравился мне с самого начала.

"Так быстро?" - спрашивает Валентино.

"Так быстро. Ты думал, я был полным чудачком, когда я сказал 'привет'?"

"Нет, я тоже подумал, что ты симпатичен. И на самом деле я заметил тебя первым".

"Подожди. Что?"

"Я просто гулял через сквер..."

"Никто не называет его так!"

"Ну, начни этот тренд в мою честь".

"Мне это не понравится, но хорошо. Продолжай. Расскажи мне, как ты подумал, что я симпатичен как черт, когда гулял по скверу".

"Я гулял по скверу, и презентация Отдела Смерти привлекла мое внимание..."

"И потом я тоже!"

"Ты хочешь рассказать историю о том, как я подумал, что ты симпатичен, или хочешь, чтобы я сделал это?"

"Ты правда спрашиваешь рассказчика, хочет ли он рассказывать..."

"В любом случае, я увидел тебя..."

"Но ты не сказал 'привет'!"

"Вероятно, потому что знал, что не смог бы заговорить!"

Я замолкаю и передаю Валентино воображаемый ключ. Он сжимает его в кулаке.

"Зная мою удачу, я, возможно, потеряю его, как свой телефон". Валентино оглядывается через плечо, словно есть шанс, что он найдет свой iPhone на земле, просто ждущий его. "Я не сказал 'привет', потому что не знал, что так можно делать. Но я очень рад, что ты сделал то, чего мне не хватило мужества сделать".

Мне хочется вырвать ключ из его руки, чтобы спросить его, была ли это намеренная игра слов, или дразнить его, что он определенно не хочет мое сердце в таком состоянии, но Валентино разблокировывает мои губы своими собственными.

"Просто так, чтобы ты знал, я, буквально, никогда не подхожу к милым парням. Я действительно пытался хорошо провести время".

"Слава Богу ты... я действительно благодарен тебе за тот первый шаг, Орион".

"Спасибо, что не поразил меня каким-то огромным отказом, Валентино".

Он не отрывает глаз от меня, словно я самая интересная часть этого города.

Я беру камеру из кармана худи и указываю на нижний угол скамьи. "Иди сюда. Я хочу сделать фотографию места, где я впервые встретил тебя".

"Я не сделаю это один. Теперь мы одно целое".

Валентино и я садимся на скамью, и я вытягиваю руку, надеясь получить правильное фото. Независимо от того, насколько оно плохое, я собираюсь сделать снимок, когда кто-то похлопывает меня по плечу. Это старший латиноамериканский мужчина, сидящий рядом с молодым ребенком с кучерявыми волосами в очках; я предполагаю, отец и сын ли это, но они определенно семья.

"Помощь нужна?" - спрашивает мужчина.

"О, конечно. Если вам не сложно?"

"Совсем нет".

Мы отходим в сторону, чтобы мужчина и ребенок могли спуститься.

Мальчик кажется немного нервным, как будто собирается спрятаться за мужчину. Я предполагаю, что ему, наверное, девять или десять лет.

"Всё в порядке, Матео", - говорит мужчина.

Я отдаю ему камеру, хотя мне жаль, что испугал этого Матео, который постоянно оглядывается. У меня возникает грустное чувство, что, возможно, сегодня у Матео последний день, и он боится умереть, но он действительно хотел посмотреть на прохожих в Таймс-сквер перед этим. Валентино вытаскивает меня из этого, когда он направляет мой взгляд на него, наши глаза замирают. Мужчина начинает обратный отсчет с трех, и вместо того чтобы улыбнуться в камеру, Валентино приближается и целует меня. Это значит все для меня, что у меня будет этот момент вечно, и когда мы отделяемся друг от друга, Валентино улыбается, с закрытыми глазами, словно он запечатлевает этот момент в своей памяти, словно он не сможет просматривать фотографии со мной.

"Красиво", - говорит мужчина, вручая мне камеру. - "Это будет отличной открыткой для отправки вашей семье".

"Для моей семьи она таковой не будет", - грустно говорит Валентино.

"Мне жаль это слышать", - говорит мужчина. - "Я рад, что вы живете своей жизнью, как вы должны".

"Спасибо, сэр". Валентино пожимает руку мужчины, и я делаю то же самое.

Я оборачиваюсь к Матео. "Прости, если мы испугали тебя. Мир?"

Я протягиваю кулак для приветствия, но Матео дает руку для рукопожатия. Затем, когда я открываю кулак, он формирует свой кулак. Он краснеет и кажется расстроенным - не злиться, как тот Руфус в ломбарде, но разочарованным собой, как будто он не может ничего сделать правильно. Все это важно, и я определенно прошел через много гнева и стыда, когда разбирался в жизни без своих родителей. Никогда не было волшебных слов, которые сделали бы мне лучше, когда я был в глубоком кризисе, и я не знаю этого парня достаточно, чтобы попытаться наложить на него какое-то заклинание. Я просто говорю как есть.

"Эй, все хорошо", - говорю я Матео.

Матео, кажется, не верит.

"Что ж, сын. Давайте отправимся в парк", - говорит мужчина, чувствуя, что, возможно, лучше всего Матео уйти из этой ситуации. "Наслаждайся остатком дня".

"Это цель", - говорит Валентино с улыбкой, которую понимаю только я. Мы смотрим, как они уходят, мужчина обнимает Матео. "Приятно видеть, как отец так заботится о своем сыне".

"Это напоминает мне моего папу", - говорю я. Я так привык говорить о своих родителях с такой нежностью, что забываю фильтровать для Валентино, которому не повезло так с родителями. "Извини".

"Не извиняйся за свое детство, полное любви. Я знаю, это нелепо, но, честно говоря, я тоже такое имел. Я помню, как это действительно чувствовалось, когда мои родители любили меня. Много подарков под рождественской елкой, большие дни рождения, забота обо мне, когда я болел. У нас были вечерние сеансы просмотра фильмов, где Скарлетт и я выбирали, что смотреть. Если Скарлетт и я не могли договориться по поводу одного фильма, наш папа смотрел два подряд". Он смотрит вокруг на Таймс-сквер. "Думаю, если бы я вырос в Нью-Йорке, мои родители возили бы нас везде. Статую Свободы, рождественскую ель у Рокфеллер-центра, Радио-сити, Эмпайр-стейт-билдинг. И, конечно, сюда".

Во всем, что сказал Валентино, многое меня расстраивает, даже злит. Родитель не должен любить тебя только в детстве, но мне хорошо, что его жизнь не была абсолютным адом. Она могла бы быть намного лучше, если бы у него были такие родители или опекуны, как у меня. Может быть,

если бы он вырос в Нью-Йорке, мы могли бы встретиться раньше. Больно думать о том, насколько проще и сложнее было бы его последний день, если бы я знал его много лет.

Я не могу сломаться сейчас, мне нужно оставаться сильным.

"Что еще мы можем сделать, находясь здесь? Найти художника, чтобы нарисовать карикатуру нас? Не-а, это потеря твоего времени".

"Сидеть рядом с тобой - не потеря времени", - говорит он.

"Если ты так говоришь..." Я достаю наличные, которые я спрятал после моего выхода на подиум в метро, и считаю их. "Шестьдесят баксов".

"На столько плохо? Я думал, что справился лучше".

"Ты меня дурачишь, верно? Шестьдесят баксов - это удивительно. Меня не удивляет, смотри на тебя".

"Посмотрим, как я буду выглядеть после того, как художник закончит со мной?"

"Конечно".

Я целую его, оставаясь на нашем месте чуть подольше.

Затем звонит мой телефон.

На полсекунды я паникую, пока не вспоминаю, что это не рингтон Отдела Смерти и что сейчас за пределами их времени звонков.

Я издаю самый глубокий вздох, как будто кто-то нас прерывает. "Давайте поставим ставки на то, кто это", - говорю я, пока я протягиваю руку за телефоном. "Далма? Скарлетт? Новый участник?"

"Надеюсь, это не Скарлетт", - говорит Валентино.

Правильно, потому что ей уже пора было находиться в самолете.

"Это Далма", - говорю я. Я отвечаю на ее вызов. "Привет, что случилось?"

"Слава богу, ты в порядке", - говорит Далма.

Я сразу же возвращаюсь в состояние 11 сентября и облегчения всех, когда они узнавали, что кто-то жив. "Почему бы мне не быть в порядке? Что происходит?"

"О-Бро, ты не видел новости?"

"Нет, не видел. Мы были..." Я замолкаю, мое сердце сходит с ума. Валентино видит панику в моих глазах. "Далма, просто скажи мне, что происходит. Я в ужасе".

"Поступило обновление от Отдела Смерти. Некоторые Декеры проскользнули между пальцами, и проблема не будет решена до завтра. Я думаю, что это всё равно большой вопрос".

Я почти уронил телефон.

Я дрожу.

Мои глаза слезятся.

"Что происходит?" - спрашивает Валентино. "Все в порядке?"

Вот гребаная проблема: у меня должен быть ответ. Я должен знать, все ли в порядке, потому что Отдел Смерти должен был решить эти тайны, чтобы мы могли жить своими днями спокойно, если мы не умираем. Но теперь я вернулся к тому, где был вчера и каждый день до этого. Мое бешеное сердце может стать началом атаки, которая убьет меня.

Не является ли сегодня моим последним днем тоже?

Валентино

Валентино

14:51

Орион выглядит, будто он увидел призрака, или, более реалистично, будто ему позвонил Отдел Смерти.

Думаю, в обоих случаях ты видишь, что жизни закончены.

Хотя это не имеет смысла. Он не является каким-то ясновидцем, который общается с призраками, и Далма не является глашатаем в Отделе Смерти. Меня пугает, что кто-то, кого он любит, умер, как семья Далмы, но это не имеет смысла, потому что у меня было впечатление, что все в их доме зарегистрированы в Отделе Смерти. Глашатай позвонил бы, если это был бы их День Смерти. Может быть, это что-то с доктором Эметерио? Может быть, она провела дополнительные исследования, и Орион и я больше не подходим? Или она не может добиться, чтобы кто-то одобрил пересадку в срок? Есть сотни вопросов, и единственный человек, который может мне ответить, потерялся в своих мыслях.

"Орион..."

Он застыл, смотря на мега-экран, как будто песочные часы снова выставлены на показ. Слеза скользит по щеке Ориона. "Что будет с Декерами, которых они уже вызвали?"

Речь идет о Death-Cast.

Это может касаться меня.

Орион начинает всхлипывать. Это хорошо? Это облегчение? У нас будет больше времени?

Я буду жить?

"Я перезвоню тебе - я не знаю, Далма, позволь мне перезвонить..."

Он кладет трубку.

Я вижу в его глазах, что он не собирается лично сообщать смертельные

новости.

"Что происходит?"

"Отдел Смерти накосячил", - говорит Орион, трясясь. "Декеры умерли сегодня, не зная, что это их последний день, и... есть шанс, что... есть еще шанс, что больше умрет до полуночи. Хоакин Роса пытается исправить, что-то, что пошло не так, но он не может ничего обещать - несмотря на то, что это было всей чертовой задачей его компании!"

Это означает, что сегодня может умереть Орион.

Скарлетт тоже. Она пережила свое собственное приближение к смерти, когда пилот получил свой звонок от Отдела Смерти перед взлетом. А что, если каждый на том самолете обречен умереть сегодня?

Если Отдел Смерти совершила ошибки сегодня, что это означает для меня? Орион, кажется, читает мои мысли.

"Прости," - говорит он, словно он знает, что убивает мою надежду.

"Не надо." Я провел так много времени сегодня, принимая это как должное. Орион, однако, доверял точности этой программы и вернулся к неизвестности. "Что я могу сделать для тебя?"

"Я не знаю, я... Я так устал."

"Ты хочешь вернуться ко мне и отдохнуть?"

"Я не так устал. Я имею в виду, да, я устал, но я... Я устал жить так. Я думал, все будет по-другому, и это просто все плохие новости. Как может Отдел Смерти быть уверенной, что ты умрешь, когда они не знают, выживу ли я? Разве они не могли бы подкинуть нам хоть какую-то надежду?"

"Мы не знаем, что происходит в этих офисах. Они могли бы не быть уверены, но не хотели вызывать дополнительную панику."

"Если продукт сломан, они должны сказать это!" - кричит Орион, пугая людей вокруг нас. "Я не пытаюсь заставить тебя идти на смерть, если ты не должен умереть!"

"Давай поговорим об этом где-то в другом месте."

"Нет! Это наше первое свидание, и мы должны прожить его, пока

можем!"

Я встаю и увожу его. Он не сопротивляется, что меня расстраивает. Потеря Орионом этой страсти означает, что его дух ломается в день, когда он узнал, кем он может быть в жизни, в которой он не боится смерти. Меня это бесит и разочаровывает, что Отдел Смерти разрушила эту доверчивость. Я не буду рядом, чтобы наблюдать за тем, как компания разорится, но они заслуживают это.

Его телефон звонит снова.

"Я сказал, что перезвоню ей...", - говорит Орион, протягивая руку за телефоном. "Это Скарлетт."

"Ты не против?"

Орион покачал головой. Я предполагал, что он не будет, но я не хотел отворачиваться от него. Я отвечаю на звонок.

"Привет, Скар."

Скарлетт плачет даже сильнее, чем Орион. "Авиакомпания приостановила все свои рейсы". Она продолжает объяснять все то, что я уже знаю о обновлениях Отдела Смерти без новых идей. "Они не могут рисковать, особенно после того, что произошло на моем последнем самолете. Я пыталась объяснить свою ситуацию, но ничего нельзя сделать".

Так все и закончится.

Я умру, не увидев свою сестру в последний раз.

"Я не знаю, что делать, Вал!"

"Дыши, хорошо?"

"Я попробую другую авиакомпанию, или посмотрю, могу ли я использовать наши деньги на аренду и сбережения на частном самолете. Частные самолеты все равно будут летать, верно?"

Я не понимаю, как работает авиационное движение, но я знаю, что мне нужно заботиться о своей сестре, когда она переходит в такое гипервентиляцию. "Скар, мне нужно, чтобы ты дышала."

Она пытается делать глубокие вдохи, но становится чрезмерно перевозбужденной. "Может быть, ты даже не умрешь, так как Отдел

Смерти доказал, что они не знают, что происходит."

Так что Отдел Смерти явно не обладает полным контролем над Днями Конца, как нам всем хотелось бы. Но мы видели, как многие из их прогнозов сбываются сегодня. Я не могу рассчитывать, что я буду исключением.

Я могу притвориться для своей сестры, даже если это всего лишь ненадолго. "Может быть, я останусь жив."

"Тогда я могу увидеть тебя завтра, когда будет безопасно лететь."

"И я могу отвезти тебя в эту секретную станцию метро."

"Существует секретная станция метро?"

"Орион показал мне ее сегодня. Это потрясающе."

"Что еще стоит посмотреть?"

"Бруклинский мост имеет невероятные виды и эти замки любви."

"Замки любви?"

"Они здорово выглядят. Я расскажу, когда увижу тебя."

"Не могу дождаться. Что еще?"

"Тебе нужно увидеть Таймс-сквер. Именно здесь все это происходит."

Один телефонный звонок изменил мою жизнь. Другой меняет жизнь Ориона.

"Конечно, мы отправимся в Таймс-сквер."

"Орион может дать нам немного советов о других частях города."

"Я в предвкушении познакомиться с ним."

"Ты его полюбишь. Он самый лучший." Я держу Ориона поближе. Мне было известно, что я смогу помочь ему жить после моего ухода, но теперь, когда я знаю, что он не в такой безопасности, как мы раньше думали, я настроен защищать его. Это начинается с того, чтобы увести его с улиц, где я не готов спасти его в случае сердечного приступа. "Скар, я вернусь в нашу квартиру. Позвоню тебе оттуда."

Голос Скарлетт трескается. "Позвони, как только доберешься домой."

"Я позвоню. Я тебя люблю."

"Я тоже тебя люблю."

Я кладу трубку и упрятываю телефон.

"Она не приедет, верно?" - спрашивает Орион.

"Нет." Больно признавать это вслух. "Действительно казалось, что мы были королями мира, не так ли?"

Он кивает. Как будто он так ошарашен, что даже не ругается на то, насколько это несправедливо.

"Думаю, нам стоит выбираться отсюда. Хочешь пойти ко мне?" Я знаю, что в моей крошечной студии мы будем в безопасности.

"Извини, но можем ли мы отправиться ко мне? Просто... если что-то случится, я хочу знать, что успею попрощаться с Далмой и семьей... Если ты не хочешь идти, я понимаю, но мне было бы приятно, если бы ты пошел. Мы не должны долго оставаться, мы..."

Я целую Ориона быстро, чтобы он мог перевести дух. "Было бы действительно хорошо быть с семьей прямо сейчас. Особенно с учетом того, что я не могу быть с Скарлетт."

"Ты уверен? Я не хочу, чтобы мы еще больше напоминали о твоей боли и всем таком."

"Отвези меня домой, Орион."

Глория Дарио

Глория Дарио

14:54

Глория находится в парке Альтея со своей семьей.

Нет, она в парке Альтея со своим сыном и своей лучшей подругой.

Это важное различие.

Неважно, насколько Роландо любит Пазито, он не его отец.

И несмотря на то, как Роландо когда-то любил Глорию, он не ее муж. Даже если бы она хотела, чтобы вышла замуж за него вместо другого. Но ей приходится жить с выбором, который она сделала двадцать лет назад, когда отвергла его сердце.

"Поиграй, иди," - говорит Глория своему сыну.

Пазито бежит к гимнастическим турникам в парке, как будто все дети, качающиеся на обручах, - это его друзья, а не совершенно незнакомые люди. Он бесстрашен, это Глория всегда любила в нем, и признавала, что это помогает ему на прослушиваниях. Пазито никогда не застывает на месте; он всегда движется. Ну, это не совсем так. Страх парализует Пазито, когда Фрэнки повышает голос и поднимает руки на Глорию. Но сейчас она не хочет думать об этом. Ей было так приятно провести день.

Глория сидит на синей скамейке, недалеко от места, где она была здесь на барбекю в четверг. Она смотрит на полосу травы, как будто она видит картину, разворачивающуюся перед ней, словно призраки, застрявшие в прошлом: две сестры Глории расслабленно пьют сангрию на креслах для сада; Пазито играет в прятки со своими старшими двоюродными братьями; Фрэнки готовит на гриле, но только потому, что Роландо изначально должен был готовить, и Фрэнки просто хотел показать себя с лучшей стороны; и сама Глория сидит на пикниковом одеяле, обнимая колени и мечтая о том, насколько освобождающим будет это собрание, если бы было на одного человека меньше.

Она возвращается в настоящее время, в реальность, где Фрэнки действительно не здесь, в парке.

Где Глория осталась одна с Роландо.

"Мне жаль на счет Отдела Смерти," - говорит Глория.

"Не стоит. Я действительно горжусь собой, что бросил работу там."

"В каком смысле?" - спрашивает она.

"Вместо того чтобы ждать дня, когда оператор позвонит мне и скажет, что я собираюсь умереть, я уже понял, насколько важно жить, пока я могу."

Глория любит этот взгляд.

Жизнь не должна заканчиваться, прежде чем кто-то начнет ее жить.

"Это действительно восхитительно," - говорит она, глядя, как ее сын без страха штурмует эти гимнастические турники, наблюдая, как ее сын живет, как будто он будет жить вечно.

"Разве не думаешь, что и ты должна поступить так же?" - спрашивает Роландо.

"Что делать?" - спрашивает Глория.

"Жить, пока можешь."

"Я живу," - говорит Глория.

«Без обид, Гло, но мне кажется, что ты не живешь," - говорит он.

Он давно не называл ее этим именем, и сердце Глории бьется сильнее. "Что ты имеешь в виду, что я не живу?"

"Расскажи мне, как выглядит твоя жизнь - и не то, что ты делаешь для Пазито."

Все, о чем может подумать Глория, что не связано с ее сыном, кажется ей слишком маленьким, даже если это приносит ей радость. Вещи, такие как приготовление по рецепту ее матери чесночных мадуры и просмотр юридических драм и купание в ванне при свечах в темной ванной.

"Воспитание ребенка должно считаться," - говорит Глория. - "Это делает меня счастливой."

"Да, но..." Роландо передвигает колено к ее колену. - "Но как ты

собираешься проводить свои дни, когда Паз вырастет? Как ты будешь проводить свое время?"

К сожалению, Глория не планировала жизнь без своего сына. Она ничего не говорит, потому что не имеет, что сказать, и не хочет лгать. Она достаточно солгала в этой жизни, всегда притворяясь, что все хорошо.

"Твой сын важен," - говорит Роландо, и он осторожно добавляет: - "Но также и ты."

Это не первый раз, когда Роландо просит Глорию думать о себе, но впервые он это делает с слезами, наливающимися в его коричневых глазах. Кажется, как будто он знает что-то, чего она не знает, как будто Отдел Смерти сказал Роландо, что Глория скоро умрет, и ей была предоставлена возможность передать ей эту новость лично, а не позволить незнакомцу позвонить ей. Она не может быть уверена, но то, что Глория знает, - это то, что Фрэнки никогда не говорил Глории, что она важна. Еще раз, она не может быть уверена, но Глория поставила бы любые деньги на то, что ее муж никогда не ценил ее жизнь, возможно, только за то, что она содержит чистый дом и тяжело работает над воспитанием их сына.

Глория важна.

Глория имеет значение.

Глория заслуживает лучшей жизни.

Ощущая это в своем сердце, Глория глубоко дышит, как после долгого дня, когда она все день была на ногах и укладывается под одеяло в постель. Но ей больше не хочется просыпаться снова и снова встречать одно и то же. "Слишком поздно меняться," - говорит она.

"Совсем нет, Гло," - говорит Роландо. - "Подумай, сколько людей сегодня изменили свою жизнь из-за Отдела Смерти. Это будет слишком поздно только в том случае, если ты будешь ждать до последней минуты, чтобы начать сначала."

Эти слова должны были звучать как предостережение, но, вместо этого, Глория видит их как благословение.

"Ты начинаешь сначала, увольняясь с работы?" - спрашивает Глория.

Роландо смотрит ей в глаза. "Это больше, чем просто увольнение с работы. Я ухожу от жизни, которая не делает меня счастливым".

Глория тоже хотела бы сделать то же самое. "Что не делает тебя счастливым?"

"Ты", - говорит Роландо.

Это слово словно вырвало сердце Глории.

Весь этот день казался попыткой оттолкнуть ее. Может быть, он слишком разочарован Глорией и не в силах смотреть, как она идет своим путем. Прежде чем Глория сможет извиниться за свое собственное поведение, Роландо извиняется.

"Извини, ты не причина моего несчастья. По крайней мере, не так, как ты, возможно, думаешь", - говорит Роландо, растерянно. "С утра я провел время с Декером. Этим стариком, который был моим первым вызовом на этой неделе".

Вырванное сердце Глории начинает сшиваться.

Итак, Роландо не был на завтраке с кем-то другим. Он был с человеком, который умирает сегодня, возможно, уже мертвым.

"Почему ты встретился с ним?" - спрашивает Глория.

И тогда Роландо рассказывает Глории о своем долгом разговоре с мужчиной по имени Клинт и о том, как он оказался завтракать с ним в его последний день. "Я не хочу, чтобы ты ждала своей жизни, Глория. И, что еще важнее, я не хочу, чтобы ты ожидала своей смерти. Может быть, это не мое дело, но я не хочу потом сожалеть, что не сказал ничего, если... если Фрэнки потеряет контроль".

Словно перед ней мелькают самые худшие моменты ее жизни, Глория дрожит.

"Мне жаль, что я поднял эту тему", - говорит Роландо. - "Но не так жаль, как мне будет, если тебя потеряю".

"Я ценю твою заботу. Просто все гораздо сложнее, чем ты думаешь".

"Я думаю, наоборот. Все гораздо проще, чем ты думаешь. Ты не должна быть с тем, кто может стать причиной твоей смерти. Тем более, когда у тебя есть так много, ради чего стоит жить".

Глория оборачивается к Пазито, но она понимает, что должна посмотреть в зеркало и напомнить себе, что она важна, что она имеет значение, что

она заслуживает лучшей жизни.

"Мне страшно", - наконец признается Глория.

"Я понимаю. Фрэнки - ужасный человек".

"Нет, это больше, чем просто... Я боюсь начинать все заново", - говорит Глория.

Глория смотрит на парк, видя, как ее сын спускается с горки. Он один из многих детей, которые вырастут и будут ожидать, что жизнь будет гладкой. Но путь Глории был неровным, и она уверена, что мир и гармония ждут ее на горизонте, если она избавится от своего мужа. Но это не так просто. Фрэнки будет тянуть ее вниз, как наковальня, не давая достичь мира.

"Начинать сначала страшно", - говорит Роландо. "Но это единственный способ двигаться вперед".

"Единственный способ двигаться вперед", - повторяет Глория с слезами в глазах.

"Для меня начать сначала означает не ждать своего последнего дня, чтобы признаться, что я все еще люблю тебя, Глория. Всегда любил, всегда буду".

Глория вдохновляется, словно ее поцеловали в самый замечательный момент ее жизни. Но Роландо ее не касался. По крайней мере, не физически. Они сидят далеко друг от друга и смотрят друг на друга, слыша звуки детей, живущих в мире за их спинами, и сердцебиение Глории, громко бьющее в ушах. Роландо действительно любит ее - всегда любил, всегда будет. Глория верит этим словам с такой яростью, которой она никогда не чувствовала к клятвам Фрэнки. Мужчиной, за которого она должна была выйти замуж, был тот, кто стоял за ее мужем на свадьбе.

"Я не ожидаю, что ты разведешься с мужем из-за меня", - говорит Роландо. "Но я надеюсь, что ты разведешься с ним ради себя".

Прежде чем Глория решит, хочет ли она начать свою жизнь заново с Роландо, ей нужно будет выбрать, чтобы завершить эту жизнь с Фрэнки.

Со старым уйти, с новым начать.

Глория должна развестись с Фрэнки - ради себя и ради своего сына, который всегда будет в центре каждого ее решения, несмотря на то, что говорят другие. Но в отличие от прежнего времени, она сейчас думает о том, как она хочет, чтобы выглядела ее жизнь после того, как Пазито вырастет и уйдет жить своей жизнью. Она не хочет больше делить диван или постель или даже 30 метров с мужем, с мужчиной, за которого она никогда не должна была выходить замуж.

Мужчиной, которого Глория должна была оставить давно.

Давно, когда он впервые запугал ее.

Когда он впервые поднял на нее руку.

И после каждого другого раза.

Глория не может изменить прошлое, но она может создать новое будущее.

И все хорошо, что хорошо кончается.

Руфус Эметерио

Руфус Эметерио

15:00

Отдел Смерти не звонил Руфусу Эметерио, потому что сегодня он не умирает.

На самом деле, Руфус прекрасно проводит время, катаясь на своем новом стальном сером велосипеде в парке Альфея. Он научился кататься пару лет назад, опередив свою старшую сестру Оливию, которая не проявляла интереса к освоению этого навыка. Но это нормально, потому что у Руфуса хватает энтузиазма как для нее, так и для себя и еще остается. Когда-то во время его короткой тренировки на велосипеде его отец попросил его двигаться медленно, но Руфус быстро освоил все и был готов ехать и ехать. Он нарастил скорость на парковке перед аптекой и чуть не въехал на своем велосипеде в оживленную улицу, где его легко могли бы сбить машиной, если бы он не нажал на тормоза. Это было первый раз, когда его папа прилично накричал на него, и это точно не был последний раз, но посмотрите, куда привели эти уроки и разговоры: Руфус катается на велосипеде, который, как он верит, предназначен для множества приключений, и его отец доверяет ему навигацию в собственном путешествии.

Честно говоря, Руфус даже не сердится на то, как его отец устроил тот крикливый разнос. (И он абсолютно не был расстроен, когда его удивили его мечтой в конце него!) Дело в том, что Руфус любит своего папу, но последнее время они постоянно сталкиваются лбами, когда им нужно было разговаривать от души. Его отец поговорил с ним о своем прошлом, и хотя Руфус не был настроен на урок истории, особенно во время летних каникул, это оказалось довольно интересно. Это научило Руфуса тому, что в порядке иметь свои эмоции, даже гнев, так же, как его собственный отец часто делал это с его родителями, когда он рос. Но Руфус не может позволить гневу быть единственным, что он чувствует.

Руфус долго размышлял об этом во время поездки на поезде в парк Альфея со своим папой и сестрой.

Недавно Руфус и Оливия придумали игру под названием "Путешественник", в которой они рассказывают истории о других людях, которых они видят в мире, хотя обычно они делают это, когда путешествуют на общественном транспорте. Сегодня в поезде был старик, который бросил много денег в сумку молодой девушки которая танцевала сальсу, и Руфус вообразил, что это Декер, убедившийся, что его деньги попадают в нужные места, прежде чем он умрет, в то время как Оливия сосредотачивалась на женщине, которую она считала шпионом Отдела Смерти, чтобы убедиться, что люди умирают, как они предсказали, чтобы защитить свою репутацию.

Но если бы кто-то еще играл в "Путешественника" и увидел Руфуса, кого бы они видели? Возможно, парня, который всегда спорит и всегда пытается начать драку. Даже против тех, кто не хочет с ним драться. На самом деле Руфус - это крутой парень, который любит свою семью, и он предпочел бы показать эту свою сторону миру.

В начале дня это было не так, но прямо сейчас Руфус счастлив.

С отцом все хорошо.

Его сестра тоже здесь.

И его мама только что приехала и хочет увидеть всех, прежде чем вернется на работу.

Руфус соблазнен попробовать поднять переднее колесо, хотя ему никогда не удавалось это сделать, но он не хочет напрягать свою маму из-за переломов, когда ее работа в больнице связана с буквально сломанными сердцами.

"Крутые колеса," говорит его мама, давая Руфусу пять. "Чем ты заслужил это?" спрашивает она, хотя она смотрит больше на своего мужа, чтобы он объяснил.

"Он поговорил с ним," говорит Оливия.

"Технически ты права," говорит его отец. "Но Руфус поговорил с уважением, и я сделал то же самое."

"Рада это слышать," говорит его мама.

Руфусу нравится, когда его мама гордится им, и он собирается стараться больше, чтобы это случалось. "Я также помогал в магазине."

"Как там обстановка?" спрашивает его мама.

"Лучше," говорит его отец, в то время как Руфус говорит: "Плохо."

На мгновение Руфус напрягается, готовясь идти в атаку, будто ему предстоит разбираться, поскольку он сказал правду, и то, что он сказал, действительно правда. Ломбардная лавка находится не в лучшем состоянии. Да, они убрали все осколки стекла с пола, и передняя дверь была заколочена, но когда они уходили, там все еще было бардаком. И его отец, кажется, помнит об этом, кивая с небольшой улыбкой и соглашаясь: "Это действительно плохо."

Руфус вздыхает с облегчением, что ему не пришлось драться.

"Скоро все будет лучше," говорит его мама, садясь на скамейке в парке.

Руфус не знает, через что прошла его мама в больнице, только то, что она приходит домой уставшей и хочет попробовать помочь в магазине, и все умоляют ее вместо этого отдохнуть.

"Ты в порядке, мам?" спрашивает Руфус.

"Это был долгий день", говорит она. Она смотрит вокруг на парк, где другие дети играют и смеются, и кажется, что именно это ей сейчас нужно. "Меня вызвали на операцию сегодня ночью. Это для Декера, который хочет передать свое сердце другому мальчику, которого он только что встретил. Они так молоды и..."

Его отец как будто застрял на одной мысли. "Подождите. А у одного была кепка с символом Yankees?"

"Я вообще не видела кепки".

Он щелкает пальцами перед собой. "Валентино?"

Ее спина выпрямляется. "Откуда ты это знаешь?"

"Сегодня утром мы встретили Декера в магазине. Они купили у нас камеру".

"Он был Декером?!" Руфус не может поверить, что он встретил живого Декера, и только что узнал об этом.

Его мама вздыхает. "Хотя сейчас новости сообщают, что Отдел Смерти сегодня совершили некоторые ошибки. Просто потому, что они правильно

предсказали что-то, не значит, что они все еще не могут ошибаться. Это может усложнить ситуацию для нас на операции, но только время покажет. Я просто надеюсь, что эти парни проводят великолепное время."

Руфусу не терпится прокатиться на своем велосипеде, потому что все эти разговоры о смерти заставляют чувствовать его некомфортно. Но он видит, что его отец погрузился в некое замешательство. "Что случилось, Пап?"

"Отношения между Валентино и его родителями были - не являются - хорошими. Интересно, что говорит его сердце. Он смотрит на свою семью стальным, слегка слезящимся взглядом. "Никто из нас не идеален, но давайте никогда не допускать, чтобы отношения между нами оборачивались настолько плохо, что мы могли бы знать, что умираем, и все равно не хотеть иметь ничего общего друг с другом. Прощания - самые возможные невозможные, потому что ты никогда не хочешь их произносить, но ты был бы глупцом, если бы не воспользовался этой возможностью".

Руфус впитывает слова своего отца.

Он никогда не хотел бы ссориться с семьей настолько сильно, чтобы не попробовать увидеть их еще раз перед смертью. Он знает, что наступит день, когда он будет взрослым, а его родители будут стариками, и он должен будет сказать прощание. И это, возможно, будет казаться невозможным, но отец Руфуса прав - это будет возможным. Просто очень сложным. Но это проблема на очень и очень долгое время вперед.

До тех пор Руфус будет ребенком.

Он будет кататься на велосипеде и веселиться.

Он будет хорошим сыном, братом и другом.

Он будет жить.

Матео Торрес Мл.

Матео Торрес Мл.

15:14

Отдел Смерти не позвонил Матео Торресу младшему, потому что сегодня он не умирает.

Но это не значит, что он не живет в постоянном страхе.

С полуночи, когда начались звонки Отдела Смерти, Матео боится, он прижимается к своему отцу. Даже провел ночь в постели отца, на левой стороне, которая когда-то принадлежала его матери, умершей при его рождении. Может быть, это из-за всех книг фэнтези, которые он читал в детстве (особенно серии о Скорпиусе Хоторне, полной пророчеств), но Матео всегда представлял себя отмеченным смертью в раннем возрасте из-за той жизни, которая закончилась, когда он родился. Он был так уверен, что Отдел Смерти позвонит его отцу на прошлой неделе, чтобы поделиться трагической новостью о смерти Матео, но телефон так и не зазвонил.

Так почему Матео не может дышать?

Он пришел в парк Альтея со своим отцом. Там много свежего воздуха, но ему все равно кажется, что смерть скрывается за каждым углом. Что стая собак может напасть на Матео. Некоторым людям это может показаться веселым времяпрепровождения, но его аллергии так сильно выражены, что он может покрываться крапивницей, и его легкие могут закрыться от анафилактического шока, и он может умереть.

Ему бы не хотелось оставить своего отца одного, особенно после того, как тот убил женщину, которую он любил больше всего на свете.

Первый раз, когда его отец, Матео старший, известный своим друзьям как Тео, посадил Матео за стол, чтобы поговорить о Отделе Смерти, все, о чем мог подумать Матео, это то, каким был бы другой день его рождения, если бы только его отец мог подготовиться к смерти своей жены. Насколько Матео понимает, его мать не ожидалась умирать при родах, и смерть

потрясла его отца, который не получил шанса попроситься с женщиной, с которой он представлял свою жизнь, держа в руках своего единственного ребенка в первый раз.

Теперь посмотрите на Матео.

Получив дар жизни, он все равно не может открыть его.

Матео пытается быть смелым, но это гораздо сложнее, чем кажется людям. Он не согласен с теми, кто считает страх выбором. Было много случаев, когда было бы хорошо выбраться из объятий страха, когда бы он хотел выбрать жизнь, но, кажется, что страх имеет невероятно крепкое влияние на него, словно щупальца обвивают его шею, запястья и голени, удерживая его. Одной из многих причин, по которой он восхищается своей лучшей подругой Лидией, является то, что она ведет себя так, будто она была создана для этого мира. Она защищает себя, когда люди делают ей неприятно, и, хотя она может быть выборочной, она может подружиться с кем угодно.

Иногда Матео задается вопросом, почему кто-то хотел бы дружить с ним.

Почему бы кто-то выбрал его.

Он думает о том же самом, когда смотрит на остальных детей в парке. Большинство из них бегают по парку, как будто нет никакой опасности упасть и не причинить себе вред. Есть мальчик на велосипеде, который кажется слишком большим для него, но, возможно, он вырастет. Когда мальчик проезжает мимо Матео, тот отступает, потому что Матео знает, что он далеко не неуязвим.

"Ты не хочешь поиграть?" - спрашивает Тео.

Матео хочет, но не знает, как.

И он знает, как, но не хочет.

На самом деле, он хочет и знает, как, но не знает, как выбраться из своей головы, чтобы что-то сделать. В итоге он остается в застое.

Для того кто часто хвалится своей добротой и щедростью, Матео может быть своим собственным худшим врагом.

"Я в порядке, папа", - лжет Матео.

Ему не нравится, когда он заставляет людей чувствовать себя плохо,

особенно своего отца, который так усердно трудится, чтобы обеспечить ему хорошую жизнь. Но сегодня было тяжело. С тем, что он понимает, Отдел Смерти действительно хочет, чтобы люди жили, но Матео все равно не может не быть смущенным насчет того, насколько много в жизни сейчас зависит от свободной воли, и насколько много от предопределения. Будут ли люди умирать, если бы Отдел Смерти не звонил? Живут ли люди теперь безрассудно, потому что им сказали, что завтра на пороге горизонт для них? Или смерть неизбежна? Вопросы мучают его ум, и отсутствие ответа сжимает его сердце.

Хотя его отец дал ему замечательную жизнь, Матео должен научиться создавать свою собственную. Нельзя сказать, сколько времени у них есть - или Матео прав, что он проклят умереть молодым, или его отец уйдет раньше него, как это и должно быть. Он никогда не забудет, как он впервые рассказал Тео о своем проклятии и как грустно его отец почувствовал при мысли о том, что ему придется похоронить его.

"Почему люди не могут жить вечно?" - спрашивает Матео.

"Ты особенный парень, Матео", - говорит его отец. "С того дня, как ты родился, я почувствовал такую мощную любовь и защиту к тебе. Я надеюсь защитить тебя сейчас, обещая, что такого, как ты, больше нет. Мне повезло не только знать тебя, но и называть тебя своим сыном. Тебе не нужно быть никем, кроме как Матео Торрез младший."

Матео уставился в небо, вспоминая все те разы, когда его отец приводил его в этот парк и учил наблюдать за облаками, качаясь на качелях. Сейчас это звучит действительно замечательно. Но вопрос поднимается в его горле и выбивается из него: "Должен ли я действительно быть собой, если меня никто не любит?" И прежде чем Тео может сказать очевидное, он добавляет: "Пожалуйста, не говори, что ты меня любишь. Я и так это знаю."

"Хорошо, раз ты знаешь это", - говорит Тео. "А на счет Лидия что?"

"Она не будет меня любить всегда. Она думает, что я надоедливый."

"Когда она это сказала?"

"Ну, она никогда не говорила "надоедливый", но она сказала, что я слишком много думаю. Как будто меня слишком много."

"Ты очень заботливый, Матео. Иногда ты можешь быть слишком осторожным, но мы знаем это."

За годы, когда Матео получал травмы, он делал все, чтобы убедиться, что это больше не повторится. Был случай, когда он бежал во время перемены в школе, упал и поцарапал колено, и он отказался играть в остатке учебного года. Даже когда ему удавалось набраться мужества и снова бежать и веселиться, никто не хотел выбирать его, потому что они думали, что он не умеет проигрывать. Но он умеет. Почему это плохо, не хотеть получать травмы?

"Это как ...", Матео смотрит на землю, не желая видеть других детей, играющих вместе. "Это как будто, сохраняя себя в безопасности, я никому не нужен в жизни. Я не пытаюсь отталкивать людей, папа."

"Я знаю, что ты не пытаешься, приятель. Может быть, ты можешь попробовать что-то другое. Подойди и поговори с кем-то. Самое главное, оставайся собой, делая это."

Матео не уверен в этом. Но, с другой стороны, насколько опасными могут быть другие дети? Это не так, как когда он испугался этих двух мальчиков по старше в Таймс-Сквер. Матео думал, что сначала они замышляют какую-то гадость, какую-то шутку или даже хуже, но оказалось, что они хотели просто сфотографироваться вместе. И когда Матео увидел их поцелуи, что-то разблокировалось внутри него. Это напомнило ему разговор с отцом месяц назад.

"Пап, как найти свою любовь?" - спросил Матео. "Где она?"

"Любовь - это сверхспособность", - сказал его отец. "У нас у всех есть эта сверхспособность, но это не сверхспособность, которой всегда можно управлять. Когда ты вырастешь, она будет труднее поддающейся контролю. Не бойся, если ты найдешь себя влюбленным в кого-то, кого ты не ожидал полюбить. Если это правильно, то оно правильно."

Матео задается вопросом, были ли эти два старших мальчика напуганы любовью.

Видимо, нет.

Матео встает, готовый к своему вызову. Затем страх возвращается и пытается оттолкнуть его на скамью, но он остается крепким на ногах. "Я

собираюсь попробовать, папа. Но если я не завоюю друга, можем ли мы вернуться домой?"

"Конечно. Я приготовлю тебе чашку чая, и мы посмотрим фильм."

Ему бы очень хотелось это.

Но сначала.

Матео идет к парку и направляется к качелям. Чем ближе он подходит, тем более знаком мальчик. Его темные волосы сидят плоско, но если Матео представит, что они подняты, они напоминают ему кого-то другого. Затем Матео попадает в голову, как магическая голубая молния из его любимых книг. Ему не известно имя мальчика, но он был актером, который сыграл Ларкина Кано во флэшбэковой сцене последнего фильма по адаптации. Это была небольшая роль, но Матео все равно считает это крутым. Этот парень действительно имел возможность исследовать волшебный замок и встретиться с людьми, которые сыграли любимых персонажей Матео. Это легко, так легко, Матео может спросить о вещах, связанных с Скорпиусом Хоторном, и завести друга. Он стоит там, как будто ждет своей очереди на качели, и открывает рот -

"Пазито!" - женщина вызывает с лавки, недалеко от Тео. "Пойдем купим мороженое!"

Мальчик - Пазито - слезает с качелей и убегает, прежде чем Матео сможет представиться.

Плохое время.

Матео готов закончить день, когда он решает дать ему еще один шанс. Там есть девочки на брусках и играющие в скакалку. Мальчик скользит с горки задом наперед и смеется, ударившись о коврик. Некоторые подростки играют в гандбол, и это кажется таким интенсивным.

Затем Матео снова видит мальчика на велосипеде. Он осматривает цепь, и, возможно, ему очень важна безопасность, как и Матео. Матео идет к мальчику, как раз когда тот снова садится на велосипед и начинает крутить педали.

"Па, смотри!" - мальчик кричит, наклоняясь над рулевым управлением и скользя под низкими ветвями дерева.

"Молодец, Руфус!" - отвечает отец.

Руфус... Матео действительно нравится это имя.

Не веря в третью попытку, Матео разворачивается и возвращается к своему отцу. "Я попробовал."

"Это все, что я могу от тебя просить", - говорит Тео. "Домой?"

"Домой", - говорит Матео.

Дом – это место, где Матео может быть собой, где он может жить, жить, жить.

Орион

Орион

15:17

Путешествие начинается с трудностей.

Сначала Валентино и я обсуждаем самый безопасный способ добраться домой. Я думаю, что взять такси позволит нам доехать быстрее, но он нервничает от мысли о поездке на машине после несчастного случая Скарлетт, особенно в свой День Конца. Нельзя его осуждать. Дело в том, что сегодня может быть и мой День Конца. Но я не так сильно думаю об этом, потому что его судьба более определена, чем моя. Но это не делает меня менее нервным от мысли о поездке на поезде вверх по городу, так как я чувствую, что этот чёртлов подозрительный тип снова преследует меня. Наверное, я тоже должен нести свою долю ответственности, так как показал Валентино, насколько чудесны могут быть поездные поездки, когда ты бежишь из вагона в вагон, как на гонках, или путешествуешь через секретные станции метро или устраиваешь представления и получаешь стоячие овации.

Но когда ты смотришь на это с другой стороны, всё становится настоящим.

Когда поезд покидает Манхэттен и входит в Бронкс, я стараюсь, чтобы между нами было достаточно места на нашей скамейке в углу. Не так много места, чтобы нас можно было атаковать поодиночке, но и не так близко, чтобы не вызывать много внимания из-за то что мы пара. Мне не нравится говорить плохо о своем родном районе, потому что я люблю Бронкс, но я не могу притворяться, будто у нас всё в порядке, будто быть геєм нормально здесь. В Манхэттене это гораздо меньший риск, чтобы раскинуть ногу на колени Валентино, положить голову на его плечо и поцеловать его. Здесь мне приходится держать всё в себе. Наши жизни могут зависеть от этого. Последние несколько остановок самые напряженные, это похоже на последние часы последнего дня. Чем ближе тыходишь к своей конечной цели, тем более бдительным ты должен быть, чтобы всё не испалечить, когда у тебя всё еще есть время всё

исправить.

Я чувствую напряжение в груди, как будто моё сердце давят. Мне даже страшно дышать, потому что я могу выдохнуть слишком по гейски. Я знаю, что это может показаться чрезмерным кому-то, но если у них не было несколько лет опыта жизни в Бронксе, меня не интересует их мнение. Я понимаю, что я должен быть осторожен в своих действиях, когда борюсь за свою жизнь. Подумайте о животных в дикой природе, которые делают вид, что они жёсткие, как чёрт, когда, возможно, они никогда не сражались за свою жизнь раньше. У Валентино есть мышцы, но умеет ли он драться? Я могу драться, но у меня нет таких мышц, чтобы победить, поэтому я стараюсь сливаться с окружающей средой, маскироваться, как кролик на снегу. Это означает не привлекать внимания к себе, держать в секрете то, что мне действительно нравится этого парня. Даже думать об этом грустно, но вот где мы сейчас.

Мы доезжаем до последней остановки и приходим в Мотт Хейвен без всяких хищников, набрасывающихся на нас. Я никогда не становлюсь самоуверенным в своем районе, потому что всегда есть люди, которых ты не знаешь, и они тебя не знают, и все оценивают друг друга, и неправильное движение может вывести кого-то из себя. Мы проходим мимо одного парня, который занят своим бифштексом, и потом другой парень спрашивает у нас, который час, и я нервничаю, потому что иногда кто-то просто пытается заставить тебя достать свой телефон, чтобы украсть его. Я прошу Валентино посмотреть на его часы и сказать парню, что сейчас 15:40.

Мой квартал не так уж и много значит для многих, но я его люблю. Здесь в окнах висят флаги Ямайки, Доминиканской Республики и Пуэрто-Рико, и они служат одновременно источником гордости за свою страну и занавесками. На деревянном заборе написана граффити "*здесь нельзя парковаться!!!*" и всегда стоят машины; этот беспредел стал шуткой среди семьи Янг. Я никогда не ступал ногой в Конгрегационный храм, что находится рядом с этим небольшим парком, но мне нравится здесь, как в замке.

А затем наш браунстоун, среди других таких же, похожих по кирпичам и строению, но отличающихся по уходу, украшениям и цветам дверей. Этот браунстоун принадлежит семье Далмы на протяжении нескольких поколений, и снаружи ему не помешала бы немного любви, но внутри его

хватает. Мне так спокойно, когда Валентино и я поднимаемся по лестнице и достигаем красной двери, как на стеклянных скамейках на Таймс-сквер. Я вынимаю ключ, которым я раньше выцарапал имя Валентино на скамейке на Бруклинском мосту, и открываю дверь.

Мы добрались.

Мы в безопасности.

И впервые я привёл парня домой.

И, возможно, этот будет последний.

"Я здесь", я кричу вверх по лестнице.

В браунстоуне три уровня. У Далмы и меня на первом этаже находятся спальни, где у нас также есть выход в небольшой задний двор и собственный отдельный вход, хотя мы его почти не используем, потому что этот коридор практически является хранилищем с баками, коробками и мебелью, которую Далма планирует обновить для своей комнаты, но ей пока не удаётся это сделать. Всё это, честно говоря, очень опасно с точки зрения пожарной безопасности, и что-то нужно с этим сделать как можно скорее. Даяна, Флойд и Далия располагают свои спальни наверху, а также есть лестница, ведущая на крышу, где я загораю на солнце.

Я веду Валентино через средний этаж и в нашу гостиную.

"Здесь так хорошо", - говорит Валентино.

Он останавливается у стены с нашими семейными фотографиями. Мне нравятся все те, где мы натуральные, но я не особо участвую в профессиональных фотосессиях в JSPenney, потому что всегда чувствую себя дополнением. Почти как будто они знают, что меня надо пригласить, чтобы мне не было странно, хотя нет никаких доказательств, что они думают так, мои опекуны относятся ко мне с любовью. Я просто знаю, что если бы я не жил здесь, меня бы не пригласили на фотосессии. Так почему мне идти, только потому что меня вынуждают принимать участие? Это то, над чем мне предстоит работать годами, если у меня будут годы, чтобы разбираться в этом.

Валентино касается моей школьной фотографии пятого класса, на которой я не улыбаюсь. "Плохой день?"

"Первая школьная фотография без моих родителей", - говорю я.

"Я понял".

Я пропустил день съемки в четвертом классе из-за траура. Моя мама действительно любила наряжать меня по утрам. Гладила мои рубашки, придавая мне вид взрослого с галстуками, и распыляла на мои кудри средство, чтобы придать им дополнительное сияние. Когда пришли образцы для моих пятокласных фотографий, я сел с Дайаной и позволил ей выбрать свою любимую из всех разных поз - кулак под подбородком, скрещенные руки, вынужденная улыбка и невозмутимое выражение лица.

"Эта фотография кажется честной", - сказала Дайана, выбирая фотографию, которая висит на стене.

Мне понравилось, что мы не ввали, особенно потому что этот день фотосъемки был неделей после годовщины смерти моих родителей.

Изверху доносятся шаги, и я сразу же понимаю, что это Флойд, который ходит по дому, словно у него кирпичные ноги. Флойд в поло и джинсах, которые завернуты тем же черным ремнем, что он использует для всех своих свободных штанов. Его коричневые волосы, как обычно, уложены гелем, даже несмотря на то, что Далма разбудила всех посреди ночи, чтобы вернуться домой до моей операции.

"Привет, гаррочон," - говорит Флойд, пожимая мне руку. У него есть старомодный пуэрториканский стиль, когда мужчины не обнимаются так много. Мой папа тоже был немного таким. "Рад, что ты вернулся живым".

"И я тоже. Флойд, это Валентино".

Флойд смотрит на Валентино с небольшой скептичностью. Это может показаться немного гомофобным, честно говоря, но я знаю, что, возможно, это скорее осторожность из-за наличия живого, дышащего Декера в доме. Он преодолевает это рукопожатием. "Приятно познакомиться, Валентино. Прошу прощения за...ну... ты знаешь".

"Спасибо, сэр".

"Пожалуйста, называй меня Флойд."

Прежде чем я успею спросить, почему все внизу, Валентино обращивается ко мне. "Что такое гаррочон?"

"Высокий и длинный, в общем."

"Зовут его так с детства", - говорит Флойд, спускаясь по лестнице. -

"Когда ему было двенадцать, он был выше меня".

"Это было не так уж и сложно", - говорю я.

Флойд смеется, и собирается поднять руку, как будто хочет меня ударить шутя, но мы пытаемся избавить его от этой привычки. Да, плохой выбор слов, моя ошибка. Исправлюсь: мы пытаемся заставить его бросить это, потому что Дайана чрезмерно чувствительна к домашнему насилию после того, как видела, как ее отец мучил ее мать. Она не хочет, чтобы ее девочек воспитывали в доме, где это считается шуткой, или чтобы я подхватил это во взрослом возрасте.

Мы спускаемся на первый этаж, и я говорю Валентино не обращать внимания на всю мебель, ящики и контейнеры. Это выглядит как полный бардак, поэтому я спешу вести его в нашу гостиную, где Далма и я разложили радужный ковер, по которому ходили все. Я ожидал найти всех на диване, смотрящих фильм или что-то в этом роде, потому что зачем еще бы они были здесь внизу, но там нет ничего, кроме одеял и подушек.

"Сюрприз!"

Я напрягаюсь, и мы видим леди из семьи Янг в небольшом заднем дворе с праздничным одеялом, брошенным через раскладной стол. Далма держит розы, а Далия поднимает знак "ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ВАЛЕНТИНО!" с большинством букв, покрытых блеском, почти как будто ей не хватило времени или блеска, возможно и то, и другое. Дайана первой подходит к Валентино и обнимает его, словно мать.

"Рада была вас встретить", - говорит Дайана, касаясь его лица ладонями.

"И мне тоже, Дайана", - отвечает Валентино. Я впечатлен, что он запомнил ее имя среди всех этих "Д". "Вы уже оправдываете все замечательное, что Орион о вас говорил".

Дайана щекотит мне щеку, что она давно не делала.

"Ты знал об этом?" - спрашивает Валентино.

"Вообще нет," - говорю я, искренне поражен и шокирован. "Может быть, можно уж подождать с сюрпризами, когда в дело вовлечен парень с болячкой сердца?"

"Я тебе написала", - говорит Далма.

Проверяю свой телефон, и она действительно скинула мне предупреждение, но с тех пор, как мы были в метро, или когда мы шли, я не вынимал телефон из кармана, чтобы не подвергать себя риску быть ограбленным. "Моя вина".

Далма передает Валентино розы. "Прошу прощения, что была такой нечувствительной вчера вечером".

"У тебя были хорошие намерения", - говорит Валентино.

"Но я поступила не правильно. Надеюсь, ты сможешь мне простить".

Валентино обнимает Далму, и мне хочется упасть на диван и заплакать.

Маленькая Далия, я имею в виду, ей тринадцать, но для меня она всегда будет Маленькой Далией, даже если она собирается стать Большой Далией по сравнению со своим отцом, обнимает меня, и я представляю ее Валентино.

"Извини, что ты... что ты собираешься... ну ты...понимаешь..." Далия качает головой. "Спасибо, что помогаешь Ориону."

"Он тот, кто мне помогает", - говорит Валентино.

"Лучше бы он помог тебе, ведь ты даришь ему сердце!" - говорит Далия с воздухом удивления в голосе. Она оборачивается к своим родителям. "Мы можем дать ему его подарки?"

"Подарки?" - спрашивает Валентино, следуя за Далией к столу.

Далма останавливает меня. "Эй, надеюсь, это нормально. Мы подумали, что было бы хорошо поблагодарить его за все и показать ему немного семейной любви."

"Это идеально," - говорю я. "Или насколько идеально может быть завершение Дня Конца с незнакомцами."

"Похоже, вы больше, чем незнакомцы".

К сожалению, но, возможно, к счастью, мы такие.

Как бы этот День Конца ни закончился, он причинит гораздо больше боли, чем я могу себе представить.

Валентино

Валентино

15:58

Команда Янг обращаются ко мне, как к семье.

Я сижу за головой их обеденного стола с моими розами на коленях. В ни в одном мире мои родители никогда не дарили бы мне цветы, даже в День святого Валентина. Я не могу не чувствовать, что это мой буквально последний ужин без еды или предательства. Вместо этого Далма выходит из кухни с подарочной сумкой. Она говорит, что это пустяк, но я уже чувствую себя благословленным. Я бросаю бумажную бумагу Ориону и вынимаю снежный шар Нью-Йорка, магнит на холодильник с такси, брелок для ключей с изображением пиццы и небольшой коричневый пакет с сушеными лингвини.

"Лично приготовлю для тебя, если захочешь," - говорит Далма.

Это кажется самым лучшим мирным предложением. "Заманчиво, но я воздержусь."

В глазах Далмы чувствуется грустное облегчение. "Если передумаешь..."

"Я сообщу тебе об этом." Я трясущий снежный шар, и белый порошок сыпется на миниатюрную Статую Свободы и серебряные здания. "Спасибо всем большое. Это было действительно мило с вашей стороны."

"Мы хотели приветствовать тебя в городе", - говорит Далма.

Орион молчит. Я вижу, как много это значит для него, но, кажется, это также делает его очень грустным.

"Откуда вы переехали?" - спрашивает Далия.

"Феникс, Аризона", - отвечаю я.

"Почему вы переехали?"

"Это больше не подходило мне. Как пальто, из которого я вырос."

"Думаешь, если бы ты остался, тебя бы не вызвали на тот свет?"

Все кричат: "Далия!"

"Далия, это так грубо," - говорит Далма.

Далия так сильно пожимает плечами, что это кажется преувеличением.

"Просто задаю вопрос!"

Я хочу разрядить напряжение.

"Это отличный вопрос. Я думал, вызовет ли меня Отдел Смерти, если бы я не уехал из дома. Но я решил верить, что оставшееся в Аризоне время разрушило бы мою душу, и что один день, который у меня был в городе, - это самое живое, что я испытал в течение долгого времени". Я рассказываю семье о том, как я провел свой День Конца. Как отказ в модельном агентстве привел к тому, что мы купили камеру в ломбарде и отправились в путешествие "первый раз". Все фотографии, которые мы сделали, чтобы моя сестра и Орион могли вспоминать меня. Прогулка по Хай-Лайну. Посещение памятника Всемирного торгового центра. Завязывание глаз и прохождение мимо секретной станции метро. Путешествие через Бруклинский мост. Наши выступления в поезде. Возвращение на Таймс-Сквер для первого свидания, которое было прервано. "Не помню, когда я делал так много за один день". Я проскальзываю пальцы через пальцы Ориона и запираю их вместе, зная, что семья, сидящая за этим столом, будет смотреть на нас только с гордостью, а не с осуждением. "Если бы я остался в Аризоне, я бы не встретил своего первого бойфренда".

Глаза Ориона расширяются, и он улыбается. "Бойфренд?"

"Если это нормально для тебя."

"Еще как, бойфренд."

Мы целуемся.

Далия шепчет: "Но они только что познакомились!" И Далма шепчет в ответ: "Заткнись!" И Орион и я прерываем наш поцелуй, смеясь вместе со всеми остальными.

Вместе с Орионом мы делимся более интимными деталями моего Дня Конца и тем, как мы определяли, что можно сделать безопасно, и что стоит рисковать. Далия хочет знать, насколько плохим было выступление Ориона в поезде; мы оставляем это на совести наших выступлений. Далма

благодарит меня за компанию Ориону на памятнике Всемирного торгового центра. Орион пытается рассказать об этом, но у него мало что получается. Даяна приходит на помощь с историями о том, как она выросла с Магдаленой, в то время как Флойд рассказывает о грандиозных вечеринках Всемирной Серии, которые устраивал Эрнесто, когда играли "Янки".

"Мне жаль слышать о Скарлетт", - говорит Далма. "Есть ли шанс, что она выберется?"

"Я не рассчитываю на это", - с болью признаюсь я. Сегодня речь идет о принятии. Орион научил меня контролировать то, что я могу, и принимать то, что я не могу. "С вами мне очень приятно, но вы не против, если я позвоню Скарлетт? Мне очень хочется навести порядок с моей семьей после того, как меня приветствовали в вашей".

"Ты имеешь в виду...?" - спрашивает Орион.

"Да".

Я собираюсь позвонить своим родителям и сказать им, что сегодня мой День Конца.

16:36

Сделать каминг аут как гей - это одно. Сделать каминг аут как Деккер - это другое.

Я сделал каминг аут как гей перед Скарлетт, наш первый момент наедине, когда она восстанавливалась в больнице. "Я тебя люблю, Вал", - единственное, что произнесла Скарлетт вслух, а ее понимающий взгляд сказал все остальное. Я хотел признаться своим родителям того дня же, но они провели так много времени, молясь у постели моей сестры, что я знал, что должен подождать. Через пару дней после того, как Скарлетт вышла из больницы, я знал, что должен был действовать, чтобы все привыкли к нашей новой нормальной жизни, а не вернулись к нашей старой норме, где мне приходилось скрываться в шкафу. Я посадил своих родителей в гостиную и пришел к делу с фальшивой уверенностью. Было сложно сказать, знали ли они уже. Я думал о всех разговорах моего отца, когда он называл "кого-то педиком" в качестве оскорбления или о том, как моя мать подозревала, что любой неженатый старик, не имеющий детей, обязательно гей. Но не было никаких понимающих взглядов от моих родителей, кроме моей сестры. Но были лекции - множество лекций с заголовками о том, что я обречен на проклятие, если выбираю грех вместо Христа.

Будут ли мои родители все равно говорить мне, что я иду в ад, как только они узнают, что сегодня мой День Конца?

Скоро узнаю.

Я только что позвонил Скарлетт несколько минут назад, и она поддерживает мое решение сообщить нашим родителям. Я не знаю, как бы она справилась с этим, если бы я сам не принял это решение. Насколько мне известно, она – их любимец, но будут ли они держать на нее зуб, что она не сказала им, что сегодня мой День Конца? Мы, кажется, больше не узнаем.

Я нахожусь наверху в гостиной этого браунстоуна, рядом с интернет-модемом, чтобы у меня был более сильный сигнал для скайп-звонка с Скарлетт и нашими родителями. Орион ставит свой ноутбук на этот угловой стол, его шнур вставлен в розетку, потому что он разрядится, если не будет заряжаться. Рабочий стол забит файлами Microsoft Word с такими названиями, как "Смотри на меня", "Золотое сердце", "Жизнь в

заложниках" и "Никогда не прав, всегда лев".

"Ты написал так много рассказов", - говорю я.

"Это всего лишь черновики", - отвечает Орион, отодвигая занавеску и позволяя свету проникнуть.

"Но их всё равно много".

"Я просто вхожу и выхожу. Я даже не исправляю опечатки".

"На них смотрели только твои глаза. Ты всё ещё хочешь, чтобы только твои глаза смотрели на твои рассказы? Если так, то это нормально".

Орион улыбается. "Мне было бы приятно, если бы ты стал моим первым читателем".

Я сжимаю его руку, прежде чем вернуться к ноутбуку. "Спасибо. Это будет хорошей наградой за то, что я прошёл этот звонок".

"Ты уверен, что тебе ничего больше не нужно? Я могу остаться поблизости, если ты хочешь, мне не нужно появляться на камере или что-то в этом роде. Я могу быть просто рядом, если ты хочешь".

Я встаю и обнимаю Ориона; мне нравится, что я уже потерял счет, сколько раз мы обнимались. Это значит, что мы компенсируем потерянное время и время, которое будет потеряно. "Ты был со мной на каждом этапе сегодня. Мне нужно пройти этот путь самостоятельно".

Орион целует меня. "Ты справишься, Валентино".

Он возвращается вниз, а я снова сажусь за стол и вхожу в Skype. Запуск приложения всегда занимает вечность, но мой вызов Скарлетт удастся дозвониться.

Скарлетт снова в своей спальне, используя ноутбук нашей матери с нечеткой веб-камерой, так как ее собственные вещи все еще застряли на первом самолете. Ее тушь размазалась на щеках, но она не плачет в данный момент. "Привет, Вал".

"Привет, Скар".

Мы молчим какое-то время. Мы слишком удивлены тем, насколько невероятно это.

Я смотрю на ее шрамы и чувствую глубокую благодарность за то, что она

все еще жива, и надеюсь, что это останется так.

"Они знают, почему ты дома?" - спрашиваю я.

"Только то, что я не смогла улететь из-за Отдела Смерти".

"Уверен, что им это понравилось".

"Они называют сердечный приступ пилота совпадением. Я все еще надеюсь, что они правы".

Это говорит о многом, что меня могут убить на этой веб-камере, и мои родители всё равно не поверят, что Отдел Смерти предсказала мою судьбу, так же как Скарлетт в конечном итоге придет к этому. К счастью, я не пытаюсь убедить кого-либо, что сегодня я умру. Мне просто нужно сказать некоторые вещи сейчас, а также урегулировать мрачный переход к тому, что мне нужно достать что-то из своей груди.

"Скар, есть еще что-то, что ты должна знать."

Она мгновенно встревожилась, как будто у меня, наконец, есть медицинский диагноз, который приведет к моей смерти. "Что?"

"Это хорошо вещь. Если я умру, мое сердце будет донором для Ориона".

У Скарлетт появляется самая грустная улыбка. "Это действительно красиво".

"Надеюсь, что Отдел Смерти неправ и что я смогу лично познакомить вас. Просто знай, что я всегда был готов отдать ему свое сердце, даже когда он был очень хорошим незнакомцем, и теперь, больше чем когда-либо, я горжусь, что сыграл большую роль в помощи моему выдающемуся парню продолжить жить".

Ее руки прижимаются к ее собственному сердцу. "Я с нетерпением жду, чтобы повстречаться с тобой и твоим парнем".

"Я бы очень хотел этого".

Думаю, Скарлетт и я не проведем традиционное прощание. Не тогда, когда она все еще надеется увидеть меня завтра.

Мне придется найти другой способ сказать все, что мне нужно сказать моему любимому человеку.

"Я готов", говорю я.

Скарлетт несет ноутбук в гостиную, где мама и папа сидят на диване и пересматривают "Замечательная жизнь" со включенными вентиляторами. Скарлетт берет пульт дистанционного управления и выключает телевизор.

"Что ты делаешь?" - спрашивает папа.

"Включай фильм назад", - говорит мама.

Она ставит ноутбук на подставку моего отца. "Валентино хочет поговорить с вами".

Мои родители смотрят на меня. Мама в халате с ее планировщиком на коленях. Она - единственный человек, которого я знаю, кто всегда доводит дело до конца, следуя планам. Папа в белой рубашке, заправленной в серые шорты, перекусывает Royal Dansk Danish cookies прямо из синей банки. Они оба молчат, хотя у них есть много, что они могли бы сказать. Они могли бы спросить меня о моем полете. О том, как я устроился. Даже поблагодарить меня за то, что я ушел из их дома. Но они отводят взгляд, словно их фильм снова начался. Я не особо хочу видеть их позже, если все, что они будут делать, - это повторять то же поведение, которое заставило меня чувствовать себя неуютно в том самом доме, где я вырос.

Я собираюсь спросить Скарлетт вернуться в свою комнату с ноутбуком, чтобы мы могли провести это драгоценное время, разговаривая, но я не собираюсь уходить снова.

Я собираюсь пережить первый - первый раз, когда я говорю открыто о своей жизни.

"Нью-Йорк был настоящей американской горкой, спасибо за вопрос. Вы следили за всеми новостями Отдела Смерти? Вы слышали о стрельбе, которая произошла на Таймс-сквер? Я был одним из людей, на которых стреляли, что особенно пугающе, потому что это произошло мгновениями после того, как Отдел Смерти позвонил, чтобы сказать мне, что я умру".

Их взгляды оба обращены на экран, как будто они не могут сдержать себя, как будто это магнетизм.

"Вы, наверное, задаетесь вопросом, почему я не сказал вам об этом с полуночи. Это потому, что я был готов умереть, не говоря вам об этом, потому что я не верю, что вас волнует моя жизнь. Я ваш единственный сын. Ваш первенец. Причина, по которой вы стали родителями, и вы даже

не попытались полюбить меня, как только я сказал вам, что я гей".

Оба они морщатся, как будто я сказал плохое слово. Как будто я плохой.

"Настанет время, когда вам придется встретиться с тем, как вы сделали меня таким невыносимым, что я уехал. Но я хочу поблагодарить вас за то, что вы были такими нелюбящими, потому что это выгнало меня из вашего дома и в объятия мальчика с самым большим сердцем. Он удостоверился, что мой последний день на этой планете наполнен любовью и добротой, которую я заслуживаю, и я проведу оставшуюся часть своей жизни с ним, даже если это значит, что мне придется идти в ад, когда все будет окончено".

Орион

Орион

17:05

Мой парень - да, парень. И что! - в моем доме.

Это все еще потрясает мой разум.

Я бы никогда не поставил бы деньги на то, что встречу кого-то, кто станет "парнем" менее чем за один день. Мне стоит больше верить в себя. Вчера вечером, я клялся, что Валентино находится за пределами моей лиги, и сейчас, когда я это говорю, что это не так. Я просто проявляю любовь к себе, потому что я помог незнакомцу, которому нужна была поддержка, даже не ожидая ничего взамен; я даже не думал о его сердце. Мы находимся в одной и той же лиге - за исключением, конечно, когда речь идет о выступлениях в поезде - и я такой же хороший и классный, как и он, и мы могли бы сделать еще больше великих и классных вещей вместе, если бы у нас было время. Но солнце садится, и это значит, что уже почти ночь.

Меня становится тревожно, я думаю, что мне нужно "защитить" дом для Валентино и всех остальных: убрать все провода с пола, может быть, даже отключить все ненужное; еще раз убедиться, что датчики дыма работают; освободить коридоры для аварийного выхода; положить подушки внизу каждой лестницы на случай падения; и забаррикадировать окна, чтобы защитить нас от злоумышленников. Но я бы только откладывал неизбежное, когда, вместо этого, я могу жить с Валентино, пока у меня есть на это время. Я уделил время, чтобы закончить уборку своей спальни и подготовить ее к чему-то важному, чему-то, что, как мне кажется, может помочь ему расслабиться после наверняка непростого разговора с его семьей.

Я поблагодарил своих родных тысячу раз за то, что они поддерживали Валентино и окружили его той любовью, которую ему не дали его собственные родители.

"Все готово," - говорю я, возвращаясь к столу.

"Ему это понравится," - говорит Далма.

"Надеюсь," - отвечаю я. - "Правда, спасибо за все."

Тысяча первый раз.

"Нам это в удовольствие," - говорит Дайана. - "Мы любим тебя и хотим только лучшего для тебя."

"Тогда не пытайтесь ускорить его последний день", - говорю я.

"Мы хотим увеличить все ваши дни, гаррочон", - говорит Флойд. - "Отдел Смерти предоставляет нам уникальную возможность обеспечить вам необходимый уход, но это также требует много подготовки".

"Это дерьмо может пойти не так", - говорю я.

"Следи за языком", - говорит Дайана, глядя на Далию, словно она не ругается за их спинами.

"Послушайте, я, может быть, не официальный Деккер, но я тоже могу умереть сегодня ночью. Вы будете чувствовать себя хорошо, если мы ускорим смерть Валентино и так же мою смерть?"

Все молчат, и Далма борется с собой, но, как и в среди ночи в больнице, она проигрывает самой себе. "Это не о нас, Орион. У вас и Валентино сложились очень красивые отношения, и грустно, что у вас не будет больше времени вместе. Но как вы будете себя чувствовать, если Валентино умрет напрасно, а затем и ты?"

Я довольно близок к тому, чтобы сказать что-то умное и сказать ей, что я не буду ничего чувствовать, потому что буду мертв, но я молчу, потому что у всех хорошие намерения и они просто пытаются заменить мое сердце на сердце Валентино. Они не понимают, как тяжело будет мне жить из-за Валентино и без него. Как каждое биение сердца будет его шёпотом для меня на протяжении всей моей жизни. Я просто не хочу слышать, как он говорит мне из-за могилы, что я заставил его умереть, чтобы я мог жить.

Валентино спускается по лестнице, и я встречаю его у двери. Он несет мой ноутбук, и чем ближе он подходит, тем громче его плач. Я развел руки для объятий, вместо того, чтобы сжимать кулаки, как хотелось бы, потому что я так разозлен, что даже смерть на горизонте его родители не могли взять себя в руки. Валентино не идет на объятия, он бросает ноутбук на диван и

схватывает меня за лицо и целует меня. Это не так страстно, как первый раз на Бруклинском мосту, что хорошо, потому что мне все равно, что моя семья может нас видеть, но я еще не готов, чтобы они видели, как я так целуюсь.

"Ты в порядке?" - спрашиваю я, дыша. "Как прошло?"

"Они ничего не сказали, но я сказал все, что нужно", - отвечает он.

"Я рад за тебя. И твои родители пусть идут к черту и -"

"Я не желаю им зла, Орион. Сказать им, что я готов умереть, чтобы жить своей жизнью, - это все, что я должен был сделать, чтобы победить."

"Ты сказал, что готов идти в ад? Это звучит героически".

Он вытирает слезы. "Возможно, за это меня накажут, если ад существует".

"Да, там должно быть жарко".

"Не хуже, чем в аризонской жаре".

"Но если серьезно. Как все закончилось? Они правда ничего не сказали?"

"Ни единого слова, Орион. Я искренне думал, что они извинятся или скажут, что любят меня, или даже что-то насмешливое о том, что это моя плата за то, что я иду против Бога. Но молчание стало причинять еще больше боли, поэтому я положил трубку. Я подумал, что будет лучше поплакать наедине."

Я хотел был быть рядом с Валентино с самого момента его первой слезы. Мне не нравится идея, что он плакал в одиночестве, но ему не нужно было мое присутствие. Валентино — это выживший, который нуждался в некоторой помощи в свой последний день, но всегда имел эту устойчивость в своем сердце и костях.

Я беру его за руку и веду обратно на улицу, где его ждет любящая семья. Он не рассказывает больше деталей, чем мне, но они стали на его защиту тоже.

Даяна выглядит больной этой историей. "Я люблю Бога, но Бог никогда не должен стоять между мной и моими детьми. Если бы у ваших родителей были более здоровые отношения с Богом, этого не случилось бы."

"Это многое значит для меня слышать это," - говорит Валентино.

"Мне жаль, что ты не слышите это от своей собственной матери и отца," - говорит Даяна.

"Знают ли они о... обо мне?" - спрашиваю я. Затем я осознаю, как это звучит. "Не обо мне, как о человеке, как о твоём друге - парне. Я имею в виду о пересадке сердца."

"Они не знают об этом," - говорит Валентино. - "Но они знают о тебе."

« "Ты уверен, что задержался достаточно долго, чтобы убедиться, что у них не было инфаркта?"

"Это уже слишком," - говорит Далма.

"Я могу так шутить, потому что инфаркты — это часть моего сообщества."

Даяна поднимается. "Хорошо, все встаем и идем. Давайте дать парням немного приватности." Она провожает Далму, Флойда и Далию вверх.

Но Далма возвращается. "О-Бро..."

Это все, что она говорит, прежде чем уйти вниз, закрыв за собой дверь.

Но я знаю, что она мне говорит.

Что не делать.

Не дай Валентино умереть напрасно.

Но прежде всего: немного больше первых раз.

Валентино

Валентино

17:23

"Добро пожаловать в О-Зон," - говорит Орион, открывая дверь в своей спальне.

"Отличное название," - говорю я, сердце мое стучит, когда я вхожу в эту уютную спальню, из которой дует ветер из вращающегося вентилятора. Стены окрашены в светло-серый цвет, почти белый. Над его деревянным столом приколоты фотографии Ориона с его родителями. Одно окно выходит во двор, где стол снова пустой, потому что все вернулись наверх. Позади меня находится односпальная кровать Ориона, заправленная белым одеялом, такая же, как была у меня в Аризоне. Только на его кровати также черно-серая клетчатая одеяло, с его телефоном, моей камерой, двумя бокалами для шампанского и белой свечой, лежащей на подносе.

"Что это все?" - спрашиваю я.

"Мы так и не смогли устроить нормальное первое свидание," - говорит Орион, беря меня за руку и ведя на кровать. - "Я подумал, что мы могли бы устроить его здесь."

"Так ты буквально ложишься в постель на первом свидании."

Орион смеется. "Только если мне понравился этот парень."

"Хорошо для тебя."

"Хорошо для нас."

Он делает вид, что зажигает спичку и фальшиво зажигает свечу.

"Надеюсь, что свеча не опрокинется и не подожжет кровать," - говорю я.

"Это точно, это было бы ужасно."

Мы сидим у стены, держась за руки и пустые бокалы для шампанского.

"Полагаю, нам ничего не налить," - говорю я.

"Кто сказал?" - Орион выпивает из своего бокала, а затем вздыхает, как будто выпил воду в первый раз за долгое время. - "Ох, парень, мне действительно это нужно было."

Я пью воздух из своего стакана. "Это было действительно хорошо."

"Нет, нет, нет, нет, нет. Ты полностью фальсифицировал это."

"В отличие от чего?"

"Проживи этот момент."

Это мой последний день, и сегодня у меня был только черный чай из-за возможной операции, но когда я снова приношу стакан к губам, я думаю о всех вещах, которые я бы хотел выпить в последний раз, если бы мог: много лимонного чая; рутбир флоут из закусочной; зеленые коктейли и ванильные белковые смузи, которые я люблю готовить утром; яблочный сок, который напоминает мне о разделении с сестрой с сосками для питья, когда мы были детьми; и много галлонов воды. Когда я заканчиваю это маленькое упражнение, я все еще очень обезвожен, но полон воспоминаний об этих мелочах, которые я принимал как должное. Я выдыхаю глубоко, что удовлетворяет Ориона.

"Отличное начало нашего первого свидания," - говорю я.

"Будет лучше, надеюсь."

"Если ты думаешь о том же, что и я..."

"О, я думаю о том же, что и ты, но я также думаю о том, насколько нервничаю, читая вам одну из своих историй."

"История - это то, о чем я думал. О чем еще вы думали?"

Орион смотрит мне в глаза, прежде чем понять, что я подшучиваю. "Я тебя ненавижу."

"Нет, ты меня не ненавидишь."

"Нет, я тебя не ненавижу."

Между нами возникает напряженность, прежде чем Орион берет свой телефон. "Я написал это прежде, чем узнал тебя, но это было о трансплантации сердца."

Орион начинает читать мне свой рассказ "Золотое сердце", тот же самый,

который я видел на рабочем столе его ноутбука. Это не комедия, но я не могу не смеяться, когда Орион говорит, что имя главного персонажа - Орионис. Но дело становится темным, когда Смерть начинает старить сердце Ориониса, и он может оставаться в живых только если Орионис танцует с ним. Его жизнь становится этим бесконечным танцем со Смертью, который он был готов закончить, потому что жить так больше не было жизнью. Затем он встречается пожилого мужчину с золотым сердцем, который живет беззаботно и делает все то, что Орионис не мог сделать. Но это разрывает ему сердце, видеть Ориониса таким несчастным, так же, как мое разрывается относительно Ориона. Старик дарит свое сердце Орионису, как и я для Ориона.

Орион закрывает свой телефон. "Вот и конец."

"Это тяжело и счастливо."

"Да. Я не думал, что это может быть еще печальнее, кроме того факта, что ты не сможете жить так долго, как старик."

"Это грустно, но это не самая грустная часть. Старик даже не знал Ориониса. У меня был день с человеком, который будет иметь мое сердце."

"Большой факт. Мне нравится знать, что меня не питает полный говнюк."

Орион пытается скрыться за юмором. Я думаю, мы подходим к тому моменту. Тому моменту, когда мы знаем, что нам придется сказать друг другу прощай.

Я беру его за руку.

"Ты думаешь, что будешь писать обо мне?"

"Слов будет недостаточно, но ты даешь мне время, чтобы попробовать их найти."

Я тяну Ориона к себе на колени и мы смотрим друг на друга.

"Спасибо за то, что приветствовал меня в О-Зоне."

"Спасибо, что вошел в мою жизнь."

"Спасибо за спасение моей."

"Спасибо за спасение моей," - повторяет Орион.

Мы целуемся, как будто это вызов, чтобы увидеть, насколько долго мы сможем продолжить, прежде чем смерть разлучит нас.

Потом, когда мы становимся более возбужденными, мы приступаем к специальному первому разу для нас обоих.

Я переворачиваю Ориона на кровать, и он фальшиво беспокоится о незажженной свече, но затем замирает, когда я снимаю свою рубашку. Его пальцы скользят от моего ключицы через мои грудные мышцы и следуют по моему прессу, прежде чем расстегивать мои брюки. Это гораздо проще, чем мне бороться с его узкими джинсами, которые держатся на его ногах как кирпичи. Но как только мы оба полностью разделись, мы смотрим друг на друга с самой большой улыбкой.

"Самый лучший день", - говорю я.

"Самый лучший чертов день", - говорит Орион.

Затем мы двигаемся так, словно мир может закончиться в следующую минуту. Он передает мне презерватив, и я надеваю его и медленно проникаю внутрь него, и это так хорошо, что я не могу поверить, что мне удастся пережить это всего лишь один раз.

Единственное, что я могу сделать, не отличается от того, что я делал весь день: это жить в моменте.

Наши руки притрагиваются к бьющимся сердцам друг друга, когда Орион и я продолжаем жить этот невероятный первый опыт вместе.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Конец

От имени всех нас в Отделе Смерти, нам жаль, что теряем вас.

—Хоакин Роза, создатель Отдела Смерти

Орион

Орион

18:06

Этот первый опыт был лучше, чем я мог себе представить - а я блин чертов писатель!

Серьезно, я удивлен, что пережил это. Я не говорю, что секс был безумным или что-то в этом роде, просто было сложно справиться со всеми этими гормонами, когда мое сердечное состояние ухудшается. Я начал думать, что секс будет слишком рискованным, как прыжок с парашютом или альпинизм. Я не интересуюсь прыжками с самолета или восхождением на горы, но секс всегда был довольно высоко в моем списке дел, и Валентино был идеальным первым партнером. Это было медленно, как я всегда думал, что это будет, и он следил за мной на каждом этапе, никогда не пытаясь ускорить процесс, даже если на его День Конца счетчик тикает все громче и громче. Он хотел жить в этот первый раз так же долго, как и я, и будто мы превратили минуты в часы.

Но, при всем моем увлечении, мы говорим о минутах.

Одни из моих самых любимых минут.

Теперь я принимаю душ в коридоре от моей спальни, желая вернуться к Валентино. Все это время, пока я мою волосы и тело, меня разрывает между воспоминаниями о том, насколько хорошо все чувствовалось, и тем, насколько плохо все будет чувствоваться, когда он уйдет.

Что-то, что только началось, закончится так же быстро, как началось.

Его смерть может случиться в любую минуту.

Она могла случиться уже.

Мне страшно даже представить, что Валентино мертв в моей спальне.

Я выхожу из душа, едва вытираясь, даже при внезапном воспоминании о Валентино который надрал себе задницу сегодня утром в своей квартире, потому что он был мокрый когда вышел из собственного душа, и я

вспоминаю, что я тоже еще не в безопасности, что сегодня может быть и мой последний день, но я не могу остановить себя нуждаться увидеть его живым. Я открываю дверь своей спальни, и Валентино сидит у моего письменного стола и разговаривает в камеру.

Или он разговаривал в камеру, пока я не ворвался, как будто дом горит.

"Что происходит?" - спрашивает Валентино, со страхом в его голубых глазах.

"Ничего, ничего". Я чуть не уронил полотенце, завернутое вокруг моей талии, что тоже не было бы концом света, теперь когда мы видели каждый друг друга. "Я хотел убедиться, что у тебя все в порядке. Я просто почувствовал... Я начал нервничать".

Валентино глубоко вздыхает и садится. "Со мной все в порядке. Я просто записываю сообщение для Скарлетт. Что-то, что она сможет сохранить после того, как я...". Маленький, понимающий кивок. "Ты не против, если я закончу? Мне нужна минута".

"Занимай сколько угодно времени", - говорю я. Затем: "И не умирай". После чего: "Ты понял, что я имею в виду!"

Я выхожу из своей спальни, и меня наполовину склонен ударить себя по рту, чтобы не говорить еще больше глупостей. Вместо этого я возвращаюсь в ванную комнату, где вытираю волосы полотенцем, потому что фен теперь кажется слишком рискованным, теперь что моя собственная участь вновь под вопросом; я не пытаюсь умереть от удара током. Я переодеваюсь в новые джинсы, немного свободнее, чем моя предыдущая пара, чтобы мне не пришлось бороться, чтобы их снять. И поверх своей майки я надеваю серую рубашку Валентино, которую он носил, вдыхая запах цитрусовых, что-то вроде его толстовки. Если у Валентино есть проблемы с тем, что я ношу ее, то ему придется сразиться со мной до смерти, а затем, возможно, он умрет или мы умрем вместе из-за ссоры из-за рубашки, которую я хочу сохранить, как чемпионский пояс, как трофей, который всегда будет напоминать мне о победах в этот День Конца.

Я ступаю на полотенце и тащу его из ванной комнаты в свою спальню, вытирая лужи.

Затем я стучу в свою спальню, что кажется странным. "Ты в порядке?"

Каждую миллисекунду, когда он не отвечает, я нервничаю.

"Входи," - он говорит после целой секунды, жив и здоров. Я открываю дверь, и он улыбается, когда видит меня в его рубашке. "Ты хорошо в ней выглядишь."

"Ты носишь ее лучше всего, но я хочу сохранить ее, и ты должен знать, что я готов сразиться с тобой до смерти".

Валентино поднимается со стола и целует меня. "Она все твоя", - говорит он после.

Он кажется довольным в своей майке "Счастливого Дня Конца!", хотя я приглашаю его снова обшарить мой шкаф, теперь когда я его обобрал. Он просматривает мои толстовки, пока я что-то убираю - презерватив и обертку в моем небольшом мусорном баке, носки и нижнее белье и облегающие джинсы в моей корзине для белья.

"Все в порядке с твоим сообщением?" - спрашиваю я у Валентино.

"Думаю, да", - говорит Валентино, надевая обычную серую толстовку. "У меня нет так много времени, чтобы сделать это правильно".

"Я уверен, что Скарлетт оценит его, даже если ты просто сидел там в молчании".

« "Ты, наверное, прав".

Я начинаю застилать постель. Каким-то образом, она будет чувствоваться такой пустой без Валентино, даже если я поделился ею с ним всего лишь один раз. Горе - хитрый сучка, пытаюсь выбить меня до того, как Валентино даже не покинул игру. У меня не очень получается заправлять простыни под матрас, я всегда что-то делаю не так. Затем Валентино приходит на помощь, и это миллионное напоминание о том, что его не будет рядом, чтобы помочь мне постелить постель, обнять меня и спросить, как у меня дела.

"Мы должны двигаться дальше, Орион".

Я пытаюсь заговорить, но не могу. Я не готов к тому, чтобы это закончилось.

"Я подумал, что мы могли бы поделиться еще одним последним первым", - говорит Валентино.

"Не говори о нашем первом последнем прощании или что-то вроде того".

Валентино поднимает камеру. "Первая прогулка по воспоминаниям?"

"С удовольствием", - прошептал я.

"Я подумал, что мы могли бы сделать это у меня дома. Затем я могу оставить камеру для Скарлетт, и мы сразу отправимся в больницу. Надеюсь, доктор Эметерио что-то придумает для меня..."

Что-то, что было бы мирным способом умереть, в отличие от чего-то другого, что его ждет.

Но я не дарю жизнь этим кошмарам. Я собираюсь жить мечтой.

"Отведи меня домой, Валентино".

Фрэнки Дарио

Фрэнки Дарио

18:24

Этот день не может стать хуже.

Сначала этот арендатор - Деккер ушел и умер, уничтожив мечты Фрэнки.

Затем лучший друг его жены уволился с Отдела Смерти, став бесполезной для Фрэнки в будущем.

А затем Хоакин Роса вышел в эфир и признался, что его компания не такая чудо-система, какой он ее описывал, разрушив шансы Фрэнки захватить шок тех Декеров, которые выживут.

Фрэнки чувствует себя в замешательстве, как будто не может выселить себя из этой жизни, так же, как он может выселить арендаторов из своего здания. Он хотел бы избавиться от всех. Тогда он мог бы уйти на первый этаж, когда Глория доводит его до белого каления; с этой целью он фактически жил бы на первом этаже. Это здание... почему его отец не оставил ему лучшее наследство, как компанию из списка Fortune 500? Вместо этого Фрэнки должен заниматься прочисткой труб, обжиганием себя на батареях и попаданием в роль плохого парня, потому что другие люди не могут оплачивать счета вовремя. Это что его вина? Плати или выходи. Это не приют для бездомных.

Фрэнки смотрит вечерние новости в своей гостиной, где темой обсуждения является Отдел Смерти. Никаких сюрпризов. Его дверь в квартиру осталась открытой с утра, даже когда его арендаторка на первом этаже решила включить бачату сегодня днем; он был готов повесить уведомление об изгнании на ее дверь просто так. Но Фрэнки надеется, что, возможно, Валентино Принц каким-то образом выжил до этого самого момента его Дня Конца, хотя это кажется маловероятным, учитывая, как новостные дикторы говорят о успешных прогнозах Отдела Смерти среди зарегистрированных пользователей, которым они звонили. Тем не менее, он оставляет свою дверь открытой, зная, что до полуночи остается менее шести часов.

Многое может случиться за это время.

Дверь в приемной, все еще внизу, громко захлопывается, жалуясь, что делают жильцы на первом этаже, и Фрэнки продолжает утверждать, что он когда-нибудь займется этим и но он этого не делает и надеется, что ему никогда не придется. Мог бы это быть Валентино? Затем он узнает быстрые шаги, бегущие вверх по лестнице, и в ответ он вздыхает.

Пас вбегает внутрь. "Папа! Папа! Папа!"

"Да?" - спрашивает Фрэнки.

"Я заказал рекламу! На следующей неделе снимаем!"

Фрэнки оборачивается к сыну, не уделяя ему полное внимание, но достаточно. Как это возможно, как это справедливо, что ребенок продолжает приближаться к своим мечтам больше, чем его собственный отец? Сначала это была небольшая роль в том фильме, а теперь какая-то реклама, а дальше - главная роль в каком-нибудь телесериале. Почему мир готов показать этому ребенку больше любви, чем мужчине, который отработал свое время, который усердно работал, который долго пахал?

"Молодец", - говорит Фрэнки.

"Было так весело", - говорит Пас, уронившись на диван рядом с ним.

"Потом мы все пошли за мороженым. У меня мозг замерз."

Все?

Фрэнки слышит, как ключи Глории брякают, когда она поднимается по лестнице медленно, как обычно, словно она идет вверх по крутой горе. Он ударит стену, если она еще раз будет жаловаться, что лифт снова не работает. Он также ударит стену, а возможно, и саму Глорию, если у нее не будет хорошего ответа на вопрос, кто сегодня болтался вокруг его сына.

Затем он слышит голос мужчины. Это Роландо.

Почему они вместе?

Если у нее роман, Господи помоги им...

Черт, Фрэнки несколько раз изменял Глории с той женщиной на третьем этаже, но это было по-другому. Глория об этом не знает, и Фрэнки никогда бы не заявил об этом ей в лицо. Но пригласить Роландо к себе

домой? Как будто Фрэнки не тысячу раз говорил Глории, что он не полностью доверяет Роландо и у него в голове только дружба?

Первое желание Фрэнки эти утром захлопнуть дверь - прямо перед лицом Роландо.

Валентино

Валентино

18:27

Зачем идти навстречу собственной смерти, если ты умеешь водить?

Флойд везет нас по Рузвельту, десятиминутному путешествию от его дома до моего здания. Но есть один нюанс: я сижу один в заднем сиденье фургона, а Орион рядом с водителем. Это решение безопасности, и я согласился с ним, когда сел в машину и принял это щедрое предложение.

Добираться в День Конца действительно сложно.

Орион и я попробовали отправиться на поезде, но его семья не позволила нам. Между домом и станцией было слишком много рисков, а поездка на поезде сама по себе представляла свои собственные опасности. Я думал, что мы могли бы взять такси, но опекуны Ориона не доверяли ни одному водителю, особенно после того, как на прошлой неделе Флойду пришлось оказать медицинскую помощь таксисту, ответственному за аварию. А что, если судьба окажется достаточно жестокой, чтобы посадить этого человека за руль снова с нами на заднем сиденье? Флойд предложил водить сам, но отказался пускать с собой Даяну, Далму и Далию.

Он попытался утверждать, что для всех нас нет достаточно места, но это фургон. Все могли бы уместиться. Я просто знаю, что он не хочет рисковать их жизнями. Уверен, он хотел бы, чтобы Орион сидел в машине с Даяной и девушками, но лучшее, что он мог сделать, - это предложить Ориону сесть впереди с ним, чтобы помочь навигировать по фривею, который был довольно длинным.

Меня это не расстраивает. Я хочу, чтобы Орион был ближе к подушкам безопасности. Лучшая защита, которую у меня есть здесь, - это одеяла, постельное белье и подушки, которые Даяна дала мне оставить для Скарлетт. Теперь Скарлетт не придется спать под моей одеждой, как я делал это с Орионом.

Мне нравится эта память. Первый раз, когда я разделил постель с парнем.

Я протягиваю руку, как позволяет мне мой ремень безопасности, и держусь за плечо Ориона, словно это край обрыва. Он поворачивается и целует мои костяшки пальцев, а затем прикрывает их своей рукой.

Весь путь прошел молча. Вождение безопасно — это уже само по себе акт доброты, который он мне оказывает, и может привести к смерти всех.

Но что бы ни случилось, я все равно не могу избавиться от ощущения, что меня везут в машине к своим собственным похоронам, хотя мое сердце все еще бьется.

Орион

Орион

18:30

Мой телефон звонит, и секунду мне кажется, что я не могу ответить на него, словно это я вожу машину, а не сижу на рядом с водителем. К счастью, у Флойда крепкие нервы. Я проверяю свой телефон, и это не звонок от Далмы или Скарлетт. Это номер, который я не знаю.

"Привет?"

"Привет, я звоню, чтобы поговорить с Орионом Паганом. Это доктор Эметерио из Ленокс Хилл."

"О боже мой, здравствуйте! Это я."

"Как у вас дела?"

"У меня все хорошо, на самом деле, очень хорошо."

"Это значит, что Валентино все еще жив?"

"Да, мы вместе сейчас." Я оглядываюсь через плечо и говорю Валентино, что это доктор Эметерио по телефону. "Что-то произошло?"

"Можно поговорить с Валентино?"

"Конечно." Я передаю телефон обратно Валентино.

Я пытаюсь понять, хорошая ли это вещь или плохая. Я наблюдаю за Валентино через зеркало заднего вида, надеясь на какое-то предварительное предупреждение. Он только говорит "да" и "нет" и "ага", а затем наконец говорит: "Спасибо, доктор. Увидимся скоро." Это тоже ничего мне не говорит, мы уже планировали вернуться в больницу.

Валентино встречает мой взгляд в зеркале заднего вида.

И улыбается.

И кивает.

И слезы наворачиваются у него в глазах.

"Совет одобрил операцию", - говорит Валентино.

Сейчас было бы плохой идеей, если бы мое сердце взорвалось, но я взрываюсь от счастья.

Мы не можем спасти его жизнь, но мы можем предоставить ему более мягкую смерть.

Победа Отдела Смерти.

Глория Дарио

Глория Дарио

17:34

Глория слишком много времени провела в страхе.

Был первый раз, когда Фрэнки приложил руку к ней, яростно потеряв деньги на фэнтези-футболе, как будто Глория выбирала игроков для его команды. Затем Фрэнки избил Глорию, когда она была беременна, так сильно, что у нее началось кровотечение, и она думала, что ребенок может быть убит своим отцом. Был также момент, когда темперамент Фрэнки вспыхнул из-за чего-то, о чем Глория уже забыла, только помня, как она выбежала из ванной комнаты, обернутая только полотенцем, и взяла трехлетнего Пазито, спрятавшись в квартире соседа, в то время как Фрэнки пытался найти ее, лужа образовавшаяся у ее ног, пока она зажала руку Пазито у его рта, чтобы он не откликнулся на отца, когда он кричал его имя, словно худшая игра в прятки. И, конечно же, Глория не может забыть о том случае, когда она пришла домой поздно из-за дня рождения Роландо, и как Фрэнки хотел, чтобы она вернулась раньше и начал искать ее, когда она не отвечала на ее мобильный телефон, как будто она была в постели с Роландо, что ее сердце просило много раз, но она никогда не действовала на это, потому что она хотела быть лучше Фрэнки, который не стеснялся изменять ей - как будто она не знала о соседке на первом этаже. Когда Фрэнки потребовал, чтобы она села в такси, Глория отказалась, увидев, насколько он яростен. Но Фрэнки покинул такси, как будто это была клетка, и бросился на Глорию, как дикий зверь, напав на нее на публике, перед Пазито, который плакал с заднего сиденья. Она была госпитализирована, а Фрэнки провел всего одну ночь в тюрьме, Глория боялась, что может умереть.

А теперь Глории придется сделать то, чего она больше всего боится.

Уйти.

Это единственный способ.

Единственный выход - пройти, как говорит Роберт Фрост.

Глория идет через дверь, ступая в свою квартиру, что может быть в последний раз. Дверь все еще приоткрыта, и Пазито сидит с Фрэнки, который не обращает на Роландо никакого внимания, когда она входит с Глорией.

"Привет", - говорит Глория. Более внимательный муж знал бы, что что-то не так уже. Глория и Фрэнки никогда не здороваются друг с другом. Она ставит свою сумку на маленький кухонный стол, готовая снять с себя обувь, когда вспоминает, что она не будет задерживаться здесь надолго. Она может следить за всеми следами в квартире, сколько ей захочется. Теперь Фрэнки будет убирать за собой хаос.

Фрэнки хрюкает. "Я говорил тебе, что Отдел Смерти не будущее", - говорит он Роландо, не глядя на него. "Ты уверен, что тебя не уволили?"

"Я ушел сам", - говорит Роландо.

Глория чувствует, что Роландо хочет сказать больше, бросить вызов Фрэнки, но все, что это сделает, это только испортит его настроение еще больше. Она кивает Роландо, который берет подсказку и направляется в комнату Пазито.

"Пойдем, я тебе покажу новый набор с поездами", - говорит Роландо.

Пазито с большой улыбкой спрыгивает с дивана и бежит в свою комнату. Роландо обменивается взглядом "Я здесь для тебя" с Глорией, прежде чем закрыть дверь за собой.

Страх продолжает нарастать у Глории, как горячий воздух в этом здании. Но вскоре Глория будет снова на улице и сможет дышать как свободная женщина. Она не садится, хотя ее ноги устали. Она хочет казаться выше, чем она есть на самом деле, и сильной, какой она всегда была.

"Фрэнки, нам нужно поговорить."

"О чем?"

"Я несчастлива. Ты тоже."

Фрэнки не выглядит несчастным. В его глазах есть ярость, которую Глория видела раз за разом. Он отворачивается от ее взгляда, помня, насколько быстро он может перейти от покоя к нахождению над ней.

"Не говори за меня", - говорит Фрэнки.

"Ты и сам не говоришь за себя", - говорит Глория. "И я тоже никогда не говорю за себя".

"Тогда перейди к сути. Что ты хочешь сказать?"

"Я хочу развод."

Это слова, которые она себе представляла уже так долго, но она не может поверить, что они сейчас исходят из ее рта. Ей почти хочется засосать их обратно, но слова уже поднялись в воздух и, таким образом, должны исчезнуть, если она хочет быть свободной.

Фрэнки выглядит убийцей, прежде чем повернуться к двери в спальню, за которой скрываются самые большие части сердца Глории.

"Из-за него?" - спрашивает он.

"Из-за меня".

Стул вылетает из-под ног Фрэнки, кружа в сторону телевизора.

Глория хотела бы, чтобы Отдел Смерти работал так, как обещали, чтобы она знала, кто выживет из этой квартиры.

Валентино

Валентино

18:37

Все идет по плану.

Мы приезжаем к моему зданию в безопасности, паркуемся снаружи, а за нами едет машина Даяны. Все выходят на обочину, и мы все вместе выдыхаем облегчение. Флойд следит за улицей, так как люди гуляют через дорогу в баре, как будто кто-то мог бы опьяненно заехать сюда и начать драку. Далия идет в пиццерию и вдыхает аромат, просит Даяну купить ей кусок пиццы с пепперони. Далма кажется нервной, и я искушен пригласить ее внутрь, чтобы она могла убедиться, что все будет хорошо, но мне действительно нужно побыть наедине с Орионом.

"Здесь громко", - говорит Далма.

"Я обожаю это", - говорю я.

У Ориона в руках подушки, и я несу постельное белье. "Мы пойдем наверх?"

Даяна проверяет свой телефон. "Обратно до семи, хорошо?"

"Сколько это?" - спрашивает Орион.

"Двадцать одна минута".

"Этого недостаточно времени".

Она снова смотрит на свой телефон. "Теперь двадцать минут. Ваше время уменьшается, поэтому вам стоит поспешить".

«Я протягиваю руку за ключами, на которых теперь висит брелок с пиццей, который подарила мне семья Ориона.

"Может быть, на обратном пути мы звякнем Фрэнки, просто чтобы пожать его", - говорит Орион.

"Может быть, когда уйдем".

Я разблокировал дверь в холле, и она захлопнулась за нами. Мы начинаем подниматься по лестнице.

"Извини, если поездка была странной", - говорит Орион сзади.

"Совсем нет. Флойд просто пытался сохранить тебя в живых".

"Сохранить тебя в живых тоже".

"Извините, что я существую и ставлю всех в опасность".

"Закрой рот, я не так думаю. Мне бы просто хотелось сидеть там сзади с тобой. Мне казалось, что нас отталкивали из-за проявления чувств или чего-то в этом роде".

На вершине первого этажа я останавливаюсь. "Так?"

Я целую его, рад, что наши губы снова встречаются, как будто мы встречаемся вновь.

"Так", - говорит Орион. "Можешь угостить поцелуем на каждом этаже?"

"Что за отличное поощрение оставаться в живых".

Мы продолжаем взбираться вверх.

"Я скучал по тебе, когда сидел спереди, кстати," говорит Орион.

"То же самое. Когда я держал тебя, меня успокаивало."

"Какое совпадение, я тоже успокаивался, когда ты меня обнимал."

Второй этаж, второй поцелуй.

На этом этаже кто-то готовит, и у меня даже живот заурчит. Я даже не знаю, что это.

"Как это вкусно пахнет," говорю я.

"Действительно."

"Что первое ты съешь после операции?" спрашиваю я.

"Разве это не попытка говорить об этом?"

"Все равно скоро все закончится," говорю я легким голосом.

"Ты выбери для меня," говорит Орион.

Мне трудно думать, потому что на этом этапе я съел бы и грязную перила,

и даже человеческую ногу. "Ты должен попробовать лингвини, конечно же."

"Без сомнения."

"Картофельное пюре, залитое соусом, жареные морковки, тушеный шпинат, макароны и сыр, так, чтобы они были запечены до почернения."

"Мне, наверное, придется разбить это на несколько приемов пищи."

Третий этаж, третий поцелуй.

Наверху кто-то ссорится. Эта проблема с шумом скоро перестанет беспокоить меня. Я рад, что записал все в студии Ориона, чтобы это не звучало на фоне, даже если шумные соседи - это классика Нью-Йорка.

"Я с нетерпением жду, чтобы увидеть эти фотографии," говорю я.

"Какие из них ты ждешь увидеть больше всего?" - спрашивает Орион.

По мере того, как я поднимаюсь по ступенькам, воскресает разная память.

У входа в ломбард.

Мой первый раз, когда я купил экземпляр New York Times и понял связь с обложкой с Хоакином Розой по телефону.

На High Line с Орионом.

Место памяти.

Бруклинский мост.

Все в поезде, где мы устроили шоу для всех времен.

Поцелуй с Орионом на Таймс-сквер.

Все они заслуживают внимания.

"High Line," - решаю я, когда поднимаюсь на верхнюю площадку, в тот момент, как я слышу какой-то скрежет сверху, который я не могу разглядеть и который меня не беспокоит, потому что я счастлив в этом воспоминании. "Это наша первая фотография вместе. Я хочу увидеть, как она получилась."

"Думаю, ты выглядишь потрясающе, а я выгляжу как дерьмо."

"Я уверен, что ты тоже хорошо выглядишь."

"Я сказал потрясающе! Опять, пытаешься меня похвалить, ты меня унижаешь."

Я смеюсь. "Извини, мой потрясающий парень! Ты потрясающий, я уверен, что ты выглядишь потрясающе, и все в тебе потрясающе, и меня в тебе недостаточно потрясающе! Мы снова потрясающие?"

"Да, конечно, конечно, мы снова потрясающие, мой замечательный парень."

"Я мог бы тебя пнуть вниз по этим лестницам," говорю я, на полпути к пятому этажу.

"Я бы просто упал на свою подушку. Но, правда, я бы не против отдохнуть. Ты выбрал неудачный переезд на шестой этаж."

"Мне сказали, что тут будет лифт."

"Если бы ты узнал меня раньше, я бы мог это проверить для тебя."

"Добавь это к списку причин, почему бы мне не хотелось уметь путешествовать во времени."

Пятый этаж, пятый поцелуй.

"Этот момент сейчас не так плох," - говорит Орион.

Этот момент действительно хорош.

Фрэнки Дарио

Фрэнки Дарио

18:40

Фрэнки собирается убить Роландо.

Он даже думает о том, чтобы достать пистолет из своего шкафа, но пуля будет слишком милосердной. Он хочет лично забить Роландо до смерти. Есть любое количество способов это сделать: ножка стула, которая только что отлетела при столкновении с телевизионной стойкой, сам телевизор, ботинки у двери, размороженная ветчина, которую Глория должна была приготовить на ужин, кухонный нож, несколько ударов ключами. Его кулаки тоже подойдут.

"Роландо, выходи сюда!"

"Что ты делаешь?" - спрашивает Глория.

Фрэнки указывает пальцем на свою жену - на женщину, которая больше не хочет быть его женой. "Ты привела этого мужчину в мой дом, так что давай посмотрим, насколько он мужчина." Дверь открывается, и Роландо выходит. Паз пытается следовать за ним, но Роландо толкает его обратно в комнату. Роландо поворачивается к Глории.

"Не смотри на мою жену!"

"Тебе нужно успокоиться," - говорит Роландо.

"Ты не устанавливаешь правила в моем доме!"

"Мы все рады уйти из твоего дома."

Фрэнки начинает сокращать расстояние между собой и Роландо. "Ты можешь выйти из моего дома, но ты не уйдешь с моей семьей!"

"Я не твоя собственность," - говорит Глория, вставая между двумя мужчинами. Фрэнки толкает Глорию в руки Роландо. "Тогда вы оба можете убираться отсюда! Но Пазито никуда не уходит!"

Ему не интересно быть одиночным отцом, но его поразит, если другой

мужчина воспитает его сына.

"Куда я пойду, туда и Пазито," - кричит Глория, расчесывая волосы.

"Через мой мертвый труп!" - говорит Фрэнки.

И он наносит первый удар.

Валентино

Валентино

18:41

Орион хватается себя за грудь и делает глубокий вдох. "Как дела у твоего сердца? Потому что у меня –"

Крики становятся более разборчивыми, когда Орион поднимается на шестой этаж. Это Фрэнки.

"Ты можешь выйти из моего дома, но ты не уйдешь с моей семьей!"

Какая-то женщина говорит что-то, возможно, о собственности?

"Тогда вы оба можете убираться отсюда! Но Пазито никуда не уходит!"

"Куда я пойду, туда и Пазито!"

"Через мой мертвый труп!"

Затем раздается хлопок, как удар плотно о плотно, и стук.

Женщина кричит "ПОМОГИТЕ!" перед тем как выкрикнуть от боли.

Я бросаю постельное белье, трясясь от страха.

Все в моем сердце говорит мне, что это будет тот момент, которого я так боялся, но ничто не останавливает меня от бегства вверх по этим ступеням.

"Валентино, нет!"

"Оставайся сзади, Орион!"

Я достигаю шестого этажа без шестого поцелуя.

Дверь квартиры Фрэнки открыта. Он на кого-то сверху и избивает его ничем, кроме своих кулаков, а женщина - предположительно его жена - лежит на полу, прижимая ладонь к своему разоренному лицу. Затем открывается дверь, и этот маленький парень, Паз, наблюдает в ужасе, как его отец избивает кого-то до крови. Неужели этот человек - Декер? Я замер от того, насколько нереальной кажется эта ситуация.

Паз замечает меня. "Помоги, пожалуйста!"

Я не теряю больше времени. Я бегу в квартиру и обвиваю руки вокруг Фрэнки, вырывая его с того человека. Фрэнки так сильно ударяет меня локтем в живот, что во рту у меня появляется кислотное послевкусие, и отталкивает меня в стену.

Вот так я умру... от рук человека, борющегося за свою жизнь.

Он смотрит на меня, как на призрака, когда я бью его в лицо.

Я тоже не уйду с пустыми руками.

Фрэнки массирует свою челюсть, когда я вижу, что Паз исчез из двери. Надеюсь, он где-то спрятался. Может быть, я смогу вывести Пазу отсюда, обратно вниз, где он будет в безопасности с опекунами Ориона, которые сохранили мне жизнь так долго. Затем Фрэнки быстро поднимает разломанный ножевой стул и машет им в мою голову снова и снова...

Мне плохо, я шатаюсь назад, испуган и обезоружен, слезы на глазах, и меня разрывает на части...

Он ударяет меня прямо в живот и выбрасывает из своей квартиры и...

Вниз по лестнице, я тянусь к перилам и...

Я промахиваюсь и захватываю Ориона вместо них...

Почему он на этой лестнице, я сказал ему остаться...

Умру, удерживая его, или...

Воспоминание о нашем первом объятии, задолго до того, как позвонили из Отдела Смерти...

Моя лобная кость ударяется о ступеньку, и я кровоточу...

Воспоминание о нас, бежавших, прежде чем я упал на обочину...

Сжимая Ориона крепко, чтобы поглотить удар...

Воспоминание о его руке на моем сердце и моей руке на его...

Мы собираемся удариться о площадку, я думаю...

Эти воспоминания быстрые и запутанные...

Я держусь за Ориона...

Это то, что они имеют в виду, когда говорят, что твоя жизнь мелькает перед глазами...

Паз Дарио

Паз Дарио

18:44

Отдел Смерти не позвонил Пазу Дарио, потому что он не должен умирать сегодня, и он очень сбит с толку, потому что его мама тоже не должна умирать, но его папа избивает ее.

И это не первый раз, но на этот раз самое страшное.

Обычно Паз этого не видит как это происходит. Его мама всегда говорит ему оставаться в своей комнате и ставить стул у двери, так же, как она делала, когда ему было страшно перед монстрами в его шкафу. Стул такой крошечный, что он сломается, если кто-то еще на нем сядет. Его окрасили, чтобы выглядеть как счастливый далматинец с высунутым языком на спинке. Но Паз знает, что стул никого не остановит, потому что его мама всегда рано или поздно возвращается в его комнату, и ему не нужно двигать стул. Она всегда плачет и держит его крепко, пока они не засыпают вместе в его постели.

Иногда его папа приходит в его комнату и спрашивает, все ли с ним в порядке, и Паз отвечает да, и его папа спрашивает, как у его мамы, и его папа говорит, что с ней тоже все в порядке, и затем дверь закрывается снова.

Паз потерял счет, сколько раз это случилось.

Но то, что его мама кричит о помощи, для него впервые, он знает это наверняка.

И поэтому Паз вышел из своей комнаты, хотел помочь своей маме, когда его папа так сильно бил Роландо, что у того пошло кровотечение из носа. Но он не знал, что делать, пока не увидел нового соседа, Валентино, и не попросил его о помощи. Затем Паз побежал в шкаф, не чтобы спрятаться, а с собственной идеей, как помочь.

Люди думают, что Паз плохой парень, потому что он играл одну роль в том фильме, но он - герой.

Он - герой, который спасет жизнь своей матери.

Паз бежит обратно в гостиную, которая больше не похожа на комнату для жизни, после того как прицеливает пистолет в своего отца и нажимает на спусковой крючок.

Фрэнки Дарио

Фрэнки Дарио

18:45

Фрэнки только собрался ударить Глорию еще раз, когда из ниоткуда внезапно выстрелил огонь.

Он упал на бок.

Паз стоит над ним, держа в руках пистолет, и стреляет снова.

Даже Отдел Смерти не мог подготовить его к такой смерти.

Далма Янг

Далма Янг

18:46

Выстрелы.

Дальма боится, что у нее тоже может случиться сердечный приступ.

Это как вчера вечером на Таймс-сквер.

Кто-то застрелил Валентино? Ориона? Или обоих?

Может быть, это всегда должно было заканчиваться стрельбой?

Если бы Валентино был убит вчера ночью, это было бы концом?

Возможно. Но это также означает, что он не смог бы жить сначала. Что-то, что Орион обеспечил.

За какую цену?

Ее семья в панике. Ее мать и Далия выбегают из пиццерии с пустыми руками и садятся в машину, крича Далме влезать с ними. Флойд стучится в дверь холла и жмет все кнопки на домофоне, чтобы его пропустили.

Некоторые жильцы на первом этаже выбегают из своих квартир, испуганные своей жизнью, как и следует, так испуганные, как и Далма должна была бы бояться за свою, но как только эта дверь открывается, она толкает всех, даже Флойда, и бежит вверх по этим лестницам.

Далма чувствует себя как первый отклик, решившим спасти жизнь Ориона, зная в своем сердце, что он тоже бежал бы на помощь, чтобы спасти ее жизнь.

Орион

Орион

18:47

Все смешано и неясно.

Я вижу звезды, но не в космосе.

Моя голова лежит на подушке, но не на кровати.

Рука Валентино лежит на моей груди, но он не обнимает меня.

Звучали выстрелы, но я не мертв.

Я борюсь, чтобы открыть глаза, и сразу же сожалею об этом, когда вижу кровь, размазанную по лицу моего красивого парня, как в каком-то фильме ужасов. Мне хочется вернуться во тьму, где я могу представить, нет, вспомнить, что я лежу в постели с Валентино, который обнимает меня в тихой комнате, где слышно только наше дыхание.

Я пытаюсь разбудить его, но он все еще пытается спать, ну ладно, я понимаю, у нас не было много отдыха в его последний день, но у нас нет много времени, и нам все равно нужно пройти по памяти вместе.

Валентино хотел — хочет — увидеть, как у нас получилась наша первая фотография вместе, та чертова селфи, слово, которое мы оба презираем, и которое не должно пережить его.

Может быть, я смогу разбудить его поцелуем типа "Спящей Красавицы", потому что это не может быть тем, как это заканчивается, пожалуйста, не позволяйте этому быть тем, как это заканчивается.

Я прижимаю свои губы к губам Валентино, но он не просыпается и не целует меня в ответ.

Его грудь медленно поднимается.

Есть надежда.

Я просто не понимаю одного.

Если его сердце бьется, почему кажется, что он не живой?

Далма Янг

Далма Янг

18:47

Сердце Далмы бьется так сильно, она боится, что может столкнуться с убийцей или увидеть тело своего лучшего друга.

Один вариант кажется ей еще хуже, чем другой.

Она поднимается на пятый этаж, за ней идет Флойд, и внизу следующей лестницы она видит Ориона и Валентино, окруженных пожертвованными подушками и постельным бельем, как будто они решили разбить лагерь и отдохнуть в лестничной клетке. Ее облегчает, что Орион плачет, потому что плач означает, что он жив, но ей жаль его за то, что это означает для Валентино.

"Орион..."

Он даже не кажется ее замечающим. Он просто умоляет Валентино проснуться.

Если бы умерла Далма, так Орион реагировал бы, как она представляет себе, и они знают друг друга всю жизнь. Но ее лучший друг плачет из-за парня, которого он знает всего лишь один день, даже меньше! И она знает, что эта боль так же настоящая, как если бы потеряла ее.

Эта смерть останется с Орионом на всю оставшуюся жизнь.

Да будет это долгой жизнью.

"Он все еще жив", - говорит Флойд, рассматривая Валентино.

"Его не застрелили?" - спрашивает Далма.

"Нет, нет, нет, его пнули вниз по лестнице", - говорит Орион.

Далма смотрит на шестой этаж, видит открытую дверь и слышит плач.

Мог ли убийца быть наверху? Есть ли другое место, куда он мог бы уйти, например, лестница на крышу, как у нее дома? Или он спустится вниз в любой момент? Если у него нет страшной черепной маски, как у убийцы

на Таймс-сквер, схватит ли он Далму и всех остальных, чтобы не оставить свидетелей?

Она хочет вытащить Ориона и Флойда отсюда, но пока Валентино дышит, она знает, что Орион не оставит его.

"Мне нужно немного места", - говорит Флойд, открывая глаза Валентино.

Орион отказывается подниматься с своего парня.

"Он пытается спасти его жизнь", - говорит Далма.

На самом деле Далма солгала.

Она не может говорить за Флойда, но ее глаза, мозг и сердце осознают, что происходит на самом деле. Валентино не имеет никаких шансов на спасение. Он умрет, как и предсказал Отдел Смерти, возможно, в любую минуту. Но для Ориона это может быть еще не слишком поздно. Не обязательно и для него этот день должен закончиться.

Все шло к этому моменту, этому столкновению жизнью.

"Нам нужно довести вас обоих до больницы", - говорит Флойд, поднимая Валентино на руки, проявляя удивительную силу для кого-то, кто находится на более коротком конце своей жизни.

Далма соединяет свою руку с рукой Ориона, который не отводит своих слезных глаз с Валентино, даже когда они спускаются с пяти этажей лестницы. Она удивлена, что они спускаются вниз в одном заходе, и облегчена, когда им удастся выйти из здания живыми.

Они избежали убийцы, и если все пойдет хорошо, они доживут до нового дня.

По крайней мере, большинство из них.

Глория Дарио

Глория Дарио

18:48

Сын Глории убил своего отца, чтобы защитить ее.

Слезы катятся по милым, молодым щекам Пазито.

Пот блестит с разбитого лица Роландо.

Кровь скапливается вокруг Фрэнки, как пролитое ведро красной краски.

"Не двигайся, Пазито", - говорит Глория, глядя на пистолет, все еще сжимаемый в руках ее сына.

Пазито дрожит.

Единственное неправильное движение, и Глория окажется мертвой рядом с мужем. Она знает, что Пазито не причинит ей вред, не намеренно, но несчастные случаи случаются всегда, когда пистолет оказывается в руках кого-то, особенно ребенка. Это оружие не должно было находиться в их доме с самого начала, но ей не удалось убедить Фрэнки избавиться от него, и трудно спорить с хозяином оружия с плохим характером. Глория чувствует, что она подвела Пазито, не борясь сильнее, не пытаясь уйти раньше, ставя его в положение, чтобы защитить ее, когда должно быть наоборот. Теперь Пазито будет страдать на протяжении всей своей жизни, «преследуемый призраком отца, которого он убил, и нет слов, чтобы описать, насколько это разбивает сердце Глории.

На данный момент, нежными руками она забирает у сына пистолет.

Она кладет его и поднимает его, несет в его спальню.

Она закрывает ему глаза, как будто он не сможет увидеть своего мертвого отца во тьме.

Вместе они плачут в постели, их последняя борьба завершена.

Орион

Орион

18:56

За последнюю ночь моя жизнь изменилась.

За последнюю ночь моя жизнь также могла бы завершиться.

У меня был сердечный приступ в Таймс-сквер, и я находился на заднем сиденье такси, прижатый между Далмой и Валентино, когда они торопились отвезти меня в больницу. Теперь мы снова направляемся в ту же самую больницу, только на этот раз пытаемся поддержать Валентино, пытаемся спасти его. У него есть шанс, я знаю это, особенно с учетом быстрой поездки до больницы Ленокс Хилл, даже если эти три минуты кажутся самыми долгими тремя минутами в истории трех минут. Мы не теряем времени, везем Валентино внутрь, бросив машину, которой может заняться Даяна, когда она приедет на своей машине с Дальей. Мне слишком плохо, чтобы помочь нести Валентино, но Флойд справляется с этой задачей, пока Далма бежит вперед, чтобы предупредить доктора Эметерио о нашем прибытии.

Доктор Эметерио появляется с командой, удивленная, увидев Валентино в таком состоянии, когда мы все надеялись на более мирное завершение. Она направляет медсестер, чтобы поспешили с Валентино. Они собираются попробовать спасти его жизнь, как она и говорила, но если им не удастся, мне лучше быть готовым к операции. У меня был весь день, чтобы готовиться к этому, но теперь, когда все происходит очень быстро и настоящее, я не готов. Отдел Смерти должны были устранить эти страхи, но они ошиблись, и теперь я не знаю, предназначено ли нам умереть в конце. Меня ведут в отделение скорой помощи. Флойд командует моими медсестрами, чтобы убедиться, что у меня нет кровотечения; я могу сказать, что Флойд неофициально готовит меня к операции, которую мы так долго хотели.

Я говорю, что мое сердце в порядке, несмотря на то, что внутри меня я чувствую себя мертвым.

Люди клянутся, что собираются жить идеальной жизнью, когда у них есть возможность сказать все, что им нужно сказать, но правда в том, что смерть быстрее вас.

Даже когда вас предупреждают.

Есть вещи, которые я никогда не смог рассказать Валентино, и вещи, которые он никогда не смог рассказать мне.

Целые жизни историй, которые мы никогда не смогли разделить друг с другом.

Целые жизни, которые нам не удалось прожить вместе. Я произношу имя его сестры, человека, который действительно мог провести с ним всю его жизнь, но она не будет здесь, чтобы поддержать его в его смерти.

"Мне нужно позвонить Скарлетт," я говорю.

Я вытаскиваю телефон из кармана, и экран разбит.

Я знаю почему.

Конец начался, когда тот чёртов ублюдок пнул Валентино вниз по лестнице. Я не знаю, что случилось с теми пулями, но вы меня не застанете в горе, если он мертв. Скатертью вам дорога, мне на это пофиг. Неважно сколько жизни мне дано из-за его убийства, я никогда не буду благодарен за то, как он поступил с Валентино.

Я звоню Скарлетт.

"Наконец-то, Вал," она говорит с полным облегчением и уверенностью в том, что на линии её брат.

"Это Орион," я говорю слабо.

"Оу."

Мое молчание говорит сильнее меня.

Скарлетт вздыхает. "Могу ли я поговорить с моим братом?"

"Он сейчас находится под медицинским наблюдением. Он жив, но... это выглядит не очень хорошо, Скарлетт."

На её стороне нет молчания, только мучительные крики. "Что случилось?"

Я не видел всего, но рассказываю ей все, что знаю. Далма остается рядом,

когда я продолжаю рассказывать эту историю. Даяна и Далья находят нас, и Флойд крепко обнимает их.

"Валентино был героем", говорю я. Я останавливаюсь, прежде чем сказать, что он умер как герой.

Я остаюсь на линии, и мы плачем вместе.

Когда открывается дверь, я надеюсь на чудо. Но Валентино не входит в комнату снова, с кровью возвращенной в его тело или со всеми его порезами и синяками, как будто их фотошопом убрали. Это доктор Эметерио, и она разговаривает с Флойдом и Даяной, периодически взглядывая на меня. Я хочу взяться за руку Далмы, чтобы обнаружить, что она уже держит мою. Я сжимаю так крепко, что мог бы раздробить её кости и свой телефон.

"Валентино в порядке?" я спрашиваю.

Скарлетт сдерживает свои слёзы, тоже ждет ответа.

Лицо доктора Эметерио — это один большой спойлер. "У Валентино есть признаки клинической смерти мозга."

Это словно я снова падаю по лестнице, меня выбивает из сил, всё болит так сильно, что я готов потерять сознание. Она говорит о его уровне кислорода и о том, что ему поставят искусственное дыхание и обо всех остальных вещах, которые я не могу обработать, потому что мозг Валентино выключается, то есть практически он мертв.

"Ты готов принять сердце Валентино, Орион?" - спрашивает доктор Эметерио.

Я так сбит с толку, что чувствую себя недостойным этого. Или даже виноватым, потому что звёзды всегда выстраивались так, что он умрёт, чтобы я мог жить.

"Орион?" - через телефон зовет меня Скарлетт. "Ты не допустишь, чтобы сердце моего брата пропало даром, правда?"

Её вопрос звучит двусмысленно: я не должен отклонить трансплантат, и мне нужно использовать его на благо, как только он успешно вставит мне его.

Я не отклоню и да, я это сделаю.

Это то, что хотел Валентино, и это то, что я тоже хочу.

"Я собираюсь жить", - клянусь я, хотя Отдел Смерти может ошибаться на счет меня.

Потом конец начинается так быстро.

Меня быстро переносят в другую комнату, и когда меня готовят к операции, я думаю о том, что пора бы уже попрощаться с моим сердцем, тем, которое дали мне мои родители. Оно всегда должно было быть со мной, но теперь это похоже на то, что кто-то говорит мне, что моя тень перестанет следовать за мной повсюду. Моя жизнь сейчас резко изменится из-за внезапной смерти, и это при условии, что я не умру тоже.

У меня есть минута с командой Янг перед

«тем, как доктор Эметерио захочет меня усыпить, и нет времени рассказать всем всё, что я мог бы сказать им, и всё, что я хочу для них, поэтому я говорю только: "Спасибо, что заставили меня чувствовать себя одним из вас." Я мог бы жить в этом объятии вечно.

Но я не могу.

У меня есть ещё одна остановка, прежде чем мы начнем.

"Мне нужно увидеть Валентино первым."

С этим не поспоришь.

Меня приводят в операционную, где Валентино лежит на кровати, его лицо всё ещё бито.

Я приближаюсь и шепчу слова, которые я должен был сказать, когда знал, что он мог меня слышать, а затем целую его в последний раз.

Затем меня уносят на операционный стол.

Если всё пройдет хорошо, Валентино будет жить во мне до конца моих дней.

Но я не знаю, как всё это закончится.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

Начало

Я всегда любил выражение "Уйди со старым, приди с новым." Оно имеет значение для каждого человека. Это может относиться к чему угодно. К любовнику, органу. Даже к образу жизни - образу смерти. Что оно означает для вас?

—*Хоакин Роза, создатель Отдела Смерти»*

Орион

1 августа 2010 года

Орион

01:19

Отдел Смерти , вероятно, больше не работает, но если они все еще существуют, то они, возможно, скоро позвонят, потому что у меня есть дыра в груди.

Метафорическая дыра, но она так же болит.

Я также не могу ответить на звонки, потому что у меня в горле трубка.

Я такой слабый, ослабленный после этой операции. Но анестезия помогает только с физической болью. Она ничего не делает с разбитым сердцем.

Даже тогда, когда они вставляют сердце вашего парня в вас.

Далма Янг

Далма Янг

01:23

Отдел Смерти мог бы позвонить Далме Янг, чтобы сказать ей, что сегодня она умрет, и она может только надеяться, что она проживет день такой же волшебный, какой был у Ориона с Валентино.

Доктор Эметерио сообщает семье, что операция Ориона прошла успешно, но празднование ограничено. Это победа, которая пришла с разрушительной утратой.

Далма крепко обнимает свою мать, плача от мысли о том, сколько лет она проведет вместе с Орионом. Она может безопасно представить себе, как они будут бухать вместе на свои двадцатилетия, как их матери, как они будут болеть за друг друга на выпускных, как они будут произносить речи на свадьбах друг друга и все остальное, что предшествует и следует за этим. Конечно, жизнь никогда не гарантирована, независимо от вашего здоровья. Эту урок они усвоили, узнав об родителях Ориона и теперь о Валентино. И даже с новым сердцем Ориону не обещаны те же шансы, что и тем, кто не пережил трансплантацию.

Но Далма может надеяться и мечтать об этом. И, самое главное, она может убедиться, что время никогда не бывает само собой разумеющимся.

"Мы можем увидеть О-Бро-Ориона?" - спрашивает Далма, вытирая слезы.

"Скоро", - говорит доктор Эметерио.

"Спасибо за всё, доктор", - говорит Дайяна. - "Вы не представляете, насколько это значит..."

"Я только жалею, что не смогла спасти их обоих."

До этого момента смерть Валентино еще не была официально подтверждена вслух.

"Мы будем молиться за его душу и его семью", - говорит Дайяна.

"Только сестру", - говорит Далма.

Родители Валентино могут молиться сами за себя. Затем Дайяна ведет семью в молитве, передавая благословения душе Валентино, силу Скарлетт и много любви и света им обоим.

Когда они заканчивают, Далма находит номер Скарлетт в своем телефоне, сохраненный с прошлой ночи, когда Валентино впервые ей позвонил.

По какой-то причине ей кажется, что она сейчас сотрудник Отдела Смерти, совершая этот звонок.

Скарлетт Принц

Скарлетт Принц

22:29 (по местному времени)

Телефон Скарлетт звонит, и она знает, что это не ее брат. Она всегда открыта для чуда, но не ждет его. Скорее всего, это авиакомпания, звонящая по поводу ее чемоданов, как будто ей важно, где ее одежда и фотооборудование после того, как она потеряла свою вторую половину. Но это не так. Сначала она не узнает имя Далмы, но затем быстро вспоминает, что это подруга Ориона - и один из последних, кто видел ее брата живым.

Ей не стоит беспокоиться о том, как выглядеть. "Привет."

"Привет, Скарлетт. Это Далма Янг, я - подруга Ориона".

"Я знаю". Скарлетт почти спрашивает, что случилось, как будто это не ясно.

"Верно. Я думаю, что доктор сейчас позвонит вам, но..."

"Мой брат мертв", - говорит Скарлетт. Ей бы приветствовалась новость о том, что Валентино находится в глубокой коме, лишь бы это означало, что он все еще жив, но она не задерживает дыхание.

"Мне так жаль, Скарлетт".

Ей не нравится каждое побуждение бежать из своей спальни, чтобы пойти поплакать в объятия своих родителей. Если они не могли правильно относиться к Валентино при жизни, им не следует иметь право горевать по нему или утешать ее. Но Скарлетт не может отрицать, что побуждение действительно существует, потому что именно так она себя чувствует сейчас. Валентино больше не рядом - не жив, чтобы обнять ее.

Одиночество становится основой того, чтобы стать единственным ребенком.

Скарлетт чувствует пустоту... можно ли чувствовать пустоту?

Ей хочется постучать в дверь спальни Валентино и узнать, что он думает.

"Могу ли я что-нибудь сделать для тебя?" - спрашивает Далма.

Скарлетт забыла, что она на телефоне. "Скажи мне, что все остальное прошло хорошо".

"Все прошло хорошо", - говорит Далма, ее голос пропитан чувством вины.

То, что пошло не так с братом Скарлетт, пошло правильно с другом Далмы.

"Хорошо", - говорит Скарлетт. Вот что хотел Валентино. "У вас есть его камера?"

"Да. Вы все равно собираетесь в Нью-Йорк? Если нет, я могу отправить вам ее по почте вместе со всем остальным, что у него есть в квартире".

Скарлетт не может представить себе быть в Нью-Йорке без Валентино. "Там будет слишком одиноко".

"Нет, не будет," - говорит Далма. "Мы не знаем друг друга, но Орион и Валентино показали мне, что это не имеет значения. Если ты приедешь сюда, ты никогда не будешь одинока. Моя семья - ваша семья".

Эти слова кажутся красивыми, чем-то, что говорят, чтобы утешить кого-то, потерявшего близкого человека. Но Скарлетт решает довериться этому незнакомцу. Валентино поступил так же, и все сработало так, как нужно.

К тому же, она не видит себя оставаясь в этом проклятом доме со своими родителями, которые прогнали Валентино.

Она собирается поехать в Нью-Йорк, чтобы почтить дух Валентино, не рассматривая его как город, где он умер, а вместо этого помня его как новый дом, где он жил.

В ее пустой груди зажигается мерцающий огонь, как надежда, разгорающаяся внутри, как огонь феникса, который воскреснет.

Ее жизнь меняется - уже изменилась - и ей понадобится свежий старт, чтобы справиться со своей скорбью, чтобы полностью представить себе будущее без своего близнеца. Но она никогда его не забудет.

Скарлетт не обязана нести сердце своего брата за него, чтобы он навсегда жил у нее внутри.

Глория Дарио

Глория Дарио

03:04

Отдел Смерти не звонил Глории Дарио, потому что она не умирает сегодня, но Глория, безусловно, чувствует себя мертвой внутри.

Никогда в жизни Глория не предполагала, что первый День Конца разовьется с умиранием ее мужа - с убийством ее сыном.

Что сбивает с толку, так это то, что Отдел Смерти даже не позвонил Фрэнки. Да, Глория зарегистрировала Фрэнки на этой услуге за его спиной, но в телефонной книге все равно указан его номер телефона. Почему не позвонили с Отдела Смерти? Будут ли такие ошибки устранены в будущем? Но может быть, если бы Отдел Смерти позвонил, Фрэнки все равно убил бы Глорию от бешенства. Он почти сделал это сегодня вечером.

Она жива лишь благодаря ее сыну, но ценой его собственной жизни, его собственного будущего.

В полицейском участке Глория держит Пазито близко к себе.

Хотя это был акт самообороны, Глория начинает понимать, что все не так просто. Будут расследования и допросы, и идея того, что кто-то увидит ее замечательного сына как нечто иное, разрывает ей сердце. А если суд попытается забрать Пазито? Все из-за того, что он хотел спасти ее жизнь? Роландо уверяет ее, что это не произойдет из-за задокументированной истории Фрэнки как злоумышленника, и Глория отчаянно хочет в это верить, но когда судебная система когда-либо была справедливой? Даже если Пазито не проведет время в тюрьме, что это сделает с его душой?

"Миссис Дарио?"

Глория смотрит на офицера. "Мисс Медина".

Она восстанавливает свое девичье имя, никогда не принимая имя другого мужчины, даже такого, который любит ее всем сердцем. Глория должна

быть сначала самой собой, и только она может определить, что это значит.

"Миссис Медина, можно поговорить с Пазито наедине? Мы были бы признательны за его сотрудничество, но понимаем, если вы хотите подождать адвоката".

Глория знает, что нет смысла бороться, и у них нет ничего, чтобы скрывать. Она поднимает подбородок Пазито пальцем. Он смотрит на нее с ужасом в глазах.

"Они просто хотят поговорить, Пазито. Не лги".

"Не буду, мама."

Вместо того чтобы упрекать себя во всем, что Глория верит, что она могла бы сделать, чтобы избежать этого момента, она крепко обнимает своего сына. Они могут двигаться только вперед, и если все пойдет хорошо, они смогут разобраться вместе. И если Глория сможет найти место в своей голове и сердце, она сможет пригласить Роландо. Это не решение, которое можно принимать легкомысленно, особенно учитывая, что ее последнее большое импульсивное решение привело к смерти ее мужа, мужа, которого она не ожидает, что когда-либо будет скорбеть. Но кто знает. Горе странное, и оно может заставить вас скучать по тому, кто никогда не был хорош для вас.

Пазито влетает вместе с офицером, не переставая оглядываться через плечо.

Глория сдерживает слезы до тех пор, пока ее сын не исчезает в комнате для допроса, и в момент, когда дверь закрывается, она всхлипывает.

"С ним все будет в порядке", - говорит Роландо.

Вместо того чтобы упрекать его за то, что он побудил ее идти за своим сердцем, она верит ему.

Предстоят тяжелые времена, но она выбирает сосредоточиться на горизонте, на моменте, когда солнце взойдет и осветит все места, где нужно питание, и Глория Медина будет продолжать расти и расти.

Орион

3 августа 2010 года

Орион

14:04

Отдел Смерти не звонил ни прошлой ночью, ни позапрошлой.

Я начинаю верить, что операция прошла успешно.

Что я буду жить.

Трубку наконец-то вытащили из моего горла, и я могу дышать самостоятельно. Инфузионные системы уберут позже. Эти машины, следящие за мной, будут использоваться на кого-то другого. Мне кажется, что сегодня ночью я буду достаточно хорошо, чтобы перевестись из реанимации в другое отделение для специализированного сердечного ухода. Если все пойдет хорошо там, я могу скоро вернуться домой. Мне трудно представить, сколько времени я провел в больницах, и как только я выйду в этот раз, это может быть последним разом на долгое время. Возможно, не навсегда, но мои шансы намного лучше, чем когда-либо раньше.

Последние три дня я был в некоторой немой спячке, но теперь я проснулся, нахожусь в курсе всего, что я пропустил. Во-первых, Фрэнки был убит своим сыном. Этот парень, который приветствовал Валентино в здании. Как и где он достал пистолет, мне непонятно, но он нажал на курок дважды, чтобы остановить своего отца, который пытался убить его мать. Теперь это большая новостная история, и ведется расследование. Парень, Паз, рассказал полиции, как его мать выглядела так, будто она собиралась умереть, даже несмотря на то, что Отдел смерти ей не звонил, поэтому он хотел спасти ей жизнь. Трудно поверить, что это защитит его, особенно после крупной ошибки Отдела Смерти.

Вот еще одна огромная новость.

Хоакин Роса провел пресс-конференцию, на которой он поделился открытыми данными Отдела Смерти. Они имели идеальный процент

предсказаний, но не справились с контактом с двенадцатью Декеров, включая Фрэнки. Он сказал, что будут мучаться всю оставшуюся жизнь из-за этих потерь и сделал все возможное, чтобы больше такого не повторилось. Кажется, люди верят в это, особенно учитывая, что пока я восстанавливалась после операции, не было больше крупных ошибок. Программа Отдела Смерти будет расти и расти, возможно, даже станет глобальной. Этот сервис может по-прежнему пугать некоторых людей, но я уверен, что могу изменить мнение любого, поделившись историей Валентино.

Дни Конца принесли немало ужасов, но если вы решите жить, они могут быть также прекрасными.

Далма Янг

Далма Янг

16:44

Отдел Смерти не звонил Далме Янг, потому что она сегодня не умирает, но ее идея, способная изменить игру, наконец, родилась.

"Наконец, я знаю, какое приложение я хочу создать", - говорит Далма, находясь в одиночестве с Орионом в его больничной палате.

"О, действительно?" - тихо спрашивает Орион.

Судя по интонации, ему не интересно, но Далма знает, что он просто не присутствует умственно. Этот горе отличается от потери ребенка своих родителей. Тогда Орион кричал постоянно и каждый раз, когда он просыпался, был в недоумении. Далма могла с ним сопереживать, но она не знает, как это - потерять друга. Или любимого человека. Но теперь она видит силу нахождения людей до того, как станет слишком поздно.

"Ты и Валентино изменили друг друга, даже несмотря на то, что провели вместе всего один день. Ты дал ему покой перед его смертью, и он останется с тобой на всю оставшуюся жизнь", - говорит Далма, думая больше о следе Валентино на душе Ориона, чем о новом сердце в его груди, но и это тоже. "Я думаю, что могу создать приложение, которое обеспечит, чтобы никто не умирал одиноким".

"Как это будет работать?"

"Каждый будет создавать профиль в приложении, чтобы найти свой идеальный матч, но я не думаю, что это должен быть случайный выбор. Это личное, и Декер должен выбирать, кого он пригласит в свою жизнь, особенно когда времени так мало. Я могу даже создать возможность для Декеров объединяться. Затем тот, кому посчастливилось быть выбранным, чтобы составить компанию Декеру, будет помогать ему как только сможет. Это может быть просто спутничество, пока они приводят свои дела в порядок. Это может быть поддержка Декера в желании прожить жизнь на их последний день".

В глазах Ориона мелькнула жизнь, почти как вся пленка его времени с Валентино разворачивается в его голове. "Это изменит жизнь многих людей, Далма".

"Я надеюсь".

Далма не уверена, что Орион когда-либо будет использовать приложение. Сложно представить на этом этапе. Он сильный, но может ли его новое сердце вынести еще одну потерю? Время ответит на этот вопрос, когда придет время.

"Ты уже знаешь, как назвать его?" - спрашивает Орион.

Имя пришло к Далме, как молния. Приложение "Последний Друг".

Орион

Орион

16:54.

Я был Последним Другом Валентино.

Приложение Далмы создаст невероятные связи, но это двуручный меч, которым не могут управлять слабовольные. Последний Друг должен понимать, что не только Декер умрет, но и он может стать свидетелем смерти. Это действительно травматично. Но не все шрамы плохие. Я смотрю на шрам на своей груди.

Шрам, который говорит, что я был больше, чем просто Последним Другом Валентино.

17:17.

"Когда он умер? Во сколько?"

Точно так же, как я хочу знать все о жизни Валентино, так же и о его смерти.

Доктор Эметерио перестает изучать мои карты и достает свой блокнот.
"Валентино ушел в 21:11".

Девять.

Одиннадцать.

Только что я подумал, что эти числа не могут стать более мистическими.

18:17.

"У вас есть гость," говорит Далма, стоя в дверях моей новой комнаты.

Похоже, мой гость не из семьи. "Кто это? "

"Скарлетт."

Мое сердце - сердце Валентино - бьется сильнее от волнения.

"Вы хотите, чтобы к вам кто-то пришел?" - спрашивает Далма.

Нет, но отказывать нельзя. Не сестре парня, который подарил мне свое сердце.

Хорошо, что я не был удивлен приходом Скарлетт, потому что она больше похожа на Валентино, чем я ожидал. Ее энергия совпадает с его энергией на тот момент, когда Валентино и я впервые оказались в больнице прошлой ночью, то есть другой ночью, время странная штука. Валентино пытался принять свою судьбу, и теперь Скарлетт делает то же самое. Это займет много времени. Ее волосы собраны в хвост, на лице нет макияжа, и она бледнее, чем казалась на FaceTime.

"Я оставлю вас наедине", - говорит Далма, закрывая дверь за собой.

Я пытаюсь встать, но у меня пока нет на это сил. "Привет. Когда ты приехала?"

Скарлетт не говорит ничего долго. Затем, когда она наконец заговорила, она даже не отвечает на вопрос. Она только говорит: "Спасибо".

"О, не благодари меня за это. Здесь герой - твой брат".

Я не исправляю себя, описывая Валентино в прошедшем времени.

"Ты была рядом с Валом, когда меня не было", - говорит Скарлетт, когда тащит стул к моей постели и садится. Она достает камеру Валентино из своей сумки. "Валентино сказал, что идея с этой камерой была твоя".

"Ему заслужил быть видимым. Мне жаль, что тебе не удалось самой запечатлеть воспоминания".

"Я бы об этом очень хотела. Я чувствую себя ограбленной[1]".

"Тебя ограбили".

Он был моделью, она была фотографом - две половины одной монеты, делающие друг друга прекрасными.

"Спасибо за документирование его последнего дня", - Скарлетт включает камеру, и на секунду мне страшно, что она не будет работать, как будто она могла бы получить те же повреждения, что и мой телефон. Она пролистывает назад к началу галереи. "Вы можете провести меня по

дорожке памяти?"

Мне не хватает сердца - *да, да, да, я знаю, дайте мне жить своей жизнью* - чтобы пройти через снимки самому. Это должно было быть одной из последних вещей, которые я сделал бы с Валентино. Вместо этого я буду идти по этой дорожке памяти с его сестрой, ни в чем не жалея.

Это будет первый из многих раз, когда я почитаю Валентино.

Хоакин Роза

6 августа 2010 года

Хоакин Роза

02:07

Отдел Смерти не позвонил Хоакину Розе, потому что его день смерти не наступил. То же самое касается и его компании.

То, что некоторые считали экспериментом, обреченным на провал с самого начала, признано успешной программой.

В прошлой неделе произошли изменения: внутренние авиалинии координируют все рейсы так, чтобы они не вылетали, пока не будет разрешено состояние их пилотов, с надеждой распространить эти меры и на пассажиров; полицейские и детективы хотят сотрудничать с Отделом Смерти в своих расследованиях, таких как случаи пропажи людей, чтобы сохранить свои ресурсы, если пропавший человек не может быть спасен; ученые готовят клинические исследования для тестирования на Деккерах с выплатой семье умершего или благотворительности по их выбору; военные усиливают давление, чтобы ограничить Отдел Смерти только в пределах Соединенных Штатов, но Хоакин действительно будет расширять программу на все другие заинтересованные страны, потому что он не хочет, чтобы Отдел Смерти использовалась как оружие, он хочет, чтобы она была спасителем для всех в мире; и, что самое важное, врачи выступают за обновление практики в отношении своих пациентов, особенно после того, как смерть одного Деккера в первый день Отдела Смерти привела к спасению другого человека благодаря пересадке сердца.

Это не был просто какой-то Деккер.

Это был Валентино Принц, первый Деккер, которого Хоакин вызвал, когда Отдел Смерти начало работать.

Конечно, не все идет гладко. Несмотря на рекордное количество новых подписчиков после первой ночи, опросы по-прежнему показывают, что миллионы людей чувствуют себя не комфортно. Некоторые даже верят,

что Отдел Смерти лично нанял убийцу в маске черепа, чтобы организовать атаку на Таймс-сквер, как будто программа нуждается в продаже страха, чтобы сделать свой сервис успешным. Хоакин не имеет никакого отношения к этому убийце - или к любому из других агрессоров, носящих маски черепа, которые нанесли хаос в эту ночь, вызвав хаос, - и хотя убийца был ответственен за первую зарегистрированную смерть в ночь начала, Хоакин боится, что это не последний случай атаки в знак протеста. К сожалению, у Хоакина до сих пор нет волшебного хрустального шара, чтобы предсказать такие вещи, поэтому тайна живет дальше.

Как и Отдел Смерти.

Существует трагическая ирония в том, что вся работа, которую Хоакин сделал, чтобы заставить других людей жить своей жизнью, лишила его возможности наслаждаться собой. Он мог видеть свою жену и сына только за ужином, который фактически является его завтраком, так как он проводит большую часть дня, спя или занятый многочисленными звонками. Хоакин просто не может позволить себе не быть в штаб-квартире после катастрофического открытия первого дня, когда двенадцать зарегистрированных Деккеров погибли без предупреждения. Призраки пройдут мимо, Хоакин отодвигает на сторону все нарастающие бумажные работы и выходит из своего офиса. Ему нужно увидеть, что, хотя ему не дано пойти, двери открываются для других.

Хоакин стоит в центре звонков, где его глашатаи выполняют его жизненную миссию.

Было так много разбитых сердец и потерь по всему миру, и в мире Хоакина, чтобы дойти до этой точки. Достичь этих поразительных новых высот с видом, которого никто в здравом уме никогда не мог представить как реальность.

Пока Отдел Смерти может только сказать кому-то, когда он умрет, он не может предсказать, как изменится жизнь человека в его последний день. Деккер должен сделать эти открытия самостоятельно, живя полной жизнью, до последнего удара сердца.

Орион

7 августа 2010 года

Орион

11:17

Отдел Смерти не звонил, потому что Валентино Принц спас мне жизнь.

Наконец-то я вернулся домой, готовясь к первой ночи в своей постели с тех пор, как разделял ее с ним. Это одно из тех "первых", которые были одновременно и "последними", и я люблю это и ненавижу. К счастью, я не буду один. Далма и Скарлетт собираются ночевать со мной в спальных мешках.

Новая семья - это не все, что Валентино оставил позади.

По приезде домой Скарлетт удивила меня фотоальбомом, содержащим все наши фотографии из памяти. Я уже видел их, просматривая их вместе с ней в больнице, рассказывая Скарлетт все истории из его последнего дня, но теперь у меня есть своя коллекция, которую я могу держать близко к сердцу, так как Скарлетт оставила себе камеру своего брата. Мне нравятся все наши фотографии вместе, особенно те, что сделаны на High Line и Таймс-сквере, нашем самом первом и самом последнем местах.

Так много жизни произошло между ними.

Я смотрю на фотографии Валентино, гуляющего по подземной дорожке метро. Мне хочется отправить их его агенту, чтобы она знала, что мир упустил, не поверив в Отделу Смерти, но она не заслуживает увидеть его во всей его славе.

Даже после смерти я по-прежнему защищаю Валентино.

На дверь моей комнаты раздаётся стук в тысячный раз за час, который я провел дома.

"Да?"

"Это я", - говорит Далма с другой стороны.

"И я тоже", - говорит Скарлетт.

На самом деле я не в настроении для компании, просто потому что. Мне предупредили, что настроение и депрессия - побочные эффекты сердечной операции, как будто это то, что меня подавляет. Я хочу быть наедине до вечера, просто отдыхая в постели перед плохим телевизором и моим фотоальбомом. Позже, когда я не смогу спать, мне понадобится больше всего компания.

"Что случилось?"

"У меня есть кое-что для тебя," говорит Скарлетт.

"Что-то еще?"

Может быть, это еще одна одежда Валентино, которую я могу вдыхать, или его туалетная вода.

"Можем мы зайти?" - спрашивает Далма. - "Мы будем быстрыми."

Я сдаюсь. "Да."

Далма и Скарлетт входят в мою комнату. У Скарлетт закрыта в кулак рука, но я готов поспорить, что то, что она принесла мне, не удар в лицо. Я не знаю, что это, может быть, это что-то от Валентино, с чем она готова расстаться и считает, что мне понравится. Может быть, это фотокопия его свидетельства о смерти, что может показаться мрачным, но я положу это в свой сундук с сокровищами наряду с новостной статьей о всем, что произошло в его доме, и всей информацией о событиях 11 сентября, которую я собирал много лет.

"Итак, что это такое?" - спрашиваю я.

Я не пытаюсь быть грубым, но я чувствую боль и нахожусь в глубокой депрессии, даже несмотря на то, что сердце Валентино держит меня на плаву.

"На камере было что-то еще", - говорит Скарлетт.

"Видео, которое он записал для тебя", - говорю я.

Она кивает. "Это всего четыре минуты и тридцать две секунды, но мне понадобилось несколько дней, прежде чем я набралась смелости посмотреть его до конца. Это просто слишком больно. Я никогда не знала жизни без него, и... Валентино, возможно, был первым, кто пришел и

ушел, но его последние слова были замечательными. Это помогает."

Я не знаю, что Валентино сказал Скарлетт. Это не мое дело и никогда не будет, пока она сама не решит поговорить об этом, вместо того чтобы держать это в себе.

"Но в конце было еще одно видео", - говорит Скарлетт. - "Сначала я подумала, что оно для меня, но потом Валентино сказал твое имя."

Мое старое сердце бы остановилось мертвым.

Мое новое сердце начинает оживать.

Может быть, слишком быстро, но я остаюсь сильным.

"Он записал видео для меня?" - спрашиваю я.

Скарлетт кивает. "Я не смотрела его. Конечно, нет. Я обнаружила его только прошлой ночью, но я хотела подождать, пока ты вернешься домой и устроишься, прежде чем поделиться."

"Но что, если бы я умер до этого..."

Изумленный взгляд Далмы заставляет меня замолчать.

Если бы существовала возможность того, что я умру, не посмотрев видео Валентино, Отдел Смерти дал бы нам об этом знать.

"Моя вина."

"Это новый мир," говорит Далма.

"Нам потребуется время, чтобы к этому привыкнуть," говорит Скарлетт.

Во многих отношениях.

Скарлетт открывает кулак и показывает USB-флешку. У меня уже есть своя, которую я использовал для домашних заданий в прошлом и для резервного копирования своих рассказов на случай поломки ноутбука. Но внутри этой небольшой флешки находится видео, на котором Валентино произносит мое имя. Возможно, там есть еще что-то, и если нет, то и этого будет достаточно.

"Спасибо," говорю я.

Скарлетт улыбается. "И тебе спасибо."

Я почти хотел спросить, за что она меня благодарит, но очевидно, за что.

За все.

"Ты хочешь посмотреть это сейчас?" - спрашивает Далма.

"Конечно."

Вся моя жизнь не была проведена с Валентино, даже целый день. Мне нужно больше сейчас.

Далма ставит мой ноутбук на кровать, чтобы он заряжался и оставался включенным. "Я люблю тебя, О-Бро."

"И я тебя тоже, сестрёнка."

Это первый раз, когда я называю ее своей сестрой, и не в том смысле, что она почти как сестра.

Далма сжимает мою руку, прежде чем уйти из комнаты вместе с Скарлетт.

Я вставляю USB-флешку в ноутбук, который я буду использовать для написания рассказов о Валентино.

Чтобы запечатлеть его.

Пока что я нажимаю на файл с названием "Валентино для Ориона".

И вот он, застывший, в моей комнате, за моим столом, словно он находится в трех футах от меня и в то же время недоступен во всех отношениях.

Я нажимаю "Play" на видео, и Валентино Принц воскрешает.

"Привет, Орион."

Его голубые глаза, мое имя, летящее из его губ в форме сердца, его растрепанные волосы после нашей ночи...

Если бы не Отдел Смерти, я бы поставил ставку на то, что это видео убьет меня. Но знание того, что я останусь жив, дает мне силу смотреть это сейчас, чтобы хотеть смотреть это вечно, в бесконечном цикле.

Оно не убьет меня. Но оно может вылечить меня.

"У меня не так уж и много времени", говорит Валентино - говорил. "И не только потому, что это мой последний день. Это очевидно. Но ты в душе после нашей невероятной первой ночи вместе, и мне страшно, что ты

можешь вернуться в любую секунду. Я только что закончил съемки моего видео для Скарлетт, и все так неопределенно, и я хотел высказать некоторые вещи, на случай если моя смерть застанет меня врасплох."

К счастью, у него было такое предвидение. Но мне не хочется думать о покалеченном и обосранном Валентино после той смертельной падуни по лестнице. Я хочу помнить его таким, каким он был весь день своего последнего дня. Улыбчивым, красивым, полным жизни.

"Я не могу себе представить, что бы я делал без тебя", сказал Валентино. "Может показаться странным, потому что я прожил целую жизнь до тебя, но, даже если я не знал тебя, я знаю, что ты - тот человек, которого я надеялся найти. Легко говорить, что время было плохим, но оно могло быть намного хуже, верно? Я мог бы никогда не узнать тебя, Орион."

Глаза Валентино наполнились слезами, словно эта мысль слишком жестока.

Я на миллиард процентов согласен с ним.

"Одним из недостатков жизни, Орион, является вызов жить без меня", продолжил Валентино, затем поморщился. "Извини. Звучит, как будто я слишком важен. Ты рассказал мне, как тебя влияет горе, и я не нахожусь в одной лиге с твоими родителями, но я знаю, что я был тоже не никто. Я не хочу, чтобы ты угодил в черную дыру или думал, что ты должен. Я хочу, чтобы ты находил свет даже в те дни, которые кажутся такими темными и..."

Затем дверь открылась, потому что я перебил его, Орион в прошлом. Камера все еще была направлена на Валентино - я даже не мог видеть прошлого Ориона, которого я лично знаю, что он стоит у двери, надетый только в полотенце, потому что это был я - и больно пересматривать страх в глазах Валентино, словно что-то ужасное должно было случиться.

"Что происходит?" - спросил Валентино, поднимаясь из-за стола.

"Ничего, ничего," - сказал Паст Орион. "Я хотел удостовериться, что ты в порядке. У меня было плохое предчувствие... Я волновался."

Затем облегчение охватило Валентино, когда он снова сел и вздохнул.

"Я в порядке. Я просто записываю сообщение для Скарлетт. Что-то, что она сможет иметь после того, как я... Ты не против, если я закончу? Мне

нужна минута."

"Не торопись... И не умирай... Ты знаешь, что я имею в виду!"

Прошлый Орион ушел, и Валентино улыбнулся в камеру.

"Извини, что я солгал тебе," - сказал он с ухмылкой. "Надеюсь, ты поймешь... Если мне когда-либо придется солгать кому-то, я надеюсь, что это будет так же очаровательно, как это."

"О чем я говорил?" - Валентино поднял глаза, как будто его слова были написаны на потолке, подготовленная речь. "Пожалуйста, не позволяй горю победить тебя. Не жди своего последнего дня, чтобы жить так, как мы жили вместе. Если у тебя плохой день, может быть, ты можешь сделать одолжение мне и пойти побегать. Это то, что бы я сделал. Честно говоря, я делал это очень часто". Он замолчал, как будто ушел в себя. Но затем он снова нашел себя и улыбнулся. "Я хочу, чтобы ты открыл для себя больше в своем городе, и я хочу, чтобы ты был достаточно смелым, чтобы сделать первый шаг снова, когда кто-то попадется на твои глаза, Орион. Пожалуйста, не отказывай себе в этом из-за страха потерять кого-то снова или из-за чувства вины, потому что ты живешь, а я нет."

Валентино приблизился к камере настолько близко, что это, казалось, словно он находится в дыхании от нее.

"Прежде чем Отдел Смерти позвонил, ты сказал мне правду о горе. Как долго ты будешь существовать и дышать, и ты в конечном итоге снова начнешь жить. Тебе нужно жить, Орион." Валентино постучал по своей груди. "Это сердце не мое и не твое. Это наше сердце. Я люблю тебя, Орион. Живи за нас обоих."

Видео заканчивается здесь, но мои слезы только начинаются.

Валентино Принц любил меня - и я имею возможность услышать, как он это говорит, на протяжении всей своей жизни, даже если это всего лишь один раз, отголоском вечности.

Я больше не короткий рассказ. Теперь я роман.

И, что еще лучше, я - это работа в процессе.

У меня есть все эти новые пустые страницы, и я собираюсь прожить такую жизнь, которую стоит описать.

Валентино назвал меня своим сокапитаном в его последний день, и я буду относиться к нему, как к своему соавтору в своей жизни.

Я буду открывать для себя больше первых раз и никогда не буду останавливаться, создавая те моменты.

Я буду бегать по городу, как будто я все еще его личным гидом.

Я напишу эпическую историю о бессмертном персонаже по имени Вале.

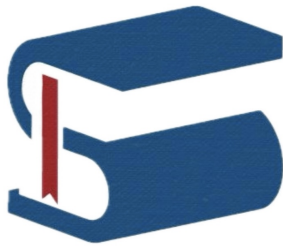
И, возможно, я даже влюблюсь снова, и я удостоверюсь, что говорю это, прежде чем станет слишком поздно.

Это начало многих еще первых раз.

Я держу свои любимые фотографии ВалентинОриона у *своего сердца*.

Его сердца.

Нашего сердца.

SECRET.BOOKS.CLUB